

Annotation

Связываться с женщинами – себе дороже! Особенно если это дипломированная ведьма, разъезжающая по белорусским лесам и весям в поисках работы, а пуще того – приключений. Но и от Василисы Премудрой ничего хорошего ждать нельзя! И будь ты хоть сам Кощей, брать ее в жены категорически не рекомендуется, иначе горько пожалеешь о своем бессмертии!

В общем, спасайтесь, кто может! В противном случае вы рискуете умереть... от смеха

- [Ольга Громько](#)
    - [Цикл «Ведьмины байки»](#)
      - [ПИВОВОЙ](#)
      - [ХОЗЯИН](#)
      - [УМЫСЕЛ И ДОМЫСЕЛ](#)
      - [РОЙ](#)
      - [ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА](#)
      - [НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ](#)
      - [НЕЛЕТОПИСНОЕ](#)
    - [Цикл «Сказка – ложь, узнайте правду!»](#)
      - [О БЕДНОМ КОЩЕЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО](#)
        - [I](#)
        - [II](#)
        - [III](#)
      - [КОМУ В НАВЬЕМ ЦАРСТВЕ ЖИТЬ ХОРОШО](#)
-

Ольга Громыко
Ведьмины байки

Цикл «Ведьмины байки»

ПИВОВОЙ

Над полуденным лугом тягуче разливался приторный аромат белого клевера. Небо, затянутое неторопливо плывущими облаками, изредка проблескивало солнечным лучом, бегущим наперегонки с тенью. Гроза прошла стороной, сверкнув молниями на горизонте и рыкнув громом на присмиривших птиц. О ее несостоявшемся визите напоминал лишь неестественно сильный и терпкий запах обманутых в ожиданиях луговых цветов, истомленных многодневным зноем.

Растянувшись во весь рост на теплой земле, заслонив лицо рукой и закрыв глаза, я нежилась посреди клеверного озерца локтях в сорока от проезжего тракта. По ту сторону дороги клевер слился в единый ковер с редким вкраплением метелок тысячелистника – идеальный привал для усталой путницы, но там паслись чьи-то коровы, позвякивая бубенцами на шеях. Я ничего не имела против соседства пары-тройки коров, но не знала, как отнесется к моим рыжим волосам могучий черный бык, возглавлявший маленькое стадо.

Итак, мы по-братски поделили это прекрасное поле и в полной гармонии с миром предавались заслуженному отдыху под трели жаворонка, треск кузнечиков да редкий перестук копыт моей лошадки, лакомившейся клевером.

Тракт безмолвствовал. Оно и понятно: начало лета – время неторговое, труженик полей и пашен трудолюбиво полет и пашет, а то и просто лежит в тенишке, потягивая квасок из берестяного жбана и сетуя: «Когда же наконец закончится эта треклятая жара!», а купец отлично понимает, что до сбора урожая с селянина и медяка не получишь, кроме как в долг.

Впрочем, тракт был наезженный, поэтому, когда вдали послышался скрип колес, я ничуть не удивилась, только поудобнее устроилась на спине.

Скрип приблизился, поравнялся со мной, немного удалился и прервался громким «тпру!» и возмущенным фырканием лошади.

Я поморщилась, когда поняла, что обутые в лапти ноги перемещают владельца по направлению ко мне.

Подойдя локтей на семь, селянин в нерешительности остановился, переминаясь с ноги на ногу и теребя кнут.

«Чтоб ты провалился!» – с досадой подумала я, ноне стала подкреплять мысль соответствующим заклинанием.

Селянин деликатно закашлялся.

– Ну? – мрачно и неприязненно спросила я, не дожидаясь, пока кашель перейдет в последнюю стадию бронхита.

– Госпожа вед... э-э-э... волшебница!

– Ну?

Селянин сообразил, что я не собираюсь открывать глаза без веской причины, каковой он, безусловно, не является.

– Дело есть, – без околичностей брякнул он.

– Ну и занимайся им, – невежливо буркнула я в ответ. – Чего тебе, мужик, надобно? Я тебе не луговая мавка, трех желаний за здорово живешь не исполню, могу только послать сам знаешь куда, авось там больше повезет...

Селянин, как ни странно, не обиделся, а как-то подозрительно оживился.

– А ежели оделю по справедливости? – с надеждой спросил он, подступая поближе.

– Эх-хаха-х... – презрительно вздохнула-зевнула я, ибо денежный селянин летом – все равно что комар зимой. – Прошлогодней картошкой и квашеной капустой не беру. Кабачки тоже не предлагайте. Не уважаю натуральный обмен.

– Почему картошкой? – как-то даже обиделся селянин. – Деньгами!

Моя память хранила тысячи заклинаний, но самым эффективным из них было, есть и будет слово «деньги». Оно воскрешает мертвых, исцеляет живых и является сильнейшим противоядием категорическому «нет». Я убрала руку со лба, приоткрыла и скосила на селянина левый глаз. Против ожидания одет мужичок был хорошо, даже щегольски – новая красная рубаха в зеленые горохи, зеленые узорчатые шаровары без единой заплаты, белоснежные обмотки и совсем новые крепкие лапти. И это в рабочий-то день! На купца вроде не похож, для сборщика налогов слишком физиономия добродушная. Н-да, загадка.

Я села и, обхватив руками колени, выжидаяще уставилась на мужика:

– Три вопроса: какая работа и какие деньги?

– А третий вопрос? – робко заикнулся селянин.

– С чего ты взял, что я ведьма? – Слово «волшебница» не нравилось мне самой.

– Дык... это... – Мужичок потупил глаза. – Вид у вас, госпожа, уж больно чародейский – волос рыжий, амулеты всяческие, коняка эвон какая противная, пакость несусветная, храни меня боги...

Смолка подняла голову и прожгла селянина немигающим взглядом желтых змеиных глаз с вертикальными зрачками.

– А пуще того, – осмелел мужик, – видел племяш мой, Гринька, как ваше чародейское высочество заклятиями страшными тучу грозовую вместе с молоньями на запад повернуло.

– Так ты что, претензии предъявлять собрался? – нахмурилась я.

– Да нет, – торопливо поправился мужик. – Нам-то что... мы на земле не сидим, нам до дождя дела никакого нетути, пущай себе идет стороной, так оно даже спокойнее – не ровен час, шальная молонья в заводик шибанет.

Селянин, которому в разгар летнего зноя помешал бы дождик? Это что-то новенькое.

– Вам – это кому? – спросила я.

– Ну, варокчанам, – несколько удивленно пояснил селянин, как будто я спросила нечто известное даже пятилетнему ребенку. – Село наше Варокча зовется, слышали, может?

– А, так это вы то самое пиво варите? – сообразила я. Тогда ясно, откуда у него деньги. – Ну и что?

– Как – что? – оторопел селянин.

– Что тебе от меня надо? – терпеливо напомнила я. – И какая мне с этого будет выгода?

– А... это... – Селянин поскреб макушку. – Дело есть...

– Какое?!

– Ну дело... Леший его знает какое...

– Вот проконсультируетесь с ним – тогда и обращайтесь. – Вырванная из объятий сладкой дремоты, я раздражалась по любому пустяку.

– Дык где ж нам без вас разобраться! – взмолился селянин. – Ну госпожа ведьма, поехали со мной! Что вам, сложно? Тут недалеко! Вон она, деревенька, за тем леском виднеется!

– Вот еще, – презрительно фыркнула я. – Пока не объясните, в чем дело, с места не стронусь.

– Да чего там объяснять, глядеть надобно! – убежденно заявил мужик.

– Ну хоть примерно скажите, а? – Мне уже самой стало любопытно. – Сосед по ночам на луну воет? На кладбище беспокойно? Заболел кто? Пропал? Или просто на девицу-красавицу неприступную глаз положил? Тут уж, извини, как положил, так и снимать будешь. Приворотным зельем не торгую. Отворотным – тоже. Могу предложить средство для выведения прыщей.

– Шкодник в цеху завелся, – буркнул мужик. – А что, кто – леший его знает. Потому и глядеть надуть, а не рассусоливать за глаза.

Я уже проснулась, пришла в свое нормальное благодушное состояние

и пропустила мимо ушей грубоватое замечание собеседника.

– Вот с этого и надо было начинать. Ладно, поехали. Гляну на вашего шкодника.

Бородатое лицо селянина расплылось в щербатой улыбке, он торопливо сунул кнутовище под мышку и подал мне руку, помогая подняться с земли.

* * *

Приторный, кисловатый запах пивного сула висел над деревней, как дыхание зеленого змия, чье изображение украшало вывеску над пивной. Невдалеке весело дымил трубой заводик.

Селянин, которого, как выяснилось по дороге, звали Бровыкой, притормозил у входа и суетливо обежал телегу, чтобы помочь мне перелезть через обрешетку.

Оставив телегу и Смолку на попечение заспанного мальчишки-конюшего, мы вошли в пивную, по причине раннего времени не обремененную народом. Бровыка тут же приметил какого-то знакомого и с радостным воплем полез с ним обниматься, после чего представил мне его как Колота, своего сводного брата и компаньона.

Колот оказался куда более расторопным и смышленным парнем. Посверкивая хитрыми черными глазами из-под шапки буйных кудрей, он рассыпался в комплиментах, поцеловал мне руку, галантно препроводил к столику напротив окна и вежливо отодвинул стул, чтобы я смогла сесть. На его фоне сводный брат выглядел неуклюжим медведем рядом с элегантным лисом.

Я с любопытством осмотрелась по сторонам. Пивная выглядела очень прилично – светлая, чисто выметенная, с резными столиками и настенными карикатурками с повторяющимся сюжетом: мужики, пьющие пиво. Все картинки были снабжены нескладными подписями вроде: «Пей пиво с утра, коль не допил вчера, а коль допил вчера, выпей и с утра».

– Пива госпоже ведьме! – заорал Колот, хлопнув в ладоши.

– И не только ей! – торопливо добавил Бровыка. – Всем по светлому!

– Мне не надо! – решительно возразила я. Пиво я терпеть не могу. Как кто-то вообще может пить эту горькую, отдающую кислой брагой жидкость цвета... хм... в общем, вы знаете.

Но мой протест не был принят всерьез.

На столе как по волшебству возникло пять высоких кружек пива с пышными желтоватыми шапками густой пены. К пиву подали традиционную закуску: куриные крылышки, запеченные в тесте, и белый пряный соус.

Мои новые знакомые жадно прильнули к заветным сосудам.

– Эх, хорошо! – заявил Колот спустя двадцать секунд, отставляя пустую кружку и вытирая запененные губы. – Удалось пивко, что ни говори!

– В самый раз, – подтвердил Бровыка, облизываясь и протягивая руку за крылышком. – Да вы пейте, госпожа ведьма, не стесняйтесь. Хорошее пиво, по старинным рецептам варено, еще прадед мой такое пиво к королевскому двору поставлял. «Шмелем» именуется, на десяти целебных травах настоящее, медом липовым приправленное.

Я робко отхлебнула из кружки... Ой... только сейчас я поняла, что жижка, которую подают в столичных кабаках, недостойна даже стоять в одном погребе с этой амброзией! Легкое, пряное, Пиво с большой буквы, оно само струилось в горло, играя всеми оттенками вкуса и запаха – от хмельной горечи до терпкой медовой отдушки,

– Ну как? – в один голос поинтересовались братья.

– Прелесть... – благоговейно прошептала я, с трудом отрываясь от кружки. – Прекрасное пиво. Просто изумительное. В жизни не пробовала ничего подобного.

Пивовары одобрительно переглянулись. Похоже, мне удалось произвести на них впечатление авторитетного специалиста.

– Итак, вернемся к нашим баранам, то бишь шкодникам, – сказала я, деликатно закусывая крылышком. – Излагайте дело, уважаемые.

– А чего там излагать? – охотно откликнулся Колот. – Сами же сказали: шкодит пакость какая-то в цехах.

– Ох шкодит... – горестно покачал головой Бровыка.

– Котлы опрокидывает, – начал перечислять Колот, загибая пальцы, – хмель рассыпает, травы перемешивает, с кринок крышки срывает и мед подъедает...

– В сусло гадит... – некстати ввернул Бровыка.

Я поперхнулась, расплескав пиво. Колот услужливо похлопал меня по спине.

– Раньше не могли сказать? – прохрипела я, с трудом отдышавшись. – И что, прямо средь бела дня... в сусло?

– Да нет, токмо по ночам, – поспешил с ответом Колот. – Днем в цехах людно, он, значит, стесняется вредить и до сумерек выжидает...

– Так в чем проблема? – рассмеялась я. – Оставляйте на ночь караульного!

Селяне разом замолкли, потупились.

– Дык... это... пробовали... оставлять-то...

– Ну и? – поторопила я.

– Уж больно тяжело для нашего брата...

– Караулить?!

– Караулить пиво да не отведать... – горестно признался Бровыка.

Тут уж я посмеялась от души.

– Ну, если дело только за этим... покараулю я ваши производственные площади одну ночку, так уж и быть.

– Ларька! Еще пять темного! – радостно заорал Колот, опасно клонясь влево. Бровыка вовремя поймал его за плечо и усадил ровно. – Ох, вы у нас прямо агромадную каменюку с души сняли, госпожа ведьма, потому как нашему заводу крупный заказ королем даден, а мы с этим шкодником ну никак в сроки уложиться не можем. Вы уж изловите его или припугните как, лишь бы вредить перестал, а мы в долгу не останемся.

– Ловлю на слове, – заметила я, допивая «Шмеля». – Не люблю ходить в кредиторах.

– «Герольд», – благоговейно объявил Колот, когда взамен пустых кружек перед нами поставили полные. – Темное крепкое пиво, все до капли идет за границу, поставляем его аж в три государства. В столице такого пива иначе как за валюту и не достанешь.

Мы звучно чокнулись, по деревянным бокам кружек потекла пена. Мне все больше и больше нравилось это уютное заведение, и даже картинки на стенах уже не казались такими аляповатыми – наоборот, они преисполнились смысла, глубокого, загадочного и непостижимого, как само состояние алкогольного опьянения.

За «Герольдом» последовало «Пенное» и «Застольное», за ними – «Целебное». После «Целебного» народу за столиком заметно прибавилось, да и братья начали обращаться ко мне почему-то во множественном числе – «господа ведьмы».

– Вот эт-то пиво... – заплетающимся языком продолжал Колот, постукивая ногтем по краю кружки, – до того для организма полезительное, всякую хворь сни... ик!.. мает почище любого лекаря...

После чего долго пытался поймать кружку за ручку, но потом отчаялся и потребовал у корчмаря еще одну, как он объяснил, «посговорчивей».

Я тем временем вела с Бровыкой научно-теологический диспут о роли ведьм в экосистеме религии; причем я утверждала, что всех нас надо

топить, а лучше – сжигать на кострах из осиновых дров, и даже предлагала совершить акт самоликвидации, а Бровыка со слезами на глазах уговаривал взять его в ученики.

Из пивной мы вышли обнявшись и зигзагами направились к заводу, поминутно спрашивая дорогу и тут же с нее сбиваясь. После многократных попыток нам удалось-таки определить, какая из трех дверей ведет в цех, разобраться с невероятно сложным устройством щеколды и попасть внутрь. Затем братья долго спорили, кто остается караулить, а я кокетливо отнекивалась и предлагала бросить жребий.

Последнее, что я помню, – это как Колот с Бровыкой безуспешно пытались убедить меня, что вон то маленькое серенькое, в большом количестве скачущее по стенам и потолку цеха, – не мракобесы, а безобидные зайчики... да, именно зайчики. Потом мы спели хором: «Ой, в лесу камыш квитнее...», а потом мои новые знакомые куда-то исчезли, а я вроде бы осталась караулить мракобесов, чтобы те не разбежались, иначе завтра нечем будет заправлять сусло...

* * *

Поутру выяснилось, во-первых, что караулить я должна была не мракобесов, а шкодника, во-вторых – пиво оказалось высшего сорта, ибо не оставило ни малейшего похмелья, как и воспоминаний о прошедшем вечере.

А в-третьих... шкодник не счел меня серьезной помехой.

Акт вандализма был налицо.

Хмель ровным слоем устилал землю. На стене медом пополам с сажей была намалевана дикая харя, при взгляде на которую невозможно было удержаться от беспричинного смеха. Горшки с закваской были составлены друг на друга высоченной – под потолок – изломанной башенкой, к которой я боялась даже подступить.

Больше того – мои длинные рыжие волосы оказались старательно заплетены в сотни лохматых косичек, причем заплетены намертво и восстановлению, похоже, уже не подлежали – кто-то сплел их по три волоса, потом – по девять, по восемьдесят одному и так далее.

...к суслу я не стала приноживаться...

Колот, Бровыка и незнакомый лысый мужик угрюмо осматривали цех. К моему стыду и их чести, они не упрекнули меня ни единым словом,

колким намеком или укоризненным взглядом, только горестно покачали головами, оценивая нанесенный пивоварению ущерб.

– Ну что ж... – прервал затянувшееся молчание Бровыка. – Значит, надобно еще ночку покараулить, коль на сей раз не вышло...

Я потерянно кивнула:

– Всенепременно. Надо будет – и две покараулю. И три. Сколько потребуется.

– Да не переживайте вы так, госпожа ведьма, – попытался приободрить меня Колот. – Не впервой. Пойдемте лучше пива выпьем – глядишь, полегчает...

В этот момент башня из горшков с закваской рухнула к нашим ногам, кислая волна хлынула вдоль стен к дверям.

Я упрямо стиснула губы, покачала головой:

– Нет уж, благодарствуйте. Покамест воздержусь.

Колот понимающе кивнул:

– Тогда, может, в корчме со мной откушать изволите? У меня-то с утра во рту тоже маковой росинки не было, сразу сюда поспешил. А на голодный желудок оно не то что шкодника – котенка не изловишь.

Откушать я согласилась, и мы с Колотом пошли в корчму. Бровыка и его лысый заместитель остались руководить бригадой полусонных мужиков с мятыми, испитыми лицами, стянувшихся к заводу ко времени открытия – судя по всему, дегустаторов продукции с многолетним стажем.

* * *

За едой мы разговорились. Оказалось, в изготовлении пива принимают участие два заводика – один находится в трех верстах отсюда, в деревеньке Козья Тропка – там проращивают ячмень, потом выжаривают, отделяют ростки, а все остальное перемальывают на сусло, которое везут в Варокчу, где, собственно, и варят пиво. Помимо того Козья Тропка славится своими ячменными полями, пасаками и плантациями хмеля.

Заводик в Козьей Тропке принадлежал Колоту, варокчанский – Бровыке. Узнав о шкоднике, Колот сразу же помчался в Варокчу, чтобы глянуть, не сможет ли он чем помочь брату, но тот уже обрел свое спасение в лице прелестной, милой, доброй волшебницы (тут я смущенно закашлялась и перевела разговор на другую тему – поблагодарила за завтрак и попросила проводить меня до заводика).

На трезвую голову я решительно не узнавала помещения, в котором скоротала ночь. Попросту говоря, заводик представлял собой огромный сарай без чердачного перекрытия, уставленный котлами, в которых варили пиво. Подваренный и перебродивший полуфабрикат разливали по бочкам и их скатывали в холодные погреба для двух-, трехмесячной выдержки. Вдоль стен на треть их высоты громоздились мешки с хмелем и молотым ячменем.

Как я поняла, до ночи мне здесь делать было нечего, поэтому я поблагодарила Колота за экскурсию, оседлала Смолку и отправилась с ней побродить по окрестностям.

Невооруженным глазом было видно, что село зажиточное – сплошь черепичные крыши, свежекрашенные срубы, резные наличники. Я не заметила ни одной грязной либо потрепанной одежды на встретившихся селянах: работа на заводике обеспечивала их семьям постоянный солидный доход.

Лишь один домик выбивался из общего ряда – хотя бы потому, что домиком назвать его было сложно. Хоромы – вот хорошее определение. На редкость безвкусный особнячок, выкрашенный в яркий пороссячий цвет, с разнокалиберными окошками и пламенеющей черепицей. Дорогие и капризные эльфийские розы на обложенных мрамором клумбах соседствовали с неряшливыми укропными грядками. Голенастый, изрядно потрепанный петух звонко кукарекал на голове у статуи некой полуголой девицы с отбитым носом, призванной изображать не то богиню любви, не то жертву сифилиса.

Я остановилась у невысокого забора, чтобы потешить свой взор нелепым строением. Смолка немедленно заинтересовалась декоративным вьюнком, причудливой вязью оплетшим штакетины, но дальше обнюхивания пока не шла.

Не прошло и минуты, как мы с лошадкой были оглушены диким ревом, издаваемым неким толстым, лысым, на редкость неприятным типом в долгополом кафтане и домашних тапочках, выскочившим из дома, как сторожевой кобель.

– Пшла прочь, бродяжка! – кричал он на бегу, брызгая слюной. – Я кому сказал? Проваливай! Неча тут шастать, воровское отродье!

Расставив ноги пошире, Смолка изо всех сил дернула зубами зеленую плеть. Забор пошатнулся от мощного рывка. Нахальный тип отпрянул от забора как ужаленный, словно опасаясь, что тот рухнет ему на грудь.

– Немедленно прекратите это безобразие! – заголосил он пуще прежнего, потрясая судорожно стиснутыми кулаками.

Я натянула поводья, не столько ошарашенная психической атакой заборовладельца, сколько опасаясь за желудок кобылы – по сопротивляемости ее зубам вьюнок мог соперничать с ременной плетью.

– Убирайся вон, пока я дворню не кликнул! – сорвался на дискант неприятный тип.

– Зовите! – Я восприняла эту идею с неподдельным энтузиазмом. – Э-ге-гей, люди!

На мой зов из разросшихся кустов сирени, закрывавших вход в хоромы, вынырнули два дюжих селянина, рыжий и чернявый, всюю изображающие преданных защитников хозяйского добра.

– Скажите, пожалуйста, чей это дом? – вежливо спросила я, не давая им опомниться.

– Ну дык... эта... господина нашего... – после короткого замешательства ответил рыжий. – Да вот они собственной персоной перед вами обретаются, Лукомир Добронрав их кличут!

– А я ведьма, – кокетливо представилась я. – Знаете, это такие вредные и злобные создания, что наводят порчу, воруют детей, превращают добропорядочных граждан в жаб и травят конями чужие заборы. Добронрав, говорите? Не похоже. Но все равно, очень, очень приятно познакомиться...

Мужичкам как-то сразу расхотелось иметь со мной дело; по крайней мере, они стянули шапки и отступили от забора, предоставив господину самому улаживать конфликт,

– Ах, так эта прелестная женщина – ведьма? – Лукомир расплылся в фальшивой слащавой улыбке. – Что ж вы сразу не сказали? Мы могли бы избежать этого маленького недоразумения. Кушай, лошадка, кушай...

Но Смолка уже охладела к вьюнку; обнюхав забор, она внезапно скусила верх штакетины и невозмутимо захрупала ею, как ребенок – карамелькой.

Благоприобретенному самообладанию Лукомира можно было только позавидовать.

– Не согласится ли госпожа ведьма разделить с ее покорным слугой скудную трапезу? – предложил он, делая вид, что на протяжении всей истории коневодства любимым лакомством лошадей были ивовые колья.

– Благодарствуйте, я уже отобедала, – в тон ему ответила я.

– Неужели даже кофейку не изволите?

– Нет, не изволю.

– А посидеть поболтать в приятной компании?

– Когда госпожа ведьма найдет приятную компанию, она обязательно

вас об этом уведомит, – с изысканной вежливостью парировала я.

– И надолго госпожа ведьма задержится в здешних местах?

– Как получится.

– А может, она тут и работать собирается? – продолжал развивать мысль Лукомир.

– Собираюсь, – благодушно подтвердила я, сама захлопнув за собой дверцу ловушки.

– А вы знаете, кого его королевское величество Наум Первый уполномочил собирать налоги с, как вы изволили пошутить, добропорядочных граждан этой деревеньки? – торжествуя закончил Лукомир.

– Теряюсь в догадках. – Я ослепительно улыбнулась. – Неужели вас?!

Собеседник кивнул, поединок неискренних улыбок достиг апогея.

– Одна ма-а-аленькая ошибочка, господин Добронрав. – Я улыбнулась еще обворожительнее, и мои глаза загорелись злым желтым огнем, поглотившим зрачки. – Я НЕ добропорядочная гражданка. И слишком дорожу этим статусом, чтобы потерять его, унижившись до уплаты налогов... да еще такому жулику и прохиндею, как вы.

– В таком случае, – Лукомир тоже не погасил улыбки, что само по себе было плохим диагностическим признаком, да еще хищно подался вперед, словно желая признаться мне в пламенных чувствах, – мне придется – с превеликим прискорбием – сообщить о вашем недостойном поведении в Ковен Магов, который, без сомнения, имеет на вас некоторое влияние. Вряд ли он придет в восторг, узнав, что его смиренное чадо злобно уклоняется от священного гражданского долга – уплаты налогов. Возможно, вас даже отлучат...

– Хватит, хватит. – Я хлопнула ладонью по колену. – Сколько вы хотите?

– А сколько вы получите? – Его не так-то просто было провести.

– Мы еще не касались этого вопроса.

– Когда прикоснетесь, – он снова улыбнулся, да так, что меня мороз продрал по коже, – учтите, что цену необходимо завесить вдвое, чтобы не остаться в накладе.

– Уж как-нибудь, – презрительно огрызнулась я. – Это все, что вы хотели мне сказать?

– Абсолютно все, моя красавица. – Этот мерзавец откровенно смеялся мне в лицо! – Я очень рад, что мы правильно поняли друг друга.

– Я не уверена, что у вас есть повод для радости, – веско проронила я, трогая Смолкины бока каблуками.

* * *

Остаток дня я потратила на волосы. Там, где оказались бессильны заклинания, отлично справилось репейное масло – пропитанные им косички расплелись и расчесались. Не без труда, и вид у волос теперь был уныло-обвислый, зато, как утверждала народная медицина, благотворное влияние масла на волосы должно было укрепить их и надолго сделать блестящими и шелковистыми.

«Во всем можно найти светлые стороны», – философски заключила я, когда теплая вода в кувшине закончилась, а масло на волосах – еще нет.

Подсушив волосы, я отдала девочке-служанке мокрое полотенце и окликнула Бровыку, терпеливо ожидавшего в горнице.

– Да, госпожа ведьма? – охотно отозвался он.

– Кто этот Лукомир? Что, действительно королевский уполномоченный?

Бровыка заметно помрачнел:

– Он самый... Не знаю токмо, кто его, кровопивца, уполномачивал королеву казну со своим карманом равнять. Одно время совсем нас с Колотом налогом задавил, в убыток себе работали, завод пришлось заложить, чуть по миру не пошли, да случай выручил – наехала в наши места королевская охота, остановилась в Варокче на ночлег, ну мы ее и приветили, как положено... Три дня привечали, все бочки из погребов выкатили – гулять так гулять. А на четвертое утро получили мы от самого короля полное и всяческое освобождение от налогов с оговоркой ежегодно поставлять ко двору бесплатно десять бочек пива сверх денежного заказа.

– Чем сильно огорчили Лукомира, и он решил отыграться на бедной ведьме, – dokonчила я.

Да, дело плохо. Угрозы шантажиста не были пустым звуком. Он действительно обладал властью, достаточной, чтобы его жалоба в Ковен не оказалась в мусорной корзине.

– Ясно. Вот что, Бровыка, мне от вас надобно... Свечей восковых – семь штук, веревки пеньковой – семь локтей и холщовый мешок попрочнее... ах да, совсем забыла. Блюдечко со сметаной.

Селянин вытаращил глаза:

– Всего-то? А сметана вам какая требуется? Медвежья, собачья аль... человечья?

Я рассмеялась от души:

– Эх, господин пивовар, вы наслушались бабкиных сказок про ведьм.

Нет, мне нужна самая обычная сметана – коровья, сойдет и козья, пусть даже не очень свежая, лишь бы не совсем порченная.

Селянин озадаченно поскреб макушку:

– Экие у вас запросы... выходит, знаете, на что идете, коль загодя инструмент означили?

Я неопределенно пожала плечами.

Да, если бы не пять кружек пива, первая ночь на заводе прошла бы для меня в чтении заклинаний и обходе строеньица со всеми амулетами поочередно – ведь никто не знает, с кем придется не на жизнь, а на смерть схватиться странствующей ведьме во мгле беспокойного сарая. Но, по счастливой случайности, я отделалась лишь переплетенными волосами, которые и позволили мне более-менее точно судить о природе шkodника. Конечно, человеку такое не под силу. А вот мелкому бесу типа подкаморника, свистуна или шуша – вполне. Эти шkodливые твари распространены повсеместно, больше в лиственных лесах, а в последнее время повадились пробираться в избы и зимовать в тепле. Иногда их не совсем правильно называют домовыми.

– Так давайте и плату сразу установим, – предложил пивовар. – Сколь вы хотите за услуги свой ведьминские? Серебром али медь тоже сгодится?

– Сгодится все... А можно натурой? – спросила я.

– Но вы же говорили... – растерялся Бровыка, – мол, ни картошкой, ни квашеной капустой... Вы не стесняйтесь, госпожа ведьма, мы люди не бедные – деньга у меня имеется, скажите, сколь надобно, – заплачу вам честь по чести. Могу вперед дать половину – вижу, человек вы надежный, чаровник правильный – не те пустословы, что драконьи зубы в ожерельях напоказ носят, а живого дракона отродясь не выдывали...

– Я-то видела настоящего дракона, – улыбнулась я. – Но сомневаюсь, что мы остались бы с ним хорошими друзьями, выбей я ему зуб. Нет, уважаемый Бровыка, дело не в застенчивости, а во взаимной выгоде. Давайте уговоримся так: вы дадите мне за работу мешок того, что я сама захочу забрать с завода. Идет?

Бровыка задумался надолго, очевидно, вспоминал, не зарыт ли у него под полом клад в золотых слитках.

– Так там же кроме хмеля да солода ничего и нетути... – растерянно пробасил он, почесывая затылок.

– Ну так чего же вы тогда беспокоитесь?

– Да неловко как-то... Хочется вам за старание воздать по-людски, чтобы никому обидно не было...

– Что вы, уважаемый Бровыка, никаких обид, – заверила я селянина,

хищно улыбаясь своим мыслям. – Напротив – взаимная выгода. По рукам?

– Ну, как скажете, нехай так оно и будет, – пожал плечами Бровыка, доверчиво протягивая мне широкую ладонь.

* * *

Кто-то считает магию стезей избранных, кто-то – орудием зла.

Для кого-то она – непостижимое чудо, для кого-то – точная наука из нерушимых правил и закономерных следствий.

Кому-то она кажется пустым, глупым, изжившим себя староверием, а кто-то не мыслит без нее жизни.

Для меня это всего лишь работа, тяжелая и нудная, но нужная и интересная.

Связав концы бечевы, я выложила круг на земле и пригвоздила к ней расщепленными снизу свечками. На расстоянии протянутой руки поставила блюдце со сметаной (не удержалась и попробовала... Эх, хороша сметанка! Достоять бы ей до нужного часа!), опустила на колени внутри круга и щелкнула пальцами, воспламеняя свечные фитильки.

И застыла, скрестив руки на груди.

В селе залаяли собаки. Кто-то не таясь, тяжелой поступью шел к двери. Скрежетнула щеколда, скрипнули петли.

– Госпожа ведьма? – В щель просунулась кудлатая голова Колота. – Госпожа ведьма, где вы? Я вам поесть принес, ночью, поди, захочется перекусить чего-нито...

Его взгляд прошелся по помещению, безучастно скользнул по мне.

– Вышла куда-то, – заключил селянин, прикрывая дверь.

Я довольно ухмыльнулась. Заклинание работало, как положено.

Вот только удастся ли так легко провести ту зверюшку, на которую оно рассчитано?

Собаки все не унимались – вероятно, учуяли лису, крадущуюся к курятнику, либо в чьей-то избе, за плотно закрытыми ставнями, происходила медленная, мучительная смена дневной ипостаси волкодлака. Будь у меня побольше времени... и поменьше знакомых вроде Лукомира, я бы задержалась в Варокче еще на пару дней. Да, занятное местечко. Весь здешний воздух был, казалось, пропитан волшебством – не злобной некромантией, не сокрушительной мощью белой магии, а неким загадочным, снисходительным и добродушным, но определенно

потусторонним духом, заставляющим с жадным любопытством вглядываться в извивы мрака за пределами круга из горящих свечей.

Ох, не туда надо было вглядываться... случайно бросив взгляд на миску, я беззвучно ахнула. Сметаны в ней осталось на доньшке, да и та убывала с катастрофической скоростью, словно тая в воздухе.

У магов есть шутовская поговорка: не пойман – не бес. Действительно, пока ты не дотронулся до беса, он невидим – если сам этого хочет. Примерившись, я выбросила правую руку из круга и наугад схватила домовенка за шкурку.

Неизвестно, кто испугался больше – я, ставшая видимой с нарушением границ круга... или существо, на чью неприкосновенность я имела неосторожность покушаться.

В отличие от живых существ, размеры и внешний вид нечистиков зависят не от календарного возраста, а от силы, которой они обладают в нашем мире. Топляк подрастает с каждой заеденной им жертвой, при тех же условиях упырь обзаводится плотью, а кикимора обретает способность надолго оставаться без воды и совершать набеги по суше.

Но не всем тварям для роста требуется кого-нибудь загрызть, обескровить, разорвать на мелкие кусочки. Леший, например, питается человеческим испугом, чащобный заплут – отчаянием, ну а домовому достаточно почувствовать себя хозяином в доме, чтобы окрепнуть и вырасти прямо на глазах.

Я уже не раз охотилась на домовых бесенят и знала, что они могут достигать размеров трехмесячного ягненка. Поэтому, впервые в жизни обнаружив у себя в руке массивный загривок твари величиной с матерого волка, я была, мягко сказать, удивлена. Представьте, что вы обнаружили в мышеловке крысу размером с поросенка, и вы без труда поймете мое состояние.

К счастью, шушь – а это оказался именно он – исключительно травоядное существо, столь же безобидное, сколь и пугливое. Взвизгнув от ужаса, он сорвался с места и понесся по заводу, не разбирая дороги, одержимый одним-единственным желанием: спасти свою роскошную черную шкуру.

От неожиданности моя рука сорвалась со шкурки, скользнула по гладкому хребту, и уйти бы домовому-пивовому шкоднику безнаказанным, не сомкнись мои пальцы у самой кисточки длинного хвоста.

Отлично понимая, что в другой раз шушь так просто в руки не дастся, я впиалась в его хвост мертвой хваткой.

Это было не самое разумное решение. Начать с того, что шушь, как и

все бесы, не делал различий между полом и потолком, с равным успехом перемещаясь вверх и вниз головой. Это еще не все – вылетая из круга, я запуталась ногой в бечеве, и теперь за мной волочился хвост из заговоренных на совесть, немеркнущих свечек, припаянных к бечеве оплывшим воском. Проклятый бес подмел мною весь пол, вытер паутину с потолка, сбил несколько скамей и какую-то утварь с полок. Все вокруг крутилось и мельтешило, звенело, гремело и осыпалось черепками и щепками. Казалось, этой сумасшедшей гонке не будет конца. Болтаясь на хвосте у необъезженного домового, очень трудно сообразить что-нибудь путное, тем более сплести заклинание, так что мне оставалось только зажмурить глаза и молиться, чтобы эта глупейшая история поскорее закончилась, не став позорной точкой в моей биографии...

* * *

...Смекалистый племяш Бровыки, двенадцатилетний Гринька, не спал этой ночью. Как только набожное бормотание бабки, молившейся на ночь, сменилось куда менее благозвучным храпом, он кубарем скатился с полатей и выскочил в окно, не доверяя скрипучим дверным петлям. Ему очень хотелось посмотреть, как же ведьма будет ловить шkodника на дядькином заводе.

Под окном Гриньку встретил Кодка, закадычный друг и шkodник почище всех нечистых духов, вместе взятых.

– Заливает, поди, ведьма! – шепнул Кодка, когда мальчишки наперегонки мчались к заводу. – Упьется пивом задарма и будет дрыхнуть всю ночь, а утром скажет, мол, до того наколдовалась и уморилась, что упала замертво и едва к рассвету очухалась.

– Давай мы ей какую-нибудь пакость подстроим? – предложил Гринька.

– Эге! Вымажем, сонной, всю морду дегтем, да еще пером сверху присыплем. Вот веселья поутру будет!

– Где только их взять, перо да деготь? – вздохнул мальчишка.

– Экий ты чудила! Перо я загодя у тятки из подушки надергал. А дегтя сейчас из ведерка у кузни зачерпнем.

– Ну ты даешь! – восхитился Гринька.

– А то! – важно откликнулся Кодка.

Хихикая, мальчишки приоткрыли дверь, просунули в нее свои хитрые

чумазые мордашки... и оцепенели.

О ужас!

То, что они увидели, навсегда оставило след во впечатлительном детском разуме. Да привидься им подобный кошмар во сне, на теплой печи родной хаты, и то, обливаясь холодным потом, побежали бы прятаться к мамке под одеяло!

Ведьма, завывая и улюлюкая, как тот леший, носилась по потолку и стенам в обрамлении ярких огней!

Мальчишки хором завопили, развернулись и задали стрекача, подгоняемые свистом ветра в ушах.

Больше они никогда не смеялись над ведьмами. И даже говорили о них не иначе как шепотом и с оглядкой...

* * *

...Шушь начал уставать. Его движения замедлились, рывки ослабели, пока, вконец обессилев, он не свалился на пол. Мы лежали рядышком, с ненавистью глядя друг на друга и тяжело дыша.

Я так и не выпустила мохнатого хвоста, и он неожиданно стал таять в моей ладони – шушь окончательно пал духом и принял свой естественный облик. Кряхтя и потирая свободной рукой ушибленные места, я встала на колени, без труда удерживая на весу существо размером с кошку, покрытое черной шелковистой шерстью.

Висящий на хвосте шушь повел растопыренными лапками и жалобно, по-кошачьи противно завыл на одной ноте, тараща на меня непропорционально огромные желтые глаза с зеленым ободком вокруг зрачка.

– Ну что, негодник, допрыгался? – выдохнула я, поднося к носу бесенка свободный кулак.

– У-у-у... – безнадежно заскулил шушь, медленно вращаясь на хвосте. Меня разобрал смех. Позабыв о мести, я, прихрамывая, прошлась по заводуку, небрежно помахивая шушем, как поп кадиллом. Отыскав мешок, запихнула туда присмирившего бесенка, стянула горловину веревкой и запечатала заклятием всеобщего повиновения.

...и до самого рассвета просидела на мешках с хмелем, залечивая синяки и ссадины целебной смесью из эликсиров, заклинаний и сочных выражений, не имевших ни малейшего отношения к колдовским наукам...

* * *

Я клятвенно заверила пивоваров, что ни один чан с солодом больше не подвергнется осквернению со стороны нечистых сил. Не без удовольствия прослушав хвалебную речь в свой адрес, я откланялась, вежливо отказавшись от «посошка на дорожку».

Лукомир, как я и предполагала (но надеялась ошибиться), подждал меня у калитки своего дома. Конечно, я могла бы выехать с другой стороны села, но он прекрасно знал, что я так не поступлю – если не хочу обещанных неприятностей.

– Принесла? – с вызывающей наглостью осведомился он.

– А как же... Сначала действительно собиралась отдать вам половину, но потом передумала (лицо сборщика налогов начало складываться в злобную гримасу)... и решила отдать все (гримаса приобрела удивленно-настороженный оттенок).

Лукомир развязал веревку и пытливо заглянул в мешок. Оттуда пахнуло ветром, словно кто-то юркий и пушистый проскочил мимо его лица. Узенькой цепочкой, ведущей к подвальному окошку, примялась трава под маленькими лапками.

– Но здесь ничего нет! – воскликнул он после короткого замешательства.

– Да, здесь уже ничего нет, – с притворным сочувствием заметила я. – Видите ли, и в наше жестокое время существует такое понятие, как альтруизм, – дескать, помогай своему ближнему и далее по тексту... Не верите? Можете поднять ведомости! По накладным расходам пивоваренного заводика Варокчи проходит мешок холщовый, одна штука, номинальная стоимость медяк. Вещь ценная и в хозяйстве незаменимая, можно сказать, от сердца отрываю...

Но Лукомир не оценил моей жертвы. Он грязно выругался и захлопнул калитку, не обременив себя последним «прости». Мешок, впрочем, унес с собой. Даже веревкой не побрезговал.

...подвальное окошко тихонько поскрипывало, покачиваясь на петлях из стороны в сторону...

* * *

Насчет альтруизма я, конечно, пошутила. Честные пивовары не успокоились, пока не всучили-таки мне небольшой кошель с деньгами. Мы оформили это как «безвозмездный дар, не подлежащий налогообложению»...

ХОЗЯИН

Утро выдалось тяжелое. Быть может, в этом повинны были трескучие морозы, первые в этом году, хотя дело уже шло к середине зимы, или серое небо, затянутое тучами и пылившее колючей снежной крупкой; не поднимал настроения и мрачный вороний крик, доносившийся с кладбища, поскрипывавшего суставами старых берез.

Староста глухой, затерянной среди лесов и болот деревеньки Замшаны был склонен приписывать свое угнетенное состояние чему угодно, только не бутылки самогона, распитой на ночь глядя. Лежа в кровати и с усилием щурясь на тусклый холодный рассвет за окном, староста пытался унять головную боль, с нажимом массируя виски. Жена тихо посапывала на закопченной печи, детишки, сынишка и дочка, спали валетом на высокой кровати. Басисто мурлыкал толстый рыжий кот, примостившийся под боком у девочки. В подполе деловито шуршали и попискивали мыши.

Староста приподнялся на локтях, отбросил одеяло, встал, нащупывая ногами лапти. Подошел к окну. По дороге, затирая следы, клубилась поземка. Ветер посвистывал в печной трубе, шелестел голыми прутьями малинника. Пес дремал в будке, свернувшись калачиком и укутав нос пушистым хвостом. Из трубы на соседской крыше медленно сочился белый дымок. На дубу сидела черная длиннохвостая и короткогривая лошадь. Снегопад высеребрил ей круп и холку.

Лошадь?! Староста протер глаза и прижался носом к холодной слюде окошка.

Дуб был высокий, локтей сто в высоту и не меньше двух обхватов у комля. Лошадь стояла на нижней ветке, на три человеческих роста от земли, и задумчиво смотрела вниз, время от времени встряхивая головой и досадливо фыркая. Ноги лошади казались кривыми из-за неестественно вывернутых вбок суставов, чтобы удобнее было держаться за ветку когтями... Загнутыми книзу копытами?

Староста торопливо перекрестился и начал бормотать первую пришедшую на ум молитву, как позже сообразил – заздравную. Белая горячка в лице черной лошади осторожно переставила сначала левую заднюю, потом правую переднюю ногу, задом пяясь к стволу.

Отпрянув от окна, староста с шелестом задернул занавески, осел на стул, прижимая левую руку к груди и безумно оглядываясь по сторонам.

Лавка. Кровать. Печь. Стол с вымытой и перевернутой донцами вверх

посудой. Ларь для хлеба и прибитая к стене деревянная солонка. Жена, такая реальная и привычная, перевернулась во сне, пробормотав что-то неразборчивое.

Отдернул занавески.

Черная лошадь на дубу задумчиво чесала холку правой задней ногой.

Снова задернул.

– Ты чего там с занавесями возишься, спать не даешь? – Сонный голос жены звучал хрипло и грозно. – Опять вчера нажрался с дружками своими, чтоб им пусто было, приполз на бровях за полночь? Ночью спать не давал, и утром от тебя покою нет! Чего ты на меня уставился? Не протрезвел ишшо? Так я тебя быстро сковородником оприходуя!

– Там... – Староста беспомощно ткнул рукой в сторону занавешенного окна. – Лошадь...

– Ну?

– Лошадь... на дереве!

– Ну? – все так же недовольно допытывалась жена.

– Ты чего, не понимаешь? На дереве!!! Сидит на ветке, чисто ворона!

– Делов-то! Нашел чем удивить! Вечор, пока ты с дружками пьянствовал, ведьма в деревню приехала! У вдовы Манюшиной остановилась, та ей ужин справила и комнату выделила. Ничего, говорит, ведьма, молодая и симпатишная, и не страшная нисколечки. Спину ей вылечила и курей от мора заговорила. Сходил бы ты к ней, купил, что ли, молодильного зелья какого. А то пользы от тебя, хрыча старого...

Староста облегченно откинулся на спинку стула.

Слава богу... с трезвым образом жизни еще можно было повременить...

* * *

Меня разбудила Линка, младшая дочка вдовы. Под одеялом было тепло, чего не скажешь о прохудившейся, источенной ненастьем и временем вдовьей хатке с выставшей за ночь печью. Мороз ударил внезапно, утром лошадь брезгливо трусила вдоль вязкой каши, стоявшей ровень с краями колеи разбухших от осенних дождей дорог, но уже к обеду лужи затянуло ледком, повалил снег, и, когда я наконец завидела вдали тусклые отблески тлеющих в домах лучин, у меня зуб на зуб не попадал, а меховой воротник оброс льдинками от клубящегося изо рта

пара.

– Тетя ведьма! – Шестилетняя малышка в длинной ночной сорочке вскарабкалась на кровать и со всего размаху плюхнулась мне на живот поверх одеяла. – Тетя ведьма, а вы сегодня колдовать будете?

– Буду... – процедила я сквозь зубы, из последних сил цепляясь за ускользающий сон.

– А меня научите?

– Нет.

– Почему?

– Потому что первым делом я превращу тебя в мышку, а мышки колдовать не умеют...

– А я расколдуюсь и сама превращу вас в мышку! – после секундного замешательства выпалила девочка, подскакивая на моем животе, как пружина. Бесподобные ощущения.

– Ребенок, дай тете ведьме поспать! – простонала я, натягивая одеяло на голову.

– А разве ведьмы спят?

– Спят. Когда им не мешают.

– Преврати меня в мышку! Я хочу жить в норке!

Я отчаялась заснуть и села, откинув одеяло вместе с Линкой.

– Мама спит еще?

– Ага. Разбудить?!

– Не надо, – торопливо сказала я, протягивая руку за висящей на стуле одеждой. – Одевайся, простудишься.

– Не простудюсь! – убежденно заверила меня девочка. – А ваша лошадка не простудится?

– Смолка? Нет, она мороза не боится, у нее шубка теплая. Хочешь, пойдем ее проведем?

– Хочу. А она к нам спустится или мы к ней полетим?

– Что? – Я выглянула в окно.

Смолка, словно почувствовав мой взгляд, повернула морду в нашу сторону и хрипло заржала.

– Вот леший... – выругалась я.

– Где?

– Что – «где»?

– Леший! – уточнила Линка, натягивая штанишки явно задом наперед, так что вытертые пузыри над коленками оказались под ними.

– Испугался меня и убежал. Пошли.

На улице шел снег, мелкий и редкий. Порывистый ветер обращал его в

тонкие иглы, впивавшиеся в лицо. Линка в своем коротком сером полушубке походила на упитанного зайца, пропустившего осеннюю линьку.

Прикрыв глаза рукой, я долго разглядывала лошадь, застывшую на ветке подобно испуганной черной кошке.

– Смолка, иди сюда!.. – наконец вымолвила я, пропустив кучу непечатных слов до и еще больше – после этого краткого обращения к неразумной скотине.

Лошадь печально смотрела вниз, моргая облепленными снегом ресницами.

– Слазь, дурочка, замерзнешь ведь! – смягчилась я.

Смолка вздрогнула всем телом и тихо, мелодично заржала, словно жалуясь на неведомого обидчика.

– Ну и что мне с тобой делать? – вслух подумала я.

– Давай ее спилим! – немедленно предложила Линка. – Я знаю, где у мамы пила стоит, только она без ручки и тупая!

Я содрогнулась, представив, как «обрадуется» здешний староста, увидев вековой дуб, реликт и гордость деревни, лежащим посреди густо усыпанной опилками площади.

– Пожалуй, мы прибережем этот радикальный метод на самый крайний случай. Смолка, спускайся! У меня есть что-то вкусненькое!

Я сделала вид, что достаю из кармана кулак с зажатым в нем лакомством.

Лошадь заинтересованно вытянула шею, раздула ноздри.

– Ой, а у вас правда есть что-то вкусненькое? – Линка запрыгала вокруг меня, как козленок. – А мне дадите?!

– Нет, это только для лошадки. – Мое терпение начинало истощаться. Смолка, догадавшись, что ее обманывают, отвернулась с оскорбленным видом.

– А что ваша лошадка любит? – не унималась малявка. – Может, я такое тоже люблю?

– Все. Особенно маленьких девочек, – досадливо бросила я, выразительно поглядывая на Линку.

***

Стоило жене подняться с печи, как старосте захотелось бежать прочь

из избы. И острый же язык у этой треклятой бабы! Все припомнила: и что пьяный пришел, и как на собрании с мельничихой перемигивался, и даже про забор, что чинить давно пора, не забыла...

Староста не имел опыта общения с ведьмами. Но, выбирая между женой и ведьмой, постепенно склонялся в сторону последней. Вяло огрызаясь, он застегнул тулуп, нахлобучил волчий треух и с наслаждением хлопнул входной дверью.

Ведьму он узнал сразу. Женщина лет двадцати пяти, рыжевато-русая, с приятными чертами лица, слегка подпорченными профессиональным, жестким и презрительным, выражением. Ведьма задумчиво смотрела вверх, поджав тонкие губы. Трепетали на ветру длинные волосы, трепетал длинный хвост стоящей на дереве кобылы.

Под ногами у ведьмы крутилась младшенькая вдовой Регеты Манюшиной, пытаясь слепить снежок из тоненького слоя рассыпчатой снежной крупы.

Не осмеливаясь заговорить, староста застыл на почтительном расстоянии от дуба. Деревня еще спала, центральная площадь сжимала виски гулкой и непривычной пустотой. Говорят, ведьмы крадут маленьких детей и варят из них свое колдовское зелье. Вот сейчас схватит девочку в охапку, вспрыгнет на метлу – и поминай как звали. Надо бы вмешаться, пока не поздно, прищучить лиходейку, чтоб неповадно было окаянной детишек несмышленных речами сладкими приваживать.

С другой стороны, совершать подвиг путем атаки на ведьму с голыми руками старосте тоже не хотелось. Да и королевские свитки, приколотые к верстовым столбам, предписывали оказывать колдунам и ведьмам – практикующим магам, как по-ученому именовались наемные волшебники, – всяческую помощь, преград в их богомерзкой деятельности не чинить, на кострах не сжигать, собаками не травить и камнями не швыряться. Впрочем, и сжигали, и травили, и швырялись.

Тут Линка обернулась и увидела старосту, нерешительно переминающегося с ноги на ногу.

– Тетя ведьма! – радостно взвизгнула она, дергая женщину за рукав кожаной куртки с меховым воротником. – Вон дядя староста идет! Давай его в мышку превратим!

Ведьма обернулась, скривила губы в ироничной усмешке.

Идея пустить Линку на декокт уже не казалась старосте такой отвратительной.

* * *

После четверти часа уговоров и угроз стало ясно, что Смолка сама с дуба не слезет. Прыгать она боялась, а развернуться мордой к стволу и спуститься по нему не могла. Тем не менее следовало сманить ее как можно быстрее, пока селяне не начали проявлять повышенный интерес к диковинной зверушке. Хорошо, если дело ограничится зрелищной потехой, о которой будут со смехом рассказывать по окрестным корчмам. Меньше всего мне хотелось, чтобы Смолку сочли порождением нечистой силы и сожгли вместе с дубом.

Ну вот, принесла его нелегкая!

– Доброе утро, не правда ли? – преувеличенно жизнерадостно приветствовала я старосту.

– Здра... кхе... Добр... стал быть... Ну я пойду?

– Куда? – удивилась я.

Староста затравленно огляделся, словно ища путь к отступлению.

– Это... домой...

– Так вы ж только что из дома! – резонно заметила Линка.

– Дык... это... прогулялся, стал быть, воздухом подышал – и домой! –

Староста боязливо пятился спиной вперед. Я, озадаченная его странными манерами, пошла следом.

– Может, у вас какая работа для меня найдется? Целительство, ворожба, декокты, упокоение...

Староста охнул и, оступившись, сел в снег.

– Помилуйте, госпожа ведьма! Не лишайте живота, не оставляйте жену вдовой, детишек сиротами!

– Давай лишим его живота! – вмешалась Линка. – А то вон какой большой вырос, аж тулуп не застегивается!

– Не валяйте дурака, вставайте! – рассмеялась я и добавила, скорчив злобную рожу: – А этот не по годам смысленый ребенок сейчас у меня получит по первое число!

Линка захихикала и спряталась за дуб.

– А вот и не поймаешь!

Я погрозила Линке пальцем и снова повернулась к старосте.

– Что это на вас нашло, уважаемый?

– Дык вы ж это... упокоение помянули. – Кряхтя, староста поднялся, сиюсь рассмотреть через плечо выпачканную снегом спину.

– Точно. Ликантропы, кикиморы, кашуры, нетопыри, глыдни... Вы,

надеюсь, к ним не относитесь?

Староста вытаращил на меня глаза:

– Что вы, госпожа ведьма, у нас отродясь такой пакости не водилось!

– Жаль-жаль... – задумчиво протянула я. – То есть работы для меня тоже нет... Ну что ж. Позавтракаю и поеду дальше.

Обещание покинуть деревню после завтрака пришлось старосте по вкусу. Заметно прибодрившись, он уже не торопился покидать мое неприятное общество.

– А не найдется ли у вас какого зелья, чтобы жену к порядку призвать? – с надеждой спросил он. – До того ворчливая баба стала, ну никакого спасу нет! Мужика своего в грош не ставит, все пилит и пилит, ровно лесину старую! Эвон какую плешь проела!

– Ядами не торгую. А менее радикальных средств от жен еще не придумано. – Я снова посмотрела вверх. Смолка ответила мне удрученным взглядом.

– Ваша кобылка-то? – заискивающе поинтересовался староста.

– А что, не видно?!

– Экая ловкая бестия! – озадаченно покачал головой селянин. – И как это ее угораздило?

– Она собачки испугалась! – сообщила Линка, опускаясь на четвереньки. – Большой собачки! Р-р-р-р!

– Вставай, штанишки испачкаешь. – Я наклонилась, перехватила Линку поперек живота... и тут же выпустила.

Ручонками в цветастых варежках девочка упиралась в следы широких трехпалых лап.

* * *

Ведьма заметно изменилась в лице. Опустившись на корточки, она стянула правую перчатку и, растопырив пальцы, медленно приложила руку к странному следу. Изящная женская ладонь едва-едва покрыла треть отпечатка.

– Плохо дело... – Ведьма убрала руку и проследила глазами путь странного существа. Ее взгляд уперся в ствол дуба. На коре отчетливо выделялись шесть глубоких желтоватых царапин – следы соскользнувших когтей.

– Что это? – внезапно охрипшим голосом спросил староста.

– Модифицированный химероид.
– Чего?
– Загрызень, – коротко пояснила ведьма.
У старосты потемнело в глазах, замутило от ужаса.
Загрызень... В его деревне!
– Бейте в набат, – приказала ведьма. – Немедленно. Созывайте людей.
Если еще есть кого созывать...

* * *

Ну вот, только что жаловалась на отсутствие работы – и на тебе! Накаркала!

С последним ударом набата все жители деревни собрались на площади. Страшная весть распространялась подобно огню по сухой траве. Мужики угрюмо молчали, бабы укачивали ревущих младенцев, ребятишки постарше, не сознавая опасности, гонялись друг за другом, швыряясь снежками.

Ветер поменял направление и задул с юга, сбив облака в серую беспросветную пелену. Снег повалил крупными мокрыми хлопьями. Утро больше походило на ранние сумерки. Кое-кто из селян принес с собой зажженные факелы, многие сжимали в руках топоры и вилы.

– Все в сборе? – спросила я, беспокойно оглядывая людей. Много. Слишком много. Как говаривал один знакомый пастух, чем больше отара, тем вольготнее волку. Ты с одной стороны стада, он – с другой. Ты его видишь – и он тебя видит, и оба вы отлично понимаете, что ты не успеешь обежать отару, чтобы помешать хищнику зарезать тройку-другую овечек.

Понеслись дружные выкрики – мол, все, все, не беспокойтесь!

Именно это и внушало мне особенное беспокойство.

Наконец откуда-то из задних рядов раздался тонкий девичий голос:

– Полота-бобыля нет!

– Точно, нет! – зашушукались в толпе. – А где ж он?! Ой, бабоньки!

– Стойте здесь, – сурово приказала я. – Не расходитесь! Держитесь плечом к плечу, женщины и дети – в центр ота... круга. Староста, присмотрите за порядком! Где хата этого бобыля?

Проследив за направлением десятка трясущихся рук, я увидела далеко на отшибе приземистую хатку за высоким некрашенным забором.

– Прекрасно, – мрачно буркнула я себе под нос. – Заблудшая овечка.

Ну что ж, юная пастушка, прогуляемся...

* * *

Животное встретило меня неприветливо. Стоило мне приоткрыть створку ворот, как оно разразилось пронзительно-въедливым лаем. Назвать это мелкое и облезлое существо собакой не поворачивался язык. Хватило угрожающего взгляда в ее сторону, чтобы шавка с визгом скрылась в конуре.

Окна покосившейся хатки были закрыты ставнями изнутри. В открытых сенях греблись куры. Стоило моей тени упасть за косяк, как они с истошным квохтаньем заметались по клетушке, взлетая над моими плечами и проскальзывая мимо ног.

Покачав головой, я переступила порог сеней, прислушалась, В воздухе кружились перья пополам с мелкой пылью. Из дома доносились хрипы и глухое утробное рычание.

Я тихонько придавила язычок щеколды и под сдавленный скрип двери проскользнула в горницу.

Первое, что бросилось мне в глаза, – пестрое лоскутное одеяло на печи. Вышеупомянутая постельная принадлежность выпирала высоким горбом, подергивалась, шевелилась, ритмично поднимаясь и опускаясь.

Из-под одеяла доносился молодецкий храп.

Хмыкнув, я подошла к печи и чувствительно шлепнула горб по верхушке.

Храп принял угрожающий оттенок и прервался. Показалась встрепанная голова с опухшим со сна лицом.

– Ась?!

– Вставай, мужик! – громко сказала я. – И силен же ты спать – набата не слышишь!

– А чаво?

– А таво! Загрызень в деревне!

– Ты, что ль? – ехидно поинтересовался бобыль.

– Ну вот что, шутник! – рассердилась я. – Либо ты сейчас же встаешь, и я провожаю тебя на площадь, либо будешь отмахиваться от загрызния подушкой!

Ворча, селянин вылез из-под одеяла, накинул тулуп на голое тело, долго искал под печью и лавками портянки, потом лапти. Я уже начала

терять терпение, когда он наконец бережно сунул за пазуху бутылку с мутным напитком, источавшим резкий запах брожения, и соизволил уведомить меня о своей полной готовности к перемещению на площадь.

* * *

События на площади начинали выходить из-под контроля. Неизвестность и бесплодное ожидание выводили людей из себя, несмотря на робкие увещевания старосты. Накапливалось болезненное раздражение. Толпа волновалась, участились беспорядочные выкрики – мол, надо расходиться по домам, запирайтесь и никого не пущать, особенно ведьм и колдунов, неча такой завихренью посереде улицы наподобие идолов каменных леденеть.

– Да с чего вы взяли, что он здесь, загрызень-то? – выступил вперед молодой парень драчливого вида в сбитой набок шапке. – В лесу, поди, заячьих следов видимо-невидимо, так по-вашему выходит – табунами косые ходят, руки пошире расставь – и мимо зайца не промахнешься!

Толпа всколыхнулась смешками.

– Где он, ваш загрызень? – продолжал парень. – Видел его кто? Пробежал мимо деревни в потемках – и вся недолга. Слушайте вы больше эту ведьму – ей лишь бы к нам в карман лапу свою загребушшую запустить поглубже, вот и морочит голову простому люду! Не верьте ей, расходитесь по домам и ни о чем не тревожьтесь!

– Расходитесь-расходитесь, – мрачно поддакнула ведьма, проталкиваясь сквозь толпу. За ней послушно семенил живой и здоровый Полот. – Только учтите: загрызень НИКОГДА не пробегает мимо...

Никто не двинулся с места. Разговоры и смех прекратились как по мановению волшебной палочки. Селяне выжидающе уставились на молодую женщину.

– Что делать-то будем, госпожа ведьма? – жалобно спросил староста. – Деревенька наша глухая, до темноты в город не доберемся, помощи ждать неоткуда. Не оставьте без защиты, уж мы потом не поскупимся...

Ведьма пристально посмотрела старосте в глаза. Пронзительный, испытующий и дерзкий взгляд каленой спицей прожег его до самого затылка.

– Не оставлю, – наконец вымолвила она. – Но еще один такой умник с теорией заячьей относительности – и я снимаю с себя всякие

обязательства!

* * *

Я не стала уточнять, что дневной свет загрызню не помеха. Петушиное пение не спасало людей от напасти. Пока в деревне остается хотя бы один человек, тварь не уйдет из округи. Будет кружить, выжидать, подкарауливать. Пока не добьется своего.

И тут, словно в подтверждение моих предыдущих слов, из леса, едва темнеющего сквозь метель, донесся леденящий душу вой. Несколько человек упали на колени, закрывая руками уши, заголосили бабы, тревожно всхрипнула Смолка. Целая стая голодных волков не смогла бы вселить в человека такой ужас, как этот одинокий, быстро оборвавшийся звук, больше похожий на предсмертный вопль.

* * *

Загрызень. Так окрестили это ужасное существо еще во времена Противостояния, последней магической войны. Оно не было нечистью в прямом смысле слова, ибо нечистые силы не имели никакого отношения к его появлению на белом свете. Над созданием химероида кропотливо трудились лучшие маги-ренегаты. Безграничная кровожадность, неутомимость и достойная человека хитрость, практическая неуязвимость в сочетании с чудовищной силой, абсолютное подчинение создателям и способность к размножению без спаривания делали загрызню опасным противником не только для трусливых селян, но и для выдавших виды боевых магов.

Во время Противостояния, когда Белория разделилась на две охваченные войной половины, каждая из которых стремилась стать целым, не гнушаясь никакими средствами, загрызней напускали на бежавших в леса повстанцев-селян. Очень скоро охотников до вольготной чащобной жизни значительно поубавилось. Когда ренегаты были повержены, осиротевшие, сбитые с толку загрызней разбежались кто куда. Еще не один десяток лет они представляли угрозу, сравнимую разве что с эпидемией чумы, выкашивая не деревни – целые области.

Насколько, я знала, за последние пятьдесят лет загрызней видели

трижды, всех – на юге страны. До сегодняшнего дня считалось, что север очищен от них полностью, и лишь в страшных сказках нет-нет да мелькало упоминание об огромном невидимом волке размером с лошадь, клыкастом, как медведь, и когтистом подобно рыси.

А еще я помнила, что эти три загрызня убили четверых магов, прежде чем отойти в область легенд и преданий.

* * *

Ведьма ненадолго задумалась.

– Есть у вас какое-нибудь общественное заведение попросторнее, чтобы все поместились? Ну, корчма там, постоялый двор, амбар, что ли?

– Храм разве что... – несмело предположил староста. – Только он заколоченный стоит с тех пор, как божий служитель в город убежал, книжек смутных начитавшись. Решил ереси, сиречь искусству магическому, учиться.

– Ведите!

При виде храма, мимо которого он, не задумываясь, проходил по семь раз на дню, старосте стало стыдно. Стены облупились, крыльцо провалилось, на венчавшем купол кресте свила гнездо сорока.

Впрочем, ведьму больше интересовала толщина стен и дверных створок. Под ее командованием доски с двери оторвали, окна оставив как есть. Бегло осмотрев храм изнутри, ведьма осталась довольна и велела заходить поодиночке, сама став при входе.

* * *

Ха-ха, удивляюсь, что в деревне не завелось чего похуже загрызня! Чего стоил хотя бы изъеденный мышами амвон, светившийся подобно решету! Стены заволокло паутиной, как в замке с привидениями, а пыльные образа вполне могли сыграть роль фамильных портретов. Для полноты картины не хватало только летучих мышей под потолком.

Как бы горячо маги ни отрицали религию, сколько бы ни утверждали, что она не что иное, как «мандрагора для народа», факт оставался фактом: при равных условиях упырь или стрыга всегда выбирали человеческое селение «без креста», то есть подъезды к которому не охранялись

вкопанными на обочинах деревянными крестами.

* * *

Первым счастливицам удалось занять места на длинных лавках, опоздавшим пришлось садиться на пол. Факелы никто не гасил, и вскоре сквозь неплотно заколоченные окна стало пробиваться зловещее красное сияние, словно я собирала народ не в укрытие, а на черную мессу.

– Тетя ведьма! – Линка требовательно дернула меня за подол. Я недоуменно уставилась на нее: за дверями оставалась еще добрая треть людей, но я точно помнила, что Линкина мать вместе с двумя старшими дочерьми уже прошли в храм.

– Ты что тут делаешь? А ну, марш к маме!

– Не хочу, там душно и плохо пахнет! – пискнула девочка, лукаво поглядывая на меня снизу вверх.

– Тогда стой рядышком и никуда не отходи, – приказала я, решив не отвлекаться на отлов и возвращение Линки в лоно храма.

– И на шажок нельзя?

– И на полшажка! – отрезала я. – Куда с козой?! Ты бы еще корову приволок, дурень!

– А че, можно? – с надеждой спросил великовозрастный парень туповатого обличья. Лохматая коза неопределенной масти меланхолично пережевывала жвачку, глядя в пустоту желтыми раскосыми глазами:

– Никакой живности, кроме двуногой! Живо в храм, не задерживай очередь!

– А с козой че делать?

– Привяжи к забору, потом заберешь.

– А вдруг скрадет кто? – насупился парень.

Чей-то ехидный голос из толпы доходчиво объяснил парню, что рога, которые останутся от козы к утру, понадобятся разве что старьевщику.

– Без козы не пойду! – заупрямился парень. – Пушай с козой, ведьма, имей сострадание к животине, она ж, говорят, тебе родственница самая что ни есть ближайшая!

– Что?! – вознегодовала я. – Чья родственница?! Да ты на себя посмотри... свояк по мужской линии!

Живая очередь заволновалась; всем хотелось побыстрее очутиться под защитой храмовых стен, и на незадачливого скотовладельца обрушился

шквал ругани и упреков.

Коза продолжала жевать, часто подергивая куцым хвостом.

– Тетя, отгадай загадку! – Звонкий голос Линки перекрыл шум свары. – Без ножек, а ножками ходит!

Селяне как-то разом присмирели, парень с козой отошел в сторону, видимо надеясь проскользнуть с ней в самом конце.

– Ну тетя ведьма! Отгадай загадку! – не отставала Линка, дергая меня за подол, как юродивый – за веревку колокола.

– Не знаю, – буркнула я, только чтобы отвязаться.

– Я тоже не знаю, – вздохнула девочка. – Думала, вы знаете... Вон оно!

Линка торжествующе ткнула варежкой куда-то вбок.

На нас бесшумно надвигались трехпалые следы.

* * *

Если бы ведьма приказала селянам от всей души предаться панике, ей и то не удалось бы добиться такого беспрекословного повиновения. Оставшиеся за порогом женщины подняли истошный крик, ему вторили приглушенные вопли изнутри. Очередь стянулась в бушующую толпу, беспорядочно ломящуюся в храм.

Ведьма отскочила в сторону, подхватив на руки Линку – иначе бы их просто-напросто раздавили. Староста, чей пост обязывал пропустить всех односельчан вперед, не то чтобы оцепенел, скорее, обрел некое леденящее спокойствие. Стоя чуть поодаль от двери, он наблюдал за происходящим, не зная, чему больше удивляться – то ли буйству нечистых сил, то ли своему мужеству.

Невидимое существо, сообразив, что добыча скоро исчезнет из пределов его досягаемости, перешло на размашистый бег – теперь отпечатки появлялись парами, далеко друг от друга.

Ведьма, выпрямившись во весь рост, чертила в воздухе чародейские знаки. Загрызень мчался прямо на нее.

Староста так толком и не понял, когда заклинание было сплетено и пущено в ход. Не было ни эффектных молний, ни громовых раскатов – только глухой удар.

Раздался короткий визг, сменившийся тонким поскуливанием, невидимое тело отбросило назад и боком прокатило по снегу, распахав

широкую полосу. Почти сразу же загрызень вскочил на лапы. Страшно ожидать опасности из ниоткуда, но еще страшнее видеть висящую в воздухе, едва намеченную комками снега половину тела огромного волка с невероятно вытянутой мордой. Тварь встряхнулась и снова исчезла.

Ведьма подобралась, выставила вперед чуть тронутые свечением руки, но загрызень одним прыжком развернулся и помчался к лесу.

Тяжело дыша, ведьма бросила взгляд на храмовую дверь. Несмотря на волнение, искажившее ее черты, ей было отчего улыбнуться.

Поскольку желающих проникнуть в храм оказалось куда больше, чем позволяла ширина проема, все паникеры так и остались снаружи, разве что изрядно намяли друг другу бока.

* * *

Плохо, ужасно, отвратительно!

Я была очень недовольна собой. Примитивный силовой удар на уровне рефлексов застигнутой врасплох адептки седьмого курса – первое, что пришло в голову, – только навредил. Теперь тварь будет вести себя куда осторожнее, а силы, потраченные на генерацию заклинания, мне бы еще ох какгодились.

– Да хватит вам бока мять! – досадливо сказала я. – Все уже, все. Можете не торопиться.

Свалка у дверей постепенно прекратилась, пристыженные селяне, охая и потирая поясницы, восстановили некое подобие порядка.

– Тетя ведьма, а что это было? – Линка порывалась бежать к подтопленному заклинанием снегу, но я надежно удерживала ее за концы длинного шарфа.

– Собачка.

– Ой, а можно ее погладить?

– Нет, это чужая собачка, не надо ее трогать, хозяин рассердится.

– А если я его очень-очень попрошу?

Я только вздохнула.

Последний селянин скрылся в храме, и дверь тут же захлопнулась, дребезгнув засовом.

– Эй, не так быстро! – метнувшись к двери, я стукнула по ней кулаком. – Регета, заберите своего ребенка, пока я не передумала!

Жалобное козье бляение было мне ответом.

– Если... Вы... Сейчас же... Не откроете, – я тщательно разделяла слова вескими паузами, – то от вашего последнего пристанища останется один каркас, и тот обугленный!

Изнутри тоненько завывали от страха, завозилась, зашуршали, и надломанный страхом старостин голос спросил сквозь дверь:

– А кто это говорит?

– ...! Я говорю!

– Побожись! – сурово потребовал староста.

Я выругалась так грязно и замысловато, что он поверил. Дверь приоткрылась узкой щелью, в лицо пахнуло теплом и едким дымом факелов. Слышно было, как Регета, проталкиваясь к входу, слезно умоляет вернуть ей дочь.

– Линка! – Я оглянулась и застыла на судорожном вдохе – ребенка давно уже не было рядом; девочка неторопливо брела по следам загрызня в сторону леса и успела отойти довольно далеко. На мой возглас она оглянулась, помахала выпачканной снегом варежкой.

– Линка, вернись! – спотыкаясь в сугробах, я побежала вслед за малышкой.

Снег прекратился, небо просветлело узкой полосой, даже ветер стих на время. Наступила тишина, словно перед бурей.

Ошеломленная моим истошным криком, девочка застыла как статуя. Она не шелохнулась, даже когда я со всего размаху упала перед ней на колени, поскользнувшись на мокром снегу.

– Тетя ведьма, что-то случилось? – осторожно поинтересовалась Линка, обнимая меня за шею.

– Ничего, детка. Все в порядке. Я просто за тебя волновалась.

Через Линкино плечо я смотрела на одинокую цепочку убегающих вдаль следов.

Что-то было не так. Что-то неправильно.

Треугольная подушечка лапы. Три пальца. Три длинные черточки когтей.

Четыре.

Еще одна черточка мягко легла на снег.

Загрызень возвращался хвостом вперед по собственным следам.

* * *

Как он догадался, что я его засекала, ума не приложу!

Не успела я поднять руку, как в воздух полетели комья снега, отброшенные задними лапами твари, и загрызень, петляя, понесся к лесу, как застигнутый в курятнике лис.

– А чтоб тебя!

Я встала, подхватив Линку на руки и попутно наложив на себя защитный контур, предупреждающий об опасности на расстоянии до ста локтей. Конечно, сто локтей для загрызня — это четыре прыжка, но все лучше, чем ничего.

Дверь, естественно, снова была заперта, но, когда я пнула ее ногой, почти сразу распахнулась – Линкиной матери удалось пробиться к выходу, она и отодвинула засов, тут же приняв у меня ценный груз.

– Ну, теперь все собрались? – Вопрос был отчасти риторическим, но мне хотелось его задать, чтобы услышать хоть одну добрую весть за этот день.

– Все!

– Только один дяденька ушел. – Линка не утомилась даже на руках у матери, ловко уворачиваясь от ее лихорадочных поцелуев. – В большии-их лаптях!

На белом снегу отчетливо выделялись глубокие отпечатки плетеной обуви. В отличие от сотни других, их владелец бежал не в храм, а прочь от него. Определенно, я выбрала плохой день для риторических вопросов.

– Чьи следы? – повысила я голос. – Чьи следы, я спрашиваю?!

– А мельника с Кутькиной запруды, что с утра по зерно приезжал! – беззаботно откликнулся парень с рогатой «родственницей». – Он со мной при входе стоял, а как страховидло углядели, я в храмину скоренько – шась! – а он ка-а-ак даст деру!

Я мысленно застонала. На колу мочало, начинай сначала! Запас дураков в деревне Замшаны превосходил самые смелые ожидания. Лучше бы я пасла овец. За ними и то легче уследить.

– Из храма никому не выходить! – процедила я сквозь зубы. Зла на них не хватает! – Староста, это вы трясетесь под лавкой? Лучше придвиньте ее к двери, надежней будет. У кого оружие – встаньте у окон. Помните, эта тварь так же уязвима, как любой из вас. Если не струсите и навалитесь всем скопом, отскребать ее с пола придется вместе с досками. Но это на крайний случай. Сейчас я отправлюсь на ее поиски и когда вернусь...

– А ежели не вернетесь? – испуганно перебила меня одна из селянок.

– А вы за меня помолитесь. Место подходящее, – посоветовала я, захлопывая дверь.

* * *

Следы вывели меня в чистое поле, как нельзя более пригодное для битвы с чудом-юдом из народных сказок. Мельник бежал очень бестолково, по крайней мере никакой логики в его петлянии по сугробам я не обнаружила – куда ни глянь простиралась снежная равнина, где-нигде зачерненная купками тоненьких осинок и низких кустов шиповника.

Он успел отбежать довольно далеко, деревня на фоне остроконечной гребенки темного леса едва виднелась на горизонте, когда следы лаптей причудливо переплелись с цепочкой когтистых отпечатков.

Я остановилась. Лапти и лапы финишировали в куцей рощице из семи-восьми молодых березок да десятка разлапистых, припорошенных снегом елочек. Сквозь редкие стволы можно было разглядеть нетронутый снег по ту сторону рощи.

Амулет давно висел у меня на шее, оставалось лишь зажать его в кулаке. Контур пришлось деактивировать: эта тварь чует магию не хуже свежей крови.

Сколь бы ненадежным заслоном ни были деревца, наметенные вокруг них сугробы не давали мне разглядеть, что происходит в самой рощице. Спустив капюшон на плечи, я прислушалась. Засосало под ложечкой – тихое чавканье и похрустывание ни с чем нельзя было перепутать.

Загрызень убивает всегда одинаково – прокусывая затылок, но самое лакомое для него – trebуха, особенно печень. Ее он съедает в первую очередь. Если поблизости можно раздобыть еще свежатины, этим и ограничивается. Хотя бывали случаи, когда от человека оставались лишь бедренные кости.

Я еще немного помялась на месте, обозвала себя трусихой и шагнула вперед, раздвигая ветки.

Труп мельника подергивался на истоптанном, окровавленном снегу, вокруг него в радиусе десяти локтей, как рассыпанные клюквинки, алели на белом единичные капли крови. Невидимый загрызень так увлекся трапезой, что мне пришлось деликатно кашлянуть (ничего лучше не пришло в голову), совершенно напрасно привлекая его внимание.

В последний раз рванув труп, загрызень выпростал морду из зияющей дыры в брюшной полости жертвы, облизнулся. Вымазанная кровью морда была заострена наподобие крысиной, вместо невидимых глаз просвечивал алый снег. Жуткая маска замерла в воздухе на уровне моего лица.

Как ни странно, загрызень не торопился нападать. С любопытством

наклонив голову, он разглядывал меня с благодушием гурмана, обнаружившего на блюде еще одну устрицу.

– Ну ты нахал! – прошипела я. – А ведь уже сталкивался со мной, знаешь, на что способна...

Вокруг загрызня широким кольцом вспыхнул снег. Словно очнувшись, зверь взвыл, присел на задние лапы, потом начал лихорадочно метаться за чертой пламени, всюду натываясь на огненный заслон. Запахло паленой шерстью.

Амулет в руке нагрелся, завибрировал. Так быстро?! Я надеялась, что мне хватит собственных сил, амулет был лишь подстраховкой. Тварь оказалась куда как сильна, она рвала мое заклятие, как силок из гнилой бечевы.

Взять загрызня на измор не удавалось. Стандартный самозатягивающийся контур, столь эффективный против мгляков и вурдалаков, задержал его, не более. И если не предпринять решительных действий, изморенной окажусь я. Возможности мага ограничены, он не может бесконечно швыряться молниями и сфероидами, и его задача заключается не только в знании и применении заклятий, но и в умении правильно оценить и распределить свои силы.

Хотелось бы себе польстить, но – увы! Я уже истоцилась на три четверти. И с каждой секундой промедления список доступных заклинаний уменьшается.

Ждать было некогда.

Закрыв глаза, я нараспев читала один из самых редких и разрушительных экзорцизмов своего арсенала, стараясь не думать, что произойдет, если я перепутаю хотя бы одну букву, один символ, один штрих витиеватого плетения слов и мыслей.

Не перепутала.

Заклинание сжало мое сердце в острых когтях, огнем пробежало по жилам, превратив меня в единый сгусток силы, содрогнуло легкие в пронзительном крике и рванулось прочь, оставив после себя пустоту и боль.

Рев загрызня и рев пламени смешались воедино.

И наступила тишина.

Я открыла глаза.

В черном круге лежал желтоватый костяк. Невидимость была свойством исключительно живой материи.

Глубоко вздохнув, я подошла, нагнулась. Прихваченный за глазницу череп глухо лязгнул челюстью. Имея за плечами высшее магическое

образование, я не понимала, почему знахари так высоко ценят клыки всевозможных монстров, но без зазрения совести сбывала им свои трофеи. Еще меньше я сочувствовала их пациентам. Будут знать, как обращаться к шарлатанам.

Не успела я сделать и ста шагов, как мне почудилось, будто кто-то смотрит мне в спину. Поддавшись искушению, я обернулась. Никого. Только вновь расшалившийся ветер покачивает еловые лапы да начинает порошить утихший было снег.

Решительно повернувшись, я пошла к деревне. Ноги подгибались, руки дрожали. Назойливый взгляд еще немного побуравил мне спину и исчез.

«Нервы ни к лешему», – мимоходом подумала я.

* * *

Несмотря на удачную охоту, я чувствовала себя как-то неуверенно. Впрочем, такое со мной случалось частенько – ведьме, привыкшей всецело полагаться на магию, трудно переносить ее отсутствие, даже зная, что через пятнадцать-двадцать часов магические способности полностью восстановятся. Уже спустя сорок минут я смогу зажечь свечу взглядом, но лишь к утру осмелюсь войти в склеп с недружелюбно настроенным упырем. Впрочем, дружелюбно настроенные упыри мне еще не попадались, за что и поплатились.

Остаток дня прошел без происшествий. Минуло около шести часов, силы потихоньку возвращались, но при одном воспоминании об окровавленной морде загрызня по моему телу пробегала крупная дрожь. Хорошо хоть Смолку согнали с дуба: шестеро дюжих парней принесли и приставили к суку толстое и длинное березовое бревно, по которому Смолка отважилась сойти. Я собственноручно заперла ее на конюшне, проверив засовы.

Староста не поскупился, насыпал полный карман серебра, да еще и пригласил остаться на ужин. Я не преминула воспользоваться приглашением: черный вдовый хлеб с луком вызывал больше изжогу, чем насыщение. Игнорируя неодобрительные взгляды старостиной жены, я целеустремленно наедалась про запас. Под ногами вертелись хозяйские ребятишки во главе с неугомонной Линкой; они уже успели разбить глиняный горшок с помоями для свиней, свернув на него прислоненный к

печи ухват.

В дверь постучали – судя по звуку, рукоятью меча или кинжала.

– Войдите! – охотно отозвался староста.

Дверь распахнулась. Высокий мужчина в черном плаще торопливо миновал порог, на ходу убирая меч в ножны.

– Приветствую, уважаемые, – коротко бросил он, пытливо скользнув по нашим лицам быстрым оценивающим взглядом. Затравленно сузил глаза, распознав во мне ведьму. Староста привстал с лавки и отвесил поклон, как и надлежит поступать простому селянину при встрече с благородным господином.

Я осталась сидеть, не удостоив вошедшего даже легким кивком.

Я его тоже узнала.

Странно, я считала, что Отлученные живут не дольше обычных людей. Ему же, по самым скромным прикидкам, было не менее ста лет, а на вид не дашь и сорока, разве что волосы заметно тронуты сединой. Видно, наложенные заклятия продолжают действовать и после потери способностей.

Будь на моем месте фанатично преданный нынешнему Ковену маг, по молодости и глупости считающий себя карающей десницей провидения, – и от вошедшего осталась бы кучка пепла. Я же лишь скользнула по нему равнодушным, презрительным взглядом, как дремлющая на печи кошка при виде неприятного гостя, и вернулась к еде. Не я его судила. Не мне прощать.

Связываться с ним я тоже не хотела.

Быстро определив мою позицию, незнакомец подошел к столу, присел на самый край лавки, подальше от меня.

– Я прямиком из Небродья, – без вступления начал он, глядя на старосту, но явно обращаясь ко мне. – Вчера там объявился загрызень.

– Еще один?! – ойкнул староста. Его жена перестала греметь кочергой, прислушиваясь.

– Нет, судя по всему, тот же. – Незнакомец повернулся ко мне. – Он уже был здесь?

– Но не задержался, – лаконично ответила я, не поддерживая, но и не уклоняясь от разговора.

– Уничтожен вовремя?

– Да.

– Хвала богам! – с неподдельным облегчением выдохнул он, просветлев лицом.

– Что это за Небродье? – поинтересовалась я у старосты. – Село,

деревня?

– Куда там! Лесное поселение в три избушки, егерь со взрослыми сыновьями, невестками да внуками.

Страшная догадка заставила меня вскочить с лавки.

– Они все погибли?!

Незнакомец молча потупился.

– Я опоздал... – пробормотал он. – Опять опоздал...

– Сколько их там было?!

– Ну... – Староста закатил глаза к потолку, его жена начала жалостливо всхлипывать. – В том году младший родился... В позатом — двое, у Алгены и Ровии... Когда же это Устюк женился? Весен десять минуло, не меньше...

– Быстрее! – злобно рявкнула я. – Генеалогическое древо оставите для заупокойной службы!

– Девятнадцать человек, – быстро сказал староста, на всякий случай прячась от меня за женой спиной.

Роковая цифра отдалась во мне похоронным звоном. Я медленно опустилась на лавку, уткнувшись остекленевшим взглядом в обшарпанный бок печи.

– Она поделилась, – медленно сказала я. – Эта гадина успела поделиться!

– Тетя ведьма, а с кем она поделилась? – немедленно потребовала разъяснений Линка.

– Молчи, ребенок! – грозно велела я.

– Ну те...

Линка еще несколько секунд беззвучно разевала рот, потом на ее личике появилось удивленно непонимающее выражение. Девочка сосредоточенно наморщила лобик и попыталась выговорить слово по складам, но из ее рта не вылетело ни единого звука.

– Во, а говорили – на баб управы не знаете! – одобрительно заметил староста.

Я так мрачно на него посмотрела, что и заклинаний не понадобилось. Поперхнувшись, староста выжидающе уставился на меня.

– Так о чем вы там толковали, госпожа? – робко напомнил он.

За окном снова раздался вой – лютый, голодный, алчный. Его слышали не только мы. В домах вспыхнул свет, в окнах заматались испуганные люди, баррикадируя двери сундуками, стульями, метлами.

Мельник был двадцатым.

После каждой двадцатой жертвы загрызень размножался делением.

* * *

Я перехватила его в снях, бесцеремонно поймав за спущенный на плечи капюшон.

– Зачем ты пришел, Отлученный? Полюбоваться на свою работу?

– Нет. – Он спокойно высвободил капюшон из моих пальцев. – Я хочу помочь.

– Чем? – Я горько рассмеялась. – Копать могилы? Тебя же лишили дара!

– Меч у меня не отобрали.

– Хочешь умереть героем?

– Я хочу помочь, – упрямо повторил он, глядя поверх моего плеча на клубящийся за дверным проемом снег.

– Совесть замучила? – съехидничала я.

– Да. – Он с вызовом посмотрел мне в глаза. – Но не та, что ты думаешь.

– А у тебя их несколько? Кто бы мог подумать... ловко ты их запрятал, чисто ростовщик серебряные вилки.

– Да ни хрена ты не понимаешь, ведьма! – Развернувшись, он решительно шагнул в метель.

– Что он сказал? – остолбенело переспросила я непроглядную мглу. Снег залетал в сени, тая на земляном полу.

– Он сказал, что вы ничего не понимаете в хрене! – авторитетно пояснила Линка. (Нет, этот ребенок когда-нибудь сведет меня с ума!) – Тетя ведьма, а у моей мамы есть тертый хрен со свеклой! Целая кринка! Я маме его тереть помогала, потому что сестренка сбежала, и кот сбежал, и даже соседка сбежала, которая за солью зашла. А у меня тогда насморк был, вот!

Даже сквозь завывания метели я услышала громкий переливчатый свист. Отстранив с дороги девочку, я, не думая об опасности, выскочила во двор. Ветер сразу же заставил меня согнуться пополам. Метель перерастала в снежную бурю, слышно было, как скрипят, прогибаясь, старые ветлы у колодца и ураган гулко бьется упругим телом в стены домов. Глупый, очень глупый поступок. На две трети лишенная способностей, я была так же беспомощна перед загрызем, как любой из жителей Замшан.

Рядом со мной – о диво! – появился староста с факелом в руке. Пламя то жалось к палке, то отрывалось клочьями и уносилось прочь, неизменно возрождаясь из едва тлеющей искры.

– Что вы делаете? – заорала я, пытаюсь перекрыть ветер.

– А вы? – рявкнул он в ответ.

– Что б я знала!

– Ото ж!

Мы снова услышали свист – длинный, призывный.

– Туда! – скомандовала я сама себе, вырывая у старосты факел. – А вы – домой, и хорошенько закройте дверь!

Тот отрицательно помотал головой.

Ночь, метель и мороз начисто отбили у меня охоту спорить с очередным самоубийцей. Упрямо наклонив голову, я пошла на свист, раздвигая плечами тугой снегопад. Староста поплелся за мной.

Мы наткнулись на Отлученного неожиданно, я чуть не выронила факел.

– Что вы тут делаете? – раздраженно крикнул он, оборачиваясь на свет. – Убирайтесь! Это не ваша охота!

– Ваша, что ли?

– Да!

– Предъявите лицензию!

– Проваливай отсюда, идиотка!

Только сейчас я увидела, что в руке у него снова зажат обнаженный меч.

– Он тебя не узнает! Прошло слишком много времени, управляющие чары давно развеялись!

– У тебя вообще ни единого шанса, ведьма!

– Ото ж!

Староста тонко, по-бабьи охнул, обрывая нашу непринужденную беседу. В трех локтях от него стоял загрызень. Снег, запорошивший его шерсть, белым пухом наметал контуры поджарого тела.

– Ters't! Lokki! – Незнакомец поперхнулся снегом, закашлялся.

Тварь оглянулась на голос, с быстротой молнии развернулась всем корпусом. Верхняя губа приподнялась над черным провалом пасти, на землю капнула нитка слюны.

– Свят-свят! – истово крестился староста. – Чур меня!

Загрызень покосился на него с явным презрением.

– Lerrin dar'en, kert! – Голос Отлученного вновь набрал силу. – Kert, All'adriena!

Загрызень припал к земле, сторбившись для прыжка и перекатывая комья мышц над торчащими лопатками.

— Иди сюда, – властно повторил голос. – Ко мне, Верная!

Она поползла к нему на брюхе, скуля и угодливо виляя хвостом. У

самых ног человека перевернулась на спину, подобострастно, с обожанием заглянула в холодные, мертвые глаза хозяина.

«Я выполнила твой приказ. О, как я старалась, чтобы угодить тебе! Ты доволен мной, Хозяин?»

Свистнул меч.

Тело загрызня изогнулось в судороге и обмякло, медленно проявляясь, только задние лапы продолжали конвульсивно подергиваться, пока белый парок клубился над отрубленной головой.

Сгорбив плечи и понурившись, человек медленно развернулся и нетвердыми шагами пошел прочь. Меч в опущенной руке истекал черной кровью, прожигавшей дорожки в снегу.

– К-к-как он эт-т-то с-с-сделал?! – К старосте наконец вернулся дар речи – правда, в довольно жалком состоянии, изрядно подпорченный заиканием.

Я молчала, глядя, как остекленевшие глаза загрызня заволакивает быстро тающими хлопьями снега, словно слезами.

– Да кто он, леший возьми, что эта проклятая тварь побежала к нему, как собачонка?!

– Хозяин, – коротко ответила я.

– Отлученный? – сообразил староста. – Один из тех проклятых некромансеров, что затеяли последнюю войну? Да что же вы молчали, госпожа ведьма?! Люди!!! Ловите его! На костер! На кол его, лиходея!

Вздохнув, я провела рукой в воздухе.

Заклинание действовало одинаково хорошо и на болтливых баб, и на чрезмерно крикливых мужиков.

Да и вряд ли кто-нибудь осмелится выйти из дому до утра. Хотя бы потому, что оттащить от дверей всю имеющуюся в доме утварь, от шкафов до подушек (наиболее ретивые и испуганные наверняка сумели придвинуть к ней даже кирпичную печь), – дело непростое.

* * *

На подоконнике стояла зажженная свеча, прилепленная воском к маленькому глиняному блюдечку. В окно, как замерзающая птица, бился снег.

Староста угрюмо посапывал над полупустым стаканом. Он никак не мог простить ведьме, что по ее вине упустил убийцу-некромансера. Вместе

с тем он был рад, что ведьма осталась ночевать в его избе. Не многие из его односельчан смогут похвастаться крепким сном этой да и следующими ночами. Староста хмыкнул в бороду, подумав, что ведьма небось тоже мечтает выспаться, иначе не сбежала бы от Регеты с ее непоседливой дочуркой.

– И все-таки зазря мы его отпустили, – не выдержал староста. – Кто его, упыря, знает – вчера загрызня на людишек напустил, завтра еще чего-нито удумает. Кончать его надо было, и весь сказ.

Ведьма равнодушно крошила в тонких пальцах подгоревшую корку хлеба. Староста уже решил, что не дождется ответа, когда она подняла голову и впилась в него своим колючим взглядом.

– Что было вчера, вы точно не знаете, что будет завтра – тем более. А сегодняшний день не стал для нас последним лишь благодаря проклинаемому вами «некромансеру» – кстати, магистру белой магии. Думаете, ему легко было так поступить?

– Убить загрызня?

– Убить единственное преданное существо, когда против тебя – весь мир.

– Ну вы и сморозили, госпожа ведьма! – расхохотался староста. – Нашли по кому горевать! Это ж загрызень! А не дай боги, вас бы сожрал, что бы вы тогда запели, а?

* * *

Не отвечая, я смотрела в окно.

Поверженных магов не уничтожили. Их лишили магических способностей и отпустили на все четыре стороны. Некоторые сами покончили с собой. Некоторых четвертовал или сжег озлобленный народ. Единицам удалось скрыться, возможно, даже оставить после себя учеников – Ковен не искал их, не преследовал. Словно чувствовал себя в чем-то виноватым, хотел забыть, навсегда вычеркнуть из своих летописей эту позорную страницу.

Не нам судить, кто был прав и кто виноват. Историю пишут победители. Побежденные уходят в вечность с клеймом отступников и тиранов.

Где-то там, в холодной снежной мгле, брел человек, однажды совершивший ошибку.

Я не была уверена, что однажды не окажусь на его месте.

* * *

Утро выдалось ясное, но морозное. За ночь намело сугробов вровень с крыльцом, ветки деревьев обросли белой шерсткой инея, искрившейся под солнечными лучами. Одинокий заячий след лихо петлял под самыми окнами избушек.

На дубу сидело что-то большое, черное, шевелящееся.

Староста протер глаза.

Воронья стая с самодовольным карканьем снялась с веток.

УМЫСЕЛ И ДОМЫСЕЛ

Повсюду, куда ни глянь, искрилось на солнце, полыхало холодным белым светом, проблескивало колючими лучиками зимнее царство льда и снега. Еловые лапки оторочила сосульчатая бахрома. Снег подернулся коркой, дорога обледенела, превратилась в сплошной каток – рай для ребятни и ад для всадников.

В лесу лошадь еще могла пройти, держась кромки снега вдоль заиндеветавшей тропы, но стоило мне выехать на опушку, как стало ясно, что сегодня мы со Смолкой окажемся единственными путешественниками на этом тракте. Начиная с опушки, дорога резко ныряла вниз, под горку, и урони я сапог, он беспрепятственно доскользил бы до колодезного журавля у самого въезда в деревню – то ли Прилуки, то ли Разлуки, то ли Разводы, я никак не могла запомнить ее название, хотя уже пару раз проезжала мимо. В мои планы не входило задерживаться тут и сегодня – я рассчитывала попасть в село Кружаны до наступления темноты, и пока что путешествие проходило без сучка и задоринки: ярко светило солнце, ветра не было, туч тоже, легкий приятный морозец не усиливался, но и не спадал.

– Давай, Смолка, – велела я, чуть касаясь острыми каблуками антрацитовых боков лошади.

Смолка всхрапнула и пошла вперед, скрипя по льду когтями. Я оглянулась. На льду позади нас оставались длинные глубокие царапины в ореоле голубовато-белой крошки. Зад лошади подозрительно задрался вверх, Смолка припала на передние ноги, используя их как тормозные рычаги. Эх, зря я не спешила перед спуском... это же все-таки не низкие сани, а довольно рослая и упитанная лошадь; хорошо, если у нее просто разъедутся ноги, а вдруг она завалится на бок, подмяв всадницу?

Обошлось, под горой, на расчищенной от снега дороге, Смолка выровнялась, когти сомкнулись, приняв форму копыт.

Никто не видел, как мы скользили по склону, никто не вышел нас встречать. Домишки бодро дымили трубами, куры, зябко поднимая лапы, бродили по снегу, выклеывая примерзшие крошки.

Оранчица – так называлась деревня, о чем вешала шильда на въезде. Хм... неудивительно, что я никак не могла ее запомнить. Возможно, корень слова был позаимствован из другого языка, в белорском я ничего подобного припомнить не могла. Мы успели проехать ее насквозь и выбраться за околицу, когда Смолка, а затем и я насторожили уши, пытаясь разобраться,

откуда доносится крик, имеющий к нам самое непосредственное отношение.

– Госпожа ведьма! Э-ге-гей! Стойте! – Источником звука оказался паренек лет тринадцати, вылетевший из крайней избы в спадающих штанах, исподней рубахе и лаптях на босу ногу. – Погодите!

Я натянула поводья. Подождала, пока паренек поравняется со мной.

– Ну, что тебе?

– Помощь ваша срочно требуется! – выпалил он, едва отдышавшись.

– А что случилось-то?

– У нас упырь завелся! – гордо сообщил-похвастался мальчишка.

– И многих порвал?

– Трех, больше не успел! К нам рыцарь приехал! Он упыря убить пообещал!

– А я тогда при чем?

– Так не убил!

– Пожалел? – скептически фыркнула я.

– Да нет! Не сумел он упыря одолеть!

– Ага, поняла. И теперь вы хотите, чтобы я исцелила этого горе-упыребоя?

– Эге! И упыря тоже! – подтвердил паренек, начиная клацать зубами от холода.

Я заинтересованно откинулась на заднюю луку седла, скрестила руки на груди.

– Что-что, а упырей мне исцелять не доводилось!

– Нет, только рыцаря, упыря убить!

– И серьезно он ранен?

– Нисколечки, госпожа, ни единой царапины!

– Не тараторь, давай по порядку, а то я уже совсем запуталась. Что с рыцарем? И что с упырем?

– Ну, упыри – они же на кладбищах водятся и по ночам из могил вылазят, так?

– Самое распространенное заблуждение. Продолжай.

– Так вот, рыцарь снарядился и пошел на кладбище ночевать, а ночью мороз ударил, он и замерз мало не до смерти. Утром мы с ребятами пошли посмотреть, значит, кто кого порешил, а его уж снегом занесло, только шишак с пером из сугроба виднеется...

Взрыв дикого хохота смутил паренька – он умолк и подозрительно пригляделся к согнувшейся пополам ведьме. Смолка неодобрительно фыркнула, оборачиваясь назад, чтобы проверить, все ли в порядке с

хозяйкой.

– Откопали? – поинтересовалась я, все еще подхихкивая.

– Откопали и салом с водкой растерли, только он, похоже, руки-ноги поморозил, пальцев не чувствует. Как бы гниль горячая не приключилась!

В Кружанах меня ждали неотложные дела, я должна была быть там не позже завтрашнего полудня, а лучше – утром. Я взглянула на солнце. Пожалуй, удастся выкроить часок-другой, день уже начал прибывать, стемнеет не скоро.

– Хорошо, веди. – Я спешила, набросив повод на первый попавшийся колышек. Насколько я знала Смолку, помимо воли ее не удержал бы и столетний дуб, привязь лишь давала ей понять, что я ухажу ненадолго и следует ждать на месте.

Мальчишка развернулся и припустил обратно к избе. Я неторопливо пошла следом, пользуясь возможностью размять ноги.

* * *

Рыцарь и впрямь был очень плох. Пышущий жаром, как раскаленный уголь, он лихорадочно блуждал полубезумным взглядом по обшарпанной комнатухе. Пальцы рук и ног опухли и почернели под ногтями. Крайняя степень обморожения, чего и следовало ожидать.

Я без промедления приступила к целительству. К счастью, совсем недавно я обновила дорожный запас снадобий, и среди них нашлись подходящие настойки. С помощью трав и магии мне худо-бедно удалось остановить воспаление и сбить жар. Конечно, рыцарь еще не скоро встанет на ноги и сожмет в руках меч, но ампутация ему уже не грозила. Оставив два флакончика на столе и приложив к ним рецепт, я сгребла в сумку остальные, приняла от хозяина условленный кладень за лечение и уже собиралась покинуть избу, как вдруг рыцарь открыл глаза.

– Что... что случилось? – с трудом прохрипел он, осматриваясь по сторонам.

– Да ничего особенного, – равнодушно ответила я, зашнуровывая сумку. – Попытка взять упыря измором увенчалась гангреной, но благодаря мне у вас опять появились шансы положить его в честном бою, если, конечно, выберете для ночных бдений более теплое время года.

– А... это еще не самое плохое. – Больной с тяжелым вздохом

откинулся на подушку,

– Хм. А что, с вашей точки зрения, может быть хуже? – Я аккуратно завинтила флакончик темного стекла, обмотала тряпицей и убрала в сумку.

– Навара в деревне, – обреченно выдохнул рыцарь. – Он все видел... Это конец... я погиб...

С этими словами больной погрузился в забытие, оставив меня наедине с двумя противоречивыми чувствами. Одним из них было страстное желание бежать из деревни куда глаза глядят, причем немедленно и пока хватит сил. Вторым была моя профессиональная гордость. Бежать? Мне, магу-практику первой степени? От Навары?! Позор!

Навару я знала хорошо. Пожалуй, слишком хорошо... Доводилось сталкиваться. Слава богу, тогда я еще не являлась объектом его травли – Навара просто не считал меня достойным противником. С тех пор многое изменилось; возможно, в худшую сторону, не спорю.

Итак, Навара. Если верить слухам, обнищавший дворянин, невесть кем и когда посвященный в странствующие рыцари.

На рыцаря он походил меньше, чем я на монашку, как внутренне, так и внешне. Навара достигал мне в лучшем случае до бровей, но компенсировал недостаток роста избытком веса, обладая плавно-округлой фигурой гурмана. Черные тонкие усики, бородка-эспаньолка жидким клинышком, стилизованная под козью, зачатки плечи, отороченные длинными волосами, собранными в хвостик на затылке, – складывалось впечатление, что Навара дал обет носить облик шута до победы над кровожадным драконом, спасения принцессы или иного благородного деяния. К сожалению, благородные деяния не являлись смыслом его жизни.

Наварой в его крестовом походе двигала черная зависть.

Как падальщик, этот гнусный тип шел по следам героев, выпрашивал, вынюхивал и распускал сплетни, до того логически продуманные и изощренные, что развеять их не было никакой возможности. Раен Дольский, превосходный лучник и фехтовальщик, способный голыми руками задушить вурдалака, с удивлением узнал, что страдает нервным тиком, и потому нанимать его нельзя ни в коем случае – непременно провалит задание. Далене Топаз, моей бывшей однокурснице, закончившей Школу Чародеев с отличием, предъявили обвинение в шарлатанстве. Кивру Ружанскому во время приема в королевском дворце подали копченых жаб на золотом блюде с искренним убеждением, что единственной пищей этого отшельника и аскета являются земноводные.

Все трое безуспешно искали Навару уже несколько лет. Кивр, по воле случая разделивший со мной обильную трапезу в городском трактире,

клялся, что единственной жабой, которую он съест в своей жизни, будет Навара, причем коптить его Кивр будет собственноручно.

Я подозревала, что именно с лёгкой руки Навары прослыла «самолюбивой, безжалостной стервой, зело падкой на деньги». Во всем этом были свои положительные стороны – дурная репутация автоматически повышала начальную ставку моего гонорара, но она же значительно поубавила число работодателей. С некоторых пор ко мне обращались лишь в самых безнадежных случаях, когда все остальные маги-наемники сказали решительное «нет». Потому я и предпочитала работать в глухих, оторванных от суетного мира деревушках, куда еще не дотянулся длинный язык Навары.

– Госпожа ведьма, – прервал мои печальные размышления хозяин избы. – А как же насчет упыря? Мне энтот милсдарь обещал его прикончить, а теперича и сам свалился, и работы не выполнил. Может, вы возьметесь? Мне-то без разницы, кому платить...

– Вам-то, конечно, без разницы, но я, к сожалению, профессионал высшего класса...

– Дык оно и лучше!

– ... и у меня своя тарифная сетка, – закончила я.

– А у меня теща, – мрачно сказал мужик, – была, упыриное чрево ей пухом. Прямо сказать, слезами по ней никто особо не истекал, поскольку баба была еще та, но мой, зятя, прямой долг оказать ей хоть какое уважение, иначе жена со свету сживет. А меня на тот свет не шибко тянет, к теще-то. Вот и означил я награду за упыря – наследство покойной, что в чулке под ее кроватью схоронено было. А из своего кармана я за тещу платить не намерен, уж извиняйте. Она мне при жизни больше крови, чем тот упырь, попортила.

– И много теща прикопила?

– Что-то около двадцати кладней мелочью, я точно и не считал.

Двадцать золотых меня вполне устраивали. Не бог весть что, конечно, но, кабы не спешка, возможно, его предложение меня бы и заинтересовало.

Я вынуждена была отрицательно покачать головой.

– Нет. Извините, но у меня нет времени, и двадцатью кладнями задержка не окупится. Поищите кого-нибудь другого на роль доблестного борца с тьмой.

– В харчевне еще один рыцарь остановился, Наварой кличут, – солидно сказал мальчишка. – Рассказывал вчерась, как упырей умерщвлять надобно, – слезами девичьими горячими. Зря его милсдарь Ревер не послушался – он тоже в харчевне сидел, пиво пил, а как услышал Наварин

сказ, аж в лице изменился, зубами заскрежетал и глаголет: «Вы, мол, не слушайте его, потому как энтот Навара суть великий трус и обманщик, единственно языком воевать горазд, а упыря токо в бадейке видал, когда за водой нагиался!»

– А вы, госпожа ведьма, что скажете? – обратился ко мне хозяин. – Сумеет он упыря изничтожить или только бахвалится?

Я собиралась разразиться гневной обличающей речью в адрес «рыцаря», но внезапно возникшая идея заставила меня прикусить язык.

– Возможно, Навара и любитель приврать, – осторожно сказала я, – но с мечом обращаться умеет. Давайте сделаем так: я осмотрю кладбище – скажем, за пару кладней, – обнаружу упыриное логово, но, поскольку мне надо спешить в Кружаны, ночи дожидаться не буду, а дам Наваре подробные инструкции, он упыря и уложит. Ему же и заплатите.

– По рукам, – без колебаний согласился хозяин. – Пойду с ним поговорю.

– Но мы ведь еще не знаем, с чем имеем дело. Сначала надо осмотреть захоронение. Я сама поговорю с Наварой, чуть попозже. Пусть только ваш сын покажет мне дорогу к кладбищу.

– Я и проводить могу! – охотно вызвался мальчик.

– Сиди дома! – прикрикнул на него отец. – Бабушка уже допровожалась...

* * *

На кладбище было... холодно, только и всего. Солнце плясало на кольях оградок, могильные плиты притаились под шапками снега. О нечисти, упырях тем паче, речи даже не шло. На редкость спокойное захоронение. Я гуляла по дорожкам, как по аллеям в городском парке, рассматривая памятники и дыша свежим воздухом, пытаюсь угадать, в каком сугробе скоротал ночь мой пациент.

Почувствовав назойливые уколы мороза в ступнях, я решила, что с лихвой отработала свои два кладня, и повернула к воротам. Выйдя за ограду кладбища, я наткнулась на знакомого мальчишку.

– А ты что тут делаешь?

– Посмотреть охота... – признался паренек. – Ну как, нашли упыря?

– Нашла, – солгала я.

– А чего тихо так было?

– Потому что днем упырь спит в своей могиле глубоко под землей. – Все-таки иногда суеверия играют нам на руку. Мальчишка принял мое объяснение за чистую монету, не интересуясь, как мертвяк еженощно выбирается на белый свет сквозь пятиаршинный слой мерзлой земли и могильную плиту. – Проводи меня в корчму, надо поговорить с Наварой.

– Идемте, – согласился мальчик. – Он-то о вас уже всю разговаривает с самого утра. Мол, та самая...

– Что?!! Поподробнее, пожалуйста!

Та самая... Навара провел неплохую работу! Оказалось, я ворую маленьких детей, испепеляю храмы, вымогаю деньги у сирых, обижаю убогих и ничего иного не умею, как только снимать порчу и сглаз, мною же наведенные.

– Трепло репейное, – ругнулась я сквозь зубы. – Хоть бы что новенькое выдумал.

– Так он не взаврадашний рыцарь? – неподдельно огорчился мальчик. – А так здорово сказывал, как с чудищами бился! Вот бы, думаю, в деле поглядеть...

– Поглядишь... – пообещала я мальчишке. – Ох как мы все на него поглядим... Только мне от тебя потребуется небольшая услуга. Доведешь меня до корчмы – и стрелой лети домой, попроси у отца... – Я наклонилась и прошептала мальчику на ухо несколько слов. – ...и сразу принесешь ее мне. Понял?

– Понял, госпожа ведьма. Есть у нас одна такая, ну вовсе никудышная, батя столько раз выбросить собирался, да все руки не доходили.

– Вот и молодец. Пошли.

* * *

Не заметить Навару в переполненной корчме было трудно. Облокотившись на стойку, окруженный простым людом и жбанами с пивом, он витиевато разглагольствовал о застойных явлениях в мировой науке и магии. До меня доносились лишь обрывки его маловразумительных, зато высокоинтеллектуальных речей: «...ибо, по своему скудоумию, они никогда не смогут подняться до понимания качественного уровня...» Все внимание ничего не понимающих, но восхищенных слушателей было сосредоточено на иноземном госте, но сам оратор был начеку.

– О нет! – притворно застонал Навара, увидев меня. – Бедный Ревер! Неужели вам не удалось отыскать настоящего знахаря?!

– Кто ж в такую погоду из дому нос высунет? – резонно заметил мальчишка. – Хвала богам, ведьма мимо проезжала! Она милсдаря Ревера живо на ноги поставит!

– Что ж, дай боги. – Навара сочувственно покачал головой и отхлебнул из кружки, посверкивая на меня глазами из-за ее глиняного края.

– Приветствую, досточтимый Навара! – ележным голоском пропела я, провожая взглядом убегающего мальчишку. – Как ваше драгоценное здоровье?

«Рыцарь» опустил кружку, обнажил в улыбке два ряда крупных белых зубов и издевательски поклонился:

– Вашими молитвами, госпожа ведьма, исключительно благодаря вам я нахожусь в столь добром здравии!

– Рада слышать. Ну что новенького на ниве слухов? – как можно более приветливо продолжала я, присаживаясь за угловой стол. – Как ваши успехи? Сколько репутаций вы загубили в этом году? Чья голова пополнила коллекцию ваших трофеев?

Навара еще раз улыбнулся, неопределенно пожал плечами, не принимая открытого боя, и вернулся к прерванному разговору с собутыльниками. Красотка-разносчица приняла у меня заказ и поспешила на кухню. Когда она проходила мимо стойки, Навара перехватил девицу за локоть и что-то прошептал ей на ухо, попутно вытряхивая из кошелька серебряную монету. Девушка кивнула, опустила монету в карман передника и пошла выполнять мой заказ. Ждать пришлось недолго, время было обеденное – вся еда была горячая и свежая, приготовленная загодя с учетом наплыва клиентов.

– А это что такое? Я не заказывала! – Я решительно отодвинула в сторону пузатую винную бутылку, оплетенную соломой.

– Это от господина у стойки, – заговорщически прошептала девушка, указывая глазами на Навару.

Я стиснула зубы. Дело в том, что я совершенно не переносила спиртное, очень быстро хмелея и теряя контроль над и без того неуправляемым языком. Прекрасно зная об этой особенности своего организма, я никогда не пила напитков крепче наливки, да и той старалась не злоупотреблять – рюмку-другую и довольно. Откуда Навара прознал о моей питейной слабости? Неужели побывал в Варокче? Там я действительно слегка покуролесила под хмельком – первый и последний раз в жизни.

– Верните ему. Хотя нет, лучше заберите себе. Если «господин у стойки» выпьет за мое здоровье, я рискую упасть замертво.

Девушка ничего не поняла, тем не менее поблагодарила за подарок и унесла бутылку обратно на кухню.

Я безо всякого аппетита ковырялась в миске отварного картофеля с мясной подливой, поглядывая то на дверь корчмы, то на Навару. Усатый проходимец развлекал свою компанию пространным монологом, из которого до меня долетали лишь невнятные обрывки слов, причем то один, то другой из его собутыльников оборачивался, чтобы посмотреть на меня, и заходил хохотом.

Наконец я дождалась своего гонца.

– Вот, госпожа ведьма, принес! – Мальчик поднял над головой лопату на кривом черенке. – Ржавая, как вы и просили.

– Госпожа ведьма решила заняться разработкой золотых приисков? – вежливо поинтересовался Навара.

Не обращая внимания на хохот завсегдатаев, я взяла у мальчишки лопату и, подойдя к Наваре, торжественно вручила-всучила ему орудие копания.

– Зачем она мне? – неподдельно удивился «рыцарь», рассматривая лопату.

– Как это – «зачем»? – Мое удивление было куда более фальшивым. – Выкапывать упыря.

– Что?!

– До полуночи вы должны откопать упыря и окропить его горючими девичьими слезами, этим проверенным веками эликсиром, дабы обратить кровопийцу во прах, – охотно разъяснила я.

В корчме воцарилась гробовая тишина.

– Нет уж, увольте, – Навара попытался вернуть мне лопату, но я заложила руки за спину и сделала шаг назад.

– Навара, неужели вы не хотите спасти деревню? – притворно ужаснулась я, обводя взглядом битком набитую корчму. – Подумайте о женщинах... детях...

Глядя на испитые, заросшие щетиной лица селян, было очень трудно думать о чем-либо ином, кроме вреда алкоголя, но я достигла своей цели. Толпа заволновалась, зашумела.

– Что ж ты, ведьма, сама к упырю в могилу не полезла? – подозрительно спросил корчмарь. – Чай, твое это ремесло – нежить изничтожать!

– Увы, увы... – Я покачала головой в притворной скорби. – Все, что

говорил обо мне этот благородный рыцарь, – правда. Мое ничтожное искусство бессильно против этой кровожадной твари. И лишь вы, Навара, способны избавить от нее мир. Умоляю вас, не отказывайтесь! Не лишайте этих славных людей последней надежды!

«Славные люди» испуганно зашушукались, переглядываясь и подталкивая друг друга локтями. Не давая Наваре опомниться, я сняла со стены плетенку чеснока и надела ему на шею.

– Это принесет вам удачу! Возвращайтесь с победой, благородный рыцарь! – Я позволила слезе умиления скользнуть по моей левой щеке. – Мы будем за вас молиться!

– Госпожа ведьма, я вынужден с прискорбием заметить, что ваше психическое здоровье оставляет желать лучшего! – Навара отбросил лопату и начал сдирать с шеи плетенку – видать, разозлился не на шутку.

– Погодь, погодь, лыцарь! – вперед выступил видный рыжебородый мужик, судя по всему – староста Оранчицы. – Ты что же это, отказываешься? Детишек малых на лютую гибель обрекаешь?

– Уважаемый Годеш, при всем моем смирении и долготерпении осмелюсь заявить, что большей чуши из уст ведьмы я не слыхал со времен посещения гадального шатра, где мне предрекли смерть в младенческом возрасте, из коего, как вы могли заметить, я благополучно вышел тридцать лет назад... В связи с чем вынужден откланяться! – раздраженно бросил Навара и начал было проталкиваться к выходу, но селяне сомкнули ряды, как передняя линия щитников на поле брани.

Тоскливо глянув на дверной проем, Навара принял свой последний, безнадежный бой:

– Давайте мыслить логически. Если ведьма не смогла уничтожить упыря, то что могу сделать я, простой смертный?

– Все мы смертны, – улыбнулась я. – Но вы сильный мужчина, а я слабая женщина. Вы превосходно владеете мечом, я же никогда не держала в руках ничего тяжелее ножа для резки хлеба. Колдовство? Закаленная сталь – вот лучший союзник в борьбе с нежитью. Мой удел – порча и сглаз, ваш – доблесть и слава, так давайте следовать велению судеб!

– Скажите прямо – вы трусили! – попытался спровоцировать меня Навара.

– Я трусила, – послушно повторила я, стыдливо опуская очи долу. – Никогда в жизни мне не было так страшно... иначе я не унилась бы до просьб о помощи. Прошу вас, помогите! На вас вся надежда!

– А не захотит помогать – так мы его на кол! – донесся чей-то мрачный голос из сплоченных рядов трудящихся. Староста одобрительно погладил

бороду.

– Да хочу я, хочу... очень хочу! – пошел на попятный Навара. – Вот только вряд ли сумею. Я же не всемогущ. Упыря уничтожить – это, я вам скажу, не кабана заколоть, необходимы специальные знания, опыт, так сказать, навыки убиения...

– Так что ж ты давеча про енто самое убиение весь вечер брехал, честному люду голову морочил? – Мрачный голос принадлежал кузнецу, дюжему детине в длинном кожаном переднике, испещренном черными точками от летящих из горнила искр. – С брехунами у нас разговор короткий, без дегтю и перьев ишшо ни один не уходил!

Толпа одобрительно загудела. Стало ясно, что без трупа – упыриноного или Навариного – дело не обойдется.

– Ну хорошо, уговорили, – сдался Навара, поднимая руки в знак согласия. – Откопаю я вам этого проклятого упыря!

«...а ведьму – закопаю!» – явственно читалось в его глазах.

Толпа радостно взревела, в воздухе закувыркались шапки.

– Да здравствует Навара! Хвала отважному рыцарю! Айда на кладбище! Показывай упыриное лежбище, ведьма!

– А слезы горячие мы вам мигом достанем! – оптимистично пообещал староста. – У бабы слезу выбить – за косу раз дернуть, а девок посадим лук шинковать. Накапают полный жбан, высшего качества!

– Но кол и деготь я все-таки попридержу... – протянул басом явно разочарованный кузнец.

Толпа потянулась на кладбище, как на народное гулянье, – со свистом, гиканьем, шуточками-прибауточками. Впереди шла я с лопатой наперевес. За мной четверо дюжих мужиков несли на руках Навару, чья натянутая улыбка то и дело сменялась гримасой тоскливого отчаяния. По пути к завсегдатаям корчмы присоединились женщины, дети, старики, собаки и даже белый гусь, торопливой развалкой бегущий вслед за людьми. Такой веселой процессии старое кладбище еще не видывало.

– Здесь! – Я воткнула лопату в сугроб. Передние ряды алчущих зрелища селян попятнулись, Навару спустили на землю.

– Какая же это могила? – недоуменно почесал в затылке староста. – Ни креста, ни надгробья...

– Кто ж ему, кровопийце, надгробье смастерит? – парировала я. – А крест упыри на дух не переносят, сами знаете.

Я специально выбрала свободный от могил участок – не стоит тревожить покой мертвых даже ради увеселения живых. Пусть Навара попотеет, вскапывая скрепленную морозом и березовыми корнями целину.

– Пуцдай копает, – скомандовал все тот же неулыбчивый кузнец. – Солнце скоро вниз покатится, а земля и без того мерзлая.

Селяне затаили дыхание.

Навара повертел в руках лопату, неуклюже попытался снять ею верхний пласт снега, но ржавое железо лишь скользнуло по толстой корке льда.

– Скажите, уважаемая, а это принципиально, кто будет копать? Может, возьмем за лопаты всем миром? А там уж я не оплошаю, выйду на упыря один на один.

– Исключено, – мстительно сказала я. – Упырь – это как хлебная опара, его не должны касаться чужие руки, иначе не поднимется.

Женщины одобрительно зашушукались, признавая во мне знатока кулинарных тонкостей. Навара представил поднимающегося из кадушки упыря, смачно сплюнул и тюкнул лопатой по снегу, как ломом. На сей раз ему удалось пробить в ледяной корке узкую щель.

Я посмотрела на солнце. И правда, оно больше не поднималось над горизонтом, заметно кренясь вниз, на закат. Времени оставалось в обрез. Жаль, я так и не увижу, чем увенчается каторжный труд Навары.

– Помните, Навара, ровно в полночь упырь начнет оживать! – зловеще провыла я, стараясь нагнать как можно больше страха на селян. Ветер взъерошил мои длинные рыжие волосы, в черной глубине зрачков зажглись алые искры. – Сначала он откроет глаза... Потом протянет к вам свои холодные когтистые лапы...

Войдя в роль, я протянула руки к кузнецу и патетически потрясла его за шиворот. Бедолага стоял ни жив ни мертв, его голова моталась взад-вперед в такт моим рывкам.

– ...потом он прильнет к вашей шее... прокусит яремную вену... и начнет пить теплую, сладкую, тягучую, алую кровь!

Кузнеца я кусать не стала, он и без того побелел как простыня и издавал нечленораздельные хрипы, слабо пытаясь вырваться.

– Так вот, если он сделает все это прежде, чем вы окропите его девичьими слезами, – я разжала руки и аккуратно расправила на кузнеце смятый воротник, – то весь сегодняшний труд пойдет насмарку. Так что постарайтесь не оплошать. Ну что ж, было очень приятно с вами всеми познакомиться, особенно с вами, досточтимый Навара, я навсегда сохраню в памяти теплое воспоминание об этом великом дне. Прощайте, и – успехов!

Я ушла с кладбища, не оглядываясь. Иначе кто-нибудь мог увидеть злобную ухмылку, блуждающую на моих губах.

* * *

Но далеко уехать мне не удалось. Почти сразу за околицей меня снова перехватили – на этот раз посланник от Орсаны Светокрасы. Лошадка, на которой он ехал, была приземиста, мохнонога, экипирована шипастыми подковами и лишь благодаря этому не поскользнулась на каждом шагу.

– Госпожа ведьма, моя госпожа Светокраса приносит вам свои искренние извинения, как и прочим гостям. К ее огромному сожалению, свадьба откладывается.

– Что, снова поругалась с Роларом? – усмехнулась я. – Замок устоял?

Орсана, очаровательная женщина, в прошлом – наемная воительница, и была той самой причиной, по которой я так рвалась в Кружаны. Помолвка состоялась еще осенью, венчание было назначено на завтра, а сегодняшняя ночь отводилась под девичник, на который я, как подружка невесты, просто не имела права опаздывать.

– Да нет, не ругались, напротив – воркуют, чисто голубки. Молодые-то хоть сейчас готовы под венец, а вот гости подкачали – вы гляньте, какая гололедица вторую неделю стоит. Кто вовсе ехать отказался, кто рискнул, да с крыльца возвратился. Соседи-то придут, да ведь приглашения по всей стране разосланы, некоторым и недели не хватит, чтобы до Кружан добраться. А в самом замке дела и того хуже – каменные лестницы песком ежедневно посыпают, да толку чуть, ведь перед свадьбой такая суматоха да беготня поднимается, что слуги под ноги вовсе не смотрят. Так что сейчас там не замок, а скорбный лазарет. Привратник ногу сломал, кухарка руку. Конюх так головой о поручень ударился, что лошадей не узнает, скакового жеребца от жеребой кобылы отличить не может. Орсана гонцов в разные стороны разослала, велела перед гостями извиняться и по домам их заворачивать. Кому ближе до Кружан, чем до дома, – милости просим, мы гостим всегда рады, только вот на свадьбу торопиться уже не надо – на три месяца ее отложили, до весны.

Я сказала гонцу, что все-таки приеду в Кружаны, но завтра. Пусть Орсана не переживает из-за покалечившихся слуг, я постараюсь помочь невезучим торопыгам.

Честно говоря, я даже обрадовалась изменению матримониальных планов Орсаны. Меня терзали угрызения совести. Не из-за Навары – из-за упыря. Жители поверили мне, успокоились, ослабили бдительность – а упырь тут как тут, только спасибо мне скажет!

Вспомнив о двадцати кладнях, я окончательно смирилась с отменой

свадьбы.

* * *

Вторая половина дня прошла в поисках упыря. Настоящего. Увешанная амулетами, как бродячий пес репьями, я обшарила все окрестные овраги, буераки, разрушенные дома и даже заброшенные волчьи норы. Упыря не было. Учитывая опыт общения с простым народом, я не концентрировалась на слове «упырь», зная, что для селян оно означает любую нежить, упырей в том числе. В лесу жили лесовики, в воде водяные, в домах домовые. Упыри пили кровь, вурдалаки ели мясо. Руководствуясь данными этологическими познаниями, я искала нечто странное, кровожадное и острозубое.

И не находила.

Опросила родственников и соседей погибших. За прошедшую неделю упырь потребил одну девочку, одного мужчину и одну престарелую тещу, из чего следовало, что в еде он неприхотлив и справиться может с кем угодно. Все жертвы в момент гибели находились вне зданий, значит, сквозь стены «упырь» проникать не умеет. Поинтересовалась, пропадали ли в деревне собаки, кошки, крупный и мелкий рогатый скот. Нет, не пропадали. По ночам ничего в окна не скреблось, не завывало? И скреблось, и завывало, и стучало, и бухало, и вообще последние двадцать лет никакого покою от нечисти нетути. Есть ли у кого какие подозрения? Подозрений высказалось такое множество, что деревня в их свете выглядела сплошным упыриным кодром.

В общем, толку чуть. Продолжая размышлять о загадочной твари и горько сожалея о невозможности осмотреть трупы – их сожгли, опасаясь возвращения покойных родственников в новом зубастом обличье, – я незаметно для себя вышла к кладбищу.

Отрадное зрелище открылось моему усталому взору. Скинув на землю кольчугу, Навара в поте лица «копал упыря». С нижних веток берез за ним жадно наблюдали серые вороны, изредка перекаркиваясь хриплыми голосами, – очевидно, рассчитывали на скорую поживу. Раскопки заинтересовали не только птиц. Мимо кладбища то и дело проходили люди, чтобы посмотреть, как идут дела у отважного упырекопа. Заложив руки за спину, солидно прогуливался староста. Мальчишки – те вообще не слезали с ограды и окрестных крыш.

Вдосталь налюбовавшись мирной картиной зимних полевых работ, я решила поближе ознакомиться с ходом эксгумации.

При виде меня Навара приостановил раскопки, воткнул лопату в снег и оперся о черенок.

– Послушайте, госпожа ведьма, давайте прекратим этот глупый балаган. Вы не хуже меня знаете, что никакого упыря здесь нет.

– Есть, – глумливо заверила я «рыцаря». – Вы копайте, копайте, не останавливайтесь. У вас не так уж много времени. И учтите, за вами бдительно наблюдает вся деревенская ребятня, и не только.

– Зачем вы заварили эту кашу? Что я вам сделал?!

– Упаси боги, Навара, о чем вы? Теперь ваша слава охотника за нежитью разнесется куда дальше моей! Обратите внимание, насколько благородны мои помыслы, в отличие от ваших!

– Так это месть? — догадался «рыцарь».

– Подлая, низкая и гнусная, – охотно подтвердила я.

– Вы мне за это ответите! – пообещал Навара, выдергивая лопату, из сугроба. – Как вам не стыдно, взрослой женщине, заниматься такими идиотскими розыгрышами? Дали бы хоть нормальную лопату, а не эту жертву сырости и времени!

– Нормальной упыря не откопаешь.

– Это еще почему?

– Он ее отведет.

– Рукой, что ли?

– Нет, силой мысли. Откопаете вместо упыря, скажем, тещу своего работодателя, вот смеху будет! Он с такой радостью ее захоронил, что вряд ли обрадуется вашим археологическим изысканиям.

– Тьфу, и как вам в голову такая ерунда лезет? Вы мемуары не пробовали писать?

– Зачем? Вы великолепно справляетесь с моими мемуарами и без меня.

– Ну можно я хотя бы костер разведу? Земля – как камень!

– В откопке упыря надлежит пользоваться исключительно механическими средствами, – ядовито заверила я.

– Тогда по крайней мере оставьте меня в покое! Вы же вроде куда-то спешили?

– Ради вас, Навара, я готова пересмотреть свои планы.

– Ради вас, госпожа ведьма, я не поленился бы выкопать еще одну могилу, – сквозь зубы заверил меня Навара.

* * *

До темноты Наваре удалось пробить-прокопать верхний мерзлый слой земли, и работа пошла быстрее. Горка черной земли вокруг неширокой ямы стала расти на глазах. Какая-то добросердечная девица приволокла на кладбище горшок с горячими щами, и рыцарь мрачно поужинал, сидя на ограде.

Чем выше полная луна поднималась над кладбищем, тем меньше находилось охотников составить ему компанию. Последними посетителями раскопок были мы со старостой.

– Вот вам, господин хороший, слезы девичьи, самые что ни есть горячие. – Староста протянул Наваре склянку сомнительной чистоты, до середины заполненную мутноватой жидкостью.

– Настоящий самогон, – попытался пошутить Навара, но под грозным взглядом рыжебородого осекся и бережно принял сосуд с драгоценной влагой.

– Можете гордиться собой, Навара, – добавила я, выждав, пока староста удалится на безопасное расстояние. – Из-за вас рыдала вся женская половина деревни, включая столетних бабок. Я своими глазами наблюдала, как они полной грудью вдыхали стратегические запасы шинкованного лука.

– Лучше скажите, долго мне еще тут околачиваться?

– До первых петухов. Нет, до третьих, Так оно вернее будет! – мстительно поправилась я.

Навара смачно ругнулся:

– Утром я натравлю на вас всю деревню!

– Утром меня уже здесь не будет, – ухмыльнулась я.

– Госпожа ведьма, я вас ненавижу, – торжественно заявил Навара, поворачиваясь ко мне спиной и возобновляя раскопки.

– Взаимно, – с достоинством ответствовала я, удаляясь.

* * *

Очень недовольная собой, я долго не могла уснуть.

Где он может быть? Что из себя представляет? Насколько опасен?

В избе было тихо. Хозяева уже улеглись, замолчал наконец младенец в

люльке, и качающий его мальчик на цыпочках прокрался к печи и шмыгнул под одеяло. Возможно, я бы и заснула, но очнувшийся Ревер застонал и попросил воды. Я накинула куртку, зажгла свечу и, зачерпнув теплой воды из стоящего на припечке горшка, присела на стул возле кровати больного. Пока он пил, осмотрела свою работу и осталась довольна – опухоль заметно опала, и рыцарь уже немного шевелил пальцами.

– Ревер, расскажите мне про упыря, – попросила я. – Вы его видели?

– Нет.

– А зачем пошли на кладбище? Неужели вы тоже верите в байки о самозакапывающихся мертвецах?

– Я увидел там кровь.

– В смысле жертвы?

– Нет, трупы нашли в разных местах деревни, один даже за околицей, да вы и сами это знаете, если расспросили местных. Я увидел пятно свежей крови сразу за кладбищенской оградой, на нетронutom снегу. Кровь словно капнула с дерева, но на дереве не было ни упыря, ни дупла, в котором он мог бы скрываться днем.

– Это была человеческая кровь?

– Да, у меня есть специальный амулет для таких случаев. Пятно выглядело так, словно упырь перепил и срыгнул часть крови, чтобы облегчить полет.

– Вполне вероятно. А ночью вы не заметили ничего подозрительного?

– Нет, ничего. Как я мог заснуть?

– А вы помните, как засыпали?

– Нет... впрочем... сон накатил очень быстро, можно сказать, внезапно.

– Спасибо, теперь у меня есть хоть какая зацепка... О леший! Там же Навара!!!

* * *

Наспех одевшись, я с пылающим факелом в руке ворвалась на кладбище.

Меня поразила стоящая там тишина. Я всегда считала себя выше суеверий, но тут мне показалось, что на могильных плитах как-то подозрительно мало снега – а ну как отъедут со скрипом в стороны да как вынырнут из земли костлявые ручечки в обрывках белого савана?!

– Эй, Навара! – заорала я что есть мочи.

У ямы, не слишком выросшей со времени последней инспекции, никого не было. Только торчал из сугроба черенок лопаты. На всякий случай убедившись, что в сугробе никого нет, я растерянно огляделась по сторонам.

– Навара! Где вы? Вот леший...

– Ну здесь я, – неприятно отозвалась серая тень, выходя из-за дерева. – Неужели вы думали, что я ночь напролет буду заниматься раскопками исключительно ради пламенной любви к труду?

– А я думала, что тунеядство и мороз – вещи несовместимые, – парировала я, подавляя облегченный вздох.

– У меня есть чем погреться. – Навара продемонстрировал мне плоскую фляжку и, свинтив колпачок, отхлебнул пару глотков. – Все ходите, контролируете? А может, сами хотите покопать? Уверю вас, это интереснейшее занятие.

– Глядя на вас, что-то не верится.

– Чем же в таком случае вызван столь поздний визит?

– Я за вас беспокоилась.

– Надо же... с чего вдруг такая трогательная забота о гнусном сплетнике?

– Кажется, я догадалась, кто такой этот таинственный упырь.

– Боюсь, мне придется вас разочаровать. Это не я. Честное слово.

– Как это ни печально, но я вам верю. – Краем глаза я заметила размытое движение между стволами деревьев. Резко обернулась, прочертив факелом алую дугу.

– Нервишки пошаливают, госпожа ведьма? – сердобольно осведомился Навара.

Не отвечая, я напряженно всматривалась в темноту. Снег фосфоресцировал в лунном свете, на его фоне стволы деревьев казались черными трещинами.

– Вы что-то видите? – В голосе Навары уже не было насмешки, его правая рука привычно легла на рукоять ножа в притороченных к поясу ножнах.

– Нет. – Я перевела взгляд с дальних кустов... и вздрогнула от неожиданности.

Прямо передо мною, в каких-нибудь пяти локтях, на навершии могильного камня сидело, нахохлившись, существо размером с петуха. За камень оно цеплялось задними толстыми короткими совиными лапами; передние лапки, тоненькие, с длинными скрюченными пальцами, свободно

болтались вдоль тела, не доставая до опоры. Голова на длинной шее напоминала аистиную – плоский лоб, длинный узкий клюв. Тело существа, за исключением кожистых крыльев, сверху донизу покрывала шипастая чешуя, на спине переходящая в прилизанный гребень.

Поймав мой взгляд, тварь возмущенно приоткрыла клюв, по всей длине усаженный мелкими острыми зубами. Звук я не услышала, но знала, что он есть и что означает. Выбросив руку в защитном жесте, я поняла (не почувствовала), что все равно оседаю в снег – мгновенное забытье смягчилось до сильного головокружения и слабости в ногах.

Внезапно тварь пошатнулась, взмахнула крыльями и, неловко соскользнув с надгробия, метнулась вбок и вверх, пропав из поля зрения.

Сонная пелена перед глазами рассеялась. Обернувшись, я увидела, как Навара опускает руку.

– Чем вы в нее запустили?

– Девичьими слезами. Вместе со склянкой. Полагаю, теперь вы убедились в их чудодейственной силе?

– Да уж!

– Что это было?

– Й'инайти. Мелкая гарпия.

– Мелочь, а неприятно, – заметил Навара. – И что от нее можно ожидать?

Он как раз наклонился за лопатой, когда й'инайти, внезапно вынырнув из темноты, упала ему на загривок. Навара завертелся волчком, пытаясь сбросить тварь, звучно хлопавшую кожистыми крыльями. Клацанье зубастого клюва над самым ухом лишило Навару как душевного, так и физического равновесия – поскользнувшись, он упал и несколько раз перекатился по обледеневшей дорожке. Подмятая хищница издала пронзительный крик, больше напоминавший скрип несмазанной калитки, и разжала когти. Прежде чем Навара успел протянуть руку к валявшейся рядом лопате, й'инайти отскочила в сторону. Подпрыгивая, заковыляла в темноту и, по всей видимости, взлетела – я услышала удаляющееся хлопанье крыльев над головой.

– С-с-скотина! – вырвалось у Навары. – Хорошо, кольчуга под горло...

– Что ж вы ее не схватили?!

– Эту пасть с крыльями? Увольте. Когда вы в следующий раз науськаете меня на упыря, будьте добры избрать в качестве орудия железный сачок.

– Я бы схватила, – проворчала я, в душе признавая его правоту.

– Думаю, у вас еще будет шанс. Сомневаюсь, что мы навсегда

лишились приятного общества сей нимфы беспробудного сна, жертвой коего пал несчастный Ревер. Кстати, почему она его не тронула? Да и нас сначала пыталась усыпить, а уж когда не вышло...

Перед моими глазами всплыла гравюра из фолианта «Нежить».

– Потому что й'инайти никогда не убивает вблизи своего гнезда.

* * *

Навара отнесся к моему заявлению весьма скептически:

– Она еще и гнезда умеет вить? Как ворона? Мало того, что вы заставили меня весь день копать упыря, так теперь еще предлагаете всю ночь лазать по деревьям? Или, может, поручите заняться лесоповалом?

– Я вам ничего еще не предлагала. Можете вообще идти домой. Я вас прощаю.

– Нет уж, госпожа ведьма, теперь моя очередь отравлять вам жизнь.

Я вздохнула:

– Лучше бы посоветовали что дельное.

– Для начала потушите свой факел. Ночь лунная, а вы только выдаете наше местонахождение. Да и сами из-за него ничего дальше пяти локтей не видите.

Я послушно окунула факел в сугроб. Обиженно зашипев, он угас. Навара оказался прав, глаза быстро привыкли к лунному свету, достаточно яркому, чтобы разглядеть темные пятна гнезд в кронах деревьев.

– Думаете, одно из них? – задумчиво поинтересовался Навара.

– Скорей всего. Вы умеете стрелять из лука?

– Нет.

– Тоже мне рыцарь!

– Вот именно, рыцарь, а не бродяга-эльф. Кстати, у вас должно быть куда более разрушительное орудие дальнего боя – как их там, пульсары, что ли? Такие светящиеся взрывающиеся шарики, которыми дружески обмениваются боевые маги, прячась за спинами у заранее предназначенной на убой пехоты.

– Вы что, там же вороны спят! Предлагаете заживо изжарить ни в чем не повинных птиц?!

– Тоже мне ведьма!

– Вот что, Навара, валите-ка отсюда. Людьями, как вы точно подметили и не замедлили сообщить всем встречным-поперечным, я дорожу куда

меньше птиц.

Навара догадался, что перегнул палку, и пошел на попятный.

– Будет вам, госпожа ведьма, обменялись любезностями – и хватит. Давайте заключим временное перемирие. Я, несмотря на мои явные недостатки, лежачих не бью, особенно когда противник подставляет под удар не спину, а совсем иную анатомическую область. Слегка отшлепать непутевого – это всегда и с удовольствием, а бить – увольте, несолидно.

– Ничего я вам не подставляю!

– Так подставите.

– Что?

– А как иначе я смогу посадить вас на дерево?

– Меня?!

– У вас есть другие варианты?

Я немного остыла. Лазать по деревьям я умела, а большая часть гнезд располагалась на тонких веточках, чересчур хрупких для поддержания упитанного мужчины в не менее увесистой кольчуге.

– Нет. Но двадцать берез я не осилю.

– И не надо. Вон оно. – Навара показал на березы-двойняшки, росшие из одного корня. На одной из них, той, что перевешивалась через кладбищенскую ограду, было три гнезда, на второй – не меньше десятка.

— С чего вы взяли?

– Это все вороны. Еще днем я обратил внимание, что они старательно избегают наклонной березы, прямо-таки шарахаются от нее – подлетят поближе и отворачивают.

– Так вы ворон считали, вместо того чтобы копать? – Я не удержалась, подпустила-таки шпильку.

– Если бы ваш неиссякаемый сарказм был равен вашему профессионализму, то нам не пришлось бы коротать ночь в компании врага врага. Может, все-таки используете пульсар?

– Я полезу, – решила я. – Так оно вернее будет. Подставляйте спину!

– Левитировать, как я догадываюсь, вы тоже не умеете?

– Ночью?! Я похожа на некроманта?

– А на что вы вообще способны?

– Писать мемуары, – ядовито сказала я и полезла Наваре на спину.

– Поаккуратнее... что вы там отплясываете, как горная коза?

– У вас кольчуга скользкая.

– Так перебирайтесь на плечи, я выпрямлюсь! Ох...

– Что?

– Радикулит прихватил.

- Так вам и надо!
- Ну и вредина же ты! Становись ко мне на ладони.
- А ты оставь в покое мою... бедра.

Наклон березы играл мне на руку, а добравшись до сучьев, я и вовсе осмелела.

Первое гнездо оказалось пустым, лишь на дне белел обломок скорлупы. Два других находились у самой верхушки, почти рядом. Я посмотрела вниз. Хорошо, что было темно – не так ощущалась высота.

Собравшись с духом, я продолжила нелегкий путь к вершине. Ветер, о наличии которого я даже не подозревала, сосредоточенно и непрерывно выписывал березовой макушкой правильную букву «О». И как вороны яйца выдерживают эту болтанку?

Гнезда находились уже на расстоянии вытянутой руки, когда й'инайти вспомнила о своем материнском долге и разъяренной фурией вырвалась из клубка омелы на сестринском березовом стволе. Хлопанье крыльев и треск ломающихся веточек вовремя предупредили меня о нападении. Я успела прижаться к стволу, и гарпия на бреющем полете пронеслась над моей спиной, чиркнув когтями по куртке. Эффектно развернувшись на фоне луны, она пошла на второй круг. На сей раз я прибегла к безотказному средству – завизжала ей в пасть, стараясь взять как можно более высокую ноту. Й'инайти отшвырнуло в сторону, Навара зажал уши, в деревне зашлись лаем собаки.

Отыгранные мною секунды решили исход поединка. Оседлав ближайший сук, я высвободила одну руку и третью атаку гарпии встретила во всеоружии.

Й'инайти пылающим клубком кувыркнулась в воздухе и, упав на землю, еще долго казалась яркой точкой с высоты моего шаткого насеста. Я зачарованно следила за огоньком, пока он не погас.

Поравнявшись с гнездами, я убедилась, что Навара был прав. В левом лежал вороний скелет, в правом – три темных шара правильной формы, каждое размером с мой кулак. Когда я протянула к ним руку, самое крупное «яйцо» треснуло и из него, как улитка из раковины, поползла бесформенная амебоподобная масса. Не дожидаясь появления ее братиков и сестричек, я столкнула гнездо вниз. Уже в полете оно вспыхнуло и рассыпалось искрами, настигнутое боевым пульсаром.

– Точно в яблочко! – донесся до меня одобрительный возглас Навары. – Вы не так уж безнадежны, госпожа ведьма!

– Ха, вы меня еще не зна...

Попытка нашарить ногой нижнюю ветку обернулась провалом, на

руках я удержаться не смогла и камнем полетела вниз.

* * *

Мне показалось, что прошли века свободного полета, прежде чем я довольно сильно ударила спиной обо что-то жесткое и сообразила – можно открыть глаза.

Навара продолжал сжимать меня в руках, даже лежа на спине в сугробе.

– Хорошо ловите, господин рыцарь.

– Хорошо падаете, госпожа ведьма. Может, вы все-таки встанете со своего покорного слуги?

– Спасибо.

– Я не ослышался? Вы меня поблагодарили?! Или это очередное проявление вашего своеобразного чувства юмора?

Я неловко поднялась, массируя ушибленный локоть:

– Навара, вас даже благодарить противно. Вы способны задушить самый благородный порыв.

– И это говорит ведьма, чья прихоть выставила меня идиотом перед целой деревней?

– Еще не выставила.

– Неужели?! – скептически хмыкнул Навара.

– Да, у нас еще есть время сочинить леденящую душу историю об откопанном упыре, девичьих слезах, отважном рыцаре и могучей ведьме. А затем с чистой совестью поделить обещанные двадцать кладней.

– Если вы думаете снискать этой жалкой суммой мое прощение, то вы глубоко заблуждаетесь, госпожа ведьма, – с величественным презрением заявил Навара.

Но деньги взял.

* * *

Как ни странно, никаких репрессий со стороны Навары не последовало. Впоследствии мы не раз встречались в селениях и на трактах, всегда случайно, обменивались вежливыми кивками, перебрасывались парой ничего не значащих слов и расходились в разные стороны, не

упоминая друг о друге ни хорошо, ни плохо.

В конце концов, некоторые люди тратят всю жизнь на то, чтобы найти достойного противника.

Факт взаимного существования приносил нам обоим несказанное удовлетворение.

РОЙ

Скучная пора – осень. Красивая, сытная, но – скучная. Работы почти никакой: ссыпанному в амбары урожаю не страшны дожди и засухи, летние хвори миновали, а зимние еще не подоспели, нечисть, если где и водилась, за лето отъелась и поутихла. Зимой, конечно, она снова оголодает и вернется, но, увы, осторожные крестьяне предпочитают не будить лихо, пока оно тихо.

Не сказать чтобы мне тоже особенно хотелось коротать ночи в каком-нибудь сомнительном овраге, в придачу к гонорару зарабатывая насморк под мелким, но неотвязным осенним дождем. Удивительное дело: теплая и сухая погода может стоять неделями, пока в один прекрасный день мне не подвернется работа на свежем воздухе, а там уж все к моим услугам: дождь, град, внезапный заморозок или ураганный ветер, отклоняющий заклинания.

Денек выдался погожий, с утра небо не омрачало ни единой тучки. Лошадка неторопливо трусила по едва приметной полевой тропке, я, расстегнув кожаную куртку, обмахивалась берестяным свитком-объявлением, сорванным с придорожного дерева, и очень надеялась, что место «свадебного колдуна» еще не занято. Беспокоилась я, скорее всего, напрасно – вряд ли кому-нибудь еще из дипломированных магов взбредет в голову шляться по глухим деревням в поисках работы, а местные знахари-самоучки мне не конкуренты.

Смолкины копыта гулко застучали по дощатому мостику, перекинутому через узкую, наполовину заросшую тростником речушку. Не да, обидно будет упустить такую работенку: с утра до вечера сиди себе за свадебным столом, ешь и пей вволю, усиленно делая вид, будто оберегаешь молодых от порчи. А в конце застолья не помешает проникновенно так, устало намекнуть свежеиспеченному тестю или свекру (смотря кто платит), что только благодаря твоим титаническим усилиям молодые не скончались в первую же брачную ночь от безуспешных происков нечистых сил.

С горбинки мостика уже просматривалось село – десятка три ухоженных домиков, крытых свежей соломкой. Издалека бросались в глаза спелые тыквы в бороздках перепаханых полей. А еще дальше, за домами, полями и холмами, у самого леса ярким солнечным пятном подменяла луговую траву спелая пшеница.

Я даже остановилась и приподнялась на стременах. Нет, не

померещилось. Небольшое, круглое поле, играющее золотыми бликами. И ни одной полегшей плешинки, несмотря на довольно капризное, ветреное и дождливое лето. Интересно, кому это взбрело в голову расчищать и засеивать поле так далеко от жилья? Дураку ясно, что большая часть урожая достанется зайцам, кабанам и птицам. К тому же все рачительные хозяева давным-давно сжали колосья, обмолотили зерно и сметали пустую солому в стога.

– Что скажешь, подруга?

Смолка, заядлая потравщица беспризорных злаков, одобрительно всхрапнула и тут же боязливо прижала уши. Слух у моей лошадки тоньше упыриного, не слышит она только моих гневных окриков и понуканий, зато способна за десятки верст отличить волчий вой от собачьего и вывезти меня к селению, одному-единственному на бездорожную, лесистую округу. Но внезапную тишину мы распробовали одновременно. Кормившиеся на реке утки забились в тростник, примолкли кузнечики, оставив нас наедине с недобрый шелестом травы.

Я обеспокоенно покрутила головой. Долго теряться в догадках не пришлось – со стороны деревни на нас надвигалась маленькая, но очень несимпатичная тучка, сопровождаемая ровным зловещим гулом.

– Не ерунди, Смолка, – преувеличенно бодро сказала я, на всякий случай застегивая куртку и пряча руки в карманы. – Это всего лишь рой. Он нас не тронет.

Ничуть не убежденная, лошадка пригнула голову, недоверчиво косясь на небо. Рой шел высоко, от основного клуба тянулся мутный заостренный хвост. Гул постепенно нарастал, пульсируя в висках. Очень неприятный, угнетающий звук, даже если знаешь, что роящимся пчелам нет никакого дела до замершей внизу жизни, им лишь бы благополучно довести матку до загодя присмотренного улья или дупла.

И все-таки что-то мне в них не понравилось. От деревни рой летел быстро, а над нами завис, словно присматриваясь. Или прицеливаясь. Кобыла нервно заплясала на месте, выбивая дробь на досках. С трудом удерживаясь в седле, я попыталась отпугнуть надоедливых тварей дымом, но они не соблаговолили выслушать заклинание до конца, восприняв его как сигнал к атаке. Левую щеку обожгло болью, и в тот же миг Смолка, не раздумывая, боком скакнула через поручень моста.

Несмотря на неказистые берега, речушка оказалась довольно глубокой, а вода, накрывшая меня с головой, – холодной и затхлой. К счастью, мне хватило самообладания не выпутывать ног из стремян, а, напротив, прижаться к лошади, обхватив ее руками за шею. Смолка плавала, как

рыба, то есть проворно и глубоко под водой, подолгу обходясь без воздуха. Я зажмурила глаза, стараясь не думать о вдохе и всем телом ощущая встречное сопротивление воды, запускающей щупальца за ворот куртки.

Мы вынырнули ниже по течению, в самой гуще тростника. Он предательски затрещал, раздвигаясь, но, к счастью, пчелам и в голову не пришло искать нас в ста локтях от моста. Мутная вода скрыла наше позорное бегство, и они были уверены, что рано или поздно мы объявимся на прежнем месте и веселье продолжится.

В ужаленной щеке ворочались раскаленные клещи. Меня и прежде кусали пчелы, но я то ли забыла, как это больно, то ли проклятая тварь впрыснула мне тройную дозу яда чем-то вроде зазубренного штопора. Со временем боль не утихала, отдаваясь в шею и висок. Заговаривать ее по горячим следам я не решилась, подозревая, что пчел разозлила именно магия. Впрочем, ее чувствуют многие животные, но чаще без оглядки бросаются наутек, не желая связываться с магами.

Тут я заметила нечто совсем уж странное: рой больше не клубился вокруг матки, он растянулся вниз и вширь частой сетью, преисполненный решимости не выпускать нас из воды. Несколько десятков пчел дымной струйкой скользнули под мост, долго там копошились, лавируя между тростинками у самой воды, потом вылетели с другой стороны и расселись на поручнях.

Смолка, не удержавшись, фыркнула, прочищая ноздри. Сеть всколыхнулась и распалась на клочья, но звук потревожил не только пчел – из камышей рядом с нами вырвалась жирная утка и с душераздирающим криканьем побежала по воде, что есть мочи работая крыльями.

Пчелы не обратили на нее ни малейшего внимания. Снова сбившись в клуб и для верности описав круг почета над мостом, они с явным сожалением поверили в нашу бесславную кончину и полетели... обратно, в сторону села. Как дворовые псы, выскочившие навстречу чужаку, разорвавшие его в клочья и с чувством выполненного долга вернувшиеся в будку.

Вот только что за хозяин их науськал?

* * *

В село я въехала мокрая до нитки, замерзшая и злая.левой половины лица я не чувствовала, зато видела – опухшая щека выдвинулась дальше

носа, глаз заплыл, даже с языком творилось что-то неладное, он с трудом поворачивался во рту, коверкая слова. Выжатая куртка смахивала на пожеванную, с носов сапог размеренно капало.

«Медовки», – гласила шильда при въезде. Надписи «Осторожно, злые пчелы!» я рядом не заметила. На ближайшем к околице заборе сидел патлатый мальчишка лет десяти и, забыв о недоструганной палочке, пялился на меня с открытым ртом.

– Фде шуш у ваш швадьба? – угрюмо поинтересовалась я, придерживая щеку.

Мальчишка, не отвечая, кубарем скатился с забора и что есть духу припустил по улице, шмыгнув в одну из дальних калиток. Я терпеливо ждала, любуясь яблонями в соседнем саду. Урожай впечатлял, подпертые рогатинами ветви едва выдерживали вес зреющих плодов.

В противоположном конце улицы начал скапливаться народ. Бабы любопытно тянули шеи из-за заборов, мужики глухо перешептывались, очень неласково поглядывая в мою сторону. Некоторые держали в руках вилы.

Я чуть сжала колени, и Смолка понятливо пошла вперед. Шепот стих, селяне боязливо сбились в кучу, поудобнее перехватывая сельхозорудия.

– Жаштвуйте, увашаемые! – громко сказала я. – В шем шело? Швадьба отменяетша?

– Ась? – растерянно уточнил крепко сбитый, чернобородый мужик лет сорока.

– Во, я же говорил! – сбивчиво затараторил давешний мальчишка, дергая его за рукав. – Вылитая ведьма, и бормочет не по-людски – порчу, поди, наводит!

— Ну, вещма, – нетерпеливо согласилась я, – и што ш того? Вшня моя порша вашим пшелам в подметки не годишша!

Кое-кто, разобрав, захихикал. Обстановка разрядилась, мужик отвесил мальчишке затрещину:

– Всполошил людей зазря, дурень эдакий! Вы уж не серчайте, госпожа ведьма, но видок у вас – краше в гроб кладут, немудрено перетрухнуть.

– Шама жнаю, – проворчала я, спешиваясь, – ваше?

Мужик недоверчиво поглядел на пергамент, потом на меня.

– Вы... это... эээ... серьезно?

– Ш утра – да, шейшаш – вжад ли, – честно призналась я, отлично понимая, что моя теперешняя внешность располагает скорее к поминкам, нежели к свадьбам. Подворачивалась мне и такая работенка – когда родственники не были уверены в благонадежности покойника. – Хоша бы

переношевать пуштите – и ладно. Я жаплашу.

Но мужик не торопился с отказом. Добродушно ухмыляясь в густые усы, он скомкал пергамент и протянул мне широкую мозолистую ладонь:

– Ежели не передумали и беретесь – добро. Меня Олупом зовут, я в Медовках навроде старосты. Завтра дочку свою старшую, Паратю, замуж отдаю, без колдуна ну никак. Знатное гульбище намечается, всех сельчан пригласил и столько же из окрестных селений съедется, так что работы невпроворот. Переночуете у соседа моего, я договорюсь, в порядок себя приведете, а завтра с самого утра к выкупу подходите. Потом венчальный обряд, само собой, дайн приедет, вы ему не шибко глаза мозольте, лады? Ну и за столом, стал-быть. Хотя бы до вечера в трезвости продержитесь, а там уж самой распоследней нечисти не до сглаза будет. Заплачу три кладня, серебром или золотом, как захотите. Еды со стола впрок наберете – все равно не съедим, придется свиньям выкидывать... Ну так как? Согласны?

– По жукам, – кособоко улыбнулась я, присоединяясь к рукопожатию.

* * *

Переодевшись и высушив голову, я занялась щекой. Время было упущено, мне удалось кое-как унять боль, но опухоль спадать не торопилась. Хорошо хоть язык перестал заплетаться. Никакого смертельного яда в месте укуса я не обнаружила, зато, к немалому удивлению, вытащила из щеки глубоко засевшую пшеничную ость. Обычно такие тонкие и длинные занозы загибаются под кожей и дальше не идут, эта же пробила щеку насквозь. Видимо, я обзавелась ею в тростнике, где оседает половина плывущего по реке сора, в том числе летящая с веялки мякина.

Сосед Олупа, он же брат, хмурый не улыбочивый бобыль, молча выставил на стол горшок со щами, кивнул мне на лавку у печи, а сам полез на полати. Время и впрямь было позднее, начинало смеркаться, но я все-таки решила прогуляться по селу и разведать обстановку. Компанию мне составил Олуп, изгнанный из собственной избы на время девичника, – мужик уныло слонялся взад-вперед по единственной улочке, запахнувшись в кожух.

– А, госпожа ведьма! – обрадовался он. – Как ваше здоровьишко?

Я неопределенно пожала плечами. Лицо говорило само за себя.

– Скажите, в вашем селе кто-нибудь держит пчел?

– Да почитай все – у меня одного полторы дюжины колод в саду стоит, – простодушно похвалился Олуп, – луга-то эвон какие широкие, разнотравные, с весны до осени цветут, без меда ни разу еще не оставались; бывало, зимой после неурожая им одним и кормились. А сады-то как с пасеками родят, каждый цветок завязь дает!

– И не боитесь?

– Чего? – не понял Олуп.

– Яблочки вокруг ульев собирать?

– Эх вы, госпожа ведьма, с одного укуса перетрухнули, – развеселился Олуп. – Меня вон каждый год по две дюжины жалит, а то и три-четыре, особенно если придавишь невзначай или в улей без дымаря сунешься. Привык, так даже и не болит, только чешется наутро. Пчела ведь тоже не дура, зазря нипочем не тяпнет – хоть ты у самого летка стой, только палец туда не суй.

Мне совершенно не хотелось ни совать, ни стоять, но выхода не было.

– Вы не будете возражать, если завтра под вечер я осмотрю вашу пасеку? Надеюсь, после захода солнца эти твари угомонятся?

— Вы, госпожа ведьма, ночью пчелок не бойтесь, – добродушно посмеиваясь, заверил меня Олуп, – они в темноте ни зги не видят, куда уж там летать да кусаться. Смотрите на здоровье, небось не убудет. А что вы искать-то будете, может, я подскажу?

– Найду – узнаю, – честно ответила я.

Мы еще немного побродили по селу, обсуждая подробности завтрашней свадьбы. Собаки поочередно, с неиссякаемым энтузиазмом заливались лаем из-за заборов, так что захода с третьего я почувствовала себя ложкой, которой ради забавы водят по рядку из горшков. Потом на улице окончательно стемнело, и я, поравнявшись с калиткой, распрощалась со словоохотливым мужиком.

– Да, у нас тут... того... тать завелся, – напоследок предупредил Олуп, – третий день шкодит, стервец, тащит, что под руку подвернется. Гостей-то много посъезжалось, поди угадай, который по дегтю с перьями истосковался. Так что вы кошель потуже затягивайте да покрепче к поясу привязывайте... не ровен час...

Я кивнула скорее из вежливости. Татя, покусившегося на мой тощий кошель, мне было искренне жаль.

* * *

С утра пораньше я уже стояла у разделявшего избы забора, опершись на него локтями. Как Олуп и предсказывал, на свадьбу явились не только все приглашенные гости, но и их родственники, а также родственники родственников с друзьями. Нанятые музыканты всю ночь напролет играли на трех дудках, двух бубнах, расстроенных гусях и гнусавой волынке. Выходило нечто равно схожее с плясовой, застольной и поминальной.

Выкуп, как и положено, прошел весело и шумно, мать молодой радостно всплакнула, Олуп одобрительно подкрутил усы. Парочка подобралась живописная. И без того излишне упитанная, в пышном свадебном платье невеста напоминала подушку с накрахмаленными оборками, из-за которых робко выглядывал щупленький кучерявый женишок. Впрочем, друг на друга они смотрели с одинаковым восторженным умилением, а это главное.

Своего храма в Медовках не было, народ старательно верил по домам, отвешивая поклоны засиженным мухами иконам, но ради свадьбы родители молодых пригласили священника из дальнего села, дайна Дуппа — немолодого, бойкого толстячка с залысинами. Дайн искренне радовался предстоящему мероприятию, облизываясь на запечатанные кувшины с медовухой. Поздороваться со мной за руку он не осмелился, но, представленный, вежливо кивнул в ответ, отлично понимая, что открытое выступление против ведьмы, скорее всего, закончится срывом свадьбы и нам обоим не заплатят.

С венчанием дайн не затянул, без сучка и задоринки окрутив молодых под ближайшим дубом.

Гости радостно кинулись занимать места на длинных лавках. Хватило всем — накрытые столы выставили во двор, благо денек не уступал вчерашнему. Я окинула гостей наметанным взглядом. Упырей нет, лихомов, глызней, оборотней — тоже. Традиция приглашать на свадьбу магов-практиков возникла не на пустом месте — нечисть любит шумные человеческие сборища, особенно уважая крепко подвыпивших гостей, беспечно храпящих в кустах. Слева от меня сидел сторбленный застенчивый дедок с клюкой, справа — дайн. Последний уже после третьего кубка одобрительно крякнул, стянул через голову богато расшитую праздничную рясу, метко бросил ее на забор и взялся усердно меня потчевать. Прочие гости с опаской поглядывали на мою перекошенную физиономию, не осмеливаясь чокаться и пить на брудершафт.

Перед самым началом пира в калитку вошла светловолосая девушка с красивым букетом полевых цветов. На первый взгляд ее скромно опущенные глаза показались мне серебряными, но, удивленно

приглядевшись, поняла – светло-серые, просто так странно отсвечивают на солнце. Девушка привлекла не только мое внимание – на нее откровенно уставились все парни, половина взрослых мужчин и застенчивый дедок. А поглядеть было на что: точеная фигурка, выгодно подчеркнутая льняным облегающим платьем с высоким расшитым воротом и разрезами до бедер, хрупкое правильное личико, по-детски открытое и незащищенное. Подружки невесты обрадовались ей, как хорошей знакомой, и, потеснившись, выделили кусочек лавки.

Ничуть не огорченная отсутствием упырей и иже с ними, я куда с большим интересом изучала стоящие передо мной кушанья. Цельные окорока, жареная птица и рыба, всевозможные колбасы, салаты прямо в кадушках, фаршированная щука с глазами-клюквинками, горы фруктов и реки медовухи одновременно радовали и ужасали глаз. Посреди стола гордо восседал на яблоках гусь в перьях – то ли заново утыканный ими после жарки, то ли несъедобное чучело для красоты. Надо всем этим изобилием возмущенно вились пчелы, норовя присесть на краешек миски с медом или кувшина с медовухой. Особенное негодование крылатых тружениц вызывал свадебный пирог на меду. Они кружили над ним, как над погребальным курганом. Пирующие привычно отмахивались от пчел в воздухе, стряхивали с поднесенных ко рту ложек и выплескивали из кружек. Я же сидела как на иголках, то и дело шарахаясь от въедливого гудения над ухом.

Как и положено, медовуха оказалась горькой, молодые, дорвавшись, соединились в таком страстном поцелуе, что гости в конце концов сбились со счета и налили себе по второй. Выпивать и закусывать приходилось в ускоренном темпе, ибо через каждую пару минут пирующие вздрагивали от пронзительного голоса свахи:

– А ну-ка, отложим ложки да встанем на ножки! Отец молодой – не гляди, что седой! – нальет вина, выпьет до дна да расскажет, чем невеста красна!

Несчастный Олуп, кряхтя, вылезал из-за лавки и, смущаясь, с кубком в руке начинал расхваливать дочь и желать всяческого и полного счастья. Не успевали гости одобрительно крякнуть и потянуться ложкой к закуске, как сваха взвизгивала еще радостней:

– А вот теща свежеиспеченная, зятем озолоченная! Расскажи как на духу – рада ли жениху?!

Естественно, теща была рада. Печальная участь не миновала ни свекра со свекровью, ни родственников, ни друзей. Когда очередь дошла до меня, я мрачно, не вставая, смерила сваху взглядом и неприязненно буркнула:

– Поздравляю.
Больше меня не трогали.

* * *

Вечерело. Над лугами пополз голубоватый осенний туман, но веселье и не думало утихать, хотя понимать собеседников становилось все труднее. Дружки жениха, зажав в зубах ножи, а кому не хватило – ложки и обглоданные кости, с жаром исполняли танец гоблинов, то есть с приглушенными воплями скакали вокруг стола под надрывное дребезжание гуслей и визг дудок. Застенчивый дедок тонким голосом выкрикивал похабные частушки, стол в такт вздрагивал от дружных ударов кулаками.

– А я тоже колдовать умею! – хвастался изрядно захмелевший дайн. – С малолетства ложки взглядом двигал, потом девкам на сенокосе подолы будто ветром поднимать наловчился. Только это – секрет, ни-ни! – Дайн таинственно зашипел на приложенный к губам палец. – В храме... ик!.. узнают – отлучат, ибо сие одержимость бесовская, служителя божьего недостойная. О, закусь!

Блюдо с гусем медленно поползло в нашу сторону. Я похолодела. Маги и священнослужители традиционно недолюбливают друг друга, но к Дуппу я успела проникнуться искренней симпатией и попыталась воспрепятствовать продвижению «закуси». Увы, у каждого мага есть несколько излюбленных, самых удающихся заклинаний, перебить которые непросто даже втрое сильнейшему противнику. Блюдо кругами заскакало по скатерти, гусь подпрыгивал на яблоках. Гости в ужасе косились на веселую птицу, на всякий случай отодвигаясь от стола.

– Ой, поле широ-о-окое! – неожиданно завопил Дупп, забрасывая руку мне на плечо и раскачиваясь из стороны в сторону. – Да раздо-о-ольное!

Я потеряла концентрацию, блюдо перевернулось, гусь лихо взмыл над головами молодых, описал изящную дугу и воткнулся клювом в свадебный пирог.

– Госпоже ведьме больше не наливать! – громоподобно прошептал Олуп девке с кувшином.

Я раздраженно сбросила руку дайна и, чтобы скрыть смущение, положила в миску немного салата, безо всякого аппетита ковыряясь в нем ложкой.

– Во па-а-але пшеничка стоя-а-ала! – тем временем продолжал Дупп,

осовело таращась на бесхозную ниву у леса и сам себе дирижируя куриной костью. – Ой да ка-а-аласистая стоя-а-ала!

Пшеничке от его кошачьего фальцета полагалось полечь на корню. К счастью, очередной кубок медовухи уложил самого дайна – Дупп битой тушкой сполз с лавки и с блаженной улыбкой растянулся под столом, вместо подушки обеими руками обхватив мой сапог.

Свадьба окончилась далеко за полночь. Объевшиеся и опившиеся гости постепенно разбредались по домам, обещая вернуться на рассвете. Не без труда стряхнув дайна с сапога, я вместе с немногочисленными уцелевшими гостями отправилась провожать молодых на сеновал. Жених честно попытался перенести невесту через порог – обхватил ее за пояс, расставил ноги и поднатужился, постепенно заливаясь краской. Она жеманно захихикала, но от земли не оторвалась. Я пришла бедняге на помощь, и приподнятая магией Паратя величаво проплыла в дом.

Дверь захлопнулась, гости еще немного пошумели у крыльца, выкрикивая советы молодому, потом выпили на посошок и разошлись. Не все – на столе сладко сопела сваха, из-под скатерти до половины торчали сапоги дайна, а чуть поодаль улизнувшая из конюшни Смолка неспешно лакомилась свадебным пирогом, дележ которого перенесли на завтрашнее утро. Я мысленно застонала —кобыла успела обгрызть многострадальный каравай по кругу и облизать крем с макушки. Завидев меня, грозную, Смолка малодушно поджала хвост и ускакала в темноту. Искать черную кобылу по потемкам не имело смысла, и я, махнув рукой на каравай (он принял прежний вид, но кушать его я бы все-таки не советовала), решила наведаться в гости к пчелкам.

Сад был небольшой, яблонь двадцать. Под каждой стоял улей – выдолбленная колода в соломенной шляпке. Там-сям темнели кусты крыжовника. С трех сторон щерился колыями плетеный забор, четвертая открывалась длинным полем, щедро унавоженным к зиме. Я с опаской побродила между ульями, но все было тихо. Пчелы мирно почивали, выставив стражу у летков. Самые обычные, рыжие и мохнатые пчелы. Разочарованная, я уже собиралась уходить, но решила немного подышать свежим воздухом – после застолья меня слегка водило из стороны в сторону, и я боялась окончательно разомлеть в духоте натопленной избы.

Усевшись на траве возле задней стенки улья, я подобрала сочную паданку, потерла о рукав куртки и с удовольствием ею захрупала. Ночь выдалась ясная, безветренная. Я умиротворенно любовалась яркими звездами и с тем же благодушием засмотрелась на медведя, сноровисто перелезающего через забор. Медведя?! Опомнившись, я подавилась

яблоком, беззвучно разевая рот и хлопая себя по груди.

Ничего не подозревающий зверь спрыгнул на землю, осмотрелся и на задних лапах потопал к ульям. Высокий и тощий, он держался по-человечески прямо, негромко насвистывая себе под нос. Онемев, я глядела, как он поочередно обходит колоды, прикладывает к ним ухо, осторожно постукивает по стенке когтистой лапой, приподнимает, опускает и переходит к следующей, то и дело поддевая шкуру на поясе, как спадающие штаны. Меня он не заметил, а вот улей, за которым я пряталась, приглянулся ему больше других. Довольно рыкнув, медведь облапил колоду, с натугой приподнял и прижал к мохнатой груди.

Поддавшись внезапному и, скорее всего, хмельному порыву, я вскочила и ухватилась за улей с другой стороны. Медведь пошатнулся от неожиданности, но лап не разжал.

– Пусти! – глухо взревел он сквозь плотно стиснутые клыки с вываленным языком. Я чуть не выронила улей, но быстро опомнилась и вцепилась пуще прежнего.

– Лапы прочь от частной собственности, пчелокрад!

– Жадина! – рявкнул медведь, упираясь задними лапами. – На кой он тебе сдался? Выбери любой другой!

– Я не воровка! – возмутилась я, наугад пиная ногой под улей. Медведь пошатнулся, но устоял.

– Ври больше!

Но тут пчелам надоело бесцельно трястись в колоде, и они решили внести посильную лепту в дележ улья. Подбадривая себя громким жужжанием, они высыпали из летка с безрассудной отвагой защитников осажденной крепости.

Неожиданная атака застала нас врасплох. В темноте пчелы и впрямь ничего не видели. Они кусались на ощупь.

Непотребно ругаясь, мы с медведем бросили улей и кинулись наутек. Поскольку выход был один – через калитку, к ней мы и устремились, пыхтя бок о бок. Медведь галантно приотстал, пропуская меня вперед. Лобастая звериная башка отвалилась и повисла у него за плечами, сменившись темноволосой макушкой.

Пчелы не отважились на длительную ночную вылазку и, язвительно пожужжав нам в тыл, отстали у обмолоченных снопов за амбаром.

Тяжело дыша, мы с возмущением разглядывали друг друга. «Медведь» оказался худощавым мужчиной лет тридцати, с узким пронырливым лицом, темными глазами и ястребиным носом. Волевой подбородок тщательно выбрит, волосы заплетены в косицу. Троюродный брат невесты, вспомнила

я. Сидел в дальнем углу стола, вгонял в краску хихикающих соседок, сказал какой-то сальный тост про хомут для молодого. Выдавал себя за стражника в отпуске, щеголяя новехоньким, с иголки, кожаным камзолом, расшитым серебром по воротнику и обшлагам.

– Менес, – представился он, блеснув улыбкой.

Я брезгливо посмотрела на протянутую лапу. Спohватившись, «медведь» высвободил руку из шкуры, но я по-прежнему не спешила с рукопожатием.

– Ведьма, – холодно сказала я. – А шкура вам идет. Прямо как по вас сшита. Даже не верится, что съемная... пока съемная.

Улыбка поугасла.

– Уважаемая госпожа ведьма, – тщательно подбирая слова, начал Менес, – я никогда бы не позволил себе этот глупый маскарад, если бы знал, что перебегаю вам дорогу. Простите. Я готов искупить свою бестактность... э-э-э... двумя серебряными монетами.

Это становилось забавным.

– Которые вы только что вытащили из моего кошелька?

Вор заметно погрузтел. Он и впрямь знал свое ремесло, но с заговоренным карманом столкнулся впервые.

– Возможно, я ошиблась, – в раздумье продолжала я, – и деготь с перьями пойдут вам еще больше. А уж без руки вы и вовсе будете смотреться неотразимо.

Монетки с тем же проворством вернулись в кошель, вор безрезультатно похлопал себя по карманам и с надеждой предложил:

– Ну, хотите... э-э-э... мою шкуру?

Я с трудом удержалась от смеха:

– Вашу или медвежью?

– Медвежью, – торопливо поправился он, – вот, пощупайте – совсем новехонькая, позавчера на торжище купил.

– Вы купили шкуру стоимостью по меньшей мере в три золотых кладня, чтобы украсть улей, которому красная цена шесть серебряных кипок?!

Вор смущенно кашлянул, и я поняла, что за шкуру он тоже не платил.

– Снимайте, – решила я. В конце концов, отлавливать воров я не занималась, а шкура и впрямь была хороша.

Менес с похвальной расторопностью выкарабкался из шкуры, торжественно вручил мне обновку, раскланялся и был таков.

Скатанная в трубку шкура оказалась немногим легче неосвежеванного медведя. Я поволокла ее к дому по земле за хвост, чувствуя себя убийцей,

прячущим свежий труп. Морда подпрыгивала на кочках, выпирающие клыки оставляли две глубокие борозды. В конце концов они так крепко увязли в нижней ступеньке крыльца, что я чуть не упала. Обозленная, я дернула посильнее, и хвост остался у меня у руках.

Плюнув, я бросила шкуру во дворе – у меня уже начинало шуметь в ушах, следовало как можно скорее приступить к врачеванию. Один-два пчелиных укуса я еще могла вынести, но от пяти как-то чуть не умерла.

Наглотавшись саднящих в горле декоктов и вытащив из различных частей тела с полдюжины пчелиных жал, я крепко призадумалась. Да, неприятно, но терпимо, и магия на сей раз не подвела – от укусов остались едва заметные красные точки и легкий зуд под кожей, в то время как левая щека по-прежнему занимала большую половину лица.

Измыслить что-либо путное я не успела – начало сказываться побочное действие снадобий. Я с трудом разделась, свернулась в клубочек под одеялом и мгновенно заснула.

* * *

Разбудил меня женский визг. Пронзительный невестин бас штопором ввинчивался в уши. «Пирог, – догадалась я, подскакивая к окну, – опять с иллюзиями напортачила».

Паратя и впрямь стояла у пирога, но смотрела вниз, под стол, судорожно стиснув в кулаке приподнятую скатерть. Визг вырывался из нее безостановочно, на вдохе и выдохе.

Пока я оделась и выбежала во двор, вокруг невесты столпилось порядочно народу. Бесцеремонно растолкав селян локтями, я пробилась к столу. Визжать мне не позволяли высшее магическое образование и привычка, но сохранить ледяное спокойствие тоже не удалось.

Под столом лежал... нет, не дайн и даже не труп, а почти полностью истлевший скелет с присохшими остатками плоти, обутый в щеголеватые сапожки Дуппа. Я присела на корточки и протянула руку к ощеренному черепу, но не прикоснулась, а медленно провела над лобной костью и ниже, вдоль грудины.

– Что-то мне здесь не нравится, – вслух подумала я, отдергивая ладонь.

– Да уж знамо что, – хмуро поддакнул Олуп. – Костяки вон эти!

Я промолчала, признавая свой промах. Да, меня не нанимали охранять

заночевавших на свежем воздухе гостей, но одно присутствие ведьмы в селе должно было отбить аппетит у окрестной нечисти. Выходит, кто-то или что-то меня недостаточно боялось. И полагало, что не без оснований. Это же предстояло выяснить и мне.

– Люди добрые, гляньте! – взвизгнула сваха, тыча пальцем в дорожную пыль. – Следы!

Селяне в ужасе уставились на широкую полосу с парными штрихами, ведущую из ворот Олупа к калитке соседа. Прежде чем я успела вымолвить слово, толпа с воодушевленными воплями бросилась по следу, на ходу выламывая колья из плетней.

Нашим глазам открылось жалкое зрелище. Обильная ночная роса превратила шкуру в плешивую набрякшую тряпку, словно я затоптала несчастное животное ногами. Вываленный язык усугублял впечатление. Медведь с укоризной косил на присмиривших селян желтым стеклянным глазом; легкий запах тухлятины домысливался без труда.

– На пасеке поймала, – пояснила я в гробовой тишине, – хотела немного припугнуть, но, кажется, слегка перестаралась...

– Как же это вы его, а? – робко поинтересовался Олуп.

– Взяла за хвост и покрепче дернула, – мрачно пошутила я, предъявляя лежащий тут же хвост.

Никому и в голову не пришло усомниться. Селяне воззрились на меня с суеверным уважением. И опаской, разумеется. Никто не осмелился попрекать ведьму, походя вытряхнувшую медведя из шкуры, каким-то там высохшим дайном. Олуп только вежливо поинтересовался, не могут ли они посодействовать мне в поисках злодея, и если да, то все село к моим услугам.

Для содействия я выбрала глазастого Олупова сынишку. Дети частенько запоминают кучу совершенно ненужных подробностей, игнорируя главное, но обыденное. И если болтливая баба принесет от колодца ворох сплетен и зависть к соседке в новом тулупе, то увязавшийся за ней ребенок непременно заметит обломок цветастого горшка, незнакомую кошку в кроне десятисаженного тополя, а то и – чем леший не шутит? – шмыгнувшего за угол ригенника. Главное, не говорить ребенку, что именно тебя интересует, не то кошки и ригенники будут сидеть на каждом заборе.

Так что я подловила мальчишку за переборкой сухой фасоли и, пристроившись рядышком, за компанию луцила колючие стручки, исподволь выведывая сельские новости.

– А поле у леса – оно чье? – как бы между прочим спросила я,

высыпая в миску горсть скользких зерен.

Мальчик посмотрел на меня как на ненормальную:

– Окститесь, госпожа ведьма, какое поле? Отродясь ничего у леса не садили, туда и по ягоды-то ходить боязно – там волков пропасть. Месяца не пройдет, чтобы у кого-нибудь овечку или телушку не задрали, собаками и теми не брезгают. Про курей уж и не говорю, по осени половины недосчитываемся.

– А люди не пропадают?

– Всякое бывает, – степенно ответил мальчик, подражая отцу, – больше заезжие, что по незнанию к волкам в пасть лезут, а те и рады. В том месяце рыцаря в полных доспехах при мече съели, когда лошадь, сдуру в лес ускакавшую, искать пошел. Нашел, поди, – под вечер вернулась, а в правом стремени – сапог с ногой отгрызенной. А еще раньше колдун вроде вас приезжал, ночью вышел во двор и сгинул.

– Постоянного мага, как я понимаю, в округе нет?

– Почему? Есть, – огорошил меня мальчишка, – за два села отсюда, ежели на восток трактом. Звали и его на свадьбу, только он делами да нездоровьем отговорился.

– Маг или знахарь? – уточнила я.

– Колдун, взаправдашний! У него и грамотка из столицы есть.

«Грамотка из столицы», скорее всего, была дипломом Школы. Да, вот уж не повезло кому-то с распределением.

– Ладно, проводи меня на кладбище, – без особой надежды на успех попросила я. Интересная история получается – дайн определенно видел пшеничное поле, как и я. Может, на него наложены какие-то чары, отводящие глаза селянам, но не магам? Приманка или недочеты маскировки?

Мальчишка согласно кивнул и в прорези ворота на мгновение показался круглый кусочек дерева на витом шнурке.

– Что это?

– Оберег, от упырей. Да у нас все их носят, колдун продает.

Я скептически хмыкнула. Плутоватый маг тоненько порубил дубовую ветку толщиной в серебряную монету, украсив кругляш черной руной «Изыди» – вероятно, для предъявления грамотным упырям. Остальные с превеликим удовольствием воспользовались бы «оберегом» вместо зубочистки.

– Что ж, веди. Проверим его в деле, – оптимистично заявила я, вскидывая на плечо лямку сумки.

Мальчишка почему-то не разделял моего восторга и всю дорогу только

путался под ногами, не решаясь отойти ни на шаг.

Я начала осмотр с самых свежих могил у ограды, ничего не обнаружила и сразу перешла к дальним, заброшенным, по опыту зная: если умертвия не повадились вылезать из гробов в первую же ночь, лет десять их можно не опасаться. Там-то, в примятом до меня бурьяне, мне и подвернулась очень подозрительная могила. Камень с выбитой надписью наполовину врос в землю, но от нетронутого холмика ощутимо пахивало волшбой. Что бы там ни лежало, оно выбралось наружу без помощи лопаты. И назад не вернулось.

Стайка ребятни, наблюдавшая за мной с безопасного расстояния, ничего интересного не выглядела и пояснений не дождалась, но к моему возвращению все село знало, что дайна «засмоктал вупыр». Упырь то бишь. Несмотря на это прискорбное событие, стол снова ломился от яств, а неунывающие гости дружно работали челюстями, не забывая время от времени поднимать кружки за здоровье молодых.

Олуп, смущаясь, объяснил:

– Оно конечно, дайн... скорбим и все такое... однако ж кушаний на два дня заготовлено было, пропадут ведь... заодно и помянем.

Помянули знатно. После пятого кубка веселье потекло по накатанной дорожке. Гости водили хороводы вокруг молодых, играли в «козу» и «лапоток», пускали по кругу ковши с яблочным вином, мужественно грызли зачерствевший каравай и горланили песни до глубокой темноты. После их ухода я на всякий случай проверила кусты и с замиранием сердца подняла скатерть, но не обнаружила там ничего, кроме объедков и гусиных перьев.

Ясной полнолуной ночью вышедший по нужде Олуп наткнулся на меня, задумчиво сидящую на деревянном крыльце. Свежеиспеченный тесть неподдельно смутился, торопливо затягивая распущенный было пояс, потоптался в сених, кашлянул

– Госпожа ведьма, вы в порядке? Не надо ль чего?

– Нет, спасибо. Я вышла послушать, как воют волки.

– А-а-а, понятно, – вежливо поддакнул ничего не понявший мужик.

Пару минут мы слушали вместе.

– Так они же не воют! – несколько запоздало возразил Олуп.

– Вот именно, – со вздохом подтвердила я, вставая. Олуп радостной трусцой углубился в кусты, я пошла в противоположную сторону, к саду и сараям. Искать упыря впотьмах я, конечно, не собиралась, просто решила для очистки совести обойти двор. Как оказалось, не зря.

У дверей амбара беззвучно возилась какая-то темная масса. Нежитью

и магией от нее не тянуло, и я, подкравшись, с неподдельным возмущением обнаружила стоящего на коленях Менеса, ковыряющегося в замке тонкой изогнутой железкой.

– Как же ты мне надоел со своей общественно вредной деятельностью! – вздохнула я, обреченно закатывая рукава.

– И не говорите, совсем бессонница замучила, – не растерялся вор. Отмычка словно растворилась в его ловких пальцах. – Вот, вышел на звездочки поглядеть, воздухом подышать. Исключительно целебный нынче воздух, вы не находите, госпожа ведьма... госпожа ведьма-а-а! А-а-а! За что-о-о?!

Я со злорадным интересом поглядывала на него снизу вверх, не опуская правой руки. Вор, болтая ногами, медленно крутился вокруг своей оси в пяти аршинах над крышей.

На фоне полной луны он выглядел бесподобно, точь-в-точь нетопырь, высматривающий девственницу поаппетитнее.

– Что вы, Менес, я просто оказываю вам услугу, – иронично заверила я, меняя руку. Вор заверещал, сорвавшись было вниз, но, почти коснувшись земли, снова вознесся над коньком. – Как известно, чем выше в гору, тем целебнее воздух. Дышите глубже, запасайтесь здоровьем, завтра оно вам очень и очень понадобится. Я лично готова пожертвовать горсть перьев из своей подушки, лишь бы вам полегчало!

– Как вы можете быть такой жестокой?! – неубедительно воззвал к моему милосердию летучий вор. – Неужели вы хотите осиротить моих детей, обездолить стариков-родителей...

– ...и овдовить жен, – ядовито добавила я. – Собственно говоря, именно так я и собираюсь поступить. Во благо всех прочих детей, жен и стариков. И, уверяю вас, этот груз ничуть не отяготит мою совесть, и ваше хладное тело на веревке не будет сниться мне по ночам. Возможно, я даже прикуплю обрывок этой веревочки на снадобье от почечных колик.

Заклятие телекинеза – одно из самых простых и в то же время энергоемких, особенно ночью. Я сделала вид, будто снизошла-таки к мольбам Менеса, и вор шлепнулся животом на гребень крыши, обеими руками ухватившись за резной конек.

– Госпожа-а-а ведьма-а-а! – чуть погодя заголосил он еще жалостливей. – Подайте мне лестницу – вон она, у стеночки лежит!

– Ну ты нахал! – фыркнула я, собираясь в целебных целях оставить Менеса на крыше до утра, а там уж пусть как знает перед Олупом выкручивается. – Хочешь вниз – прыгай!

– Высоко-о-о! Боязно-о-о!

...Вор так и не понял, почему я передумала. Бормоча слова благодарности, он торопливо спустился по лестнице и собирался дать деру, но я злобно шикнула, вскользь коснулась замка, и тот звякнул отпавшей дужкой. Я рывком выдернула ее из петель, бросила замок на землю, распахнула дверь и за шиворот впихнула вора в амбар, проскользнув следом.

Менес споткнулся о порог и упал, по звуку – на мякину. Я растянулась рядом, предварительно захлопнув дверь. Остатков магии в аккурат хватило на щелчок замка.

В амбаре стояла непроглядная темнота. Пахло зерном, сеном и немного мышами.

– Госпожа ведьма, – восхищенно зашептал вор, норовя прижаться ко мне поплотнее, – давайте работать на пару! У меня есть на примете очень перспективный замок, от вас всего-то и требуется – перелететь через крепостную стену, отвлечь десяток-другой собак, усыпить четырех стражников и взломать сокровищницу. Ну, может, еще придется сразиться с тамошним магом – очень нервный тип, плюется молниями почем зря. А я тем временем у разводного моста на стреме постою. Добычу, естественно, пополам – хоть, наводка и моя, но я не жадный...

Я без комментариев ткнула его лицом в мякину. Гул нарастал и вскоре стал слышен даже сквозь плотно пригнанные доски. Вор мигом утратил интерес к совместному предприятию и перестал дрыгаться, затаив дыхание. У меня тоскливо заныло под ложечкой – привыкшие к темноте глаза различили серое окошечко-отдушину под крышей, над которым тускло светились движущиеся точки. Пчелы беззвучно ползали по венцам вокруг окошечка, словно прислушиваясь.

А потом до нас донесся еще более мерзкий и зловещий звук: цок-цок-цок. Словно подкованная лошадь по камням прошла. Потом какой-то треск, пощелкивание и снова: цок-цок, совсем рядом. Что-то стояло у самых дверей амбара, ощупывая поскрипывающий замок. Отпустило – замок глухо лязгнул о доску, – пошло дальше. Светящиеся точки одна за другой исчезли. Время ржавой пилой тянулось по натянутым нервам. Наконец в примыкающем к амбару курятнике закричал петух, вор чуть слышно заскулил, и я, опомнившись, убрала затекшую руку с его затылка.

– Что это было? – сдавленно прошептал Менес.

Я поморщилась, растирая руку:

– Волки.

– Шутите? – изумился он.

– Нет.

Мне и впрямь было не до шуток. Тварь, выжившая волков, активно использовала их охотничьи угодья.

– Зачем же мы от них прятались? – задним числом расхрабрился вор, вставая и тщательно отряхивая соломинки с черной куртки. – Или ваше колдовство годится только для ярмарочных фокусов?

– Да затем, – я села и устало прислонилась спиной к двери, – что сегодняшний запас колдовства был истрачен на перевоспитание одного преступного элемента. Впустую, похоже, истрачен...

Вор размашисто дернул за ручку и пошатнулся от неожиданности. Снаружи неподкупно лязгнул замок.

– Выпустите меня! – неуверенно потребовал он, оглядываясь.

Я равнодушно пожала плечами:

– Не могу. Скажите спасибо, чтопустила.

– Что же нам теперь делать?

– Ждать, – мрачно отозвалась я, устраиваясь поудобнее, – пока ко мне не вернуться силы.

– И долго?

– Не знаю. Час, два. Ночью труднее колдовать.

– А если нас застукают?! До рассвета рукой подать, вдруг хозяину приспичит с утра пораньше обойти дозором частную собственность?!

– Раньше надо было думать, – окончательно разозлилась я, – вы сюда так активно стремились, вот теперь сидите и радуйтесь! Пощупайте борону, набейте карманы зерном – не представляю, что еще вы собирались красть в амбаре.

– Не собирался я ничего красть! – обиженно запротестовал вор, присаживаясь на корточки рядом со мной. – Мне замок приглянулся...

– Полагаю, веревочная петля тоже не оставит вас равнодушным?

Вор ненадолго притих, обдумывая ситуацию. Потом с надеждой предложил:

– А давайте притворимся, будто мы... уединились?

– С вами?! Предпочитаю деготь. И уберите руку из моего кармана, пока она не осталась там навсегда!

– Ой, простите, я машинально! – искренне удивился он, выдергивая руку. – Так как насчет моего предложения? Пятьдесят пять процентов, а?

– Я, конечно, польщена, но вынуждена отказаться. Боюсь не оправдать столь высокого доверия, – оскальзываясь и увязая, я с трудом вскарабкалась на стог и растянулась поверх душистого сена, решив вздремнуть часок-другой. – И учтите, Менес, со следующего места преступления вы уползете или ускачете, смотря какое заклинание придет мне на ум первым.

Вор благоразумно промолчал. Предложи он мне шестьдесят процентов, я бы придушила его голыми руками.

* * *

Когда я проснулась, вор исчез. В распахнутую дверь заглядывало солнце, вызолачивая подножие стога. В углу копошился Олуп, нагребая овес в кадушку.

Я свесилась со стога и приветственно помахала ему рукой. Олуп подскочил от неожиданности:

– Вот те раз! А я уж думал, брешет свояк...

– Что именно брешет? – насторожилась я.

– Ну, мол, вы с ним на упыря засаду устроили, а кто-то запер невзначай.

– Вроде того, – облегченно подтвердила я, с шуршанием соскальзывая на пол. – Все гости целы?

– Целы, что им сделается. А вилы когда вернете?

– Какие вилы? – опешила я.

– Знамо какие – кованые, на колу осиновом. Свояк растолковал, дескать, супротив упыря вернейшее средство, ежели днем поганцу в грудь вбить. Вот свояк и пошел его искать. С вилами.

Я мысленно пожелала Менесу отыскать-таки упыря и заикнуться о назначении вил.

– К вечеру поднесу, – уверенно солгала я, – вот только от упыря отмою. Умертвий все-таки, мало ли какой заразы в гробу набрался, один трупный яд чего стоит...

– Да не надо, госпожа ведьма, не торопитесь, – перебил меня побледневший Олуп, – можете и вовсе себе оставить, небось не обеднею.

– Ну как хотите... – лукаво усмехнулась я, перескакивая амбарный порог.

* * *

Прихватив со стола бутерброд, я сжевала его по пути к лесу. Отряхнула куртку, поправила меч и решительно углубилась в подозрительное поле.

Пшеница достигала моих плеч. Спелые колосья были как на подбор – длинные, полновесные, усатые. Ни черных угольков спорыньи, ни сорняков, ни клубящейся над головой мошкары. Несмотря на довольно прохладное утро, в пшенице стояла жаркая духота с запахом меда и соломы. Я упрямо продиралась сквозь недовольно шуршащие стебли, пока не очутилась в центре поля. Здесь пшеница росла реже, зато вымахала вровень с моей макушкой. Она и внешне отличалась – восьмигранные колосья без остей, стебли белесые, словно выгоревшие, а зерна и вовсе молочно-белого цвета.

Поколебавшись, я сорвала один колос, задумчиво повертела в руке, С переломанного междоузлия сорвалась тягучая капля, алой звездочкой расплескалась по земле. Пшеницу словно ветром всколыхнуло. Зерна зашевелились, заворочались в гнездах, высвобождая сетчатую шелуху крыльев. Выбрались из колоса и поползли вверх по моей руке, раздраженно пульсируя остистыми брюшками. Воздух наполнился печально знакомым гулом. Огромный, многопудовый рой тяжело повис над полем.

Центральный пяточок с необычными колосьями ожил в последнюю очередь. Крупные светлые пчелы спекшимся комом осели на землю, и из него, как из глины, медленно вылепилась серая уродливая тварь – бескрылая помесь паука и пчелы размером с годовалого телка, мохнатая, шестипалая. Угловатые суставы высоко поднимались над туловищем, раздутое брюхо тяжело волочилось по земле, за сомкнутыми жвалами с цоканьем шевелились зазубренные отростки.

– Я... просто... хочу... поговорить, – как можно спокойнее, стараясь не делать резких движений, сказала я.

Тварь зашипела, раздвинув жвала. Молниеносно вскинулась на дыбы, трансформируясь...

Передо мной стояла белокурая, среброглазая девушка с беззащитным личиком ребенка.

– Поговорить? – задумчиво переспросила она. Голос оказался чистый, мелодичный. – И о чем же? Попытаешься вымолить жизнь или отсрочку для колдовства?

«Не откажусь», – подумала я про себя, вслух же сказала:

– Я читала о тебе в старинном трактате о нежити, давно, еще на первых курсах Ты руеешь, роевой полиморф. Зимуешь в виде семян, по весне они всходят, быстро растут и выметывают колосья, которые где-то с середины траворода приобретают способность к трансформации. В центре поля закладывается маточник, а остальные пчелы до зимы кормят и защищают тебя, потому что лишь твои семена способны дать всходы. Твой

вид считается давно вымершим, записей о нем почти не осталось, потому я и не сразу вспомнила.

– Верно, – она насмешливо прищурилась, – в таком случае, полагаю, ты также помнишь, как меня уничтожить?

– Помню. А надо? Если не ошибаюсь, ты разумна и с тобой можно договориться.

– Изумительно, – бледные губы искривились в презрительной усмешке, – какое тонкое наблюдение! Разумна. Почему бы и нет? Когда враг загнан в угол, он начинает взывать к твоему разуму и милосердию.

– Я не враг тем, кто живет в ладу с прочими разумными расами.

– И чем же, позволь спросить, я тебя прогневила? Мои пчелы питаются пыльцой, нектаром и соком от корней, попутно опыляя сады – как ты сама могла видеть – намного эффективнее обычных пчел.

– Но для тебя, если не ошибаюсь, они добывают иную пищу.

– Не ошибаешься. – Она и бровью не повела. – Две-три овцы в месяц – обычная дань села волкам, но разве волки взамен охраняют его от бешеных лис, разбойничьих шаек и бродячей нежити вроде упырей и кикимор?

– А еще волки не охотятся на людей посреди двора и не зажаливают их до смерти при въезде в село.

– Наемных убийц, – брезгливо поправила среброглазая. – Думаешь, ты первая? Двести лет кряду мой рой никому не мешал, а за последний год на него покусились четверо «борцов с нечистью». Что за «чисть» заплатила тебе, ведьма? На кой ляд я ей сдалась?

– Не знаю, – честно призналась я, – мне обещали заплатить только за охрану свадьбы, да и то теперь вряд ли заплатят. И шкура, чтоб ее, протухла... А сюда я пришла задать один-единственный вопрос. Так сказать, снять свидетельские показания.

Похоже, мне все-таки удалось если не убедить, то хотя бы озадачить ее.

– Какой вопрос?

– Ты была на свадьбе с начала до конца и, подозреваю, заночевала в ближайшем саду, чтобы не лететь сюда по потемкам. Может, ты заметила, кто сунул в сапоги дайна украденный с кладбища скелет и куда делся сам Дупп?

На хрупком личике отразилось искреннее недоумение. Но ответить она не успела – поле за ее спиной вспыхнуло широкой полосой от края до края. Факелы не смогли бы поджечь его так быстро и слаженно – здесь явно поработали магией. Руоешь вскрикнула, содрогнулась всем телом, словно ее огрели плетью, я же резко стряхнула пчел и бросилась на нее, сбивая с

ног.

Сцепившись, мы покатались по земле, а над нами, чиркая по опустевшим колосьям, пронеслись два ревущих клуба пламени. Я чувствительно приложилась боком о камень и разжала руки, но руоешь, не сопротивляясь, беспомощно скорчилась рядом, притянув колени к подбородку.

– Что это было? – хрипло выдохнула она, преодолевая боль.

– Кто-то выпустил по нам два боевых пульсара. – Я опасливо потрогала макушку, но дымящаяся плешь существовала только в моем воображении.

– Кто-то?!

– Маг-практик, – уточнила я, безуспешно пытаюсь разглядеть мерзавца сквозь частую путаницу стеблей. – И довольно опытный, надо признать. Превосходно владеет техникой спаренного удара, такое не всякому магистру под силу.

– Так вас было двое! – с ненавистью простонала она. – Ты нарочно заявила в село среди бела дня и с ходу принялась колдовать, отвлекая мое внимание!

– Ты кое-что упустила.

– Неужели?

– Пульсаров тоже было два. И этот кто-то недолюбливает нас обеих.

Поле быстро заволкло густым черным дымом. Ветер дул в нашу сторону, слышно было, как невдалеке потрескивает, разохочиваясь, пламя. Пахло горелым мясом и щетиной. Руоешь тяжело, прерывисто дышала, разделяя боль каждого стебля, каждого гибнущего в огне семени. И не только боль. Несколько минут она бездумно глядела в пустоту перед собой, потом удивленно расширила зрачки:

– Они облетели поле и прочесали весь лес, но там никого нет!

– Никого не видно, – поправила я, – плохо дело. Он не только прячется за чарами, но и успешно их маскирует.

Еще один пульсар прожег широкую борозду десятью локтями левее, давая понять, что враг не дремлет и не шутит.

– Посмотрим, – процедила я сквозь зубы, – он так долго не продержится. Либо станет видимым, либо прекратит расшвыриваться огнем.

– Либо выкурит нас отсюда дымом и обуглит заживо, – мрачно добавила сереброголазая.

Дышать становилось все труднее, в горле першило, глаза слезились.

– Если кто-нибудь из нас высунется и спровоцирует его еще на пару-

тройку заклинаний, это ускорит дело, – предположила я.

Руоешь, не двигаясь с места, повернула голову и выразительно посмотрела на меня.

– Почему опять ведьма? – возмутилась я, надрывно кашляя в кулак. – Почему именно мне приходится брать штурмом нашпигованные охраной замки и дразнить боевых магов из расчета пятидесяти процентов? Почему я не могу хоть раз постоять на стреме за мостом?

– Что?

– Ничего. – Я подняла руку и робко помахала ею над колосьями. Для пущего эффекта собрала пальцы в кулак – все, кроме среднего. Но проклятый маг не поддавался на провокации, опасаясь промахнуться сквозь дым. В воздухе бестолково вились пчелы, пытаюсь отыскать невидимого врага на ощупь, но безуспешно – скорее всего, тот предусмотрительно залег на землю. Боязливо оглядевшись, я рискнула выпрямиться в полный рост и вызвать дождь, но противник сразу учуял мою магию и перебил ее ураганным порывом ветра, опрокинув меня на спину.

– Хвыбин сын, – сквозь зубы выругалась я, потирая ушибленный хребет.

– Еще идеи есть? – саркастически поинтересовалась руоешь.

– Отправь всех пчел за дым, на подветренную сторону.

– Они все равно его не увидят, – неуверенно возразила она.

– Это моя забота! – огрызнулась я и на четвереньках поползла сквозь пшеницу, решив подобраться к магу кружным путем. Смятые стебли цеплялись за штаны, кололи ладони, на голову сыпалась какая-то дрянь. Впереди мелькнуло пламя – один лепесток, второй, десятый, жадно глодающие солому. Я зажмурила глаза, натянула куртку на лоб и сломя голову бросилась вперед, сквозь хватающий за ноги жар.

Маг успешно отводил глаза пчелам, но я увидела его сразу, вольготно рассеявшегося на кочке и ехидно хихикающего над моими подскоками в тлеющих штанах. Торопливо охлопав себя по бедрам и одернув куртку, я выжидательно уставилась на поджигателя. Здороваться было глупо, убивать на месте – невежливо. Маг тоже не спешил бояться и каяться, разглядывая меня со снисходительным пренебрежением.

Издали можно было подумать, что ветер поменял направление и гонит дым в обратную сторону. Злобно рокошущий клуб метнулся по направлению моего взгляда, но маг и бровью не повел, заранее позаботившись о защите. Пчелы уткнулись в невидимую стену, куполом расползлись по ней над нашими головами.

– Что ж, приветствую вас... коллега, – хорошо знакомым голосом пророкотал маг, вставая, – как вижу, вы правильно истолковали мое застольное выступление. Люди, не обладающие магическим даром, не способны увидеть поле руоешь. Но, как и селян, их можно обмануть накладным носом и париком, верно?

Передо мной стоял... дайн Дупп собственной персоной. Стройный, помолодевший лет на двадцать, с затянувшейся лысиной и впалыми щеками.

– Что вы здесь делаете? – глупо спросила я.

– Помогаю кое-кому охотиться на нежить, – лучезарно, но неискренне улыбнулся Дупп, – в то время как эта кто-то успешно отвлекает внимание последней.

– Во-первых, не отвлекаю, а беседую. А во-вторых, почему бы вам тоже с ней не потолковать? Лучше уж одна руоешь, чем сотня лесных упырей, вы могли бы договориться...

– А тебе не приходило в голову, – перебил дайн, – что договориться можно и с упырями? И куда с большей выгодой?

– Что? – опешила я.

Дайн невозмутимо пояснил:

– Упырей интересует человеческая кровь, ничего больше. Золото и камушки они несут мне.

– Вы хотите сказать... – я задохнулась от возмущения, – что в обмен на деньги позволяли упырям убивать людей?

– Лесную нежить все равно не извести, – пренебрежительно шевельнул плечами маг. – Выслеживаешь эту дрянь по буеракам, рискуя своей шкурой, выжигаешь логова, а через месяц-другой все начинается заново. И откуда только что берется? Покрутился я полгода на ставке сельского мага – опротивело. Ночью озверевшие упыри только что в окна не лезут, днем селяне за глаза поносят – мол, совсем никудышный колдун, не может раз и навсегда с умертвиями покончить. Вот я и покончил. Не так, правда, как они ожидали. Ты права, ведьма, со всеми можно договориться. Упыри перестали трогать местных – кроме, конечно, забывших купить у меня чудодейственный амулетик, – а затерявшийся в глухомани купец дело обычное.

– А руоешь не убивает людей, – dokonчила я, – и по ее милости вы лишились стабильного дохода и средства запугивания селян, верно?

– Чуть не лишился, – уточнил маг, небрежно запуская руку во внутренний карман куртки, – но не лишусь. Я ведь не какой-нибудь глупый колдун-наемник, дразнящий тварь, чтобы верно оценить ее силы и

возможности. Скоро поле догорит, через два-три дня пчелы передохнут, а сама руоешь не умеет ни добывать пищу, ни кусаться и будет вынуждена идти на поклон к людям. Тут-то я ее и возьму, тепленькую. А тебе, ведьма, уж не обессудь, живой отсюда не уйти.

Я слишком хорошо знала этот жест. Им обычно выхватывали из карманов магические талисманы, рассчитанные на одно, но сокрушительное заклинание, отразить которое у меня почти не было шансов. Но это не значило, что я не буду пробовать! Дайн ошибся, посчитав меня неудачницей, зарабатывающей на хлеб по трактам. И не мог даже предположить, что лучшая выпускница курса практикует в глухих селениях исключительно ради своего удовольствия.

Но пробовать не пришлось. В руке у мага ничего не было, и он торопливо сунул ее в другой карман. Потом в третий. Изумление на его лице постепенно сменилось испугом, а затем и откровенным ужасом.

– Что-то потеряли? – с сочувственной издевкой поинтересовалась я, вскидывая руки.

Маг инстинктивно попятился, заслоняя лицо, но я метила не в него. Невидимая стена разлетелась вдребезги, освобожденные пчелы градом посыпались на наши головы. И если с меня они скатывались, как вода, возмущенно жужжа и барахтаясь в волосах, то маг в мгновение ока превратился в мохнатый гудящий кокон, сквозь который не пробилось ни одного крика...

Первый раз я смотрела на пчел без содрогания, со злорадным удовольствием. А когда они разлетелись, оголенный скелет пошатнулся и рухнул на обугленную землю, рассыпавшись от удара.

Я обернулась. Поле догорало, редкие дымки пугливо прижимались к земле. Высоко в небе правильным кругом висел рой, а под ним, в центре, скрестив руки на груди, с загадочной полуулыбкой на губах стояла матка, и ветер трепал белые пряди ее волос.

Мы обе прекрасно знали, что у меня не осталось ни капли магической силы...

* * *

У околицы меня встретил Олуп, переминающийся с ноги на ногу и озадаченно почесывающий макушку.

– Госпожа ведьма! Где ж вы пропадали-то? Мы тут без вас упыря

изловили, кустами к дому подбирался, поганец! Сам голый, лохматый, рожа опухшая – во! – а уж какими словами ругался, распоследнему пьянчуге повторять зазорно. Дескать, не упырь он вовсе, а дайн Дупп, бандитом в лесу оглушенный и обобраный, а мы, хамье неотесанное, богомерзкого разбойника от дайна благочестивого отличить не можем. И зубами на меня лязгает, будто от холода. Я, отвечаю, не хамье, выходит, и ты не дайн, полезай-ка в погреб до выяснения. Ну заперли, значицца, его в погребе, колом осиновым подперли, вас дожидаемся... а он через окошечко пуще прежнего ругается, ребятня со всей округи слушать сбежалась...

Выпущенный из подвала дайн и впрямь здорово смахивал на упыря искусанным комарами лицом и черной взъерошенной бородой до пупа. Как оказалось, он еще не исчерпал запас ругательств, оставив для меня самые замысловатые.

– Настоящий, – со вздохом констатировала я.

– И что ж нам теперь делать? – неподдельно огорчился Олуп. – Венчание-то, выходит, силы не имеет, зря свадьбу играли...

– Ну сыграйте ее по второму разу, – предложила я, – кушанья-то остались... все равно свиньям выбрасывать.

Мужик просиял. Уговорить дайна оказалось труднее, но, когда мы с Олупом преувеличенно громко и обеспокоенно стали совещаться, не поспешила ли я с выводами и не накормить ли нам самозванца двумя-тремя десятками чесночин для надежности, он предпочел облачиться в сброшенную магом рясу и повторно обвенчать молодых.

* * *

– Менес, стой!

Вор обреченно сжался в комок, как нашкодивший кот под занесенной хозяйской рукой. Чужой жеребец, которого он начал отвязывать от общей коновязи, облегченно всхрапнул и снова опустил морду в кормушку с ячменем.

– Скажи, – вкрадчиво поинтересовалась я, подходя и задушевно приобнимая вора за плечи, – ты не одалживал у предыдущего дайна такую маленькую серебряную штучку? Медальон на цепочке, слишком короткой для шеи, скорее браслетной. Возможно, с камушком в центре или по ободку. Или с рисунком.

Менес задрожал как осиновый лист и начал робко бляеть про «бес

попутал», «малых деток» и «хлебушек-то нынче дорог», но я не стала дослушивать, ободряюще похлопала его по плечу и занялась лошадью. Вор торопливо ощупал себя с ног до головы, благодарно закатил глаза и исчез без моей помощи.

Чуть погода подошел Олуп, сонный и слегка помятый трехдневным застольем.

– Рановато вы, госпожа, кобылку заседлали. Уж и молодые в новую избу переселились, обжили, а гости никак разъезжаться не хотят. И то правда – кушанья-то никак не переведутся, хоть уже немного и с душком. Посидели бы с нами хоть до обеда – не в службу, а в дружбу, а?

– Нет уж, спасибо, – с притворным ужасом отказалась я, – я в службу-то третье утро похмельем страдаю, а что же на четвертое, дружеское, будет?!

– Ну, воля ваша. Да, покамест не забыл – вам тут подарочек передать велели. – Олуп с усилием приподнял и протянул мне... ведерный горшок с медом, над которым суматошно металась одинокая раздраженная пчела, лихорадочно решающая – слетать в улей за подмогой или не стоит оставлять сладкий пост на длительное время.

Я шарахнулась от «подарочка», как мракобес от благовоний:

– Кто велел?

– Рушка, подружка Паратина, девка из соседнего села. Белая такая, рядом на свадьбе сидели. Горе у ней – изба сгорела, попросилась у нас до зимы пожить, пока родичи новую не отстроят. Говорит: «Мол, госпожа ведьма мне службу сослужила, а заплатить ей нечем, авось медком не побрезгует». Я, грешным делом, не утерпел – пробу с краешка снял, уж больно дивный мед, скорее на шмелиный смахивает. Совсем свежий, будто пчелы его прямо в горшок носили, а ведь нынче только красный клевер да златогорлица лесная и цветут, пчеле к ихнему нектару нипочем не подобраться.

Вздохнув, я взяла горшок и пристроила между собой и передней лукой. Олуп со степенной медлительностью отсчитывал на ладони монеты – мой гонорар за две свадьбы.

– А как же тот разбойник? – вспомнил он. – Ну, которого вупыр засмоктал?

– Он-то и был упырем, а с восходом солнца испарился, – серьезно сказала я. – Всю свадьбу на молодых поглядывал и, если бы не мои титанические усилия...

Лишняя монета со звоном упала в кошель.

ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА

– Ну как, госпожа ведьма?

Я отрицательно покачала головой и, не удержавшись, зевнула: Жабкинский мроед определенно начал мне надоедать. Третью ночь как проклятая обхожу село ночным дозором, но пока что не заметила его даже краем глаза.

Переступив порог корчмы, я прошла мимо разочарованного хозяина и устало плюхнулась на лавку возле печи, прислонившись спиной к теплой кирпичной кладке. Самое обидное, что мроед продолжал свою нехорошую антиобщественную деятельность. Убивать никого не убивал, но обескровливал до полусмерти. Караулить по очереди было бесполезно, при появлении нежити сторож засыпал крепчайшим сном, и мроед неторопливо выбирал жертву среди домочадцев, предпочитая женщин и детей. Впрочем, не брезговал даже кошками, почему-то за исключением черных – видимо, не мог поймать в темноте.

Сегодня выбор паскудника пал на дочку кузнеца, уединившуюся с женихом на сеновале; по дороге в корчму я заглянула к несчастной девушке и выслушала от ее родителей много чего нелицеприятного в свой ведьминский адрес. Правда, когда я пригрозила вообще уехать, они мигом пошли на попятный и даже пообещали прибавить еще пару-тройку кладней к моему гонорару (на который скинулись все жители Жабок, кто сколько смог), но настроение у меня испортилось окончательно. Собственно говоря, оно и так было не ахти – без явных причин, что обидно вдвойне, ибо улучшению традиционными методами вроде принятия горячей ванны с душистыми травами, поедания сладких пирожков и перечитывания собственных путевых заметок оно не поддавалось, зато охотно ухудшалось по любому поводу. А тут еще этот мроед, будь он неладен!

– Ни живым, ни мертвым покою не дает, – в который раз жаловался корчмарь, просто чтобы отвести душу. Я слушала вполуха, давно уже зная наизусть обо всех происках неуловимой нежити. – Трех дней после похорон не пройдет – глядь, снова могила раскопана и голова у покойника отъедена! Уж и камни сверху наваливали, и чесноком обкладывали – ничего не помогает! Бывает, ишшо и чеснок погрызет, будто на закуску... Ей-ей, в следующий раз усопшего каким-нито ядом начинить надобно! Жаль, тьфу-тьфу-тьфу, что никто покуда на тот свет не собирается, а то уж был бы мроеду подарочек!

– А это идея, – задумчиво сказала я.

* * *

На мои похороны собралось все село.

Перед величаво плывущим гробом с радостными воплями бежали мальчишки и заливались визгливым лаем дворовые собачонки. Маленькая серьезная девочка несла огромную корзину с полевыми цветами, горстями бросая их под ноги похоронной процессии. Вдоль улицы, хихикая и перемигиваясь, толпился народ. Бредущие за гробом плакальщицы безутешно лузгали семечки и шепотом обсуждали последние сплетни, изредка вспоминая о возложенной на них миссии и начиная фальшиво подвывать: «А на кого ж ты нас покинула...» на мотив застольной «Рябинки». Количество желающих проводить меня в последний путь увеличивалось прямо пропорционально длине этого пути, что, увы, не могло не сказаться на качестве.

– Жалостливей, жалостливей! – сквозь зубы шипела я. – Устроили тут свадебный кортеж!

Увы, увещевания «покойницы» приводили к прямо противоположному эффекту – гроб начинал мелко содрогаться, снизу доносились сдавленные хрюкающие звуки, и я начала всерьез беспокоиться, как бы они вообще не уронили эту проклятую домовину.

Смотрелась я в ней, кстати, лучше, чем при жизни. Распушенные волосы золотисто-рыжим пламенем обрамляли припудренное мукой лицо, в скрещенных на груди руках покоился маленький букетик незабудок, трогательно оттеняющих снежно-белый саван. Единственным отступлением от правил были торчащие из-под него сапоги, а если приглядеться, то и заправленные в них брюки.

В гроб, разумеется, положили мой верный меч, а сзади брела осиротевшая Смолка, изредка наклоняясь и подбирая изрядно потоптанные процессией цветочки.

Кладбище располагалось на холме, к нему вела довольно-таки крутая дорожка, и гроб задрался чуть ли не вертикально. Пришлось упереться локтями в стенки, чтобы не вывалиться. Над головой проплывали старые березы, с удивленным карканьем кружили грачи и накрапывал мелкий дождик, не давая сосредоточиться на мыслях о вечном. К тому моменту, когда мужики наконец свалили гроб на землю и, утирая пот, отошли в

сторону, я промокла насквозь и, кажется, одна птичка попала-таки на саван в районе подола, но приподниматься и проверять я не рискнула.

Прощаться со мной лично путем целования в холодный лоб никто не отважился. Выждав приличествующую случаю паузу, гроб закрыли крышкой и опустили (по ощущениям – раскачали и бросили) в загодя вырытую яму. Корчмарь, по праву моего хорошего знакомого возглавлявший похоронный кагал... тьфу, процессию, подошел к краю могилы, стянул шапку, откашлялся и громким прочувствованным голосом завел:

– Возрыдайте, сельчане, ибо скорбь наша целика и безмерна. Сегодня мы провожаем в предпоследний путь...

Видимо, имелось в виду, что после встречи с мроедом меня проводят в последний. Поминальщики покорно возрыдали, то и дело срываясь на хихиканье, что, впрочем, вполне можно было списать на расшалившиеся нервы.

– ...богомерзкую ведьму, чьи непотребные деяния ославили ее на всю Белорию, Волмению и Винессу... о чьей вредности и корыстолюбии ходили легенды... чьим именем пугали непослушных детей и лечили икоту...

Печальные смешки перешли в скорбный хохот.

– ...и да упокоится душа ее отныне и навечно, дабы не пришлось нам разрывать сию могилу и пронзать ее осиновым колом для верности...

Я с трудом удержалась от соблазна «воскреснуть» прямо сейчас. К счастью, «напутственная» речь подошла к концу, корчмарь зычно высморкался (кажется, прямо в могилу), сказал: «Дык пуцай же провалится она напрямиком в преисподнюю; да будет так», – и по крышке застучали комья земли.

Спустя несколько минут утихли и эти звуки; беспечальные селяне разошлись отмечать мою своевременную кончину.

– Ну, наконец-то я толком выплюсь, – мрачно сказала я, умащиваясь поудобнее и закрывая глаза.

* * *

Разбудило меня тихое царапанье по крышке. Мигом придя в себя и нащупав рукоять меча, я приготовилась выступить в привычной роли неприятного сюрприза. Чтобы мроед особенно не надрывался, а я не

задохнулась, гроб закопали неглубоко – просто присыпали землей, даже не прибивая крышку, и теперь чьи-то осторожные руки почти бесшумно сдвинули ее в сторону.

У меня в ногах темным силуэтом маячил незнакомый мужик с заступом. Вернее, мужичонка – мелкий, обтрепанный и непрестанно озирающийся по сторонам.

– Ку-ку, – угрюмо сказала я, выждав, пока его внимание не обратится непосредственно ко мне. – Мроед, если не ошибаюсь?

Несколько секунд мужик тупо таращился на севшую в гроб покойницу, потом выронил заступ и заорал тонким бабьим голосом, забирая все выше и выше. Когда воздух в легких кончился, «мроед» закатил глаза и, как стоял, рухнул на спину. Я растерянно почесала в затылке. Только кладбищенских воров мне для полного счастья не хватало! Наверное, из приезжих, ничего о розыгрыше не знал. Увидел, что помпезно хоронят какую-то важную особу – с дорогим мечом, в блестящих побрякушках, – и решил пожитьяся...

Я поглядела на небо. Судя по луне, до полуночи оставалось не меньше двух часов. Полнолуние – не слишком удачное для меня время. И тени слишком контрастные, мешают ориентироваться, и часть заклинаний не работает. Хуже того – в полнолуние на меня нападала беспричинная хандра и я готова была часами предаваться греющим душу размышлениям о полной никчемности моей, перевалившей за середину и неумолимо близящейся к закату двадцатичетырехлетней жизни, так что похороны пришлись как нельзя более кстати.

На тарелочке возле могилы лежал бутерброд с сырокопченой колбаской, последний дар для усопшей, тут же использованный одной по назначению. Я уже дожевывала последний кусочек, когда мужик наконец начал подавать признаки жизни. Бесцеремонное похлопывание по щекам ускорило сей процесс и привело к плачевному результату – гробокопатель пришел в себя и понял, что гнусная зомби в моем лице ему не приснилась. Не заткни я ему рот, спустя пять минут на кладбище сбежалось бы все село.

– Заткнись, идиот, – прошипела я, тыча ему в нос своим цеховым знаком. Приколота к отвороту савана бляха слабо фосфоресцировала в темноте, позволяя разглядеть вычеканенный на ней рисунок. – Это контрольное захоронение, для поимки некрофилов вроде тебя! А конкретно – мроеда, который заявится сюда с минуты на минуту, и я даже знаю, кто будет его очередной жертвой, причем с моей помощью и при горячем участии!

– Отп-п-пустите, госп-п-пожа вед-д-дьма! Я б-б-больше н-н-никогда! Ей-бо! – отчаянно взмолился воришка. Интересно, заикался ли он до столь успешной эксгумации?

Охотнее всего я бы его действительно отпустила, еще и пинка под зад дала, но... мроед наверняка обосновался на чьем-то чердаке или в сарае, он должен был видеть процессию и сегодня непременно заявится на кладбище, если не найдет добычу полегче и повкуснее. Например, одинокого гробокопателя, огородами крадущегося к постоялому двору. Нет, мужика ни в коем случае нельзя было отпускать, а чтобы не мешался под ногами...

– Поработаешь живцом... точнее, мертвецам, – решительно заявила я, освобождая нагретое место.

Мужик попытался изобразить повторный обморок, одновременно уползая куда-то в сторону, но я цепко держала его за шиворот.

– Закопаю по-настоящему, – ласково пообещала я, и злосчастный «некрофил», тоненько подвывая от страха, позволил запихать себя в гроб и накрыть крышкой. Что ж, так даже лучше. Поджидать мроеда в засаде в кустах куда удобнее, чем лежать в могиле, из которой еще надо вскочить и осмотреться, привыкая к свету. Но никто из сельчан не решился заживо сыграть в ящик – мол, примета плохая; я же, хоть дважды и умирала (правда, каждый раз мне в последний момент мешали), ни разу не удостоилась погребения, так что ничего не теряла. Захоронить же кого-нибудь было просто необходимо, ибо мроед даже сквозь саженный слой земли учует, «полна ль коробушка», и к пустой могиле нипочем не приблизится.

Я кое-как присыпала своего сменщика землей, критически изучила холмик и воткнула сверху подвядший букетик. Луна весьма кстати зашла за тучку, перестав слепить глаза. В темноте я видела лучше обычных людей, хоть и хуже вампиров, и без труда подыскала себе удобное засадное местечко невдалеке.

Только я успела стянуть путающийся в ногах саван, оглядеться и пообвыкнуться, как мое внимание привлекла чересчур подвижная тень, выбивающаяся из ритмичного мельтешения веток в такт ветру. Я настороженно прищурилась, затаив дыхание. Кажется, моя тактика принесла-таки плоды – в отличие от предыдущего пустоцвета. К могиле кралось нечто черненькое, костлявенькое, размером с переболевшего рахитом гнома. Подобравшись к свежему холмику, оно присело на четвереньки, огляделось и начало по-собачьи разгребать землю. Быстро дорывшись до гроба, мроед дрожащими от нетерпения лапками сдвинул

крышку и с надеждой наклонился над домовиной.

На сей раз вопль вышел двойным, но мроед, увы, сознания не потерял. Несколько опешив, он шарахнулся от могилы, а мужик, не будь дурак, тут же подхватил брякнувшую о землю крышку и накрылся ею по собственному почину.

Настал мой выход.

– Так это из-за тебя, паршивца, я четвертую ночь толком выспаться не могу? – кисло поинтересовалась я, без особой спешки приближаясь к могиле. – О такую мелочь даже меч пачкать стыдно...

Уродливая морда ненавидяще скривилась, полыхнула зелеными раскосыми глазами. Мроед раззявил пасть, полную длинных игловидных зубов, утробно зашипел на вдохе и в мгновение ока вырос до моих размеров.

– Вот так гораздо лучше! – ошеломленно пробормотала я.

Не остановившись на достигнутом, мроед вытянул шею и звучно лязгнул зубами о закаленную сталь. Меч жалобно тренькнул, и у меня в руках осталась рукоять с ополовиненным лезвием. Я отбросила огрызок и попятилась, лихорадочно оглядываясь. Заступ для укрощения столь зубастой твари явно не годился, деревянный крест тем более, и вряд ли мроед согласится подождать, пока я сбегаю в село за цепом или вилами. Впрочем, кое-что у меня под рукой все-таки имелось...

Гроб мне с огромной неохотой одолжила какая-то старуха, десять лет назад прикупившая оный про запас и все эти годы бережно хранившая его на чердаке. За порчу последнего бабкиного вместилища мне были торжественно пообещаны все муки преисподней, но мроед угрожал мне уже в этой жизни. Не раздумывая, я сорвала с гроба крышку и со всей силы врезала твари по морде.

То ли гроб изначально был не шибко хорошего качества, то ли просто перестоял свое, но обветшалые доски с треском проломилась, и мроед стал напоминать собственный портрет в чересчур широкой раме.

Второе, что подвернулось мне под руку, – веноч.

Теперь портрет можно было смело вешать на Доску почета.

Увы, мроед не оценил моих усилий по созданию сего дивного натюрморта. Рыча и плюясь от злости, он закрутился на месте, пытаясь сорвать двухслойный хомут. Мужик, не желая покрывать себя неувядающей славой, на дрожащих четвереньках уползал в кусты. Я, отскочив на несколько шагов, попыталась сплести заклинание, но моя вдохновенная декламация не вызвала у мроеда ожидаемого восторга. Я осеклась на полуслове и еле успела пригнуться, как над моей головой просвистели

останки крышки и, врезавшись в березу, разлетелись на несколько частей. За ними последовали: отвергнутые мною крест и заступ, сам гроб, а также тарелочка из-под бутерброда и дохлый грач. Непрерывный обстрел не давал мне сосредоточиться, – мроед же подступал все ближе и ближе. В конце концов ему удалось припереть меня к невысокой могильной оградке из железных прутьев-стрел. Разумеется, прощаться с жизнью я не торопилась, располагая парой-тройкой простейших пассовых заклинаний, способных отбросить, ранить, но не убить нежить – этим должен был заняться безвременно скушанный меч. Впрочем, потянуть время они вполне годились.

Я уже поднимала руку, когда оградка ощутимо кольнула меня чуть пониже пояса. Мгновенно передумав, я ударила-таки силовой волной – но не в грудь, как собиралась, а под ноги твари, сама же метнулась в сторону. Мроед споткнулся и, по инерции пролетев вперед, с размаху нанизался на три острия сразу. От жуткого воя с берез посыпались листья, к нему добавилось лязганье оградки. Треугольные наконечники прутьев сыграли роль рыболовных крючков, вывернуть вкопанные столбики мроед не смог и, недолго потрепыхавшись, с утробным стоном обмяк и затих.

Подходить и щупать ему пульс я не собиралась – излишне доверчивых ведьм поутру хоронили вместе с их жертвами, а то и в гордом одиночестве. Разумнее всего подождать до восхода солнца, причем не выпуская сомнительный труп из виду, чтобы потом не пришлось удивленно хлопать глазами перед опустевшей оградкой.

За время моего непродолжительного упокоения дождь превратился в сырой, холодный и промозглый туман, клоками курящийся над могилами. Я с сожалением покосилась на обломки уютного гроба и села на корточки под березкой, обхватив руками колени.

– Бывают дни, – уныло сказала я в пустоту, – когда я начинаю подозревать, что ошиблась с выбором профессии...

Порыв ветра встрепал березовые макушки, и на меня частой капелью хлынула скопившаяся на листьях вода.

– ..но бывают ночи, – не меняя тона и позы, закончила я, – когда я в этом твердо уверена!

* * *

Утром мне пришлось ехать на ярмарку за новым гробом. Увидев, во

что мы с мроедом превратили ее посмертное обиталище, бабка подняла такой, как выразилась бы одна моя винесская знакомая, «стогн и лямант», что мне было проще съездить в соседнее село, чем убедить потерпевшую, что за компенсацию в размере пяти кладней она может заставить гробами все сени и хорониться хоть ежемесячно.

Впервые запряженная в телегу, Смолка то и дело задирала морду, пытаясь скусить назойливо брякающий под дугой колокольчик, или раздраженно поводила боками в оглоблях, как пышнотелая девица в чересчур тесном корсете, отчего телега начинала ревматически скрипеть креплениями. До села оказалось не так уж и близко, верст пять, через лес и вызолоченные лютиками луга. Припекало солнышко, я разомлела и, откинувшись на застланное соломкой тележное дно, предоставила Смолке самой выбирать дорогу и темп езды. Я никуда особенно не спешила, торжественно предъявленный поутру мроед обеспечил меня деньгами на пару недель, так что можно было позволить себе расслабиться и подремать.

Колеса мерно поскрипывали, свидетельствуя, что моя лошадка пусть неспешно, но топает вперед, а не устроила себе внеплановую трапезу. Над головой распевали птицы, в кошеле побрякивали девятнадцать кладней, примиряя меня с профессией ведьмы. Пожалуй, я бы даже заснула по-настоящему, но тут из глубины леса с правой стороны донесся низкий хриплый вой, быстро сошедший на чавкающее поскуливание.

Телегу тряхнуло, кобыла пошла быстрее. Я резко села, сонливость и умиротворенность жизнью как ветром сдуло. Нацыга! Средь бела дня! А у меня даже меча нет...

Впрочем, нацыга тоже не горела желанием сводить близкое знакомство с ведьмой. Рывкнула еще пару раз, все дальше и дальше, и замолчала. Смолка шевельнула настороженными было ушами и опять замедлила шаг. Мнению лошадки я доверяла, но и сама ошибиться не могла. В Школе Чародеев нас учили распознавать голоса нежити, и я без труда отличала звонкий, протяжный вой оборотня от утробного рева вурдалака, верещания гарпии или характерного скулежа той же нацыги. Интересно, с чего бы это она поутру разгулялась, да еще в солнечный день? Света как такового нацыги не боялись, но охотились только по ночам, как совы, к рассвету убираясь в логова. А интересовали их отнюдь не мышки с птичками...

Ложиться снова я не рискнула. Так и въехала в село, облокотившись на обрешетку телеги и изредка оглядываясь на оставшийся позади лес.

Похоже, безработица мне не грозила.

* * *

Ярмарка была в самом разгаре, слышная издалека. Лавка гробовщика оказалась единственной, возле которой не толпился народ. Ее хозяин невозмутимо пил квас в тенечке у входа, философски рассудив, что его товар не нуждается в зазывалах, а за навязчивую рекламу могут и побить. Пока я изучала незамысловатую вывеску, он изучил меня, безошибочно распознал покупательницу и, оставив недопитый жбан, предупредительно распахнул передо мной дверь лавки.

– Сочувствую вашему горю, госпожа, – вежливо, но не слишком убедительно объявил мужик. Я неопределенно хмыкнула, давая понять, что горе не так уж велико и меня больше интересует деловая сторона вопроса. Продавец охотно отбросил фальшивую скорбь и заговорщическим тоном сообщил, что у него есть все фасоны и размеры, какой именно мне нужен?

– Ну, примерно как на меня, – неуверенно сказала я.

Гробовщик ничуть не удивился и вдобавок оказался энтузиастом своего дела. За час я перемерила не меньше двадцати гробов. Больше всего мне понравился темно-бордовый, с кистями и пуховой набивкой. Даже вставать не хотелось. Пожалуй, я бы даже прикупила его для себя (полнолуние, как и хандра, продолжали отравлять мне жизнь), но это удовольствие стоило пятнадцать кладней – веская причина еще немного задержаться на этом свете. В итоге я остановилась на обычном дубовом, за два кладня, и, загрузив его на телегу, начала выбираться из базарной толчеи.

Я уже поравнялась с последней в ряду лавкой, когда через обрешетку телеги неожиданно перемахнул лохматый, свирепого вида тролль, с ног до головы обвешанный оружием.

– Привет, цыпа! – радостно завопил он, без колебаний оседлывая гроб. Нагнулся, деловито побарабанил пальцами по крышке: – Мужу подарочек купила?

Я усмехнулась и охотно пожала протянутую руку.

– Нет, это рабочий инвентарь. Ты-то, Вал, здесь какими судьбами?

Тролль, кашлянув, смерил меня оценивающим взглядом и сменил тон на заговорщически деловой:

– Ты сейчас свободна, цыпа?

Я неопределенно качнула головой:

– А что?

— Работенка есть, аккурат для ведьмы и наемника. Не хочешь

составить мне компанию?

Я как раз собиралась устроить себе отпуск – хотя бы на недельку, до конца полнолуния, но не удержалась и вопросительно приподняла бровь. Вал просиял и, перебрав руками по крышке гроба, подтянулся ближе ко мне.

– Дельце-то плевое, от силы на пять минут, а ежели покочевряжиться да себя расхвалить, то по десятку кладней срубить можно и целую неделю харч бесплатный.

Я поежилась, вспомнив, где чаще всего бывает «бесплатный харч».

– Сомневаюсь, что мне удастся расправиться с нацыгой за пять минут.

– Это еще что за холера? – искренне удивился наемник. – Впервые слышу.

– Оборотень, только наоборот. Нежить, способная превращаться в человека, чтобы под каким-нибудь предлогом заманить жертву в укромное местечко, причем отнюдь не для высокоинтеллектуальной беседы.

Троль звучно поскреб макушку. Шрам, которым некогда наградил его чей-то двуручный меч, давно побелел и не чесался, но привычка осталась.

– Водится тут какая-то пакость, это точно. Редко вылезит, но регулярно. Бродяг пришлых в основном харчит, пьянь всякую, ежели в кустах на ночь залежатся. Местные на волков думают, потому как нежить обычно где нажрется, там объедья и кинет, словно похваляется, а эта в лес сволакивает. После лис да ворон гхыр разберешь, кто первым харчевался. Детишек ею стращают, но всерьез никто не верит, а значит, и не заплатит. Так что брось, цыпа, чирьев себе на задницу искать, поехали лучше со мной, там дельце верное!

– Мне сначала надо гроб в Жабки отвезти, я Смолкино седло за него в залог оставила.

– Успеешь, оно тебе все равно пока не понадобится. Давай сперва местечко застолбим, пока конкуренты не объявились. Левее забирай, во-он на ту дорожку, что к лесу ведет!

– погоди, я еще не согласилась! – Я натянула вожжи, и Смолка остановилась у развилки, недовольно всхрапывая и махая хвостом. – Что за дельце-то?

– А тебе не все равно, цыпа? – фыркнул троль, тоскливо поглядывая в сторону леса. – Ты же ведьма, наемница, всего два вопроса задавать должна: один себе – справлюсь, не справлюсь, второй наемщикам – сколько заплатите?

– Нет, не все равно. Наводить порчу или стоять на стреме я сразу отказываюсь, и не проси.

– Вот еще, бабу уламывать! – хохотнул Вал. – Не бойсь, ничего противозаконного. У одного типа кой-какие проблемы возникли, личного характера, вот пусть он сам тебе их и выкладывает.

«Любопытство меня когда-нибудь погубит», – подумала я и ослабила вожжи, предоставив Смолке право третьего решающего голоса. Лошадь покосилась вправо, влево, рассудила, что в жабках она уже была и ничего интересного не обнаружила, так почему бы не попытать счастья на второй дорожке? И тронулась с места, все ускоряя шаг.

– А кобыла-то поумней хозяйки будет, – нахально заметил тролль, и, приглядевшись ко мне, бестактно припечатал: – Какая-то ты бледная, цыпа, аж с прозеленью, краше в гроб кладут!

– Такую как раз и кладут, – отшутилась я. – Посмотрела бы я на тебя после собственных похорон и четырехдневного недосыпа!

– Неслабо же ты развлекаешься! – восхищенно присвистнул наемник.

– Работаю, – со вздохом поправила я.

Вал, убедившись, что я оставила вожжи в покое, с комфортом разлегся на гробу, заложив руки за голову и покачивая левой ногой, заброшенной на согнутое колено правой.

– Удивляюсь я твоему мужу, цыпа. Молодая жена целыми месяцами гхыр знает где шляется, упырей по жальникам гоняет... а что, если однажды и вовсе не вернется? Чем эту ждатель, не проще ли новую завести?

– Вернусь, Вал. Я всегда возвращаюсь. И он будет меня ждать, уж я-то знаю. Мы слишком долго друг друга искали, чтобы двухмесячная разлука имела для нас значение. Наоборот, отдохнет от меня, соскучится, да и я буду с нетерпением ждать встречи.

– Хуже жены-ведьмы только муж-вампи́р, – убежденно заключил наемник. – Уж я бы давно тебя на колено да хворостиной, чтобы знала своё место!

– Что ж, попробуй, – шутливо предложила я, но тролль с ухмылкой покрутил горбатым носом и не стал рисковать.

* * *

Господин Ховел Залесский, элегантный мужчина лет тридцати пяти, владелец трехэтажного особняка возле села Замостье, ста десятин окрестных пустошей и леса, через который мы недавно проезжали, дрожащими руками растеребил ременную пряжку, спустил штаны и с

надеждой устался на меня.

Я добросовестно изучила предложенный моему вниманию объект.

– Боюсь, это несколько... эээ... не по моему профилю, – мягко, но решительно сказала я, с трудом сдерживая рвущийся наружу смех. Вал, мерзавец, проводил меня до двери, а затем отговорился делами и улизнул, оставив меня один на один с наемщиком, так толком и не объяснив, в чем именно будет заключаться моя часть работы. Правильно сделал, иначе гхыр бы я согласилась составить ему компанию! А теперь, напрасившись на собеседование и предъявив рекомендации, отказываться было как-то неудобно...

– Госпожа ведьма! – отчаянно возопил Ховел и попытался шагнуть ко мне, но запутался в штанах и начал медленно падать лицом вниз, махая руками, как ветряная мельница. Я со вздохом пошевелила пальцами, и стреноженный мужчина вернулся в вертикальное положение. – Благодарю вас... ну почему вы не можете оказать мне еще и эту маленькую услугу?

– Не такая уж она и маленькая, – задумчиво отметила я, снова переводя глаза вниз. – Очень, я бы сказала, профессионально выполненный... м-м-м... прибор. И здоровенный какой!

Сам Ховел выглядел очень даже ничего – худощавый, с тонкими аристократическими чертами горбоносого лица, длинными мышастыми локонами явно искусственного происхождения и гордо подкрученными усиками. Совершенно не в моем вкусе, но, надо признать, довольно симпатичный. Видя, что я колеблюсь, Ховел с удвоенной энергией возобновил уговоры:

– Госпожа ведьма, поймите меня правильно – я очень люблю свою жену, но я же мужчина! Я имею право на личную жизнь в ее отсутствие, и лишать меня этого удовольствия жестоко и эгоистично!

– А если она внезапно вернется и застанет нас за этим... эээ... занятием?

– Она не может вернуться внезапно! – с жаром заверил меня Ховел. – К нашему селу ведет всего одна дорога, в карете она по лесу не поедет, пешком тоже не пойдет. У развилки в пяти верстах отсюда денно и ночью дежурит пара сметливых ребят с почтовыми голубками – двух птиц выпускают, когда она проезжает заставу в ту сторону (они, кстати, уже прилетели), и еще трех – в обратную. Так что у нас будет не меньше часа, чтобы подготовиться к ее встрече! И потом, в случае чего вся вина ляжет на меня, вы же тут совершенно ни при чем – всего лишь наемная специалистка, честно отрабатывающая свой гонорар!

Слово «гонорар» мне понравилось. Но «работенка» по-прежнему не

вызывала энтузиазма.

– Давайте еще раз обговорим все детали, чтобы впоследствии между нами не возникло никаких недоразумений. Вы просите меня заняться этим... хм... устройством, дабы вы могли невозбранно предаться... эээ... утехам в отсутствие законной супруги?

– Именно! – с жаром кивнул неверный муж. – И пожить здесь до ее приезда!

– ...за сумму в размере... – Я сделала многозначительную паузу, давая понять, что предыдущий вариант не слишком меня вдохновил.

– Двадцать кладней! – торопливо повысил Ховел.

– Ровно?

– Двадцать пять! – понятиливо поправился работодатель.

Я наконец сочла оплату подходящей и присела на корточки, подвергнув «рабочее место» куда более пристальному, профессиональному осмотру. Осторожно ощупала кончиками пальцев. Н-да, чем только не приходится заниматься практикующей ведьме, зарабатывая себе на хлеб, масло и кружок колбасы... но снимать с чужого супруга пояс верности мне довелось впервые!

Хитроумное устройство выглядело как кольчужные трусы до колена и замыкалось на зловещего вида замок – рельефную бляху в форме приплюснутой морды. Отверстия для ключа в нем не было, ее заменяла вмятина с вычеканенной на дне руной – замок отпирался магически. Судя по всему – заговоренным перстнем-печаткой.

– Колечко у вас есть?

– Какое?

– Любое, желательно золотое и потолще.

Ховел торопливо стянул с пальца массивное обручальное кольцо. Я машинально кинула взгляд на свое – тоненькое серебряное с двумя крохотными сапфирами, но стоящее всех колец и поясов в мире. Мы вместе его выбирали, перерыв всю витрину невозмутимого ювелира-эльфа, причем муж ехидно предлагал мне купить вместо кольца серебряный же кастет – мол, по моему характеру самое то, а уж как развеселятся созванные на свадьбу гости, когда свежеиспеченный супруг будет надевать его мне на пальцы...

Я торопливо согнала с лица блаженную, отстраненную улыбку и вернулась к работе. Осторожно взяла кольцо за ободок, поднесла его почти вплотную к бляхе и прошептала пару слов. Кольцо мелко завибрировало, обращенная к замку сторона накалилась добела, и на ней медленно проступил четкий оттиск руны. Закончив, я строго посмотрела в

склоненное ко мне лицо и подозрительно уточнила:

– Надеюсь, замок без секрета?

– Не знаю, – растерялся господин Залесский и неуверенно попытался пошутить: – Да какие у него могут быть секреты от такой милой женщины?

Милая женщина охотно его просветила:

– Ну, вдруг я поверну кольцо не в ту сторону, а трусы сожмутся или раскалятся? Ваша супруга ни о чем таком вас не предупреждала?

– Н-нет, – заметно побледнел мужик.

Я опустила голову, скрывая усмешку. Любую магическую ловушку я почувствовала бы сразу, замок же заговаривал сущий дилетант. Но я не смогла удержаться, чтобы слегка не проучить неверного мужа.

– Ладно, сейчас проверим и узнаем, – жизнерадостно заметила я, прижимая кольцо к замку.

– Ой, нет, не надо! – Ховел торопливо отпрянул, чуть не повалившись снова, уже на спину. – А вы не можете проверить это как-нибудь по-другому?

– Не волнуйтесь, все под контролем, – успокоила я и, не успев мужик облегченно вздохнуть, добавила: – Фирма веников не вяжет, последующее лечение входит в стоимость заказа!

Я снова потянулась к кольцу, но господин Залесский, приноровившись, довольно резво ускакал от меня на противоположный конец комнаты.

– Что? Вы передумали разоблачаться?

– Да! Нет... эээ... мне надо немного подумать... возможно, еще кое с кем проконсультироваться, – начал выкручиваться Ховел, явно усомнившись в моем профессионализме.

– Пожалуйста-пжалуйста, – без тени обиды заверила я. – Вот только как вы объясните внезапно нагрянувшей супруге факт перемещения кольца с пальца на... хм... иной объект?

Кольцо и в самом деле намертво припаялось к бляхе, не собираясь покидать ее до завершения процедуры. Собственноручно удостоверившись в сем прискорбном факте, Ховел сдавленно застонал – видимо, представил удивленно вытянувшееся лицо любимой супруги.

– Так я, пожалуй, пойду? – невинно осведомилась я. – А вы тут пока подумайте, проконсультируйтесь...

– Госпожа ведьма, ну сделайте же хоть что-нибудь! – опомнился мужик, когда я уже подошла к двери и взялась за ручку.

Я обернулась и смерила его задумчивым взглядом.

– А что тут сделаешь? Либо открываем, либо спиливаем. Хотите, тролля позову – он его мечом, с одного удара... если не промахнется,

конечно.

Воображение нарисовало Ховелу еще менее оптимистичную картину.

– Открывайте, – решил он, крепко зажмуриваясь.

В душе покатываясь со смеху, но заставляя себя сохранять серьезное, сосредоточенное выражение лица, я наклонилась и медленно, в напряженной тишине повернула кольцо.

Внутри бляхи что-то щелкнуло, и пояс разомкнулся. Кольцо осталось у меня в руке. Ховел поспешно подхватил спадающие трусы, криво улыбнулся и, мелко семеня в путях из штанов, на всей доступной скорости удалился в распахнутую дверь спальни. Вернулся он минут через десять, весьма довольный жизнью. Тут же отсчитал мне двенадцать кладней задатка и деловито сообщил:

– Остальное получите перед отъездом вне зависимости, когда жена вернется. Только учтите: покидать дом больше чем на час вы не имеете права, а уезжать нужно будет очень быстро и другой дорогой.

Я понятливо кивнула.

– Слуга проводит вас в комнату, я уже велел отнести туда ваши вещи, – продолжал Ховел. Прежде чем я успела возразить, что вещей у меня нет, он оказался рядом со мной и, словно нечаянно задев плечом, сменил тон на бархатисто-медовый, с придыханием: – А хотите... я сам вас туда... провожу?

– Нет, – ледяным тоном отрезала я.

– Ну как хотите. – Ничуть не огорчившись, господин Залесский предупредительно распахнул передо мной дверь, – Впрочем, если передумаете...

– Нет!

– В любое удобное для вас время, вторая дверь налево, – успел-таки шепнуть мне вслед Ховел.

Я гневно обернулась, но дверь уже захлопнулась.

* * *

Каменным особняк Залесских был только до середины, выше начинались дубовые брусья. Издалека он выглядел довольно забавно, стилизованный под замок с четырьмя маленькими башенками по углам крыши. Мне досталась чердачная клетушка с единственным, выходящим на лес окном. Распахнув дверь, я с трудом удержалась от вскрика – на кровати

стоял гроб, в котором я не сразу опознала привезенную на телеге «вещь». Вот леший, совсем про него забыла! За час я не успею доехать даже до Жабок, не то чтобы вернуться. Впрочем, судя по жилистой и крикливой старухе, тот свет ее пока не прельщал. Подождет, ничего с ней за недельку не сделается.

Краем глаза уловив за окном какое-то шевеление, я присмотрелась и заметила алый вымпел, быстро съезжающий вниз по шпилью одной из башенок. Спустя пару минут на его месте затрепетал зеленый.

Вскоре дом наводнили молодые красивые селянки, неумело притворяющиеся зеленщицами, молочницами и булочницами, для отвода глаз пыхтящие под тяжестью корзин с соответствующим товаром. Ховел лично беседовал с ними в кабинете, подвергая принесенную сельхозпродукцию долгому и тщательному осмотру. Сталкиваясь на лестнице, девушки краснели и хихикали, но назад не поворачивали.

Дворовая и домашняя прислуга радовалась отъезду хозяйки не меньше Ховела и, закрывшись на кухне, отмечала это радостное событие бочонком вина и немудреной закусью в виде сыра с хлебом. Меня радушно пригласили в компанию, но я отговорила головной болью и продолжила осмотр дома.

На третьем этаже жили слуги, на втором находились господские комнаты и столовая, на первом – кухня и огромный зал для приема гостей. Подвальное помещение было отведено под кладовую, заставленную бочками, ларями и мешками. Вкусно пахло копченостями, свисающими с балок. На одной из бочек сидел Вал и, наклонившись, беззастенчиво колупался во второй, горстями извлекая из нее длинные лохмотья квашеной капусты, которые тут же со вкусом поедал. Процесс хищения сопровождался чавканьем и причмокиванием.

– Цыпа, хошь яблочко? – Троль как ни в чем не бывало по самый локоть засадил в бочку волосатую лапу с закатанным рукавом, пошарил в капустных недрах и выудил оттуда полупрозрачную, хорошо промаринованную артомовку.

– Я тебе сейчас покажу яблочко, – мрачно пообещала я, захлопывая за собой дверь и задвигая ее на засов. – И работенку плеваю за десять кладней тоже покажу!

Вал и ухом не повел, продолжая невозмутимо лакомиться капустой.

– Ты чего, цыпа? Неужто меньше двадцатки выторговала? Я и то на пятнадцать уговорился, три кладня против прежнего накинул, типа за стаж.

Я так удивилась, что даже перестала сердиться, и мирно облокотилась на бочку рядом с троллем.

– Выходит, ты здесь не впервые?

– А то! – хохотнул Вал и, забывшись, целиком схрумкал предложенное было мне яблочко. – Его женушка, та еще стерва, ежегодно к тетушке на именины выбирается, а он тут гуляет в свое удовольствие. Я уже третий год подряд здесь харчуюсь. Прежде с Чародом Богорским на пару работали, да вот незадача – этой зимой его снежные зубари разодрали, так что очень удачно ты мне подвернулась, цыпа.

Я не разделяла его восторга:

– А наемник-то Ховелу зачем?

Трольль поковырялся в зубах, извлек измочаленный ошметок яблока и, подумав, бросил его обратно в капусту.

– Видала, скоко девок в дом набежало? Во, а через пару дней зарогатевшие мужики косяком попрут, морду Ховелу бить. Вот тут-то я и пригожусь! – Наемник небрежно прихлопал разворошенную капусту ладонями, закрыл крышку и вытер руки о штаны. – Я знаю, что тебя бесит, цыпа. Признайся – ты горько жалеешь, что не обзавелась ключиком от таких же портов!

– Ничего подобного, – возмутилась я, не покривив душой. С одной стороны, во мне вопияла женская солидарность... а с другой, мне бы и в голову не пришло запирать мужнины трусы на замок. – Верность за двадцать пять кладней, тьфу... да кому она такая нужна?

– Брось, цыпа, – усмехнулся трольль, спрыгивая с бочки. – Нашла из-за чего переживать! Ты свою работу сделала, а они уж пусть сами между собой разбираются. Пойдем-ка лучше пивка хлебнем да поболтаем – давненько я тебя не видел!

– Оно и к лучшему, – буркнула я, но отказываться не стала.

* * *

Видимо, ночное бдение успело войти у меня в привычку. Заснула я практически мгновенно, но спустя три часа выпала в тягостное полудремотное состояние, когда по-прежнему хочется, но почему-то не может спать. Поворочавшись с боку на бок и с досадой убедившись, что ни туда ни сюда, я встала, подошла к окну, распахнула ставни и облокотилась на подоконник. Свежий ветерок приятно лохматил волосы, вдалеке скорее угадывался, нежели виднелся лес. Ночка выдалась непроглядная, облачная и оттого безлунная. Впрочем, мрачной и зловещей

она вовсе не казалась. Звонко трещали кузнечики, в кустах у забора заливисто распевали соловьи, в лесу задушевно выла нацыга. Мир и покой, благодать...

Что?!

Окончательно проснувшись, я отпрянула от окна, чуть было из него не вывалившись. Никаких сомнений, опять эта бестия! Кому, интересно, она дает концерт? Может, у нее брачный период? Да нет, у всех вурдалакоподобных он зимой, с середины вьюжня до конца выстудня. Что же тогда? Хорошее настроение после сытного обеда?

Связываться с нацыгой, тем более за бесплатно, мне совершенно не хотелось. Эта тварь очень проворная, сильная и хитрая, заклинанием ее не возьмешь, а мечом еще нужно попасть. Но и позволить ей безнаказанно рыскать по округе я тоже не могла. Впотьмах кое-как зашнуровав сапоги, я заправила длинную ночную рубашку в штаны, набросила куртку, и, стараясь не слишком раздражать скрипучие ступеньки, вышла во двор.

На улице оказалось довольно свежо, пришлось руки вдеть в рукава куртки и застегнуть ее под горло. Остановившись возле сеновала, я тихонько свистнула, потом вполголоса позвала:

– Вал!

Зашуршала солома. В чердачном окошке появился заспанный, сонно щурящийся тролль:

– Чего тебе, цыпа?

– Меч не одолжишь?

– Зачем?

– Пойду прогуляюсь.

– Лови, – хмыкнул наемник, и спустя пару секунд из окна вылетел меч, косо воткнувшись в землю у моих ног.

– Спасибо. – Я выдернула меч и покрутила в руке, примеряясь к рукояти. Толстоватая, не слишком удобная, но сойдет. – Через часок верну.

– Гхыр с ним, это запасной, короткий. Утром отдашь. – Тролль, широко зевнув, отошел от окна и, судя по звуку, как стоял, так и повалился на солому. И тут же захрапел, мне на зависть.

Честно говоря, я не очень-то представляла, куда идти и что делать. Но заснуть под нацыгу все равно не смогу, это точно. Подумав (без особого результата, но теперь, по крайней мере, я могла с чистой совестью утверждать, что очередной сомнительной аванюре предшествовал-таки мыслительный процесс), я неспешно пошла к лесу, очень надеясь, что нацыга заткнется раньше, чем я туда доберусь.

Выйдя за околицу села, я очутилась один на один с необъятным полем,

через которое вилась узкая, но хорошо утоптанная тропинка. Вдалеке зазывно мигал огонек, без колебаний выбранный мной в качестве цели – за неимением прочих. На поверку он оказался костром, возле которого сидели пастухи – дедок в косо напяленном, несмотря на лето, треухе и трое подпасков, парнишек лет по двенадцати. Неподалеку черными силуэтами маячили стреноженные кони, пощипывая траву и изредка шумно вздыхая.

– ...а в покоях у ней, – проникновенным, завывающим голосом вещал дедок, старательно тараща глаза и разводя перед лицом руками со скрюченными пальцами, – гроб дубовый стоит! Ей-ей, сам видел!

По лицу рассказчика зловеще плясали алые отблески костра, замороженные подпаски внимали ему с открытыми ртами.

– В полночь иду я мимо господского дома и вдруг слышу – скрипнул ставень... я глядь наверх... а она прям в гробу из окна вылетает и давай над деревьями виться! Токо смех ведьминский сверху доносится, аж мороз по коже!

— Уха-ха-ха-ха! – охотно подыграла я, выступая из ночной тени и легонько оглаживая руками широкие плечи рассказчика.

Подпаски дружно завопили, дедок шархнулся в сторону, чуть не свалившись в костер.

– Добрый вечер, – невозмутимо сказала я. – Не помешала?

– Н-н-нет, г-г-госпожа ведьма, – еле выдавил пастух, лязгая зубами. – А я вот баечки ребятам рассказываю, ить самое дело – мальцов в ночном постращать, шоб веселей было...

– Ну-ну, – поддакнула я, без церемоний усаживаясь на землю возле костра. – А я тут мимо пролетала, дай, думаю, спущусь и гляну, кто тут так... веселится. Может, и мне что интересное расскажете?

Первый испуг прошел, мальчишки с восторженным любопытством глазели на ведьму, с комфортом путешествующую по ночному небу. Похоже, они бы и сами не отказались прокатиться в столь оригинальном транспортном средстве или хотя бы рассмотреть его вблизи, но попросить стеснялись.

– Что ж вам рассказать-то, госпожа? – заискивающе спросил дедок. – Вам, поди, и без моих баек не скучно живется – чай, не носки на продажу вяжете!

– А вы меня напугайте, – улыбнулась я. – Самим-то не страшно ночью возле леса сидеть? Неужто там никаких страховидл не водится?

Дедок не заставил себя долго просить, напротив – прервать поток его красноречия оказалось куда сложнее.

Страховидл в округе водилось такое количество, что я только диву

давалась, как в селе вообще остался хотя бы один живой человек. Вампиры кружили над Замостью целыми стаями, через него же проходили миграционные пути упырей и вурдалаков, покойники и те не желали спокойно лежать в могилах, ночами требуя впустить их обратно в дом или хотя бы вынести им стопку самогона. На описании сотенных косяков нетопырей («так крыльями и хлопают, так зубишшами и скрежещут!») я сдалась, тем более что нацыга наконец замолчала. Наверное, тоже испугалась такого обилия чудищ...

Поблагодарив словоохотливого пастуха, я распрощалась и потопала обратно, задумчиво сшибая мечом метелки травы. По опыту я знала: о реально разбушевавшейся нежити предпочитают даже не упоминать без нужды (а вдруг услышит и заявится?), не то что рассказывать страшилки. Но воеет же, зараза... Ничего не понимаю.

* * *

Чувствовала я себя на редкость глупо, но «работенка» начинала меня забавлять и даже нравиться. Я наконец-то выпалась всласть, провалявшись в постели до самого обеда, поданного туда же. Особыми разносолами, правда, не побаловали – пришлось удовольствоваться яичницей из двух яиц, кривым огурцом и куском колбасы. Видимо, слуги и Ховел заключили взаимовыгодное соглашение, и госпоже Залесской не суждено было узнать ни о лениности первых, ни о чрезмерной активности второго.

Поток девиц не иссякал, и я невольно зауважала своего работодателя.

В библиотеке я обнаружила неплохую подборку книг по магии, довольно новых и не слишком заумных, рассчитанных на любительский уровень. Одну даже – без спросу – взяла с собой в комнату, выписать парочку интересных заклинаний. Оказалось, что ее усердно штудировали до меня, – у некоторых страничек были заложены верхние уголки, вряд ли случайно. Никаких пометок и закладок я не нашла, хотя пергамент выглядел потертым, не раз перелистанным.

Мне крепко влетело от Вала за меч – вчера ночью я рассеянно бросила его на гроб возле кровати, и к утру сочные ошметки усекновенной травы намертво присохли к лезвию. Пришлось отмачивать его в колоде с водой и заново точить. Я виновато топталась рядом, предлагая свою помощь, но Вал только сыпал отборными ругательствами, ни разу не повторившись.

– Твой-то где? – наконец спохватился он.

– Сломала, – со вздохом призналась я. – Вернее, скормила. Не работа, а один убыток, тьфу...

– Потому что выбирать ее не умеешь. – Вал с мерзким скрежещущим звуком провел точильным бруском вдоль кромки лезвия. Приноровился и проворно заклацал вперед-назад, высекая искры.

– Ты как будто умеешь! – обиделась я. – Подсунул мне этого неумного типа... стыдно кому рассказать, чем я тут занимаюсь.

– А ты не рассказывай, – серьезно посоветовал тролль. – Если бы я обо всем подряд трепался, давно бы уже ракам на корм пошел. Или того хуже – вообще без работы сидел бы, кто ж меня такого языкатого наймет? Кстати, слыхала новость, цыпа? Возле села, за околицей в канаве, труп нашли. Девка молодая, видать, из Ховеловых гостей. Ночью возвращалась от него, чего-то испугалась, побежала, оступилась и шею свернула.

– Ты уверен, что оступилась? – мгновенно насторожилась я.

– Похоже на то, труп целехонький, ни единой царапины. Если и гнался за ней кто, то к мертвой не прикоснулся, даже поглядеть не подошел. Утром нашли, она уж окоченеть успела...

– Можно ее осмотреть?

– Делать тебе нечего, цыпа. Я сам смотрел, мне-то ты доверяешь?

– Доверяю, – вздохнула я. В этом вопросе на Вала вполне можно было положиться. Профессиональный наемник некогда не ошибется насчет причины смерти – хотя бы потому, что сам частенько выполняет подобные заказы.

Тролль поднял меч, любовался сверкающим на солнце лезвием и неожиданно протянул мне:

– На, пользуйся, пока свой не купила. Но если снова испакостишь – убью!

* * *

Вечером, возвращая книгу, я окликнула убравшуюся в библиотеке служанку (худенькую, бледную девушку, почти девочку, вяло размазывающую пыль по мраморной статуе русалки в центре комнаты), кивнула на полку и шутливо поинтересовалась, кто же пытается составить мне конкуренцию.

– Госпожа, – чуть слышно пискнула служанка, не поднимая на меня

глаз и смущенно теребя краешек передника.

– Она хорошо колдует? – заинтересовалась я.

– Да, по книге...

«По книге любой дурак сумеет», – разочарованно подумала я. Похоже, магический дар у госпожи Залесской отсутствовал, она подменяла его простым чтением заклинаний. В таком случае ее возможности ограничивались наведением порчи и заговором зубной боли, максимум – вызовом какого-нибудь мелкого демона, дабы переложить колдовскую работу на его покорные плечи (как показывала практика, в большинстве случаев демоны искренне радовались свежеиспеченному повелителю и утягивали его в неизвестном направлении вместе с книгой).

Я собиралась задвинуть книгу на место, но оставленный ею просвет исчез. В ряду цветастых корешков появился новый, черный и высокий. Я с любопытством подковырнула его двумя пальцами, пролистав на весу. «Некромантия в схемах и заклинаниях». На редкость занудный предмет, в Школе я на нем частенько засыпала – если не мешал храп будущих коллег. Но подобные учебники выдавались нам под расписку, выносить их за пределы Школы строго запрещалось. Был прецедент, когда подслеповатая бабка одного из адептов навертела из найденной у внука книги кульков для семечек и удачно наторговала на рынке, а к ночи город заполонила всевозможная пакость вроде упырей, призраков и зомби – дощелкав семечки, любопытные покупатели заинтересовались оригинальной упаковкой и начали зачитывать с нее вслух...

Сунув «Некромантию» под мышку, я запихнула на ее место принесенную книгу. Нечего госпоже Залесской забавляться с силами, которых побаиваются даже матерые архимаги, зато у меня теперь будет проверенное средство от бессонницы.

* * *

Ночью голуби не летают, но и кареты тоже не ездят – самая ревнивая и упрямая жена не отважится на неурочную поездку через глухой лес, кишаций разбойниками и нежитью. Так что от заката до рассвета я могла заниматься чем угодно даже за пределами дома. А угодно мне было избавиться наконец от этого треклятого гроба. Из-за него служанка наотрез отказалась убирать мою комнату, я постоянно спотыкалась о него впотьмах, а этим утром (вернее, серой предрассветной мглой) меня разбудила

брякнувшая о подоконник лестница, по которой затаив дыхание карабкались двое мальчишек – видимо, желали узнать, закрываю ли я за собой крышку или оставляю щелку для притока воздуха. До окна они долезть не успели, с воплями сиганув вниз при виде моей заспанной, но оттого не менее злобной физиономии, нарисовавшейся в проеме.

Троль помог мне стащить гроб вниз по лестнице и закинуть на телегу. Застоявшаяся в конюшне Смолка с восторгом отнеслась к ночной прогулке и без возражений сунула морду в хомут. Темнота ее, как и меня, ничуть не смущала.

Мы без приключений проехали село. Я буквально висела на вожжах, кобыла, упрямо нагнув голову, рвалась вперед с энтузиазмом гончей на своре. За околицей я устала с ней бороться и разжала руки. Которыми тут же пришлось схватиться за обрешетку, в ушах засвистел ветер. До леса мы домчались за считанные минуты. Под его неприветливым пологом Смолка присмирела и пошла быстрым шагом. Луна, по-прежнему возмутительно полная, мерцающим серебром заливала все открытые места, сгущая тени до абсолютной непроглядности. Казалось, их можно даже пощупать.

Я больше посматривала по сторонам и, когда Смолка неожиданно остановилась, не сразу поняла, в чем дело.

В тридцати локтях от меня, прямо посреди дороги, сидела нацыга, самозабвенно завывая на луну. На этот раз – глухо и вполголоса, отчего казалось, будто звук доносится откуда-то издалека. Короткая сероватая шерсть переливалась черными разводами, словно над головой у твари колыхались ветки, просеивающие свет. Прекрасная маскировка в лесной тени, а ночью и на открытом месте гхыр заметишь.

Распевала она, видимо, давно, на манер глухаря, не слыша топота копыт и скрипа тележных осей, и опомнилась только от удивленного всхрапа лошади. Резко оборвав ноту, нацыга оглянулась через плечо, тут же вскочила и бросилась прочь.

Не раздумывая, я свистнула, тряхнула вожжами... и поняла, что до сих пор Смолка всего лишь разминала ноги перед призовым забегом. На мгновение мне показалось, что оглобли не выдержали такого стремительного старта и телега осталась на месте, потом рвануло так, что я опрокинулась на спину. Выкарабкавшись из щели между гробом и обрешеткой, я окончательно убедилась, что у нацыги не все дома – мало того что она кинулась наутек, от женщины в повозке, так еще и не догадалась свернуть с дороги! Впрочем, глупость – штука заразная; возможно, нацыга подцепила ее как раз от нас со Смолкой, ибо ни один маг в здравом уме не станет гоняться за нежитью на телеге с гробом.

Мы вынырнули из одного леска и почти сразу же влетели в другой, в несколько скачков преодолев разделявшее их поле. Пасущиеся там лошади дружно подняли головы и проводили нас удивленными взглядами, сидящие у костра пастухи застыли с открытыми ртами. Нацыгу, тенью скользившую впереди, они вряд ли заметили. Черная Смолка неслась за ней беззвучным кошачьим скоком, скорее всего тоже невидимая в темноте. Я же в полный рост стояла на телеге, одной рукой правя «пустыми» оглоблями с хомутом, а второй с улюлюканьем размахивая мечом. Сзади грохотал гроб, подскакивая на досках.

Живописная композиция всего лишь на доли секунды мелькнула перед округлившимися глазами пастухов, переполнив их впечатлениями до конца жизни.

Лес раскололся надвое, теперь мы мчались краем оврага, углублявшегося и расширявшегося с каждой саженью. Дорога становилась все уже и колдобистей, телегу подбрасывало с такой силой, что большую часть времени мы с гробом проводили в свободном полете. Расстояние между нами и нацыгой не сокращалось, но и не увеличивалось. Запал погони потихоньку начал проходить, а на его место стали закрадываться кой-какие подозрения, и тут овраг резко вильнул влево.

Смолка, не задумываясь, отклонилась вбок и на всем скаку вписалась в поворот, напрочь позабыв о телеге.

Я еле успела выскочить и, удачно сгруппировавшись, перекатилась по траве. Телега, не успев за лошадью, с жутким скрипом развернулась на левом переднем колесе, в то время как остальные мазнули воздух над пропастью. Гроб ласточкой выпорхнул через обрешетку и, кувыркаясь, полетел вниз. Спустя несколько секунд оттуда раздался не то грохот, не то всплеск, и бабка во второй раз лишилась своего последнего крова.

Смолка, сообразив, что хозяйка осталась где-то намного дальше болтающейся у нее за хвостом телеги, постепенно остановилась, развернулась и потрусилась обратно.

– Ребячество это, – устало сказала я, потрепав кобылку по шее. – Все равно бы не догнали – и хвала богам, что не догнали! Логово надо искать или у трупа ловить, когда она сытая, отяжелевшая. Да я вообще, на кой она нам сдалась? Профессиональный рефлекс, тьфу...

На всякий случай я подошла к краю оврага, глянула вниз и, содрогнувшись, отступила. О спасательной операции не могло быть и речи – если гроб и не разбился о россыпь валунов, то давным-давно уплыл вниз по узкой, но бурной речушке.

– Гхыр д’анар окка бгырыз, – с чувством сказала я на тролльем языке,

не отыскав подходящих слов во Всеобщем. Очень надеюсь, что никто меня не слышал...

* * *

Адрес гробовщика я помнила: мужик радостно кричал мне вслед, дескать, «ежели изъян какой обнаружится или знакомый, на похоронах залюбовавшись, такой же заказать пожелает, так я в деревушке Козий Брод обретаюсь, седьмой дом от околицы!»

Козий Брод от Замостья отделяло не больше двух верст, в противоположную от Жабок сторону. Отсчитав шесть домов, я на правах купца бесцеремонно распахнула очередную калитку и, под истеричный лай цепного кобеля, загрохотала по двери кулаком.

– Кого там лешие принесли? – сонно и недовольно отозвался мужской голос. В щелке мелькнул тусклый свет лучины.

– Это ведьма, мне гроб нужен!

После долгого удивленного молчания за дверью тоненько заскулили от ужаса на несколько голосов, кобель с энтузиазмом подхватил унылую ноту. Сквозь общий воющий фон пробивались обрывки сбивчивого шепота: «...неужто та самая, рыжая?» – «...другой тута неоткуда взяться...» – «так она же вроде как померла, свояк сказывал – хоронили ее давеча!»

Вверху двери открылось окошечко, откуда на меня щедро брызнули святой водой (по крайней мере, хотелось бы думать, что водой).

– Изыди, мерзкая умертвия, не будет тебе поживы!

Коротко, но емко выругавшись, я отскочила в сторону и запоздало уточнила:

– Гробовщик здесь живет?

– Нет, в соседней хате, напротив! – охотно сообщил звонкий детский голосок. Болтливому дитяти немедленно отвесили затрещину, и оно басисто заревело. Вошедший во вкус кобель тут же взял тоном ниже.

Я только сейчас сообразила, что въехала в деревню с противоположной стороны.

– Ой, тогда извините... – смущенно пробормотала я и поспешила ретироваться.

То, что в темноте я приняла за высокую поленницу, оказалось штабелем готовой продукции, а чтобы не разворовывали – со снятыми крышками, которые хранились отдельно, в сенях. В этом доме алчущей

гроба ведьме обрадовались куда больше. На сей раз я наотрез отказалась от примерки, заявив, что опытный мастер сам должен помнить размеры и вкусы постоянных клиентов, после чего мне с разочарованным кряхтеньем был выдан простенький, но добротный экземпляр. Заплатив полтора кладня (шесть серебрушек мне скинули как оптовой покупательнице), я обреченно взвалила покупку на телегу. До рассвета оставалось не больше двух часов, отвезить гроб старухе было поздно, и я поехала обратно к Ховелу.

* * *

Узнав, зачем я опять его разбудила, Вал потерял дар речи. Увы, ненадолго.

– Слышь, цыпа, ты определись – нужен тебе этот ящик или нет? Делать мне больше нечего, только ночами его вверх-вниз по лестнице таскать!

– Это другой, разве не видишь? – огрызнулась я.

– Решила обменять, пока гарантия действует? – мерзко захихикал тролль. – А прежний жестковатым показался? Или в плечах жал?

– Нет, бортики низкие – летать неудобно, уши надувает. Тащи давай, надо мной и так уже все село смеется, для полного счастья только твоих подколок не хватало!

– А какого гхыра ты его в сарае не оставила, вместе с телегой?

– Я хотела, но Ховел запретил. Дескать, ради психического здоровья слуг. Мое здоровье, видимо, его не беспокоит...

Все еще ворча, тролль вскинул гроб на плечо. Он был не такой уж и тяжелый, но длинный, так что мне тоже пришлось принять участие в переноске. Вал шел впереди, я, придерживая гроб за узкий конец, следом. До конца первого пролета оставалось ступенек шесть, когда наемник словно бы запнулся, но тут же выровнялся и спокойно предупредил:

– Цыпа, смотри под ноги – тут труп чей-то лежит, не споткнись!

– Что?! – Я, разумеется, тут же споткнулась и выпустила гроб из рук. Вал в одиночку его тоже не удержал, и ящик, звучно пересчитав ступеньки, с разгону пролетел через весь холл и со смачным хрустом врезался в стену.

– Ты чего? – возмутился тролль, оборачиваясь. – Ну, переступила бы и дальше пошла, потом вернулись бы. Никуда бы он от нас не делся!

– Да уж, – проворчала я, присаживаясь на корточки. Тролль последовал моему примеру, досадливо отмахнувшись от вспыхнувшего

перед носом пульсара. Лучистый шарик послушно скользнул в сторону, давая нам возможность разглядеть распростертое на лестнице тело. Женщина, довольно молодая и симпатичная, в простом льняном платье и лаптях. Под затылком скопилась лужица темной крови, тонкими ручейками сбегавшей вниз по ступенькам. Вал бесцеремонно повертел голову покойницы из стороны в сторону, разглядывая парные дырочки в висках.

– Еще теплая, получаса не прошло. Видала такое, цыпа?

– Видать не видала, но наслышана.

Нацыга, пожалуй, была единственной нежитью, нападающей спереди и метящей в голову, а не в куда более податливое горло. Другое дело, что одним укусом она никогда не ограничивалась... Я невольно огляделась по сторонам, словно ожидая увидеть затаившуюся в углу тварь, но той, похоже, давно и след простыл – через распахнутое окно, одноединственное в ряду запертых на засовы ставней.

На шум из второй слева двери выскочил господин Залесский в белой ночной рубахе до пят, с утыканной бигуди головой.

– Что здесь происх... Ах!

Ховел прижал руку к груди и попытался изобразить сердечный приступ, но, видя, что никто не спешит ему на помощь, передумал оседать на пол и растерянно затоптался у края лестницы.

– Кто это такая? – грозно поинтересовалась я, переводя на него взгляд.

– Ну... э-э-э...

– Понятно, – вздохнула я. – Вы что-нибудь слышали?

Ховел удрученно покачал головой. Похоже, несчастная не успела даже вскрикнуть, а то и вообще заметить проворную тень. Зато мы с гробом успешно перебудили весь дом, и вскоре вокруг нас в полном составе столпились встревоженные слуги. Мужики удивленно охали, поминая лешего и чью-то досточтимую маму, женщины последовали примеру Ховела, но, в отличие от него, довели дело до конца, и теперь у нас было одно мертвое тело и три бесчувственных. Началось обычное в таких случаях столпотворение, дом осветился, как днем, в ход пошли все найденные факелы и свечи. Я занялась воскрешением слабонервных дам, Вала отправили в село за дайном (остальные боялись даже высунуть нос за порог).

Троль, философски рассудив, что спешить уже некуда, на обратной дороге завернул в корчму и нахально выпил несколько кружек пива за счет ночных завсегдаев, расплатившись свежей новостью. В процессе обмена информацией был вусмерть споен «для храбрости» вышеозначенный дайн, так что на пороге особняка оный возник со словами «где отпеваемые

новобрачные?» и смачно расцеловал в губы безуспешно отбрыкивающегося Ховела. Я протрезвила священнослужителя заклинанием, но в благодарность получила анафему «аки ведьма богомерзкая, без стыда творящая пакости всяческие добрым людям во вред и душе на пагубу» и, обидевшись, ушла в свою комнату. Можно подумать, это я наградила его жесточайшим похмельем, хотя на самом деле всего лишь ускорила его наступление...

Без гроба в комнате стало как-то пустовато, даже неуютно. Я растянулась на кровати, сотворила пульсар и, машинально взяв со стула «Некромантию», рассеянно открыла на середине. Читать не стала, просто задумчиво уставилась на схему пентаграммы с вычерченными углами. Похоже, кто-то всерьез обеспокоен верностью господина Залесского: убитая девушка явно составила компанию оступившейся. Самый напрашивающийся вывод: жена? Сделала вид, что уехала, а сама засела в лесу, совершая кратковременные инспекции в дом? Да нет, вряд ли: она живет в этом особняке с рождения и никаких странностей вроде ночных отлучек и светящихся в темноте глаз за ней до сих пор не замечали. Кто-то из прислуги? Больше похоже на правду, но, судя по намекам, слуги терпеть не могли госпожу Залесскую, и, затеявшись среди них нацыга, она в первую очередь расправилась бы с хозяйкой. Да и вообще, на кой ей работать служанкой? Деньги и наряды нежить не интересуют, а в крайнем случае ей проще кого-нибудь загрызть, чтобы ими разжиться. Поверить, что влюбленная нацыга станет ревновать Ховела, я не могла. То же самое, что ревновать потенциальный обед. Выходит, это кто-то из местных жителей, но какое ему дело до любовных походов Ховела? Завидует, что ли?

Додумать я не успела – то ли «Некромантия» подействовала, то ли скопившаяся усталость, но сон сморил меня так внезапно и оперативно, что я даже не успела отложить книгу.

* * *

Утром выяснилось, что ночная встреча с нацыгой была далеко не случайной. Чуть подальше того места, где я лишилась гроба, обнаружилась старая волчья яма, тщательно замаскированная хворостом. В дне и стенках глубокой западни торчали заостренные колья, новехонькие, только-только ошкуренные и заточенные. Мало того, кто-то заботливо смазал их трупным ядом. Совсем недавно, темные смолистые потеки не успели даже

подсохнуть.

Мы с Валом осмотрели яму вместе, тролль даже спрыгнул вниз, ловко вписавшись между кольями. Присел на корточки, потрогал глинистое дно и разочарованно покачал головой: – Ни одного отпечатка. Только лап, когда выскакивала.

Ничего другого я и не ожидала, но от традиционного «гхыра» удержаться не смогла. Чтобы смастерить ловушку, нацыге пришлось принять человеческий облик. Он может несколько варьировать: цвет глаз, волос, черты лица, но пол, рост и возраст остаются без изменений. По оставленным ею следам я надеялась определить хотя бы это. Что ж, нацыг не зря называют самыми опасными среди семейства вурдалачьих – прежде всего за интеллект, не уступающий человеческому. На кафедре магов-практиков методам уничтожения этих тварей были посвящены четыре лекции, в заключение же последовал лаконичный совет магистра: «А лучше всего вообще с ними не связываться».

– Чем-то ты ей не угодила, цыпа. – Тролль, подпрыгнув и подтянувшись на руках, выбрался из ямы. Наклонился, счищая грязь с колен. – Вспоминай – не поправляла ли ты свое материальное положение за счет башки одной из ее родичей?

– Нет, такое я бы запомнила. Меня другое беспокоит. Она не растерзала жертву. Просто убила, одним укусом. А к первой девушке вообще не прикоснулась. Почему?

– Торопилась, боялась, что ее кто-нибудь заметит, – предположил наемник.

Я медленно покачала головой:

– Вал, нацыга не вурдалак. Она очень тщательно выбирает жертву и никогда не станет убивать ради развлечения, напоказ, так как прекрасно понимает, что в этом случае на нее немедленно натравят магов. Если, как ты говорил, она уже несколько лет шкодит в округе, не привлекая особого внимания, зачем ей понадобилось выдавать себя теперь, да еще в присутствии ведьмы? Такое ощущение, что она бросает мне вызов.

– И ты его примешь?

Я не ответила. Что-то в этой истории продолжало меня смущать. Если это и в самом деле вызов, какого лешего она пыталась заманить меня в яму? Она здорово рисковала, выписывая кренделя перед телегой. Будь на моем месте некромант, специалист по ночным боям, которому полнолуние не только не помеха, а, наоборот, подспорье, – и утром в корчме обсуждали бы не второй кряду труп, а лобастую башку, в назидание прочей нечисти прибитую над дверью сего почтенного заведения.

– Пойдем, цыпа, – бесцеремонно прервал мои думы тролль. – Час на исходе, а ревнивая баба – тьфу-тьфу, чтобы не накаркать, – может стать, на подъезде.

– Ховел же говорил – она только через неделю вернется?

– Это она так сказала. А может, и через две, и на следующий же день. Не пойму я, цыпа, на гхыра вы, люди, лишние проблемы себе придумываете: любовь, верность, ревность? Нет бы как у порядочных троллей – одним кланом в общей пещере живут, и все довольны! У кого рука тяжелее, тот и главный, того и бабы любят, а ежели какая права начинает качать – дубиной ее!

Себя Вал порядочным троллем не считал, и рискнувший утверждать обратное схлопотал бы не только дубиной. В количестве больше одной штуки тролли-наемники уживались только на время выполнения задания или последующей выпивки.

Обратный путь мы скоротали за жарким обсуждением, сможет ли женщина качать права, если дубина окажется в ее руках, и не сойдет ли за оную магия? А если кое-кто а этом сомневается, то не желает ли он проверить это прямо сейчас? Тролль величественно возразил, что желает, но воздержится. Потому как боится ненароком меня зашибить, и тогда прости-прощай гонорар. Я в запале предложила отдать ему свой задаток, на что Вал объявил, что за такие деньги согласен добровольно считать меня грозой всех троллей от Волмении до Ясневого Града. Но при этом так бессовестно ухмылялся, что я безнадежно махнула рукой и решила не швырять деньги на ветер.

Поднимаясь в столовую, я впервые обратила внимание на развешанные по стенам портреты. Симпатии, несмотря на все старания художников, изображенная на них дама не вызывала, умудрившись сохранить желчный и надменный вид на всех без исключения холстах. Особой красотой госпожа Залесская не блистала, а учитывая, что живописцы склонны льстить клиентам, в жизни была страшна как смертный грех.

– И что он в ней нашел? – задумчиво спросила я, изучая остренькое крысиное личико в окружении неестественно пышных кудрей. – И если все-таки нашел, то что мы с тобой тут делаем? А ведь говорил, любит...

– Любит? – хихикнул наемник. – Верно, я тоже люблю. Но не эту гнусную бабу – видал один раз живьем, бррр! до сих пор иногда в кошмарах снится, – а ее денежки. Имение-то родовое, на нее записанное, вот Ховел на богатую невесту и польстился. Теперь небось жалеет, да поздно...

Господин Залесский и впрямь пребывал в глубокой скорби и печали.

– Я отослал из замка всех... посторонних, – уныло сообщил он, безо всякого аппетита ковыряясь вилкой в тарелке с солянкой (квашеной капустой, тушенной с белыми грибами). Я к этому яству тоже не притронулась, тролль же наворачивал за троих. Его прожорливость с честью выдержала испытание трупам и уж тем более не страдала от воспоминания о брошенном в капусту огрызке. – Но селу уже расплзлись слухи, будто это моих рук, то есть зубов, дело. Дескать, мой интерес к прекрасному полу носит еще и гастрономический характер...

Я сочувственно покивала. Сегодня утром я случайно подслушала, что не только летаю, но и плаваю в гробу, а вместо весла у меня – «кобылья лопатка, сама воду гребет, волну гонит...». При мне селяне помалкивали, но косились с таким священным ужасом, что становилось неловко.

– Госпожа ведьма... – Ховел изумленно выудил из солянки жесткий черный волос и, не оценив этот уникальный ингредиент, брезгливо отбросил его в сторону. – Что, если я попрошу вас заняться еще и этим делом? За дополнительную плату, разумеется?

– Не надо...

Господин Залесский окончательно сник и забормотал, что да, он все понимает, это и впрямь очень опасное задание, не всякому мужчине по плечу, и поручать его такой хрупкой и очаровательной женщине просто неприлично, если не сказать убийственно...

– Просить не надо, – перебила я. – Я и так им уже занимаюсь.

Вал вытаращил на меня глаза, и я поспешно добавила:

– Но насчет дополнительной платы я ничего против не имею!

– Угу, – поддакнул наемник, – нам с напарницей любую нежить уделать – раз плюнуть!

Я украдкой показала ему кулак, но смутить тролля, учуявшего запах денег, было невозможно. Помнится, лет десять назад северные провинции Белории наводнили степняки – косоглазые орки на мелких лохматых лошадаках, с ятаганами и завываниями навещавшие приграничные селения на предмет быстрого обогащения. Дошло до того, что селяне стали требовать у налетчиков расписки для предъявления конкурентам, которые вполне могли заявиться в ту же деревушку спустя какой-то час после отъезда предыдущей ватаги. Расписки орки, хоть и неохотно, давали. По причине неграмотности – в виде трех крестиков и грубо намалеванного кулака, – но селян, тоже не шибко обремененных образованием, они вполне устраивали.

В конце концов нашему тогдашнему королю надоело получать эти

писульки вместо податей и он, прихватив регулярную армию, нанес оркам ответный визит вежливости. Такого вероломства с нашей стороны они не ожидали и, не приняв боя, бросились «наступать в противоположном направлении», всем скопом укрывшись в единственной на всю степь крепости. Кстати, очень качественно укрепленной, с высокими неприступными стенами и толстенной дверью. Три недели раздосадованные люди, эльфы и гномы злобно кружили возле крепости, обогащая лексикон противника замысловатыми ругательствами на трех языках и заодно выучивая оркские, но иного прогресса в осаде не наблюдалось. Пока не подросли тролли-наемники. Прочувствованно-вдохновляющую речь короля они выслушали, зевая и почесываясь, пока тот не объявил, что за взятие крепостной двери им тут же выплатят по сто кладней. Так они ее с разбегу без тарана и снесли...

— Ну? – иронически поинтересовалась я, когда Ховел, устав меня благодарить, вышел из столовой. – И как ты собираешься ее уделывать? Неужели и впрямь одним плевком на месте положишь – чесночку там пожевав или святой водички хлебнув? А что, может сработать. Отвлечешь по крайней мере.

– Может, травануть ее чем? – Вал подозрительно заглянул в кружку, понюхал ее содержимое и, решившись, осушил одним глотком.

– Разве что ты за хвост поддержишь, а я клизму с ядом поставлю. Иначе никак – если помнишь, последнюю пару дней она увлекается лечебным голоданием. Нет, лучше засаду устроить.

– А что, эта тварь только человечину жрет? – Тролль ткнул ножом в блюдо с колбасой, наколов три кружка разом.

– Нет, пару месяцев может обходиться другой пищей, даже растительной. Но потом неизбежно ослабеет и погибнет.

– Так, может, просто подождем? – цинично предложил наемник. – Либо она сама лапы откинёт, либо проголодается и отраву схарчит!

– Или от старости околеет, – поддакнула я. – Не валяй дурака, напарничек, надо прикончить ее как можно скорее. Этой же ночью и займемся. Главное, хорошенько все продумать – второй попытки, боюсь, у нас не будет.

* * *

Ховел распахнул дверь по первому же стуку, встретив меня в синем

шелковом халате, с тщательно уложенными волосами и алой розой наперевес, но его обворожительная улыбка тут же угасла – в комнату, бесцеремонно отпихнув его с дороги, шагнул Вал. Удивленно приняхавшись, тролль сморщил нос и раскатисто чихнул:

– Чем это здесь смердит, а?

На столе горела витая ароматическая свеча, стояли два высоких бокала и откупоренная бутылка вина.

– Вал, открой окно, – попросила я, гася свечу и заменяя ее пульсаром. – Господин Залесский, я же предупреждала, что навещу вас исключительно с целью поимки нацыги, а вы что тут устроили? Навоняли какой-то дрянью, у меня виски теперь ломит, как же я колдовать буду?

Ховел смутился и поплотнее запахнул халат.

– У вас уже есть план?

– Да. Мы посидим здесь до полуночи, а потом одинокая беззащитная девушка спустится вниз по лестнице, пересечет двор и неспешным прогулочным шагом пойдет к деревне, любуясь звездами и нюхая цветочки.

– А чем она собирается заниматься до полуночи? – проворковал Ховел, вновь обретая надежду.

– Да уж явно не окучиванием и без того развесистых рогов вашей дражайшей супруги, – фыркнула я. – Удивляюсь, как их еще на портретах не рисуют – для пущего сходства... Впрочем, попробуйте предложить этой отважной девушке пяток-другой кладней, может, она и согласится?

– Цыпа, ты чего?! – неподдельно возмутился тролль. – Совсем сбрендила?

– Почему бы и нет? Ты же сам говорил, что неприличных работенок не бывает. Главное, никому о них не рассказывать, – вкрадчиво напомнила я, предусмотрительно держась подальше от его тяжелой и уже занесенной лапы.

– А вам-то что за дело, любезный? – Судя по алчному блеску Ховеловых глаз, над казной госпожи Залесской в очередной раз нависла угроза растраты.

Тролль широко осклабился и вытащил из кармана парик, без зазрения совести позаимствованный нами из комнаты отсутствующей хозяйки. Энергично встряхнул, подняв облачко приторно пахнущей пудры, критически изучил на вытянутой руке.

– Мне-то как раз и дело, потому что одинокая беззащитная девушка – это я, а цыпа будет красться следом!

Ховел, уже позвякивавший монетками в кармане, поспешно отпрянул назад и, не оценив шутки, обиженно насупил.

Мы с Валом на всякий случай обшарили комнату, но ни в шкафах, ни под кроватью затаившихся нацыг не обнаружили. Не слишком огорчившись, я заперла дверь, а тролль снял куртку и прямо поверх кольчужки натянул веселенькое платье в мелкий цветочек (наученная горьким опытом, я не стала обещать кухарке вернуть его в целостности и сохранности, а сразу сунула женщине пару серебряных монет). Не сказать, чтобы оно оказалось как по Валу сшито, но ширина успешно перешла в длину, и движений оно не стесняло.

Ховел крутился вокруг, причитая:

– Какой позор! Неужели она поверит, что я мог польститься на... такое?

Прямо сказать, при близком рассмотрении юной прелестницы нацыгу могло и стошнить. Девица из Вала вышла да редкость непривлекательная – высоченная, сутулая и горбатая из-за висящего за спиной, под платьем, меча. Особую пикантность образу придавала небритая, паскудно ухмыляющаяся тролля рожа в обрамлении длинных светлых локонов.

– Ховел, прекратите ныть! – не выдержала я. – Какая вам разница, что подумает о вас нацыга? Или вы и ее вознамерились пригласить на романтический ужин при свечах? Если вам так уж хочется стенать, делайте это сладострастно, пусть нацыга не сомневается в царящем за дверью разврате!

Но сладострастно стенать Ховел отказался наотрез, и убеждением нацыга пришлось заняться мне. Вал, распускавший ворот платья до неприличной глубины, чтобы тот не мешал выхватывать меч, на минутку замер, прислушался и задумчиво изрек:

– Ну, ранней весной под окнами такие вопли – обычное дело, но посередине лета и испугаться недолго – то ли режут кого, то ли душат...

Я обиженно замолчала. Окно, кстати, на всякий случай закрыла. Запах уже выветрился, и мне не хотелось привлекать излишнее внимание нежити одиноким пятнышком света. Сомневаюсь, конечно, что в него с зубовым скрежетом ринутся «сотенные косяки нетопырей», но у большинства ночных тварей тонкий слух и острые когти, вполне пригодные для карабканья по отвесным стенам. Хотя бы из чистого любопытства, а там – кто знает...

– Ну что, цыпа, готова? – Тролль в последний раз одернул платье и шагнул к двери. У меня предательски заныло внизу живота.

– Рановато еще. До полуночи больше часа осталось.

– Ничего, погуляем, свежим воздухом подышим, покуда дождь не хлынул. Глянь, какая там темень, а ведь луна едва на убыль пошла. Добрые

люди уже десятые сны смотрят, и нацыге, поди, тоже мокнуть неохота. Давным-давно небось у крыльца слоняется, на небо поглядывает и Ховела костерит.

– Ладно, – обреченно вздохнула я. – Открывай. Будем надеяться, она не заставит нас бродить вокруг села до рассвета, изображая не просто одинокую, но и больную на голову девушку. А потом селяне будут взахлеб рассказывать друг другу о кривоногой умертвии в саване, предвещающей – кто бы сомневался! – очередную гадость вроде курьего мора...

– Или парочки шишек на рыжей башке одной чересчур языкатой ведьмы, – не остался в долгу тролль, отодвигая щеколду.

* * *

...Не заставила. Как только Вал распахнул дверь, навстречу ему метнулась тень с горящими глазами. Все, что он успел, – пнуть ее ногой, не подпуская к голове, и тварь, увернувшись, рванула его зубами за бедро, в две борозды распахав плоть до кости. Заметив (точнее, услышав) обман, нацыга оставила упавшего тролля и кинулась ко мне. У меня с реакциями оказалось еще хуже. Я не успела опомниться, как очутилась на полу. В грудь упирались две когтистые лапы, жаркое дыхание отнюдь не было смрадным, но удовольствия все равно не доставляло.

«Эх, зря я не согласилась на кастет...» – тоскливо подумала я. Нацыга распахнула черную пасть, среди белоснежной россыпи клыков шевельнулось влажное жало языка.

«Отпусти меня, ведьма», – беззвучно толкнулось в виски.

Я так опешила, что даже не попыталась пнуть ее в живот, хотя уже согнула ногу.

«Отпусти-и-и...»

В следующее мгновение тяжесть на груди исчезла, раздался треск ломающегося дерева, потом приглушенный звон осыпающихся на подоконник осколков. Я торопливо перевернулась на живот, приподнялась на руках и помотала головой, стряхивая наваждение. Огляделась. Нацыги в комнате не было, сквозь неровную дыру в ставне струился голубоватый лунный свет. Из-под кровати торчали дрожащие Ховеловы пятки. Вал скорчился у стены, безуспешно пытаясь зажать рану. Из расплосованного бедра хлестала кровь, черной лужей расплзаясь по полу. Плюнув на удравшую тварь, я поспешила ему на помощь, даже не глянув в окно. Все

равно вдогонку не брошусь, да и она вряд ли тем же путем вернется.

За время моего «поединка» с нежитью Вал не проронил ни звука, даже не позвал на помощь, отлично понимая, что я нуждаюсь в ней не меньше. Зато уж теперь оторвался по полной программе! Живым родичам нацыги безудержно икалось, а покойные ворочались в гробах!

– Ты не мог бы потерять сознание? Или хотя бы немного помолчать? – не выдержала я. – Сосредоточиться мешаешь!

– Может, мне вообще помереть? – искаженным болью голосом огрызнулся тролль. – А-а-а! У!

– Все уже, все! Хорош вопить. – Я потерлась лбом о собственное плечо, смахивая капельки пота. – Тебе какое заклинание больше нравится – кровоостанавливающее или обезболивающее?

– ... первое!.. – За исключением этого слова пространный ответ для летописей не годился.

– Тогда какие претензии? Оно тебе и досталось!

Остальное было делом техники – стянуть края раны, спаять и наложить повязку. Тут мне на помощь пришли две служанки, робко заглянувшие в приоткрытую дверь. Испуганно поохав, они притащили ведро воды и охапку выглаженных льняных бинтов, которых вполне хватило бы обмотать тролля с годовой (что девицы, увлекшись, чуть было и не проделали). Им не терпелось узнать, что же здесь произошло, но я отделалась общими фразами, не желая признаваться в позорном провале засады. Ничего, сами додумают, не впервой. Или хозяина расспросят.

Оставив служанок выманивать Ховела из-под кровати, я проводила Вала на сеновал. Зеленовато-бледный, пошатывающийся тролль пренебрежительно обозвал рану царапиной и в доме ночевать отказался. Как и от моей поддержки, так что пришлось сделать вид, будто это не я, а он составил мне компанию.

Дождь так и не собрался, луна то и дело выглядывала из разрывов угольно-черных туч. Я попыталась было осмотреть землю под окном, но ничего, кроме посверкивающих осколков, разобрать не смогла. Примерно в таком же состоянии находились и мои мысли – обрывочные и перепутанные, но не дающие покоя, как мельчайшие хрустальные занозы под кожей.

Такое ощущение, что она знала о засаде. Знала – и все равно пришла. Почему?

Я прислушалась и различила далекий хриплый и тоскливый вой. Похоже, не я одна растерянно топталась в тупике...

* * *

Утро началось с жуткой ссоры. Камнем преткновения стала манная каша, собственноручно, пусть и не слишком удачно (но ведь главное – внимание, верно?) сваренная мной для злосчастной жертвы нацыги. Троль удивленно понюхал это диетическое яство и осторожно поинтересовался, уверена ли я, что нацыга добровольно согласится отведать приготовленную для нее отраву. Я возмутилась и открыла истинное предназначение буроватой массы в тарелке, после чего возмутился уже Вал, и каша, щедро наложенная с горкой, без комментариев оказалась у меня на голове.

На больных не обижаются (по крайней мере, с применением грубой магической силы), а как только я, кипя праведным гневом, выскочила с сеновала во двор, все эпитеты в адрес неблагодарных троллей мигом вылетели у меня из головы. У забора под рябинкой ничком лежало тело – на сей раз мужское, в драной на локтях рубашке, замусоленных штанах и почему-то только одном лапте на босу ногу.

Кинувшись к трупку, я рывком перевернула его на спину... и отпрянула, сраженная мощным сивушным духом. Перевернутое тело протестующе замычало, разлепило глаза и, удивленно икнув, попыталось отпугнуть злого духа в обрамлении каши путем предъявления оному исчадию двух кукишей разом. Эффекта сие не возымело, дух разозлился еще больше, но, помня предыдущий опыт, не спешил облагодетельствовать бедолагу экстренным похмельем.

– Ты кто такой? Что-то я раньше тебя здесь не видела.

– А я... этга... кучер! – гордо объявило тело. – А раньше я в корчме со свояками гулял, покуда не того... этого... ых!

Видимо, подразумевался финансовый кризис и последующее раскачивание с выкидыванием за порог.

– Как кучер? – ошеломленно переспросила я. – А кто же хозяйку к тетке повез?

– А она... ик!.. одна поехала... – Кучер перевернулся на другой бок и, подложив ладони под щеку, громко и раскатисто захрапел, дабы больше никто не перепутал его хмельной покой с вечным.

На глаза начала оползать каша, но я, поглощенная более важными мыслями, машинально стерла ее рукой, не двигаясь с места. Интересно, с чего бы это госпожа Залеская взяла моду раскатывать по лесу в одиночку? Конечно, судя по рассказам, эту бабу никакое лихо не возьмет, но где это видано, чтобы знатная дама сама правила лошадьми или открывала дверцу

кареты? А может, она и не собиралась кому-то показываться? Спрятать лошадей в лесу не так уж трудно, главное, миновать Ховелов кордон с голубками. Он довольно далеко от дома, но, как говорится, «для бешеной собаки семь верст не крюк». Для быstroногой нацыги тем более. Но поверить, что это госпожа Залесская, я по-прежнему не могла. Нацыги ведут кочевой образ жизни, на одном месте больше полугода не задерживаются. За тридцать пять лет она бы уже все окрестные села опустошила!

– Госпожа ведьма, у вас все в порядке? – робко поинтересовалась белобрысая помощница кухарки, тащившая к выгребной яме корзину с картофельными очистками.

– Что? Да, конечно, просто задумалась. – Я, сморгнув, тряхнула головой, возвращаясь к реальности.

– То-то я гляжу – аж мозга проступили, – глубококомысленно заметила девчонка, не торопясь продолжать намеченный путь. Яма все равно никуда не денется, а тут такое зрелище!

Спohватившись, я запоздало обнаружила, что «мозги» не только проступили, но и стекли на спину и плечи. Белобрысая тоненько хихикала, прикрывая рот ладошкой. Я вздохнула и поинтересовалась:

– На кухне найдется немного горячей воды?

– С утречка целый чугунок в печи стоял, да только тетушка посуду мыть собиралась, может, всю уже и извела.

– Пойдем-ка проверим, – предложила я, подкидывая на ладони мелкую монетку.

– Щас, только мусор выкину! – пообещала девчонка и со всех ног припустила к яме.

* * *

Торопились мы зря. Посуду еще не мыли и, похоже, вообще не собирались (видимо, рассчитывали, что успеют это сделать за час после прилета голубка). Она громоздилась на столе чуть ли не до самого потолка, для вящего колорита не хватало только оплетающей ее паутины. Упитанный, короткопалый, но на удивление проворный котенок гонял по полу звенящую крышечку от солонки.

Девчонка выволокла на середину кухни старую, разохшуюся у краев бадью, отодвинула заслонку печи и увлеченно зашуровала в ней ухватом.

Котенок, выбрав новую цель, с грозным мявом атаковал обутую в лапоть ногу.

– Рысь, отстань! – Служанка досадливо тряхнула ногой, и упрямый котенок вместе с лаптем укатился к стене, так и не разжав коготков.

– Мелковат он что-то для Рыси, – усмехнулась я.

– Так старого кота звали, – вздохнула белобрысая, осторожно наклоняя тяжелый чугунок и переливая часть кипятка в ведро с колодезной водой. – Уж тот здоровенный был, не поднять! Да только месяц назад запропастился куда-то, а этому все никак имя не придумаем, так, видать, Рысем по старой памяти и останется...

После совместных десятиминутных усилий нам удалось отскрести кашу с головы – по ощущениям, вместе с четвертью шевелюры. А еще говорят, кашу маслом не испортишь! Один к одному, наверное, все-таки многовато...

Отжав волосы полотенцем, я встряхнула головой, и к потолку с шипением рванулось облако пара. Разом высохшие пряди пышной гривой рассыпались по плечам. Девчонка так и села с открытым ртом, я же лишь недовольно поморщилась, приглаживая вставшую дыбом челку. Голова чесалась, волосы потускнели и кое-где сбились в колтуны, но у меня не было времени ждать, пока они высохнут самостоятельно.

Совершенно не надеясь на удачу, я еще раз наведальась под разбитое окошко. И досадливо стукнула кулаком по ладони – следы оказались тщательно затерты. Кто-то вооружился разлапистой еловой веткой и добросовестно шуровал ею до самых ворот, а за ними дружным строем промаршировали все окрестные коровы. Что самое обидное – мое окно выходило на ту же сторону, и ранним утром я слышала какой-то шелест, но решила, что это подметают двор. Ну что мне стоило распахнуть ставни и вежливо поздороваться со второй ипостасью нацыги? Или без лишних церемоний сбросить ей на голову ночной горшок? Чугунный, на месте бы уложил...

Увидев меня с седлом в руках, Смолка облегченно фыркнула и охотно подставила бок (затягивая подпругу, я мрачно подумала, что за потраченные на гробы деньги я могла бы купить новое седло, а не выпрашивать у конюха эту рухлядь).

За воротами я сразу пустила лошадь вскачь, и пять верст мы пролетели чуть ли не быстрее пресловутых голубков. До их заставы госпожа Залесская добралась без задержек, а значит, и нам не стоило попусту тратить время.

Проехав развилку, я сбавила ход. Спешилась и полушутя-полусерьезно

приказала:

– Давай ищи!

Смолка понятно сверкнула на меня желтым глазом и неспешно пошла вперед, обнюхивая придорожные кусты. Я занялась второй обочиной. Кобыла у меня любопытная, мигом замечает все необычное и прекрасно чует магию. Но, в отличие от обычных лошадей, ничего против нее не имеет, позволяя хозяйке колдовать буквально у нее над ухом.

На сей раз повезло мне. В засохшей грязи обнаружился четкий след изящной дамской туфли на высоком каблуке, провалившемся по самую подошву. Заостренный нос указывал на непролазный с виду малинник пополам с крапивой. Вряд ли госпожа Залесская вздумала справлять нужду в столь неподходящем месте или полезла туда за грибочком. Кусачие заросли отбивали всякую охоту следовать ее примеру, но я повела рукой, и кусты послушно раздвинулись. За ними оказалась маленькая круглая полянка с примятой травой странного серовато-зеленого цвета. Ощутимо пахивало гарью.

Сорвав парочку травинок, я обнаружила, что они покрыты тонким слоем пепла, словно кто-то старательно разгреб по поляне прогоревшие дотла угли. Вот только кострища в центре не было, зато ближе к краю сохранилась кучка пепла правильной треугольной формы, размером с ладонь. Я подобрала одну щепотку и задумчиво растерла ее между пальцами, вслушиваясь в едва слышный хруст. Понюхала. Попробовала на вкус и тут же брезгливо сплюнула. Терпеть не могу дилетантов, которые тупо следуют книжным указаниям, не зная принципов работы заклятий. Таким напиши – отрежу палец и брось в котел, отрежут и бросят! Хотя вполне хватило бы его просто туда обмакнуть. Впрочем, могло быть и хуже. Намного хуже...

И тут за моей спиной тревожно всхрапнула Смолка. Я глянула на нее и тут же повернула голову обратно – кобыла, ушки на макушке, напряженно всматривалась в кусты через мое плечо. Меч словно сам собой очутился в судорожно стиснутой ладони. Пока что, впрочем, я никого не видела. Смолка, кажется, тоже. Черные ушки чутко и безостановочно поворачивались в разные стороны, делая чуть ли не полные обороты. Тишина не понравилась лошади еще больше встревожившего звука. Набывчившись, она начала приплясывать на месте, перейдя на гортанное рычание вперемежку с гадючьим шипением. Насколько я знала свою лошадку, означало оно примерно следующее: «Я, конечно, сильная, грозная и смелая... но не пора ли нам драпать отсюда?»

– Не пора, – негромко ответила я. Кусты вспыхнули высоким ровным

пламенем, не сжегшим, а словно растворившим ветки. Не осталось даже пепла – только жаркое марево в узком коридоре над оголённой землей. Кусты по его краям грустно повесили опаленные, сморщенные листочки.

Я ее не убила. Даже не задела. Но настроение явно подпортила. Одна из веточек качнула макушкой без помощи ветра, чуть поодаль – другая. Ну и нахальная же тварь! Она уходила, но демонстративно не торопилась, зная, что гоняться за ней по кустам я не стану. Или наоборот – надеялась, что погонюсь?

– Делать мне больше нечего, – вслух сказала я. День уравнил наши шансы на победу, но даже обычный волк в засаде куда опаснее дракона в чистом поле. Внезапно прыгнет на спину – и тогда мне придется употребить гроб по назначению.

«Ну так и проваливай отсюда», – с нескрываемой досадой огрызнулся беззвучный голос.

– Что? – растерянно переспросила я.

Нацыга любезно пояснила, куда именно мне надлежит провалиться и как туда пойти, но выслушивать ответные пожелания не стала. Ветки дрогнули в последний раз, кобыла еще немного поворчала и постепенно успокоилась.

Я с трудом удержалась от соблазна броситься за ней вдогонку. Да кто же она такая? И что ей от меня надо? Играет, как кошка с мышкой – вчера отпустила, сегодня снова вышла на охоту. Хорошо, что я Смолку с собой прихватила. Иначе кто знает – не собиралась ли эта тварь подобраться ко мне на расстояние прыжка?

Представив плачевный результат, я поежилась и поспешила вскочить в седло. Нет, это определенно не госпожа Залесская. Она задержалась на полянке всего лишь на часок-другой, а потом поехала дальше. А вот чем она тут занималась, мне еще предстояло выяснить,

* * *

Вал поджидал меня во дворе, устроившись на лавочке возле прогретой солнцем стены. Извиняться передо мной он, разумеется, не собирался. Признаваться, что мое длительное отсутствие его встревожило, – тоже. Но я успела заметить, как прояснилась его хмурая физиономия, когда Смолка играючи перемахнула через двухаршинный забор.

Расседлав кобылу и сдав ворчливому конюху казенное имущество, я

подошла к напарнику, села рядышком и как ни в чем не бывало дружески поинтересовалась:

– Ты как?

– Бывало и хуже. – Наемник сощурился на стоящее в зените солнце, с кряхтением распрямил раненую ногу. – Не нравится мне это, цыпа. Вечером дверь была заперта изнутри, я проверял. В окно она вскочить не могла, на ночь прислуга закрывает ставни. Значит, ее впустил кто-то из домашних.

– Или в дом ведет потайной ход.

– Нет, я бы знал. Ховел мне еще в том году план дома показывал, со всеми входами-выходами. Ты-то где шлялась?

– Инспектировала бдительных голубков. Заодно с нацыгой парой слов перекинулись.

– И? – оживился тролль.

– Она вещала из кустов, так что мы ограничились обменом нелюбезностями.

– Ну хоть голос узнала?

Я машинально запустила пятерню во встрепанные волосы и намертво увязла в первой же пряди. Каша на пару с магией сделала свое черное дело – воронье гнездо на затылке было проще состричь, чем расчесать.

– Это не голос в прямом смысле слова. Какая-то разновидность телепатии, передающая интонации, но не тональность.

– И что, совсем никого тебе не напомнил?

– Напомнил. – Я по примеру тролля привалилась спиной к теплой стене и закрыла глаза. Безумно хотелось спать, завалиться в постель с обеда и до следующего утра, повесив на двери табличку «Нацыгам вход воспрещен». – Тебя. Семь слов было на тролльем, три – на гномьем и несколько предлогов из Всеобщего. Повторять не буду, поберегу для нашей следующей размолвки.

– А может, она и принимает облик тролля? – предположил Вал.

– Или частенько закусывает наемниками, – мрачно поддакнула я, не открывая глаз. – Их все равно никто не хватится, на той неделе был – а на этой дракон слопал и безутешным родственникам сообщить не удосужился.

– Выходит, зря я платье напяливал? Хватило бы веточки петрушки за ухом? – фыркнул наемник.

– Ах да, – спохватилась я, – держи!

Тролль удивленно повертел в руках растрепанный букет из невзрачных трав с мелкими цветками.

– Слышь, цыпа, ты, конечно, на морду ничего и все такое, но я с

коллегами шашней не завожу, и не проси... Сходи вон к Ховелу, он тебя и без венника примет!

– Дурак, – обиделась я, – это антинацыговый сбор! Вороний глаз, живокость пурпурная, очиток собачий, три вида зверобоя и кольчужница сумеречная. Специально для тебя собирала!

– И что я с ним должен делать?

– Часть раскидаешь у порога сеновала, а из остального сплетешь венки и на ночь наденешь на шею.

– Пусть лучше меня нацыга сожрет. – Вал решительно сунул букет обратно мне в руки. – Ты бы мне еще ту свечу смердючую на грудь присобачить посоветовала! И с чего ты взяла, что нацыга заявится именно на сеновал? На кой я ей сдался, ежели она нынче постится? Нет, цыпа, ко мне она как раз больше не ползет, вывела из строя – и ладно. Я же всего лишь наемник, а не ее кровный враг. Кто мне заплатил, на того и работаю. Хоть бы и на ту же нацыгу, если она прежде Ховела подсуется.

– Верно, – медленно повторила я, – ты всего лишь наемник... ничего личного... Слушай, а это идея!

* * *

Худенькая застенчивая служанка честно пыталась оттереть библиотечную русалку от заново осевшей пыли, но злосчастная статуя приобретала все более унылый вид. Тянущиеся за тряпкой полосы напоминали боевую раскраску гномов, призванную если не напутать, то хотя бы рассмешить врагов и тем самым временно вывести их из строя.

Я немножко понаблюдала за этим гиблым делом, потом спокойно поинтересовалась:

– Может, примешь свой истинный облик?

Девушка медленно обернулась, подняла голову, и я впервые увидела ее глаза. Бледно-зеленые, фосфоресцирующие, с вертикальными щёлками зрачков.

– Как ты догадалась? – сорванным, измененным голосом прорычала она.

– Никак. Ты шестая, кому я задаю этот вопрос. И первая, кто не покрутил пальцем у виска.

Нацыга – уже нацыга – досадливо лязгнула клыками и вздыбила загривок.

«Что ж, ты сама напросилась».

– Если бы ты могла меня убить, то сделала бы это вчера.

«Сегодня у меня нет выбора. А если я прихвачу тебя с собой, будет не так обидно».

Беззвучно надвигающаяся нацыга во всей красе белоснежного оскала могла испортить настроение кому угодно. Но я не торопилась обнажать меч.

– Эта? – Я подняла раскрытую книжку за краешки черного переплета, как бабочку за крылья, обложкой к себе. Между взъерошенными страницами зародилось голубоватое сияние, тварь зашипела и попятилась. – Это ты подсунула ее на полку, выкрыв из комнаты госпожи, верно? Но открыть и прочесть не смогла, настоящие колдовские книги опечатываются заклятиями от нежити. А вот я в кои-то веки с интересом ее пролистала и кое-что обнаружила...

Честно говоря, долго листать не пришлось. Книжка сама открылась на нужной странице, как, видимо, десятки раз до этого. Заклятие Тамеллы, редкостная дрянь – нестабильное, многокомпонентное, на сдвоенной пентаграмме, к которой профессионал и на версту не подойдет. Удобнее всего работать с треугольником, обычная пентаграмма или гексаграмма еще куда ни шло. Как ни странно это звучит, но чем сильнее маг, тем проще кажутся его заклинания. Так, впрочем, в любом ремесле – опытный сапожник, нарисует выкройку одним движением руки, не отрывая мелок от куска кожи, а подмастерье будет возиться битый час и в результате изобразит нечто вроде перекошенного лаптя, при виде которого заказчика хватит инфаркт.

– Я хочу знать, что именно тебе приказали. Дословно, Тварь недоверчиво прижала уши, облизнулась.

«Неужели ты все-таки решила мне помочь?»

– Не тебе. Но решила.

«Не покидать пределов двора. Не трогать постоянных обитателей дома и его гостей. Уничтожать женщин, посягнувших на хозяина. Ослушание – смерть».

– Ясно, – буркнула я, переворачивая книгу текстом к себе. Сияние тут же угасло. – Так, что тут у нас...

Если сапожник, отпоив заказчика водичкой и вернув ему задаток, просто-напросто выкинет испорченную кожу и возьмет новый кусок, то мне пришлось в точности повторить действия госпожи Залесской, чтобы добиться полного контроля над чужим заклятием. Ну, не совсем в точности, но ведь от вольного пересказа смысл текста не меняется, верно?

Нацыга удивленно и подозрительно следила за моими манипуляциями, крутясь на месте с боязливо поджатым хвостом. Сначала я обошла комнату слева направо, заунывно, со скучающим видом зачитывая вступление к обряду, написанное вверху страницы. Что-то там про «тлен к тлену, плоть к плоти, в огороде лебеда, а в лесу упырь». Полная ерунда в общем, необходимая лишь для концентрации внимания. Я в этом не нуждалась, но на всякий случай повторила. Мало ли что, вдруг госпожа Залесская, сама того не зная, сделала какую-то строку ключевой, искренне веря в ее силу. Потом я пошла обратно, щедрой рукой рассыпая вокруг себя овес, позаимствованный из Смолкиного корыта. Собирать при ущербной луне семена тринадцати луговых трав я поленилась. К тому же уборочную кампанию надлежало проводить в вывернутом наизнанку тулупе на голое тело, а обратно возвращаться задом наперед и на четвереньках (хотела бы я посмотреть на госпожу Залесскую во время этого мероприятия!). Увы, моя репутация среди селян и так оставляла желать лучшего, поэтому сгодился и овес.

Пришел черед пентаграммы. Поднять руку на Рыся-Два я не посмела и после долгих поисков обнаружила в кустах его давно почивший аналог. Порошочек вышел с душком, да и куртка у меня теперь как-то странно пахивала, а ужин прошел в обстановке подозрительного принюхивания. Под конец Ховел даже велел служанке взять свечу и обойти столовую в поисках издохшей где-то крысы. Я старательно делала вид, что ничего не чувствую, но, кажется, мне не поверили. Вал так вообще на другой конец стола пересел... хорошо хоть от комментариев воздержался.

Размер пентаграммы не имел особого значения. Главное – сохранить пропорции книжного рисунка. Сначала я начертила ее мелком на полу, потом присыпала линии порошочком и тщательно выровняла ножом черные треугольнички углов. Встала в центре, как раз поместившись. Закрыла глаза, обхватила себя руками за плечи, прижав книгу к груди, и, беззвучно шевеля губами, начала по памяти читать заклинание. Не дословно, пропуская по две-три строчки или по ходу добавляя новые. Стихотворную середину, написанную кровью, я вообще проскочила. И палец надрезать не стала, напротив — хорошенько убедилась, что на руках нет свежих царапин, а на одежде – засохших пятнышек крови, своей или чужой. Незачем дразнить, потом захочешь – не отвяжешься.

Комната, несмотря на два канделябра с горящими свечами, начала погружаться в сумрак. И одновременно проявляться сквозь закрытые веки. В углах шевельнулись серые тени, лохматыми дымками поползли к пентаграмме и закутились вокруг меня по восходящей спирали, не смея

пересечь границ невидимого столба со звездчатым основанием. Я инстинктивно втянула голову в плечи, поджала локти. Н-да, надо было пошире начертить, не халтурить. Но чем размашистее пентаграмма, тем больше погрешность заклęcia и сложнее контролировать потоки силы.

А лезло из нее – ого-го! Третий уровень, не ниже. В дыму стали мелькать черные пиявочные тела, послышалось вкрадчивое, леденящее кровь шипение, невнятные шепотки, надрывное поскуливание. Фанатичного некроманта-самоучку они ввели бы в благоговейный экстаз, но лично я не получала от них никакого удовольствия. Потому что слишком хорошо знала, чего от них ждать. Да, обратиться к черной магии проще всего, тут даже дара особого не надо. Беда в том, что она запросит за так любезно предоставленную силу...

И если госпожа Залесская опрометчиво шагнула в заманчиво распахнутую дверь, мне вполне хватило заглянуть в окошко.

Черные твари меня не видели, но чуяли, и это их заметно раздражало. Показалась ощеренная безглазая морда, посопела, поскоблила зубами по защитному столбу и разочарованно отвильнула в сторону. Нет, дорогие мои, ничего мне от вас не надо, а значит, и даров не предвидится...

Впрочем, просто стоять и любоваться я тоже не собиралась. Пентаграмма, не получив крови, выпивала мою магическую силу с жадностью замороженной лошади, дорвавшейся до ведерка с водой. Я торопливо покрутила головой, выискивая нацыгу, Ага, вот и она. В преломлении пентаграммы все предметы реального мира казались размытыми и колеблющимися, вокруг живых существ возникало неяркое свечение, нацыга же выглядела как сгусток тьмы, окутанный тончайшей алой сетью. Сложив пальцы щепотью, я метнула в нее белую искру – одну-единственную, но и еехватило с лихвой. Сеть вспучилась, полыхнула и разлетелась на сотни быстро тающих клочьев.

Крошка хлеба, брошенная в кишаций мальками пруд, не вызвала бы большего ажиотажа. Твари рванулись ко мне со всех сторон, разозленные не столько результатом внезапной атаки, сколько наглостью невидимой ведьмы. А кому было бы приятно, если бы какой-то шутник, проходя мимо окошка корчмы, метко плюнул через него в тарелку с супом одного из клиентов? Разумеется, вышибалы с яростными воплями бросились вдогонку, но так и не опознанный мерзавец свернул за угол и был таков.

Я открыла глаза. Представляю, как они там сейчас распутываются! Ничего, пошипят немного и успокоятся! Им-то я никакого ущерба не нанесла, а суп клиент уже оплатил, так что пусть сам с нахалом разбирается. Если рискнет, конечно.

Нацыга стояла на том же месте, все так же выжидательно таращась на меня. Теней она не видела, звуков не слышала, да и прошло не больше минуты. Поди теперь докажи, что действительно колдовала, а не вздремнула стоя! Впрочем, что-что, а производить впечатление на клиентов я умела...

Над пентаграммой всколыхнулось зеленое пламя, нещадно чадя и источая печально знакомый запах.

– О, силы тьмы, зла, смерти и хаоса! Взываю к вам! – с чувством провыла я, возводя глаза к потолку. Сил тьмы и иже с ней там не наблюдалось, но я все равно изобразила неподдельный восторг от успешной зывания. – Слышите ли вы свою презренную слугу?

Силы слышали и даже проревели в ответ что-то одобрителное. Звуковыми иллюзиями я тоже владела в совершенстве. Нацыга внимала не менее благоговейно, чем какой-нибудь селянин в темной палатке ярмарочной гадалки.

Наклонившись вперед, я резким движением выдернула у нацыги ус. Ошеломленная тварь только взвизгнула, даже не попытавшись отпрянуть или цапнуть меня за руку. Сосредоточенно поплевав на ус, я величественным жестом бросила его в огонь.

– Кровь к крови, тлен к тлену! Как волос дымом, и заклятие прахом!

Запах не то чтобы усилился, но приобрел настолько мерзопакостный оттенок, что только профессиональная гордость не позволила мне броситься вон из комнаты, зажимая нос. Нацыга тоже как-то подозрительно взгрустнула, сведя глаза в кучку и судорожно сглатывая. «Хорошего помаленьку», – торопливо решила я и, сделав еще несколько пассов (от которых содрогнулись шкафы и словно бы невзначай распахнулись ставни), поскорее завершила «обряд». Огонь угас, напоследок выплюнув тройную порцию дыма.

– Все, – гордо сказала я, с небрежным видом разгоняя дым книгой. – Заклятие снято!

Уж и не знаю, чему нацыга обрадовалась больше – вождеденной свободе или свежему воздуху. Больше не обращая на меня внимания, она развернулась к окну, изготовившись для прыжка.

– Не так быстро. – Я звучно захлопнула книгу, и она черной пылью развеялась у меня в руках. – Уж не думала ли ты, что я так просто отпущу на волю кровожадного монстра? Теперь ты подчиняешься мне, тварь!

От злобного шипения заложило уши, нацыга разозленной кошкой прижала уши и сгорбила спину, когтями впиваясь в доски от бессильной ярости.

– И с тем повелеваю, – невозмутимо продолжала я, – убирайся отсюда! Чтобы духу твоего... вашего... через минуту здесь не было! И не смейте возвращаться ни для охоты, ни для мести. Ослушание – смерть.

Нацыга неожиданно оскалилась-ухмыльнулась, приглаживая вздыбленную шерсть.

«А ты умнее, чем кажешься».

– Стараюсь, – с непроницаемым лицом парировала я.

«Хорошо... Этот приказ, по крайней мере наполовину, совпадает с моими желаниями. Но прощаться я, пожалуй, не стану. Так что до следующей встречи, ведьма!»

– Приятно было познакомиться, – буркнула я, но в комнате уже никого не было.

***

– И все-таки, цыпа, зачем ты ее отпустила? – Троль, не выдержав, отобрал у меня злосчастную воблу и одним рывком ободрал с нее присохшую шкурку, над чем я безуспешно билась уже несколько минут.

– Еще неизвестно, кто кого отпустил. – Я протянула руку за рыбкой, и стало заметно, как мелко дрожат мои пальцы. Где Вал раздобыл целую связку сушеных окуньков и маленький бочонок пива, я предпочла не спрашивать. Все равно назад туда, откуда спер, не понесет. Только аппетит мне угрызениями совести подпортит.

– Но ты же подчинила ее себе!

– Ты в это веришь? – Я поперхнулась смехом, а заодно и пивом. – Будем надеяться, она тоже. Видишь ли, Вал, в отличие от госпожи Залесской, я не приносила жертв и не заключала сделок, а моей магической силы хватило только на разрушение заклятия. Так что я блефовала и была безумно рада, когда эта тварь избавила меня от своего милого общества.

Пару минут мы сосредоточенно грызли добротню просоленных рыбешек, наслаждаясь погожим деньком в теньке под цветущей липой. С пригорочка великолепно просматривались как село, так и особняк, в ворота которого как раз заходила очередная девушка с корзиной. Я заверила Ховела, что нападения больше не повторятся, и он активно наверстывал упущенное. Дамы оказались не робкого десятка, и, похоже, репутация зубастого чудища только добавила господину Залесскому притягательности.

– Но у тебя был меч и пара секунд, пока она не опомнилась! – Мысль об уплывшем из рук гонораре не давала троллю покоя.

Я философски пожала плечами:

– Возможно. Хотя сомнительно. Но что бы я тогда делала со второй, вернее, вторым?

Троль вытаращился на меня не хуже нацыги:

– Не, цыпа, я знаю, что у страха глаза велики, но чтобы в них еще и двоилось...

Я привычно пропустила его шуточку мимо ушей и невозмутимо продолжала:

– То она пытается выманить меня из дома и убить, а когда я попадаюсь ей прямо в ляпы, выпускает и удирает. Потом опять подкарауливает в лесу. Тогда-то я и заподозрила, что их двое. Госпожа Залесская связала заклятием Тамеллы одну из них, самку, заставив ее поселиться в особняке под видом служанки. Ревнивая тетка велела нацыге радикально решать проблему посторонних дам, чтобы раз и навсегда отвадить их от непутевого муженька. Вздумай нацыга ее послушаться, она погибла бы на месте. Так что, сцепив клыки, ей пришлось подчиниться. Первую оставшуюся на ночь девушку Ховел проводил до порога, а выйти за ворота нацыга не могла, ей только и оставалось, что рывкнуть гостью вслед, перепугав до смерти. Вторую она убила сама, но от злости, что выполняет человеческий приказ, даже не прикоснулась к телу. Нас она не тронула...

Троль скептически фыркнул, и я поспешно поправила:

– Ну, почти не тронула, так как под определение развратных девиц мы явно не подходили. Но на воле у нее остался друг. Это он был в лесу, тоскуя и подбадривая ее. Убить ненавистную бабу он не мог, подруга умерла бы вместе с ней. А тут еще в доме появляется нанятая Ховелом ведьма, которая безбоязненно разгуливает по ночам и беседует с пастухами на предмет окрестной нежити. Ясно, что она наверняка заинтересуется валяющимися посреди лестницы трупами. Чего доброго, еще слуг начнет проверять, а днем нацыги куда менее проворны и устойчивы к магии. Тогда он попытался защитить подругу хотя бы от меня, причем так, чтобы подозрение не пало на нежить. Ну, каталась я ночью на гробу, провалилась в волчью яму, с кем не бывает... Похоже, в конспектах нацыг напротив раздела о ведьмах тоже стоит пометка «лучше не связываться». Особенно с целым Ковеном, который немедленно отрядит в село десяток вооруженных до зубов магов-практиков со специально обученными собаками, и тогда пленной нацыге точно придет конец.

– Но Ховел и слуги в один голос уверяли, что вся челядь работает

здесь не меньше года! – спохватился Вал.

– Заклинание забвения. Оно было во второй книге. Госпожа Залесская не такая уж бездарь, как я думала, хотя до настоящей ведьмы ей далеко.

– А сама-то? – досадливо поморщился тролль. – Только и сумела, что вслед нацыге платочком помахать!

– Ерундовый из тебя наемник, Вал, – беззлобно сказала я, отставляя кружку и растягиваясь на травке, руки за голову.

– Это еще почему?

– Настоящий профессионал способен трезво оценивать свои силы. Две нацыги были мне не по зубам. Ну убила бы я одну, а толку? Вторая бы из мести все село за ночь вырезала. Сначала надо было поймать ее, а это работа по плечу только полудюжине опытных некромантов. Конечно, я сообщу о нацыгах в ближайшее отделение Ковена Магов, но сомневаюсь, что из этого выйдет какой-нибудь толк, даже если в Замостье направят кого-нибудь для проверки. Думаю, нацыги уже далеко отсюда. И знаешь, Вал, я в чем-то им даже благодарна. Они мне доказали одну вещь...

– А именно? – заинтересовался тролль, ибо я не торопилась отвечать, разомлев на солнышке.

– Что верность без кольчужных трусов все-таки существует. Хотя бы у нацыг.

Вал со вздохом (напоминающим о лишних проблемах, клане и дубине) подлил себе пива.

– А как же госпожа Залесская?

– Она уже получила свое. Черпать силы из тьмы – сложное и опасное занятие, куда охотнее она вытянет твои. Хорошо, если ревнивой женушке удалось отделаться десятью годами жизни, о чем она очень скоро узнает. Надеюсь, это отобьет у нее интерес к практической магии. А пока, уверена, она и так поостережется колдовать, обнаружив исчезновение книги вместе с тварью. И будет сидеть тише воды, ниже травы, каждую ночь ожидая хриплого воя под окошком.

– Думаешь, долго высидит? – скептически хмыкнул наемник. – Недельку-другую подрожит и снова за свое возьмется.

– Не возьмется, – усмехнулась я фирменной ведьминской улыбкой, ласковой до жути. – В стрехе над ее комнатой уйма щелей, куда можно засунуть горлышко от винной бутылки. Главнее, нужную тональность подобрать. А осень ветреную обещают...

Тролль одобрительно хохотнул, запрокинул кружку и тут же, закашлявшись, отставил:

– Глянь, цыпа, легка на помине!

Со стороны леса показался маленький сизый голубок, целеустремленно работающий крыльями. Не сбиваясь с прямой линии, перед домом Залесских он резко снизился и юркнул в окошко голубятни. Не прошло и минуты, как за забором началось столпотворение. Кто-то поспешно мел двор, в клубах пыли, как в пожарном дыму, с воплями металась слуги. Хрипло лаяли цепные псы, негодуяще блеяла коза, за рога изгоняемая с любимой хозяйской клумбы, звенела частью отмываемая, частью разбиваемая посуда. Зеленый вымпел торопливо полз вниз, полуодетые девицы с визгом и хохотом выбежали из ворот, как испугнутые мыши из дырявого мешка с зерном.

– Пора идти. – Наемник, опираясь на ствол дерева, медленно поднялся. Я не стала предлагать ему руку – этот жест обернулся бы жесточайшим оскорблением. Помощь от женщины, фе! Так низко тролли никогда не падали. – До села не подкинешь?

– Без проблем. И пожалуй, даже раскошелюсь на пару серебрушек, если составишь мне компанию до Жабок.

– С чего бы это?

– За охрану гроба. Я уже отчаялась воссоединить его с этой окаянной бабкой, может, вдвоем нам повезет больше?

– Заметано, – ухмыльнулся Вал.

Поднимаясь, я машинально кинула взгляд на свою правую руку. Тонкое серебряное колечко на безымянном пальце, две переплетающиеся веточки плюща и стилизованная волчья морда с сапфировыми глазами.

Он будет ждать меня.

И я обязательно вернусь.

Но, пожалуй, немножко попозже. Ведь лето только начинается, а полнолуние уже закончилось!

НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

Дорога, дорога, дорога... Тучи пыли, гривки пожухлой травы вдоль обочин, острые грани камней, безжалостно сбивающих лошадиные копыта. Узкая утоптанная полоска, вызубренная до последней кочки, заезженная до тягостной скуки. Минуем березовую рощицу, невысокий холм, заброшенный жальник, перескочим через намытую талой водой канавку – и на горизонте покажутся развалины старого замка, поравнявшись с которыми можно увидеть расшатанный частокол вокруг маленькой, затерянной среди полей и низеньких перелесков, деревеньки.

Ничего не изменилось за последние полгода. Даже колдобины те же, только глубже стали. И так же упрямо тычет острым носом в землю, под ноги верстовому столбу, перекосившаяся и почерневшая от дождей дощечка с надписью «Тихие Россохи». Я не касалась поводев, но кобыла привычно остановилась у столба, с легким удивлением изучая указатель подземной деревеньки. Заостренные, чутко настроженные ушки лошадки напоминали рожки бесенка.

– Ну что, Смолка, узнаешь родные места? – иронично спросила я, с нескрываемым удовлетворением разглядывая указатель сквозь щелку между лошадиными ушами, как в прицел арбалета.

Моя трепетная любовь к деревне Тихие Россохи не поддавалась логическому объяснению. Родилась и выросла я за десятки миль отсюда, обучалась еще дальше, и мои визиты в эту часть Белории носили эпизодический, но бурный характер.

– Заехать надо бы, – то ли думая вслух, то ли обращаясь к лошади, вполголоса заметила я. – Ну, ну, не бей копытом, без тебя знаю.

Я приподнялась на стремянах и взгляделась в расцветенный закатом, припорошенный алыми облачками горизонт. К вечеру жара спала, даже поднялся легкий ветерок, но надежды на дождь не было ни малейшей.

– Сомневаюсь я, Смолка, что меня там помнят, любят и ждут, – продолжала я диалог с конскими ушами. – Помнить-то, конечно, помнят... но не любят и тем более не ждут. Ибо в последний раз мы покидали эту славную деревушку при большом скоплении народа, искренне надеющегося, что оный никогда нас больше не увидит. Впрочем, эти милые люди так же страстно желали предать меня забвению и при позапрошлом... и позапозапрошлом... и даже поза-позапоза... в общем, восемь визитов подряд. Как ты думаешь, они исправились и, раскаявшись в своем

нехорошем поведении, встретят нас хлебом-солью и цветами под твои копыта?

Смолка отрицательно фыркнула и, прервав изучение указателя, оглянулась на всадницу.

– Ладно, хочется верить, что эти суеверные невежды перевоспитались и прониклись уважением к специалистам магических искусств... в любом случае у меня в карманах пусто, а «Тихие Россохи» всегда оправдывали наши финансовые ожидания, верно? Э, Смолка?

Лошадь, как мне показалось, укоризненно вздохнула, и опять-таки без понуканий тронулась с места.

Мне сразу показалось, что на улицах как-то пусто, особенно за моей спиной. Хлопки ставней и сухой клекот дверных щеколд напоминали шелест осыпающегося рядочка из костяшек, опережая меня на три-четыре двора.

Когда я подъехала к корчме, деревня казалась вымершей от чумы, набега скальных троллей или в преддверии визита сборщика налогов. Истошный рев ребенка на задворках соседнего дома сливался с воем собак вдоль улицы.

Приятно удивленная вниманием к своей скромной особе, я спешила у порога корчмы, привязала Смолку к коновязи и неторопливо вошла в дружественное заведение, полное тружеников полей и прилавков, то бишь селян и заезжих купцов.

Еще не смолк висящий над дверью колокольчик, как в корчме началось столпотворение, словно ее порог переступила не миловидная девушка лет двадцати, а банда разбойников с ржавыми ятаганами в гнилых зубах.

Взывая ко всем известным святым и изрыгая проклятия всем известным демонам, посетители корчмы тщились одновременно покинуть ее через окна, бестолково пихаясь локтями.

Спустя минуту просторное помещение опустело. Лишь три гнома за дальним столиком смерили меня оценивающими взглядами и вернулись к прерванной трапезе, да невозмутимый корчмарь продолжал равнодушно протирать стойку замусоленным полотенцем.

Я вежливо кашлянула. Корчмарь оторвался от созерцания узоров на столешнице, неторопливо встряхнул полотенце и заученным жестом перекинул его через локоть.

– Как всегда? – лениво поинтересовался он. – Телятина с боровиками в горшочке, салат и кружку простокваши?

Я кивнула, бросила ему серебряную монетку. Сонливость с корчмаря будто ветром сдуло – он перехватил денежку в воздухе тем неуловимо-

быстрым и метким движением, каким кошка ловит мотылька.

Выбрав столик почище, я села, устало откинувшись на спинку стула. Гномы, казалось, уже забыли о моем эффектном появлении и громко, непринужденно болтали под пивко.

– ...а сия рыжая девка, что народишко одним ликом распугала, – ведьма человеческая, наглая и вредная зело, – разглагольствовал тот, что постарше. Его голос показался мне смутно знакомым, заставив приглядеться внимательнее, – Колдует знатно, деньги за свои веды требует агромадные, зато если уж взялась за дело – нечисть на корню изничтожит, никому спуска не даст.

Второй гном что-то спросил – вероятно, о причине паники: ну ведьма и ведьма, дело обычное, мало ли их шляется по трактам, снадобьями да чарами приторговывает. Первый расхохотался.

– Да потому, – загремел он раскатистым басом, – что как ни наведается она в Россохи, как ни сотворит волшбу свою поганую, так местный дайн ужаснется дару ее бесовскому, силами прнхожанскими ведьму изловит, да и предаст ее смерти лютой... А она через пару месяцев снова заявляется, зубы скалит, о работе справляется... Святоша почешет-почешет маковку, да и наймет ее. А потом опять в набат бьет, ха-ха! Уж и топили ее, и сжигали, и коньми разрывали – все нипочем...

– Ланс-э-Двар, чему ты молодежь учишь? – вступила я в разговор, наконец-то припомнив имя гнома. – Почтительней надо с Магистром практической магии, с уважением, а ты... наглая... вредная... поганая... Ты же не человек, к чему эти глупые суеверия, которыми невесть почему обросла моя профессия? Кто тебе кольчугу заговаривал от копья, меча, ножа, арбалетной стрелы и ржавчины, а? Разрывной клинок ковать – это божье дело, а защищать от него – бесовское? Ну-ну...

– Да ладно тебе, дева, – мирно прогудел Ланс вполоборота ко мне. – Это ж я так, для красного словца. А супротив тебя лично я ничего не имею, напротив – всяческое мое к тебе расположение...

Тут подоспел мой заказ, и, хотя гном не прочь был поболтать, я лишь укоризненно, но беззлобно покачала головой и приступила к трапезе.

Говядину в корчме готовили мастерски – один поваливший из открытого горшочка запах стоил уплаченных за ужин денег. Я успела съесть большую часть и выбрать из меньшей все боровики, когда перед моими глазами развернулось второе действие знакомой комедии.

Низенький, плешивый священнослужитель, укутанный в серую рясу по самые сандалеты, решительно переступил порог корчмы, выставив перед собой внушительных размеров крест. При необходимости им можно

было орудовать не хуже дубины. Бормоча молитвы, призванные очистить сие славное заведение от нечисти в моем лице, дайн начал обходить корчму вдоль стен, помахивая дымящимся кадиллом. Гномы, продолжая трепать языками, досадливо отгоняли от лица разводы приторного курения.

Корчмарь, не спрашиваясь, повернул краник пивной бочки и, наполнив высокую резную кружку, со свистом пустил ее по стойке. Смекалистый и расторопный мальчишка-разносчик в последний момент изловил ее на лету и поставил на мой столик.

Замкнув круг, дайн обвел помещение цепким взором наблюдающего за отарой волка и, словно только что меня заметив, подскочил и отшатнулся, заслоняя лицо крестом.

– Ведьма! – рявкнул он, обличающе ткнув в мою сторону дрожащим от праведного гнева перстом.

– Добрый вечер, дайн Эразмус! – невнятно пробормотала я с набитым ртом. – Присаживайтесь, не стесняйтесь...

– Бесовское отродье! – продолжал дайн, все возвышая голос. – Как посмело ты вновь объявиться в добром селении, силой Икорена, бога истинного, оберегаемом от всяческой мерзопакости вроде тебя?

– Да так... мимо проезжало... деньги кончились, – искренне призналась я. – А вы как поживаете? Покойники смиренно лежат? Вурдалаки с прошлой зимы не появлялись? Полна ли кружка с пожертвованиями, из которой вы будете мне платить за работу, которая, как я вижу по вашим глазам, найдется для меня и в этот раз?

Дайн Эразмус еще немного постоял с обличающе вытянутой дланью, потом вздохнул, махнул рукой (Эх! Была не была, где наша не пропадала!), подпернул ряску и сел напротив меня, положив крест на соседний столик.

Я удовлетворенно кивнула, отпивая глоток густой, холодной простокваши. Работа была. И деньги – тоже.

– Значит, так, – совершенно нормальным, деловым тоном начал дайн, неторопливо прихлебывая пиво. – Завелось у нас на пруду чудо невиданное, злобное и прожорливое, четырех детей за неделю под воду утянуло и слопало, только обувь на берегу осталась. Каковой участи и тебе, ведьма, искренне желаю... но лишь опосля убиения чудища оного.

– Кикиморы, что ли?

– Кикиморы! – фыркнул дайн, стирая пивные усы. – Да кикимору мы бы с божьей милостью и железными цепями живенько отучили добрую паству изничтожать. За каждую кикимору ведьмам поганым платить – пожертвований не наберешься!

– А за чудище наберетесь? – живо заинтересовалась я. – И сколько?

Дайн подумал, посчитал в уме, закатив глаза на засиженный мухами потолок, и назвал цену. Я удвоила, чем удостоилась замысловатой анафемы.

– ...да будет пламя преисподнее столь же неутолимо, сколь алчность чародейская! – закончил Эразмус.

Я мысленно поаплодировала и сбросила три монеты.

Дайн накинул два.

Пронзительный лай прервал наш торг на самом интересном месте. Маленькая кривоногая собачонка рыжей масти злобно бросалась на невесть чем ей не угодившие Смолкины бабки. Моя лошадка терпела до первого укуса. Потом она выпростала морду из кормушки с овсом и уставилась на шавку немигающими змеиными глазами. Когда песик, от страха присевший на задние лапы, сообразил, на кого осмелился поднять голос, было поздно – кобыла молниеносно бросилась вперед и вниз.

Хрустнули позвонки. Короткий визг оборвался булькающим всхрипом.

Втянув клыки и запрокинув голову, Смолка сделала несколько судорожных глотательных движений... черный ком натужно прошел по ее горлу, встопорщив шерсть, и... все. Собачонка исчезла. Облизнувшись, лошадь удовлетворенно вздохнула и снова опустила морду в кормушку.

Пробормотав молитву и сотворив сложный знак надо лбом, Эразмус так и не смог оторвать вытаращенных глаз от мирно жующей кобылы.

– По рукам? – ловя момент, настойчиво потребовала я.

– По рукам, – рассеянно подтвердил дайн, протягивая ладонь мерзкой ведьме.

На какой сумме мы сошлись, он вспомнил только по дороге к пруду, и на меня, а заодно и на Смолку, обрушилась еще одна анафема.

– Вот это – тот самый пруд? – не выдержала я. – Да вы с ума сошли, Эразмус! В нем жабе икру метать зазорно!

Дайн угрюмо фыркнул, одергивая рясу.

Пруд... нет, широкая лужа, саженой пять в ширину, загаженная по берегам домашней птицей, отороченная хилым камышом, грязная и мутная, производила отталкивающее впечатление. Прогретая солнцем вода источала сладковатый гнилостный душок. Десяток белых упитанных уток важно пересекали пруд то вдоль, то поперек – три гребка туда, два обратно.

– Смейся, смейся, ведьма, – проворчал дайн. – А я посмеюсь, когда по утренней зорьке найду твои сапожки, ровненько стоящие у воды. И твои подковы, кровожадный демон!

Смолка ехидно заржала, выскалив клыки. К'яардов никогда не подковывали – по известной причине.

– Итак, вы утверждаете, – я безуспешно пыталась собраться с

мыслями, – что вот в этом, простите за выражение, водоеме, водится нечто, способное съесть ребенка?

– А вот переночуй на бережку – узнаешь. – Дайну явно не терпелось поскорее убраться с глаз долой.

– И переночую! – уязвленно вскинулась я.

– Приятных тебе кошмаров, – неприязненно бросил Эразмус, брезгливо перекрестил меня на расстоянии и удалился величественной поступью, то и дело оскальзываясь на кочках и подбирая рясу, пристающую к цепкими репейным головкам.

– И переночую... – пробормотала я себе под нос – уже далеко не столь уверенно.

Мне доводилось ночевать на кладбищах, в могильных склепах, чашобах и урочищах, вурдалачьих берлогах, домах с привидениями, перекрестках трех и более дорог, чистом поле, постоянных дворах (что самое ужасное, ибо заснуть там не удавалось ни до полуночи, ни после – мешали клопы и пьяное пение других постояльцев). По сравнению с ними щедро оплаченная ночевка на берегу утиног пруда казалась подозрительнее бесплатного сыра. Следовало удвоить, утроить, учетверить бдительность. Хотя... если это ловушка и дайн Эразмус надеется уничтожить меня (в девятый раз!) окончательно и бесповоротно, то он выбрал самое неудачное место для засады, – кругом, насколько хватает глаз, чистое поле с высохшей почти до основания травой. Бесшумно не подкрадешься, внезапно не выскочишь.

Нет, дайн не дурак... видно, тут что-то другое.

Присев на корточки, я почеркала землю кинжалом, набрасывая острые углы пентаграммы. Пять-шесть пассов, пара заклинаний – и во мне снова закипело беспокойное раздражение.

Что за липовую работенку всучил мне фанатичный святоша? Нет здесь никакой нечисти. Нет и не было. И никого тут не убивали за последние сто лет. Подняв с земли маленький камушек, я пробормотала формулу и кинула его в центр пруда. Бултых! Утки наперегонки рванулись за аппетитным звуком.

В висках кольнуло. Так я и знала! Два локтя в самом глубоком месте! Я искренне позавидовала буйной фантазии человека, чей не в меру болтливый язык населил пруд «злобными и прожорливыми» чудищами. Пропавших детей могли украсть разбойники, задрать упыри или бродячие собаки; наконец, они могли попросту сбежать от родителей и пристать к проходящим мимо деревни кочевникам... да мало ли что еще.

Сбивала меня с толку одна-единственная деталь – что-то не слыхала я,

дабы упыри, отобедав, снимали с жертв обувь и художественно расставляли ее по берегам прудов. Да и детям без лаптей далеко не уйти.

«А, утро вечера мудренее», подумала я и стала устраиваться на ночлег.

Стемнело. Утки, потряхивая хвостами, выбрались из воды и, чинно переваливаясь и побрякивая, цепочкой потянулись в деревню.

Расстелив одеяло на охапке камыша, я подремывала, вполуха прислушиваясь к шелесту высокой травы, по которой, не отходя далеко, бродила Смолка. Ни чудищ, ни дайна во главе воинствующей толпы. Тишина и покой.

Солнце скрылось за горизонтом, как тлеющий уголь под пеплом, и тут же чья-то невидимая рука распахнула двери ночи, впуская ее холодное дыхание на притихшую землю. Ветер с шелестом пересчитал камышины, взъерошил Смолкину гриву, ледяными пальцами пробежался по моим плечам.

Неохотно поднявшись, я побрела к пруду, где, как мне помнилось, лежало у самого берега то ли полусгнившее бревно от мостков, то ли толстый сук дерева, годный на растопку. Заскучавшая лошадь увязалась следом, жарко дыша в спину.

В темноте пруд выглядел и вовсе неприглядно. Смолка понюхала воду, но пить не решилась, только вопросительно посмотрела на меня. Я развела руками – мол, и хозяйка на сухом пайке. А не найдет бревно – останется и без жареной колбасы.

...Это ощущение нахлынуло внезапно. Как человек догадывается о приближении грозы по внезапной духоте и тяжести в висках, так опытный маг безошибочно чувствует надвигающуюся на него волшбу. Я замерла, краем глаза уловив стертое движение на той стороне пруда, тут же отозвавшееся знакомым посасыванием под ложечкой.

Движение повторилось. На сей раз я разглядела его отчетливо – словно на секунду сгустился и помутнел кусочек воздуха... сначала один, потом другой... несколько одновременно... десятки, сотни, тысячи вспышек, разбивших мир на осколки и составивших заново – в ином порядке.

Пруд раздался вдаль и вширь, берега прыснули в разные стороны, как испугнутые зайцы, запах гниющего ила сменило свежее дыхание леса, вода просветлела и в ней отразились деревья и кусты.

Я стояла на берегу озера.

Там, у пруда, догорал закат, здесь же небо только начинало светлеть, и в утренней тишине и безветрии полз по зеркальной глади легкий туман, дышавший теплом и влагой.

Молодые березки склонялись над водой, щекоча ее кончиками веток.

Идеально круглое, с пологими берегами, без единой камышинки и водоросли, озеро завораживало и пугало первозданной красотой. На песчаном дне был виден каждый камешек, каждая коряжка. Локтях в двадцати от берега кристально чистая вода темнела – дно резко обрывалось, уходило вниз, в пропасть омута. Не поверив своим глазам, я наклонилась и зачерпнула пригоршню воды. Теплая, как парное молоко, она шелковыми нитями проскользнула сквозь озябшие пальцы. С разных концов озера доносились негромкие, ритмичные, обрывистые звуки – то ли щелчки, то ли плеск весел, чуждые до нутряного, беспричинного страха. Поколебавшись, я расшнуровала сапоги и вошла в воду. Туман ласково обвился вокруг щиколоток, обкатанная галька щекотнула пятки. Звонко плеснуло-бултыхнуло слева и справа. Приглядевшись, я заметила парочку существ величиной с ладонь, торопливыми подскоками уступающих мне место – точь-в-точь вспугнутые лягушки, только шестиногие и хвостатые, с вытянутыми рыбьими мордочками. Странные щелкающие звуки прекратились.

Я досадливо покачала головой. Дипломированная чародейка позорно бежала, услышав лягушачье кваканье! Позор на мои рыжины...

Шестиногие твари изучали меня со взаимным, чувством гадливого любопытства. Плюнув на все равно уже намокшие снизу штанины, я зашла подальше. У самого обрыва глубины вода едва достигала моих колен. Опустив одну ногу за край, я присела, надеясь нащупать ею дно, но тщетно. Ступню обожгло холодом – озеро питалось глубинными ключами, прогреваясь лишь у поверхности да на мелководье. Смолка, пившая с бережка, негромко заржала. Я обернулась. Мои сапоги чинно стояли на песочке, рядом с узловатым корнем нависшей над водой березы.

...только обувка на берегу осталась...

– Зараза... – почти беззвучно шевельнула я мгновенно пересохшими губами. – Леший тебя побери...

За спиной что-то булькнуло, плеснуло, зашуршало чешуей, и в потемневшей воде отразилось толстое зеленое тело.

Медленно, очень медленно, делая над собой гигантское усилие, я повернула голову.

Сквара распахнула пасть, полную зазубренных крючковатых зубов, и мерзко, въедливо зашипела.

Длинное змеевидное тело с пятью парами шипастых плавников высоко подняло над водой бугорчатую, жабью голову, покрытую чешуей и длинными, непрестанно шевелящимися выростами толщиной с палец, походившими на развевающиеся волосы. В желтых немигающих глазах

пульсировали мутные зрачки.

В самой широкой части туловища сквару с трудом смогли бы обхватить двое взрослых мужчин – и они же с легкостью поместились бы у нее в желудке.

Впрочем, я сомневаюсь, что кому-то захочется обниматься со скварой; лично я рекомендую попотчевать ее горстью жидкого пламени.

Мощь огненной стихии не пришлась водяной твари по вкусу. Отшатнувшись, она с рывканьем захлопнула обожженную пасть и скрылась в омуте, чиркнув раздвоенным хвостом по мелководью.

Преследовать сквару под водой не имело смысла. Заведись она в том самом, безжалостно осмеянном мною пруду, я бы не пожалела сил и времени на публичную экзекуцию людоедки, ибо нечего всякой зубастой гадости делать посреди плодородных угодий достославной деревеньки. Озерная же сквара беспокоила меня в последнюю очередь. Пусть себе ревится в родимом водоеме, чем успешно занимались до последнего времени ее предки и соплеменники, и слыхом не слыхавшие о подрастающем поколении Россох. Причина феномена занимала меня куда больше, чем его вострозубое следствие. Посему не стоит тратить время на ловлю сквару в мутной воде (а она там не одна, ручаюсь) – лучше выяснить, что же произошло, и пресечь беспорядок в самого корне.

Оскорбленная невниманием, можно даже сказать, возмутительным пренебрежением потенциального ужина к царице водоема, сквара (та же самая или другая) предприняла вторую попытку пополнить мною свой скудный рацион, и успокоилась, лишь получив пульсаром в левый глаз.

Свистнув кобыле, я пошла по воде вдоль берега. И очень скоро обнаружила, что идти-то нам особенно и некуда – стоило выбраться на сушу и попытаться углубиться в лес, как я натыкалась на невидимую стену, окружающую озеро вместе с узкой полоской травы,

У меня начали появляться кой-какие догадки, вскорости слившиеся в правдоподобную гипотезу. Похоже, деревенский пруд располагался на месте Ведьминого Круга, точке соприкосновения миров, каким-то образом обменявшихся кусочками, как замки – ключами; причем последние, как и положено чужим ключам, заклинили в замках, выпав из своих миров, но так и не слившись с чужими.

Кто или что стало виновником этой аномалии, оставалось лишь гадать. Был ли это обычный всплеск-перепад в энергетической прослойке между мирами или следствие волшбы мага-недоучки, не сумевшего прибрать за собой рабочее место, определить уже невозможно. Да и не входит в мои обязанности.

Б голову пришла забавная мысль. Значит, у нас здесь чужое озеро, а у них – наш пруд? И местные чародеи выбиваются из сил, стремясь прекратить разгул странной нечисти – белых, крылатых, крякающих созданий с перепончатыми лапами?!

За спиной всплеснуло, злобно взвизгнула Смолка, подкинув крупом и с оттяжкой полоснув копытами что-то тяжелое и податливое. Но когда я обернулась, то увидела лишь круги, расходящиеся по окрашенной кровью воде.

– Молодец, девочка, – устало похвалила я. – Так ее, пакость неугомонную...

Из-за вершушек деревьев показался краешек солнца, вызолотив гребешки мелких волн, разбегавшихся от длинного тела, проскользнувшего у самой поверхности. День, как и в моем мире, обещал быть жарким.

Пора было выбирать. Если я правильно поняла, «счастливчика», оказавшегося в нужном месте в нужное время, захватывало межреальностью, словно вращающейся дверью потайного лаза. Логически рассуждая, для возвращения в свой мир нужно встать на берегу рядом с сапожками в момент «поворота», на закате.

Оставалось одно «но». Феномен никак не проявлял себя в течение дня, а значит, я не могла «запереть» Круг, находясь в своем мире. Был необходим удар изнутри. Отсюда и сейчас, что заставляло крепко задуматься...

Нет, я не сомневалась, что сумею разъединить миры, ударив в нужную точку; однако меня глодало сомнение – а не останусь ли я после этого тут навсегда? Вероятность подобного исхода была, и немалая. Оставалось только надеяться, что теория «притяжения подобного», каковую адепты зубрят на пятом курсе, не слишком расходится с практикой, и миры на прощание заберут друг у друга принадлежащее им добро... или зло в моем лице, как утверждал дайн Эразмус.

Нехитрые расчеты показали, что для максимально успешной атаки на спайку миров я должна стоять в центре озера и бить вертикально вверх.

Словно прочитав мои мысли, из омута высунулась хамская морда сквары, уставилась на меня желтыми буркалами и, раззявив рот, с чувством провела языком по клыкам.

– Ссс...сквара! – вырвалось у меня.

В сердцах запустив в гадину подвернувшимся под руку камнем (та тут же нырнула, рассудив, что благоразумнее будет выждать, пока я сама к ней подойду), я выбралась на берег, оседлала нависший над водой ствол березы

и начала перебирать в уме различные варианты. Смолка замерла рядом, настороженно вглядываясь в темное пятно омута.

Вплавь? Хо-хо! Плот? Глупая идея. Подобьет снизу и подхватит на лету. Выманить и уничтожить? И сколько их там? Растрачу весь магический резерв, не хватит на прорыв. Левитировать и одновременно бить? Взаимоисключающие заклинания... Что же делать?!

Сквара снова показалась из воды. Вид у нее был довольный донельзя, словно там, на дне, уже накрыт стол, расставлены тарелки, разложены вилки и красиво свернуты угольником накрахмаленные салфеточки. Она аж сияла от радости – в прямом и переносном смысле: чешуя лучилась на солнце, а сплошной щиток на затылке то и дело зеркально полыхал белым пламенем.

– Ага... – задумчиво протянула я. – Ага!

Сквара насторожилась и, погрузившись по верхнюю челюсть, беспокойно засопела, ероша озерную гладь.

Спрыгнув с березы, я пошлепала по воде вокруг омута, стараясь не слишком приближаться к его кромке.

Голова сквары, к немалой моей досаде, поворачивалась за мной, как лист за солнцем.

Я остановилась, приподнялась на пятках и пошла в другую сторону.

Проклятая тварь не сводила с меня алчного взгляда.

Ну что ж... будь я на ее месте, тоже не упускала бы из виду долгожданный завтрак. Может, попробовать его чем-нибудь заменить?

Подозвав Смолку, я извлекла из чересседельной сумы кольцо ароматной копченой деревенской колбасы – свой несостоявшийся ужин. Отломив кусок длиной с ладонь, попробовала его и скривилась – эх, жалко переводить такой отличный продукт на тупую тварь! Но другого выхода не было. Злобно плюнув на огрызок, я запустила им в нахальную жабью морду.

Сквара, наученная горьким опытом общения с магами, немедленно скрылась под водой.

Уже через несколько секунд она предстала передо мною во всем великолепии, скаля зубы и довольно облизываясь. Домашняя, с чесночком и молотым кориандром, колбаса определенно подняла меня в глазах сквары. Второй кусок я кинула на середину омута. Отплыв немного подальше, гадина благосклонно приняла мой дар и вежливой отрыжкой намекнула на продолжение банкета. Тщательно рассчитав и укрепив заклинанием траекторию броска, я кинула остаток колбасы так, чтобы тот пролетел над головой сквары и упал прямо за ней. Хищница в очередной

раз спутала мои коварные планы. Вместо того чтобы обернуться за колбасой, она подскочила вверх, показав свернутый спиралью хвост, и заглотала наживку в воздухе. После чего, изящно шлепнувшись в воду, только что не раскланялась, ожидая аплодисментов.

У меня уже не было сил смотреть на сквару – отчасти из-за откровенно издевательского выражения ее морды, отчасти из-за солнца, бившего мне прямо в глаза. Я сощурилась, прикрывая их рукой... Стоп!

Торопясь проверить свою догадку, я перебежала на противоположную сторону озера. Сквара, как и положено упрямой скваре, немедленно развернулась ко мне «лицом», но почти сразу же недовольно заморгала, замотала мордой, словно пытаясь стряхнуть с нее солнечные лучи, и, сердито рыкнув... отвернулась.

Луч света, вырвавшийся из моих сложенных и протянутых вперед ладоней, ударил скваре в затылок и, отразившись от щитка, заметался по сторонам, поджигая деревья.

Зараза! Точнее!!!

Я подскочила к самому краю омута, корректируя направление луча.

Сквара визжала, шипела и трепыхалась подсеченной щукой, вздымая тучу брызг. Вырваться или повернуть голову она уже не могла, спаянная в одно целое с лучом, уверенно бившим в небо над озером.

Воздух на стыке миров дрогнул, помутнел и пошел полупрозрачными волнами, размывая деревья на берегах. Солнце превратилось в слепящий отблеск неправильной формы, по озерной глади пробежала хмурая тень от несуществующего облака, небо задрожало и осыпалось ливнем сиреневых искр.

И в этот момент вторая сквара вынырнула у самой кромки омута и, не тратя времени на разговоры, ловко и аккуратно насадилась на меня разъявленной пастью и прожорливой глоткой.

...Омерзительная жижа хлынула в рот и уши.

Побарахтавшись, я вскочила на ноги и, отплевываясь, торопливо протерла глаза.

Первое, что я увидела, – свои чистенькие, блестящие сапоги, издевательски развалившиеся на берегу. Я стояла посреди пруда. И в каком виде! То, что натекло мне за шиворот, оказалось густой, липкой субстанцией, которая лишь издалека могла сойти за воду. В ней удержались бы на плаву даже куры – настолько вязкой оказалась заполнявшая пруд тина.

За моей спиной негодуяще фыркнула Смолка, по-кошачьи брезгливо поджав левую переднюю ногу и, будь это возможно, охотно проделав бы то

же самое с тремя остальными.

– Еще в пухе нас обвалить – совсем хороши будем, – мрачно сказала я кобыле. – Выбирайся давай, боевая подруга. Нам еще вымыться где-то надо, негоже в таком виде являться за гонораром.

Гонорар нас ожидал давно, да еще какой! Сплошной коридор из людей вдоль главной улицы, живое кольцо вокруг площади с часовенкой в центре, – что-то вроде высокого деревянного колодца с плоской черепичной крышей, под которой, хорошо видимый в прорези-окошки, висел колокол с тянущейся вниз веревкой. У подножия часовенки, услаждая слух, булькал на раскаленных углях котел с кипящим маслом и ласково улыбался дайн Эразмус, подбрасывая на ладони кошель с золотом.

Из непонятных мне соображений Эразмус платил всегда и при любых обстоятельствах. Вероятно, не хотел остаться в долгу у ведьмы, пусть даже мертвой. Он аккуратно вручал мне уговоренную, а затем пытался сделать из меня великомученицу.

Традиционный костер, встретивший меня в первый раз, не оправдал его ожиданий. Я незаметно телепортировалась из пут, когда пламя разгорелось повыше и посильнее.

Топить мага тоже бесполезно. В любом мало-мальски крупном озере у него найдется пара знакомых русалок.

От колесования я избавилась еще проще – споткнулась по дороге к эшафоту, упала и перекинулась обликами с подходящим по размеру бревнышком. Представляю, в какую щепу они его измолотили!

Засим последовали: четвертование, дыба, виселица и плаха со скромным, застенчивым типом в красном колпаке с прорезями для глаз. С легкой руки дайна я коллекционировала казни, как иной травник – лютики. – Нет, я не имела к Эразмусу никаких претензий. Ну что поделаешь, работа у нас такая: я – ведьма, он – священнослужитель. Уверена, он питал ко мне не менее теплые чувства. Но это было уже слишком! Такой наглости я от него не ожидала. Он знал, что без денег я не уеду, и, наученный горьким опытом, решил действовать наверняка.

Ну, если вы так настаиваете... Я прищелкнула языком, Смолка пошла легкой трусцой. Стоило мне въехать в живой коридор, как он замкнулся за моей спиной и начал втягиваться следом. Пара копий... три-четыре меча... рогатины... все как обычно. Хоть бы парочку арбалетов прикупили, что ли.

Хмурая радость на тупо сосредоточенных лицах селян не поддавалась описанию. Я обаятельно улыбнулась честному народу, помахала рукой, разослала пару-тройку воздушных поцелуев.

Толпа возмущенно засопела.

Цок-цок лошадиные копыта... Теснее круг... Ближе, ведьма, ближе...
Подойди, протяни руку...

Кончики пальцев коснулась заветного кошель. Я увидела, как по лицу дайна расплывается торжествующая гримаса, как он поднимает свободную руку, чтобы взмахнуть ею, и...

– И-и, пошла! – завопила я, пнув Смолку каблуками.

Кобыла рванулась вперед, сделала несколько размашистых скачков навстречу выставленным рогатинам, ликующе заржала и, не пытаясь прорвать кольцо вооруженных мужиков лобовой атакой, взбежала по часовне, как белка. Неподкованные копыта разомкнулись тремя острыми когтями, уверенно впившимися в потемневшие бревна, ноги извернулись в суставах, согнувшись под немислимыми для лошади углами, и, прежде чем селяне успели опомниться, черная тварь оттолкнулась от края крыши и распласталась в длинном, изящном прыжке-полете, тенью скользнув над головой Эразмуса.

Когда копыта Смолки – уже копыта – коснулись земли, люди с рогатинами остались далеко позади, а шальной галоп с каждой секундой увеличивал разделяющее нас расстояние.

Вслед нам понеслась трехэтажная анафема.

Отдышавшись, мы со Смолкой еще долго стояли на маленькой полянке у верстового столба с перевернутым указателем.

– Люблю я эту деревеньку, – задумчиво изрекла я, почесывая кобылку за ухом. – Люблю, хоть убей. Может, за это и люблю?

Селянин деликатно закашлялся.

НЕЛЕТОПИСНОЕ

– А вот гляньте, господа хорошие, на сию пакость, тьмы мерзопакостное порождение, – надрывался ярмарочный зазывала у входа в перекошенную палатку из грязной холстины, опасно вихляющуюся на ветру.

Проходящий мимо маг брезгливо скривил нос. Долетавшая из палатки вонь наводила на мысль о платной уборной, причем для весьма неприхотливых (или очень страдающих) посетителей.

Тем не менее желающие «глянуть» все-таки находились. Сначала за услужливо отдернутый полог прошла и почти сразу же с оханьем выскочила толстая баба, непрерывно осеняющая себя крестным знаменем, потом с медяками рассталась парочка сорванцов – эти задержались подольше, одного даже пришлось выволакивать за ухо, чтобы освободить место для следующего клиента.

– А вот кому охота с самой что ни есть близи на монстра лютого полюбоваться, в буркала его злобные плюнуть?!

«Нет, не сортир», – рассеянно подумал маг, высматривая нужную ему лавку. «Видно, какую-то нежить изловил и показывает – упыря или мроеда. За время войны их много расплодилось, работы для практиков невпроворот, даже адептов-старшекурсников приходится для зачисток привлекать. Ох, долго нам еще эту кашу расхлебывать... поздно спохватились».

– Заходите, люди добрые, не пожалееете! – надрывался зазывала. – Тварь страсть какая лютая, гнусная и коварная, самого каждый раз аж оторопь берет!

Дальше маг уже не прислушивался, наконец-то заметив молочный ряд. Выбрав самую опрятную и располагающую к себе бабку, не торгуясь, купил у нее ковшик свежего козьего молока («вот токо-токо сдоила, ишшо тепленькое!»), аккуратно перелил его флягу при поясе и напрямик направился к выходу, торопясь вернуться на постоянный двор, где час назад снял отдельную комнату на ночь.

Обратная дорога лежала мимо все той же вонючей палатки. Собственно говоря, «мимо» оно «мимо» и есть, но в этот самый момент зазывалу угораздило выпустить край полога из рук и ветер немедленно задрал его выше крыши, позволив случайному взгляду мимоходом скользнуть внутрь.

Маг споткнулся от неожиданности. Резко развернулся, рывком

отдернул только что возвращенный на место полог и, невзирая на возмущенное верещание зазывалы, шагнул внутрь, возмутительно игнорируя протянутую за платой ладонь.

В низкой клетке из намертво склепанных железных прутьев – маг не заметил даже дверцы – сидел, скорчившись, вампир. Голый, грязный, покрытый синяками и ожогами, истощенный до такой степени, что его организм уже перестал регенерировать, да что там – он даже крылья не мог свернуть и они неряшливыми кожаными лоскутами повисли вдоль спины. Поперек груди, точнее – выпирающих ребер тянулся широкий, багровый рубец. Одну, самую страшную рану вампир успел-таки затянуть, но не срastить до конца. Видимо, из-за нее людям и удалось захватить его в плен.

Война только-только закончилась, скрепленный печатями мирный договор торжественно зачитали на всех площадях, но разгоряченные, едва вошедшие во вкус люди продолжали требовать крови, недоумевая, почему им не дали раз и навсегда истребить распроклятых тварей.

И поэтому израненное существо заживо заклепали в клетку и оставили умирать без воды и еды, в собственных нечистотах, на потеху охочей до зрелищ толпы. Сколько он тут уже сидит? Две недели? Месяц? Вампиры очень живучи, а этот, хоть и не светловолосый, явно участвовал в боях. Страж? Похоже на то.

Когда маг носком сапога постучал по одному из прутьев, он даже не повернул головы.

– А вы его каленым железом ткните, – услужливо посоветовал зазывала, все еще надеясь на мзду. – Вона, прут в горшке с угольями торчит!

Так вот откуда ожоги.

Маг со свистом выпустил воздух сквозь стиснутые зубы, пристально уставился на клетку и резко развел руками.

Вампир настолько обессилел, что даже не шевельнулся, когда прутья одной из стенок с натужным скрипом отогнулись вверх. Глаза у него были открыты, но так безучастно смотрели в пустоту перед собой, что маг только покачал головой и, нагнувшись, подцепил вампира под мышки и выволок из клетки. Зазывала вылетел из палатки, словно подхваченный ветром. Маг с трудом удержался, чтобы не швырнуть ему вслед с пяток молний, но ограничился смачным проклятием. Обтянутый кожей скелет оказался неестественно легким, чуть теплым, и так закоченел в скрюченной позе, что магу стоило немалых усилий ровно уложить его на плаще и быстро, пока короткий ворс еще хранил тепло владельца, закутать. Но нашаренная на шее жилка слабо, неровно пульсировала, и маг, вскинув длинный

сверток на плечо, поспешил к выходу.

Там уже собралась небольшая толпа, возглавляемая заметно осмелевшим зазывалой.

– Вот он, колдун проклятый, который упыря на свободу выпустил и вместе с ним драпать собирается – завопил он, с безопасного расстояния тыча в мага выдернутым из частотола дрыном. Предпочтения остальных разделились между ножами и булыжниками, хотя маг с презрением заметил двух рыцарей с мечами и одного дайна – пока, впрочем, мнущегося с краешка и просто прислушивающегося. Прочие расы отводили глаза и торопились поскорее миновать место назревающей потасовки, чтобы самим не подвернуться под руки разгоряченной толпе.

Маг мог пустить в ход боевые заклинания, что почти наверняка закончилось бы не одним десятком трупов и долгим судебным разбирательством, а то и тюрьмой. Мог трусливо и, увы, безрезультатно заорать «Спасите, убивают!», ибо городская стража и так прекрасно видела, что происходит на ярмарочной площади, но вмешиваться не спешила. Мог, в конце концов, с досадой бросить свою ношу под ноги главному зачинщику и, воспользовавшись возникшей суматохой, открыть одиночный телепорт и перенестись прямо на постоянный двор, а уж оттуда поскорее дать деру из городка, ибо обманутая толпа наверняка кинулась бы его искать, по дороге разбухнув в несколько раз.

К счастью, в Совет Ковена Магов дураков не брали.

– Верно, – бесстрастно подтвердил маг, – я колдун. И властью, данной мне Ковеном и его величеством королем Васаром Седьмым, конфискую эту тварь для алхимических опытов. Разумеется, ее владельцу полагается денежная компенсация, а мною лично выражается горячая благодарность за содействие в поимке этого монстра.

Маг вытащил из кармана увесистый мешочек и протянул его зазывале. Любопытство и алчность перевесили. Зазывала, уже жалея, что втянул в свои коммерческие дела столько народу, отвел руку с колом, свободной сграбастав кошель. Увы, как только мужик попытался ознакомиться с его содержимым, дно мешочка прорвалась и под ноги толпе хлынуло мелкое, но оттого не менее соблазнительное серебро. О вампирах и колдунах тут же позабыли, люди побросали свое немудреное оружие и попадали на колени, торопясь сгрести побольше уличной грязи вместе с поблескивающими в ней монетками. Горестные вопли зазывалы уже не вызывали в народе ни малейшего сочувствия; незадачливого мужика безжалостно оттерли на задний план, так что ему оставалось только бегать вокруг образовавшейся кучи-малы и рвать на себе волосы от досады.

Маг же спокойно развернулся и, провожаемый хмурым взглядом дайна, беспрепятственно дошел до ярмарочной коновязи, неспеша расплатился с конюхом, вскочил на смирную гнедую кобылу и был таков.

Первые (и, судя по всему, последние) признаки жизни вампир начал подавать только в лохани с горячей водой – шевельнулся, в беззвучном стоне раскрыл пересохший рот и попытался поймать текущие по лицу струйки. Маг отвязал от пояса флягу и, придерживая вампиру голову, помог сделать несколько захлебывающихся глотков, пока тот снова не потерял сознание.

Обрабатывать и перевязывать многочисленные раны не было смысла, так что маг просто вымыл умирающего и, закутав в одеяло, положил на кровать. Задумчиво поглядел на предсмертно заострившееся лицо, по цвету не отличающееся от серой застиранной холстины и, вздохнув, полез в сумку за коротким ритуальным кинжалом.

Эту ночь, как и две предыдущих, маг спал урывками, все больше проникаясь глубочайшим уважением к Катиссе Лабской, заслуженному Магистру второй степени по боевой магии, одновременно с практической деятельностью умудрившейся трижды побывать замужем и вырастить двоих детей. Теперь, по крайней мере, он не удивлялся, почему у нее такой мерзкий характер!

Когда на рассвете маг наконец-то сумел выкроить пару минут и для вампира, тот лежал уже на животе, повернув голову к стене. Дыхания не было слышно, но у мага отлегло от сердца: умирающие не устраиваются поудобнее и уж тем более не кидаются на склонившегося над постелью человека. Впрочем, второе доказательство вампирьей жизнеспособности мага отнюдь не порадовало. Сцепившись, мужчины покатались по полу. На счастье человека, его противник был еще слишком слаб, иначе с легкостью оторвал бы ему голову, не утруждаясь удушением. На счастье вампира, колдовать, когда тебя душат, не слишком-то удобно.

Силы были примерно равные, но стальная хватка на горле внезапно ослабела, и маг, слепо отбрыкиваясь, отполз в сторону, лихорадочно пытаясь сосредоточиться на формуле нужного заклинания. Но оно уже не понадобилось.

– С-сволочь... с-с-котина неблагодарная, – прохрипел человек, дрожащей рукой ощупывая горло. Тяжело дышащий, привалившийся к противоположной стене вампир исподлобья зыркнул на него, искривил губы в презрительной гримасе: «Скажи спасибо, что вообще отпустил!», но неожиданно, пусть и неохотно, выдавил:

– Извини.

Голое тело по-прежнему мало отличалось от скелета, но ожоги исчезли, а от шрама осталась узкая белесая полоса. Маг глянул на мелко дрожащего, кутающегося в крылья вампира и злость разом схлынула.

– Вставай, – со вздохом велел он, сам не без труда поднимаясь на ноги. Горло болело, словно после неудачного самоубийства с обломившимся суком, в только-только зажившем запястье пульсировала тупая боль. – И возьми у меня в сумке запасные штаны; насчет рубашки не уверен... хотя тебе она и не подойдет. А я пока за завтраком схожу.

Когда маг вернулся с полным подносом, вампир уже сидел на краю кровати, зябко обхватив плечи руками. Но при виде еды мигом оживился, накинувшись на нее с волчьей прожорливостью. Маг даже постыдился намекнуть, что одну из тарелок он принес для себя. Только осторожно поинтересовался:

– Тебе плохо не станет?

Вампир, не прекращая жевать, отрицательно помотал головой. И лишь когда с подноса исчезла последняя корочка хлеба, а пальцы были тщательно облизаны, маг удостоился пристального, испытующего взгляда.

– Что тебе надо от меня, человек?

– Ничего, – слегка покривил душой маг. В тот момент – и в самом деле ничего, но неожиданный поворот судьбы так идеально вписывался в его намерения, что грех было им не воспользоваться. Вампир скептически приподнял правую бровь:

– Тогда чем обязан такой...хм... заботе?

– Случайно мимо проходил. Вампир горько усмехнулся:

– Что ж, спасибо, что не прошел. И куда, если не секрет, направлялся?

– В Догеву, – не стал юлить маг.

– Зачем? – мгновенно насторожился вампир. И тут из стоящей на стуле корзины донесся сонный всхлип, а за ним – писклявый младенческий плач.

– Что, опять?! – обреченно простонал маг, однако без промедления кинулся на вырубку-проверку, – Ну точно! Где ж я на тебя столько тряпок напасусь, а?!

Вампир заинтересованно (не каждый день увидишь боевого мага, сосредоточенно приносивающегося к младенческим пеленкам!) подошел поближе.

– Твой?

– Ваш. – Маг вытащил из сумки чистую тряпку и бережно, хоть и неуклюже перепеленал ребенка, особенно внимание уделив куцым серым крылышкам, так и норовившим завернуться под неправильным углом.

– Но он же... – вампир, охнув, не то опустил, не то осел на колени

перед корзиной.

– Вот именно.

Если традиционно голубые глаза младенца уже начинали потихоньку сереть, то волосы, похоже, окончательно определились с цветом. Золотисто-льняной.

– Повелитель... – благоговейно прошептал и тут же вызверился на мага вампир: – Где ты его взял?!

– Спас во время резни в приграничье. Пару месяцев мы с коллегами скрывали его в Школе Чародеев, а сейчас, когда наконец-то заключен мир, решили вернуть в долину.

– Что ж ты сразу туда не телепортировался? – недоверчиво поинтересовался вампир.

– С таким маленьким ребенком, да еще нелюд... – маг запнулся. – ... иной расы? Я не был уверен, что он благополучно ее перенесет, и не стал рисковать.

– В таком случае, почему Ковен не выделил тебе отряд сопровождения? – продолжал недоумевать вампир. – Они же знают, какую ценность для нас представляет этот ребенок!

– А я его украл, – просто сказал маг. – Мои коллеги все тянули и тянули с его возвращением – мол, подождем хотя бы годик, пока все уляжется, сгладится... но после трех покушений я подумал, что в родной долине ему будет спокойнее. По крайней мере, человеческих фанатиков и магов-ренегатов туда не пускают.

– Ты хочешь сказать, что старминские маги собирались шантажировать Догеву последней надеждой нашей долины?! – аж задохнулся от возмущения вампир.

Маг философски пожал плечами:

– Вслух они в этом не признавались, так что не думаю, что Ковен очень рассердится на мое маленькое самоуправство.

– Вслух – вряд ли, – съязвил вампир. – Знаешь, я, пожалуй, не стану злоупотреблять твоей добротой и сам отвезу ребенка в Догеву.

Если же ты желаешь получить какое-нибудь вознаграждение, то изложи свои требования на бумаге, а я передам их Совету Долины. И, если они в пределах разумного, то мы по мере сил постараемся их удовлетворить, Я лично за этим прослежу.

– Мне ничего не нужно, – отмахнулся слегка обиженный, но не подавший виду маг. – Но до Догевы два дня пути, причем по дороге тебе идти нельзя – люди слишком озлоблены поражением, пусть и только на бумаге, так что любого показавшегося подозрительным мужчину могут в

любой момент остановить и попросить показать зубы, а если начнешь отпираться – без колебаний забьют камнями. По лесам же шастают мародеры, которые ради парочки монет не погнушаются напасть даже на человеческую женщину, не говоря уж о вампире.

– Я могу сменить ипостась и пойти лесом.

– А ребенок? В зубах понесешь? К тому же ему как минимум шесть раз в сутки требуется свежее молоко – где ты собираешься его брать?

Аргументы показали вампиру вполне убедительными. Немного поразмыслив, он решительно тряхнул головой.

– Значит, я поеду в Догеву вместе с тобой. Мне все равно необходимо как можно скорее туда вернуться, заодно и прослежу, чтобы ты доставил ребенка куда следует.

– Не доверяешь?

— Не доверяю, – без тени смущения подтвердил вампир.

– Ну и отлично, – неожиданно усмехнулся маг. – Я, если честно, и сам хотел тебя об этом попросить. Догевских лесов я не знаю, да и не хотелось бы начинать беседу со Стражем с его предупредительной стрелы в спину. Кстати, меня зовут Ксандр.

– Ороен.

Мужчины обменялись рукопожатиями над корзинкой. Ребенок снова запищал – на этот раз от голода. Пока вампир, затаив дыхание от торжественности момента, возился с рожком, Ксандр снова спустился вниз и договорился с хозяином постоялого двора насчет найма второй лошади, заодно расплатившись за комнату и прикупив немного еды на дорогу. Нашлись у него и потрепанные, но вполне еще ноские сапоги, которые магу удалось выторговать всего за пару серебрушек – «про запас, а то мои что-то протекать стали».

Довольный Ксандр вернулся в комнату, но вручать попутчику «запасные» сапоги не торопился.

– В таком виде ты из города не выберешься. Вчера мне удалось провести толпу, но если сегодня тебя или меня кто-нибудь узнает, нам обоим не поздоровится. Конечно, я могу слегка изменить твою внешность, но любой мой спутник все равно вызовет подозрения и подвергнется тщательной проверке. Даже в храм для освидетельствования могут затащить, а с дайнами мы испокон веков на ножах они только рады будут случаю подгадать конкуренту.

– И что ты предлагаешь?

Маг коротко, но доходчиво объяснил.

– Ладно. – Вампир без возражений скинул одежду, опустился па

корточки и развернул крылья.

Дела оказались еще хуже, чем он думал. Толпа во главе с давешним зазывалой, не на шутку обозленным на пройдоху-колдуна, уже ждала его под самыми воротами. Хорошо хоть заявила она туда буквально за минуту до того, как маг, уже полностью собранный, сам вышел из дома, так что обошлось без погрома. В правой руке человек нес плетеный короб с попискивающим младенцем, а слева от мага, на крепком кожаном поводке, трусила рыжая волменка овчарка с хитрой лисьей мордой и лохматым хвостом.

Похоже, столь идиллической картинке толпа не ожидала, ибо озадаченно притихла, не мешая магу спокойно седлать обеих кобыл, пока собака терпеливо сидела над корзиной.

– А где упырь? – неуверенно вякнул зазывала, когда маг уже вывел лошадей за ворота и, нахально вручив поводья одному из мужиков (тот, опешив, покорно передал свою рогатину соседу па сохранение и взял в руки по узде), вернулся за корзинкой и собакой.

Маг даже не счел нужным снизойти до ответа. Только смерил наглеца презрительным взглядом: мол, сам не видишь, что здесь его нет?

На «упыря» или незнакомца толпа набросилась бы без колебаний, но связываться с боевым магом не хотелось никому. Народ стал переглядываться и шушукаться, так что ограбленному ярмарочнику снова пришлось взять инициативу в свои руки: он неожиданно размахнулся и хлестнул палкой воздух в пяди над собачьей головой. Овчарка испуганно присела, но тут же выскалила зубы и с лаем рванулась на обидчика, маг еле успел накрутить поводок на руку и упереться пятками.

– Вы что, уважаемый, ума лишились? – холодно поинтересовался Ксандр, наконец справившись с овчаркой и заставив ее сесть возле своей ноги. – А теперь еще и жизнь надоела?

– А кто вас, колдунов, знает, – боязливо, но упрямо буркнул мужик, – С вас станется простому человеку голову задурить, мороком чудище свое укрыть – может, тута оно, рядышком, а мы и не видим! Вот для верности палкой и прошелся.

– Убедились? – совсем уж ледяным тоном уточнил маг. Собака не двигалась с места, но выразительно щерилась и рычала. Мужик подозрительно сощурился, чуя подвох, но не понимая, где он таится.

– А вторая кобыла тебе на кой?

– Сменная, – отрезал Ксандр, приматывая поводок и поводья запасной лошади к луке своего седла. Забраться в него с тяжелой корзиной в руках оказалось непростой задачей, но маг справился. – Еще вопросы будут?

– Зубы покажи, – вяло потребовал кто-то из толпы.

Маг показал кое-что другое, при этом так недобро ухмыльнувшись, что все претензии увяли на корню. Народ неохотно расступился, давая дорогу. Мужик с возвращенной рогатиной ошеломленно поймал брошенную магом монету.

Выехав за городские ворота, Ксандр небрежным мановением руки снял морок. Теперь рядом с его конем безо всякого поводка шустро перебирал лапами тощий угрюмый волк.

– Вот уж не знал, что вампиры умеют лаять, – добродушно заметил маг, сворачивая с дороги в заросли орешника.

– Не умеют, – буркнул Ороен пару минут спустя, вытаскивая из сумок «сменной» – лошади свою одежду. – Но люди же не собаки, чтобы отличить настоящий лай от поддельного.

«И наше счастье, что мало кто знает, что вампиры превращаются в волков не только после смерти, но и по собственному желанию», – подумал маг. Клыками, несмотря на их дурную славу, много не навоюешь, поэтому в бой защитники долин шли исключительно в крылатой ипостаси.

После короткого обсуждения предпочтение отдали проселочным дорогам, где и коня можно вскачь пустить, и такого подозрения у встречных путников не вызовешь – в сторону Догевы почти никто не ехал, в основном по главному тракту возвращались в Белорию остатки войсковых обозов. Настроенные еще мрачнее и недружелюбнее давешней толпы.

Ехали молча, лишь изредка перебрасываясь короткими деловыми репликами: подай флягу, остановимся на минутку, куда повернуть на развилке?

Не расспрашивать же, в самом деле, кто какое участие принимал в боях за Догеву, преувеличенно бодро интересоваться планами на будущее или спорить, чьи женщины красивее, потому что врывающиеся в мирные селения воины не смотрели ни на внешность, ни на возраст...

Впрочем, ребенок не давал мужчинам скучать, громогласно требуя внимания чуть ли не каждые полчаса и кочуя с седла на седло, так что о напряженном молчании и речи не шло.

За день без особых проблем удалось проехать почти половину пути, остановившись на ночевку возле светлой березовой рощицы. Караулить решили по очереди: вампир до часа после полуночи, маг до рассвета, по здравом размышлении отказавшись от использования защитного контура. Ксандр не сомневался, что его тайно, но ищут, и не хотел привлекать внимание коллег резким всплеском магии.

Ребенок, похоже, спать не собирался вообще. В корзинке он вопил так, что в роще не утихало эхо, на руках у Ороена – чуть потише и с минутными паузами. Укараулить что-нибудь в такой обстановке было невозможно, но через пару часов подобного «отдыха» мужчинам стало совершенно безразлично, нападет на них кто-нибудь или нет. В любом случае об обычных предосторожностях вроде сохранения тишины и бездымного пламени беспокоиться уже не стоило. Ксандр думал, что надо бы наконец распределить среди подчиненных ему магов наградные листы и вручить Катиссе орден за мужество (не уточняя, какое именно). Вампир, не меняя тихой воркующей интонации, под видом колыбельной высказывал младенцу свое честное мнение о его недостойном Повелителя поведении...

Забывшись наконец тяжелым неровным сном, маг проснулся в гробовой тишине и, с невероятным трудом разлепив глаза, увидел молча сидящего рядом вампира. Взгляд у Ороена был какой-то нехороший, оценивающий.

– В чем дело?

– Да вот думаю, – медленно проговорил вампир. – Может, загрызть тебя, прикопать и дальше одному ехать? До Догевы меньше полусотни верст осталось, как-нибудь справлюсь...

– Вот когда определишься, тогда и разбудишь, – пробормотал Ксандр, пытаясь перевернуться на другой бок, но Ороен со смешком удержал его за плечо.

– Нет уж, вставай, раз проснулся! Твой черед дежурить, я вообще-то будить тебя шел.

Маг со вздохом отбросил одеяло и сел, чувствуя себя на редкость глупо. Впрочем, умей он читать чужие эмоции, как открытую книгу, тоже не упустил бы повода подшутить над перетрухнувшим, хоть и не подавшим виду спутником.

Стоило Ксандру уступить вампиру нагретую постель, размять ноги небольшим обходом и подбросить дров в костер, как ребенок решил, что хорошего помаленьку, и снова разразился громким плачем.

– И откуда в тебе столько звука берется? – обреченно поинтересовался маг, беря его на руки. Младенец на мгновение замолчал, недоверчиво разглядывая человека, а потом наглядно продемонстрировал, что это отнюдь не предел его вокальных возможностей.

– Зачем ты его дразнишь? – не выдержал Ороен, безуспешно пытавшийся использовать лежак по назначению.

– Я? – возмутился Ксандр, делая робкую попытку укачать безостановочно орущий сверток, но добился лишь прерывистости воплей,

действовавшей на нервы еще больше. – Сам бы попробовал его успокоить!

– Я пробовал, три часа подряд! – Ороен, не желая повторять свой подвиг, малодушно укрылся одеялом с головой. Особой пользы это не принесло: вопли безо всяких помех проникали сквозь плотную ткань, зато разобрать, что бубнит изнутри вампир, магу теперь не удавалось. Тем более он, кажется, уже оглох на правое ухо, имевшее неосторожность находиться на пядь ближе к источнику звука. Ксандр с тоской глянул на лежак, на котором рассчитывал вполглаза подремать до рассвета и, не удержавшись, язвительно напомнил:

– Между прочим, это надежда твоей долины, вот ты ее и успокаивай!

– Но сейчас твоя очередь дежурить! – не остался в долгу Ороен. Ксандр вздохнул, безнадежно потряс сверток и уже серьезно заметил:

– Если он не прекратит вопить, через полчаса сюда сбежится вся окрестная нежить. Младенческий плач для нее как магнит, ни одна тварь не откажется им полакомиться.

Вампиру волей-неволей пришлось покинуть свое эфемерное убежище и присоединиться к коллеге по несчастью. Ребенок охотно поддал жару, дабы ни одна из нянек не чувствовала себя обделенной.

– В мою смену он так не орал, – озабоченно заметил Ороен. – Может, тряпку надо сменить?

– Я проверял, вес в порядке, – раздраженно отмахнулся Ксандр. – И есть он не хочет. Я уж от отчаяния даже заклинанием его усыпить пытался ...

– На светловолосых магия не действует. Они инстинктивно ее отражают.

– Да неужели? —съязвил маг, – Ни за что бы не догадался!

– А на меня-то зачем злиться? – обиделся вампир.

– Ну не на него же, – резонно заметил Ксандр. – Какие еще проблемы могут быть у ваших младенцев?

– Как и у ваших, – пожал плечами вампир, – Чего-то испугался, животик заболел...

– Животик? У вас же до двухсот лет вообще болезней не бывает!

– Так это и не болезнь, – резонно заметил вампир. – Обычные детские колики – может, молоко слишком жирное или кислое попало, или перекормили.

– И что же нам теперь делать? – беспомощно поинтересовался маг, с трудом вклинившись между двумя воплями.

– Ничего. Тут травница нужна, – вздохнул вампир. – Раньше-то ты с ним как управлялся?

– Первый месяц его вообще не слышно было, – с тоской припомнил Ксандр. – А потом мои помощники им занималась, я только изредка забегал. А у тебя дети есть?

Ороен отрицательно покачал головой. Та любимая и единственная, от кого бы он их завел, вышла замуж за другого, и он давно уже с этим смирился... впрочем, сейчас это не казалось ему такой уж огромной потерей.

– Тебя, полагаю, можно не спрашивать?

– Могу ответить. И не будет!

Мужчины тоскливо переглянулись и со внезапно нахлынувшей симпатией подумали, что, пожалуй, вампиров и людей разделяет не такая уж и широкая пропасть, если мостиком через нее может стать обычная детская корзинка...

Еле дотерпев до рассвета, еще не друзья, но уже и не враги снова забрались в седла. Стоило лошадям тронуться с места, как рев сменился плачем, потом редкими всхлипами и, наконец, – вожделенной тишиной, нарушить которую маг и вампир не смели даже шепотом, перейдя на общение выразительными знаками.

Через пару часов взошло солнце. Стало жарко, над выжженным, только-только начавшим обрастать молодой травкой полем зажурчали трели жаворонков. Кобыла Ксандра наступила на обрывок кольчуги, запуталась и испуганно прянула в сторону, волоча за копытом звенящее кружево. Маг поспешно натянул поводья и, спрыгнув, отцепил от разболтавшейся подковы застрявшее под ней колечко. Прочитал короткое заклинание, чтобы она окончательно не отвалилась посреди дороги кому-то на счастье, боязливо прислушался, но корзинка по-прежнему хранила блаженное молчание. И десять минут спустя, и час, и два...

Ороен не выдержал первым.

– Слушай, а вдруг он уже есть хочет? Но ночью так накричался, что сейчас даже пискнуть не в силах?

Маг повернул к нему осунувшееся лицо с красными от недосыпа глазами. Никакая нежить ночью так и не появилась – видимо, побоялась, что вконец озверевшие мужчины припрягут ее к неблагоприятному делу по укачиванию несостоявшегося обеда. Но лучше бы Ксандру пришлось иметь дело с десятком упырей, чем с одним раскапризничавшимся младенцем!

– Если он чего-нибудь захочет, – выразительно сказал маг, – мы сразу об этом узнаем!

Вампир не посмел настаивать. Он и сам только-только задремал в седле, так что следующие полчаса прошли в тишине – увы, уже не

казавшейся мужчинам такой блаженной. Ксандр с трудом удерживался от искушения распотрошить обвязанную тряпкой корзину и убедиться, что маленький паршивец сладко спит, а не отдает концы или – о ужас! – по какой-то жуткой ошибке забыт на привале.

Наконец маг сдался и, притормозив, осторожно заглянул в корзину.

Больше таких экспериментов не делали. В отличие от мужчин ребенок успел прекрасно отдохнуть и отоспаться, за последующие четыре часа с лихвой выполнив и перевыполнив дневную норму.

– И почему ты меня ночью не загрыз?!

– Какое счастье, что я этого не сделал!

Корзинку в данный момент вез маг, что отнюдь не радовало его кобылу (до этого вампир около часа ждал Ксандра неподалеку от деревушки, куда тот отправился за молоком и имел неосторожность вернуться, так что отвертеться от почетной ноши ему не удалось).

Ко времени ночного привала до Догевы оставалось всего несколько верст, но лесом, соваться в который по темноте с конями путники не рискнули. Тем более даже вампир не мог дать гарантии, что его соплеменники встретят незваных ночных гостей с распростертыми руками. С распростертыми зубами – куда вероятнее, так что утро намного больше подходило для первого... ну не дружеского, но хотя бы нейтрального контакта.

На этот раз первое дежурство выпало магу. Ороен с полчаса поворочался, поморщился, но все-таки уснул. Ребенок, для разнообразия – тоже, и Ороен, на всякий случай не спуская его с рук, начал малодушно клевать носом.

За что пару часов спустя и поплатился. Роковая ошибка выглядела как дюжинный отряд бывших легионеров, он же банда нынешних мародеров со взведенными арбалетами. Когда Ксандр поднял голову, а Страж, даже сквозь глубокий вампирый сон почувствовав присутствие чужаков, беспокойно шевельнулся и открыл глаза, разбойники уже обступили их стоянку и, видя, что серьезного отпора здесь не предвидится, окончательно осмелели.

– Ага. – Главарь вразвалочку подошел к костру, по-хозяйски заглянул в котелок, – Сидят, голубчики. Огоньком греются. И кулеша, гляди-ка, нам уже наварили... Да ты сиди, мужик, сиди, не беспокойся, мы сами себя обслужим!

Мародеры вразнобой, но одинаково мерзко захохотали.

– А это у нас чего? Никак упырь? – Разбойник кончиком меча заставил злобно ощерившегося Ороена приподнять голову. – Надо же, как нам

сегодня свезло! И за клыки можно у знахаря горсть монет выручить, и на доху мне как раз одной шкуры не хватает...

– Война закончилась, – холодно сказал маг, прижимая к себе снова начавшего попискивать ребенка. – И в случае чего вас будут судить по законам мирного времени, как разбойников и убийц.

– Что ты сказал? – Главарь глумливо приставил ладонь к уху, – Что там у этого хмыря кончилось, э? Ничего не расслышал! Зато вот чего скажу: лес вокруг глухой, королевские глашатаи вечно с вестями запаздывают, а наше дело маленькое – сказали нежить изничтожать, мы и рады стараться. Верно, ребята?!

Банда отозвалась согласным гулом и придвинулась еще ближе. Двое, ничуть не стесняясь владельца, беззастенчиво рылись в чересседельных сумках, отшвыривая бесполезные, с их точки зрения, вещи.

– Почему бы вам просто не забрать деньги и лошадей и не убраться отсюда? – предложил Ксандр. Унижаться перед подобным отребьем было невыносимо противно, но нацеленные со всех сторон арбалеты и занятые ребенком руки сводили на нет все его магические способности. – Мы лю... путники мирные и шума поднимать не будем.

– Э, нет, мил человек, – осуждающе покачал головой главарь, – Ты, мнится мне, обмануть бедных лесных мужичков хочешь. Думаешь, не вижу, что ты колдун? И только покуда мы тебя на прицеле держим, не рыпаешься? А когда мы сдуру денежки возьмем и, откланявшись, спиной к тебе повернемся, тут-то ты нам в нее молнию какую и влепишь. Нет уж, придется тебя, болезного, вместе с упырем кончать...

Ксандр ни на секунду не усомнился в серьезности их угроз. Свидетели мародерам и в самом деле ни к чему – они же намерены через недельку-другую, когда кончатся хлебные деньки послевоенной суматохи, вернуться домой героями. Не признаваться же женам и детям, что привезенное ими золото не взято с бою в захваченном вражеском обозе, а снято с трупов мирных жителей, зачастую – своих же, людей...

Лицо мага исказилось от ужаса, он попытался было что-то пролепетать, но вместо этого побледнел, закатил глаза и повалился на спину, выпустив ребенка из рук – да так неудачно, что тот шлепнулся с лежака на землю. Будь на месте Ороена любящая мамочка младенца, она бы либо сама упала в обморок, либо, невзирая на арбалеты, кинулась проверять, все ли в порядке с ее драгоценным чадом, а разбойники без колебаний истыкали стрелами всех троих. Но, на что Ксандр и рассчитывал, по другую сторону костра сидел хоть и верноподданный, но разъяренный, не выспавшийся и оттого еще более злой вампир, который

без колебаний набросился на ближайшего разбойника, по чистой случайности оказавшегося главарем. Тот успел спустить тетиву, но Ороена это не остановило – вампир сгрэб человека за шиворот и рывком развернул спиной к дружкам, тоже поспешившим разрядить арбалеты. Главарь не успел даже крикнуть, только выгнулся дугой и захрипел, когда его тело пробило сразу четыре болта.

Никому и в голову не пришло для верности пальнуть в потерявшего сознание мага – а совершенно напрасно. Боясь задеть вампира, Ксандр ограничится простым силовым пассом, подкосившим колени и вышибившим из рук оружие, и приготовился было орудовать мечом, но оставшиеся без главара разбойники не приняли боя, бросившись врассыпную.

– Мразь, – сплюнул маг, убирая меч в ножны и наклоняясь за ребенком. Судя по интонации – если это слово вообще применимо к непрерывной вибрирующей трели – и выражению сморщенного от рева личика, тот не столько испугался, сколько возмутился, приготовившись долго и жестоко мстить за столь бесцеремонное обращение.

Ороен, помедлив, разжал руки, и мертвое тело мешком осело к его ногам. Поморщившись, нашарил засевший в боку болт и, выдернув, швырнул в костер.

– Вот ты его теперь и успокаивай, – только и сказал он проштрафившемуся караульному, возвращаясь на лежак и с головой укрываясь одеялом.

Ксандр всерьез задумался: а не потерять ли ему сознание по-настоящему?

Лес горел совсем недавно – сверху еще осыпались черные хлопья бывшей листвы, горький сизоватый воздух першил в горле. Уцелели только самые высокие и зеленые деревья – занявшийся до самых макушек сухостой валялся на земле в виде дотлевающих колод, а от подроста остались лишь обугленные прутики стволов.

Ороен бросил на мага быстрый, вроде бы ничего не выражающий взгляд, но Ксандр пристыженно прикусил губу и потупился, хотя причиной пожара стали вовсе не пульсары или прочие огненные магические штучки: в лесу их не использовали, да и маги уже месяц как отказались от участия в войне. Люди превосходно обошлись катапультами с облитыми смолой и подожженными ядрами.

Да, я маг. Я первым выступил на Совете с гневной и пламенной речью, убедив междурасовый Ковен Магов, до сих пор старавшийся держаться в стороне от политики, прекратить войну, приняв ради этого сторону

вампиров.

Но я еще и человек. И все равно виноват – в том, что не сделал этого раньше... что вообще позволил войне начаться...

– Orroen?! T-ta irra, kasshen!

– Trenn, in'sa! – охотно откликнулся Ороен, приветственно махнув рукой невидимому Стражу. – Thail'letta, na renn, weris Lan Kielanna!

– Klea, dsai w'est

Из кустов так никто и не вышел, но вампир заметно оживился:

– Он сообщит о нашем прибытии и позаботится, чтобы мы беспрепятственно добрались до города.

– Прекрасно, – с облегчением вздохнул маг, наконец-то позволив себе расслабить плечи. Хотя и до этого отлично понимал, что стреле совершенно все равно, в какую спину втыкаться – прямую или ссутуленную.

Пепелища домов и выжженные просеки встретились на их пути еще не раз. Но были и аккуратно расчищенные полянки, заново вспаханные поля и свежие, только что сложенные срубы с костяками-стропилами будущих крыш. Долина понемногу восстанавливалась – а теперь, с возвращением Повелителя, у нее и в самом деле появилась надежда на возрождение.

Центр города война почти не затронула. У эффектного фонтана посреди площади стояла стройная – пожалуй, даже худощавая – женщина в черном облегающем костюме, выжидательно сложившая руки на груди и безо всякого энтузиазма наблюдавшая за приближением мага. Легкий ветерок ворошил коротко, неровно остриженные волосы – то ли опаленные, то ли наспех обкорнанные ножом, чтобы не мешали в бою.

Ксандр заглянул ей в глаза – и содрогнулся. Черные, пронзительные, глубоко запавшие от усталости и такой же застарелой ненависти... и совершенно мертвые. Маг подумал, что, если бы Догеве пришлось-таки принять заключительный, отмененный в последний момент бой, эта женщина без раздумий бросилась бы на врага даже с голыми руками – беспощадно мстить за тех, кого потеряла.

Охраны возле нее не было, но все проходящие в тот момент по площади женщины (ни одного мужчины Ксандр не заметил – видимо, те занимались восстановлением долины, да и немного их осталось) на всякий случай задержались и настороженно присматривались к человеку, готовые, чуть что, броситься ей на выручку.

Ребенок выбрал просто идеальный момент, чтобы сообщить миру о своем очередном недовольстве оным.

Это стало последней каплей. Вернее, пронзительным, насквозь пробуравившим голову воплем. Измученный, еле стоящий на ногах маг, несколько дней готовивший дипломатическую речь, неожиданно понял, что ему глубоко плевать, что подумает о нем Верховная Догевская Травница, неофициально возглавляющая Совет Старейшин Долины. Да пусть хоть загрызет на месте, лишь бы наконец-то полежать в тишине и покое!

И, без положенных церемоний шагнув вперед, молча протянул ей свою ношу.

Травница брезгливо и удивленно присмотрелась к попискивающему свертку... и вдруг, вытаращив глаза, со звериным рычанием метнулась к магу и выхватила у него ребенка. Ксандр пошатнулся от неожиданности, Ороен едва успел придержать его за локоть, а вампирша, распотрошив пеленки и торопливо удостоверившись, что ей не померещилось, подняла испуганно вякнувшего младенца вверх и срывающимся голосом выкрикнула несколько слов на алладаре. Изумленные возгласы очень быстро сменились криками ликования, женщины плотным кольцом обступили травницу, наперебой тараторя и пытаясь коснуться пальцами хоть краешка пеленки. О мужчинах забыли. Напрочь. Умиленно ахающая и сюсюкающая процессия (из середины которой доносились протестующие вопли младенца, запоздало сообразившего, во что он вляпался) пересекла поляну и скрылась в Доме Советаний, оставив героев в гордом одиночестве.

– Может, по пиву? – неожиданно предложил Ороен, кивая на расположенное неподалеку заведение.

Ксандр, еще словно не веря в избавление от предмета их общих страданий, посмотрел на свои пустые руки, потом воздел глаза к небу и истово возблагодарил всех богов оптом, хотя до сих пор сомневался в существовании даже одного.

– Да, за ТАКОЕ определенно стоит выпить! И вампир с человеком, опираясь друг на друга, из последних сил поковыляли к пивной.

Но это уже совсем другая история...

Цикл «Сказка – ложь, узнайте правду!»

О БЕДНОМ КОЩЕЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

I

– Василисушка... – томно, с придыханием молвил Илья Муромец, «незаметно» передвигаясь тяжелым окольчуженным задом по зеленому пригорку на вершок поближе ко мне. Слева от Илюши протянулась изрядная полоса примятой травы.

– Чего? – мрачно буркнула я, отодвигаясь на полтора вершка. Эдак, чего доброго, пригорок и вовсе кончится и загремлю я с обрывистого берега напрямик в Смородину-реку, а этот недотепа, чтоб его, еще кинется меня спасать и всенепременно потонет в своей двухпудовой броне.

Вот уж точно: сила есть – ума не надо.

Ну сами подумайте: такой славный, тихий летний вечер выдался, солнышко красное воду в Смородинке до самого бережка вызолотило, лебедушки на стрежне друг перед другом красуются, а он мне тычет пообломанной булавой в Калинов мост и бает, в каких страшных мучениях подыхало обезглавленное им чудо-юдо. Дескать, «кровища аж до самого тридевятого царства волной в берега плескала». Нет бы рассказать предмету своей страсти баснь о далеких странах, о чудесах заморских... На худой конец объяснил бы, как водяная мельница устроена, а то давно любопытствую, а растолковать некому: батюшка царь государственными делами занят, третий день пьет в тереме меда хмельные с послами заморскими, бояре сами толком, не знают, а сестрицам моим сие неинтересно. Им лишь бы наряды примерять да в тех нарядах перед царевичами-королевичами красоваться. На худой конец перед богатырями вроде Муромца юбками вертеть. А от него, между прочим, так потом разит, что только у реки на ветерке сидеть и можно. И в бороде капуста из щей позапутывалась. Ну вот, теперь еще обниматься полез! А ручищи-то волосатые аж до самых ногтей, ногти пообломанные, и грязь под ними позапрошлогодня пластами лежит, хоть ты паши да пшеничку сей. Еще приснится ночью, подушкой не отмашешься!

– Ты чаво?!!! – реву я грубым голосом деревенской девки, запоздало смекнувшей, зачем пригожий молодец позвал ее в амбар. – А вот батюшке скажу, он ужо тебя!

Врал, наверное, про чудо-юдо. Испугался царского гнева, аж поджилки затряслись. Дескать, я его «неправильно поняла», он, видите ли, только

«комарика зашибить» намеревался. Да к нему комарик на версту не подлетит, – упадет замертво!

О, наконец-то! Нянюшка с чернавками идет! Думали, я тут за три часа зазябну и к груди богатырской прильну погреться? А шиш вам! Пусть лучше меня насквозь ветром продует, комары заживо съедят, а к Муромцу на плечо голову не склоню, не дождетесь!

Как же мне надоели эти богатыри, царевичи, королевичи, боярские детки, один другого ядреней... У батюшки семь жен, тридцать дочек, чего он ко мне прицепился? Видите ли, «самая удалая, самая любимая, вся в него пошла». Вот пусть сам замуж и выходит, раз вся в него! Какая царевичам-королевичам разница, кого в жены брать, лишь бы полцарства за ней давали, как за мной. К одной шестидесятой они не больно-то сватаются, из двадцати девяти сестер только пятерых на свадебных возках и умчали. Зато – по любви. А есть ли она, та любовь? Мне уж точно не светит, даже лучика не кажется. Сорок сороков женихов за два года переглядела, ни один не приглянулся.

Вот батюшка ругается – мол, уж больно я переборчивая. Да моя ли в том вина? Взять того же Муромца – только мебель в тереме двигать и гош, с ним цветочки в лес нюхать не пойдешь, в игру берендейскую на клетчатой доске не сыграешь, стихи складывать не умеет, а чужие сказывать начнешь – засыпает. Зато, батюшка говорит, враги нас бояться будут, коль у него в зятях сам Илья Муромец числиться будет. Как же, держи подол шире! Кто этого Илью боится? Только те, кто его издали видал, близко к врагам он не подходит, чтобы не зашибли ненароком!

Иван-царевич намедни сватался, да у него на лбу написано, что его в детстве из люльки роняли... а люлька та на колокольне висела. Говорят, вся челядь за глаза кличет его не царевичем, а... в общем, не великим разумником.

Васька Соловей зимой сватов засылал. Этого батюшка сам прогнал, еще и Муромца натравил. Оказалось, Соловей под шумок корону запасную, самоцветную, из сокровищницы спер, клеймо вытравил и шамаханам в тридевятое царство продал. Разбойник, что с него возьмешь...

Купец один подкатывал – Емеля Попович, что ли? Принес в подарок щуку трехсаженную, не знали, куда ее деть, ни в одном ларе со льдом не помещалась, так во дворе до весны и провалялась, пока не стухла. Под угрозой лишения головы заставили купца забрать ее обратно, дабы царевы коты не потравились.

Сами видите, выбор не велик, да стоять не велит, – семнадцатый годок мне уж стукнул, еще месячишко-другой, и все: обзовут перестарком, не

захотят заморские державы через меня с царем Еремеем родниться, – коль красная девка о восемнадцати веснах замуж не выскочила, значит, что-то тут нечисто. И будь я хоть трижды Василиса Премудрая, Прекраснейшая из царевен Лукоморских, никто в мою сторону и не посмотрит.

Илья Муромец предпринял последнюю отчаянную попытку вытеснить меня с пригорка, но я резво вскочила на ноги и побежала навстречу нянюшке.

– Ах ты, дитяtko мое бедное! – воркует нянюшка, а сама на Муромца глазом косит: ну как? Растаяло сердечко девичье али сызнова упрямая царевна от ворот поворот дала? – Зазябла, поди? Ручки-то какие холодные... Вот, накинь-ка платочек пуховый, мигом согреешься...

– Нянюшка, да какой платочек? – возмущаюсь я. – Лето на дворе, с Ильей рядышком сидеть никакой мочи нет – кольчуга на солнце накалилась, так жаром и пышет. Пойду-ка я лучше в терем, скажу чернавкам, чтобы воды в бадью натаскали – ополоснуться.

Нянюшка огорченно вздохнула. Хорошая она у меня, добрая, ласковая, только вот никак в толк взять не может – лучше уж совсем без мужа, чем за абы каким всю жизнь маяться.

* * *

А в тереме – беготня, крик, суматоха! Изловила я за полу боярина, мимо пробежавшего, к ответу призвала. Боярин длиннобородый царевне перечить не осмелился, разъяснил сбивчиво: приехал, мол, к царю Кощей Бессмертный свататься... тьфу, к дочкам царевым, сестрам моим сводным, оттого и переполох великий. Кощей вот-вот явится невесту себе выбирать, а в тереме до сих пор не прибрано, у батюшки царя борода с обеда не чесана, корона не полирована, речь не заготовлена.

Отпустила я боярина, он дальше побежал, да забавно так: опрометью мчаться чин не дозволяет, челядь засмеет, вот он и старается: спины не гнет, руками не машет, только коленки высоко подкидывает. По мне, так еще смешнее выходит.

Меня в залу тронную не звали, – сама мимо стражников прошмыгнула, встала за тронном царевым. Сестренки мои сводные уже все вдоль стеночки рядом выстроились, в праздничные сарафаны вырядились, косы золотыми лещами переплели, кокошники жемчужные напялили... было бы для кого! За неполный год сменилось у Кощей шесть жен, больше месяца ни одна не

продержалась. Сорок дней, душегубец, в трауре походит и снова к царским дочкам сватается. Трижды с Берендеем породнился, трижды с Горохом, теперь и до нашего Лукоморья черед дошел. Известно, дочерей у царей – как слив в урожайный год, только успевай с рук сбывать, пока в самом соку и червиветь не начали. На всех не то что царевичей – приданого не напасешься! А Кощей сам за невесту богатый выкуп дает, три пуда золотом, вот цари и рады стараться – отжалуют чернокнижнику пару-тройку детищ бесчисленных, и ладно, а там пусть он их хоть с маслом кушает, лишь бы в зятях значился. Убыток невелик, зато польза для государства немалая – не полезут на стольный град поганые басурмане, если знают, что сидит-посиживает между градом и степями привольными такой вон Кощей с дружиной. Любимиц-красавиц вроде меня, конечно, Кощеям так просто отдают, потому и о смотринах известить не удосужились. Не прогнали – и на том спасибо.

Пока я так размышляла, вошел Кощей, а с ним главный воевода всего войска Кощеева, видом грозен, но ликом пригож – темнокудрый, нос с горбинкой, губы кривит насмешливо, точно не в царский терем, а в село на посиделки выбрался.

А вот Кощей подкачал. После Ильи Муромца – свежего, румяного, упитанного (чисто поросенок печеный) – и глядеть-то не на что. Ростом, пожалуй, повыше меня будет, да толку в том росте – кожа, кости да жилы сухие. Истинно – сдыхоть, в чем только душа держится?

Тут Кощей мельком глянул в мою сторону... я так к земле и приросла, только что корни со страху не пустила. Очи Кощевы от колдовства-то повыцвели, белесыми стали, как снег в редкой тени, а уж зрачки, – словно кто пицаль взведенную прямо в лоб нацелил. Жуть! Отвернулся чернокнижник, пошел дальше. Черный плащ полой по полу шебуршит, седые волосы по плечам гривой рассыпались. Вот уж не повезет которой...

А Кощей долго и не раздумывал. Один только раз вдоль ряда прошелся, с воеводой переглянулся понимающе, пальцем ткнул:

– Эту.

Марфуша как заревет, – собаки на псарне лаем зашлись! Голосище-то у моей сестренки, как у протодьякона, бас пуще коровьего... Мамки-няньки давай ее утешать, пряники сахарные под нос совать. А Марфуша и через пряник реветь умудряется, да громко так, сердито! Тогда мамки-няньки ее под белые рученьки – да вон из залы, чтобы жених, чего доброго, не передумал, повнимательнее к невесте приглядевшись.

Батюшка выбором Кощевым дюже доволен остался, – навряд ли еще кто на Марфушу польстится, сам-то он к ней и на версту бы не подошел, ну

да дело вкуса.

– А что, – говорит царь с искусным намеком, – есть ли у тебя, зятек, на что пир свадебный справить?

Хлопнул Кощей в ладоши, глядь, – откуда ни возьмись, явился у трона царского сундук кованный, резьбой дивной изукрашенный. Три пуда обещанных.

– От слов своих не отказываюсь, да мне на пиру гулять недосуг, достанет и обряда венчального.

– Нет, совсем без пира нельзя, – уперся царь. – Что это за дела – свадьбу царевой дочери не отметить? Либо через неделю пир горой закатим, как только стряпухи кушаний всяческих наготовят, караваев напекут, либо, если тебе так уж невтерпеж, одним махом две свадьбы сыграем – завтра дочь моя любимая, Василисушка, за Илью Муромца выходит.

– Завтра так завтра, – согласился чернокнижник, вдругорядь в ладоши плеснул, и в сундуке крышка сама собой распахнулась, батюшка только ноги поджать успел, а там – золота да каменьев с горкой насыпано.

– Что-о-о?! – подавилась оканьем «любимая дочь Василисушка». – Какая такая свадьба? Какой Муромец?!

Выскочила я из-за трона, очами грозными на батюшку сверкнула, бока руками подперла. Царь так в спинку и вжался, корона на лоб сползла. Я-то не Марфуша, я реветь не буду, как приложу ручкой белой да по уху – мало не покажется!

– Эк ты, батюшка, ловко за моей спиной распорядился, меня не спросив! А я-то думаю, с чего бы это Муромец за мной третий день хвостом ходит, как соломина, к каблучку приставшая! Ан вон оно что! Женишком себя возомнил, борода капустная! Шиш ему!

И показала шиш. Бояре так и охнули. Царь шиш у себя из-под носа отодвинул аккуратненько, Кощею поясняет виновато:

– Это она от радости нежданной в уме чуток тронулась, скоро охолонет. – И мне сквозь зубы: – Василиса, уйди добром, не позорь меня перед послами заморскими! После поговорим!

– Нет уж, я сейчас скажу, чтобы все слышали – не бывать завтрашней свадьбе, пуцай Кощей с Марфушей вместо меня гуляют, а я за Муромца не пойду, и весь сказ!

– Пойдешь как миленькая!

– А вот и не пойду! – Я ножкой как притопну, у батюшки корона так с головы и покатилась, еле подхватить успел. Воевода Кощеев ухмыляется – виданное ли дело, девка встрепанная на царя войной пошла!

– В темнице сгною! – неуверенно пообещал царь, привыкший пугать бояр да челядинцев.

– Что-о-о?!!!

– В покоях запру! – торопливо поправился батюшка. – И сластей давать не велю!

Смотрю – кивнул стражникам, те, стыдливо потупившись, уже ко мне подступают. Страхнула я руки постылые, спину гордо выпрямила, развернулась – только коса по воздуху свистнула, корону батюшкину наново сбила – да и прошла прочь из зала, сам Кощей посторонился, меня пропуская.

– Попадись мне только Илья Муромец – голыми руками на клочки разорву, не посмотрю, что богатырь! – бушевала я, расхаживая взад-вперед по горнице, для наглядности разрывая пополам подвернувшийся под руки платочек. Муромец, не будь дурак, где-то схоронился до завтра, весь терем обегала – не нашла.

Нянюшка с причитаниями семенила следом:

– Да что ты, Василисушка, такое говоришь! Все сестры тебе завидуют, все купчихи-боярыни слезами обливаются, все холопки по Илюше сохнут, – такой справный молодец тебе достался! За ним как за каменной стеной будешь!

– За стеной каменной? В темнице, что ль? – Не унял платочек моего гнева, примерилась я к вазе расписной из глины заморской, фарфоры поихнему.

– Бог с тобой, дитятко! – чуть не плачет нянюшка. – Не убивайся ты так, касаточка моя! Девки, они завсегда перед свадьбой страсти всякие себе надумывают, а опосля первой брачной ночи тихими да ласковыми становятся... Портнихи царевы тебе уже платье венчальное сшили, до того красивое, прямо дух захватывает, поди-ка примерь!

– Этот проходимец у меня до первого брачного утра не доживет! – И хрясь вазу об пол, только осколки брызнули, а вперемешку с ними – огрызки яблочные, корки от пирогов подгорелые, скорлупа ореховая, мышь дохлая, – то-то мы с сестрами гадали, отчего в горнице вторую неделю тяжелый дух стоит!

– Не разумеешь ты, Василисушка, своего счастья, – совестит меня нянюшка, – вон Марфушу и вовсе за Кощея просватали, однако ж она не упирается, отцу – срамотища-то какая! – прилюдно шишей не кажет!

– А что ж она так ревела, коль согласная? – Вторая ваза – на пол. Горлышко у ней поуже, потому и мусор мелкий – шелуха подсолнечная.

– От радости великой! – сама себе перечит нянюшка – только что

сестру в пример ставила.

– Еще бы ей не радоваться, от Кощея хоть потом прошлогодним не смердит!

Перебила я всю фарфору – успокоилась. Кликнула чернавку, та пол подмела чистенько, новые вазы из кладовки принесла, от паутины протерла, по местам расставила. Невелик убыток – всяк гость, на пир царский едучи, вазу в дар оставить норовит, тоже кем-то подаренную. Вазы еще куда ни шло, в них хоть крупы да меда хранить можно, а вот картины царь прямо на помойку возами вывозить велит. Есть у меня подозрение великое, что с той помойки картины живо разбирают и вдругорядь нам дарят.

Услала я нянюшку за кваском, сижу, думу думаю. Не пойду за Муромца – отец, глядишь, и впрямь затворницей сделает, хорошо, если на неделю, а там другого жениха подыщет, того же Ивана-царевича, тьфу-тьфу-тьфу, где тут деревянное что – постучать от сглаза? Пойду сама себя схороню на веки вечные...

А батюшка тут как тут – брови, видать, загодя перед дверями нахмурил, духу набираясь. В руке листок с речью комкает, мне на усовещивание волхвом написанной, начало вспоминает:

– Василиса, дочь моя единокровная, тебе, как царевне наследной, хорошо ведомо, что интересы государства требуют как можно скорейшего твоего замужества, ибо в настоящий момент у официально царствующего лица, то бишь меня, наблюдается плачевное отсутствие наследников мужского пола, а посему трон мой перейдет только ко внуку, коего еще и в помине нет. Твоя свадьба с Ильей Муромцем является стратегически важным политическим шагом в укреплении престижа нашего государства, способствует повышению авторитета у простого народа...

– Чего-чего там у народа повышается? – не поняла я.

Царь, как видно, и сам толком не знал, волхвом подученный. Кашлянул батюшка смущенно, поскреб в затылке, простыми словами заговорил:

– В общем, выходи за Илюшу сей же час, а не то худо будет!

Я только плечиками свысока передернула:

– И стоило из-за эдакой малости сыр-бор городить? Надо – выйду, только упреждать изволь заранее, а не накануне свадьбы, я и подруженек-то на девичник скликать не поспела...

Царь с листком сверился – непорядок: там еще уговоров сорок строк, а дочь уже согласная. Пропускать жалко: сам, когда в первый раз читал, их силе да разумности дивился.

– На, – говорит, – почитай на досуге, а я к Марфуше еще схожу, а то как бы она... от радости великой... не удавилась.

* * *

Толстые в тереме двери, добротные, а махонькая щелочка всегда найдется. Прильнула я ухом, слушаю.

Царь (*убедительно, с другого листка*). Ты, Марфуша, оставь эти свои средневековые предрассудки. Это раньше мы колдунов на кол сажали, а теперича они у нас самые что ни на есть уважаемые граждане, стратегически ценные субъекты, их на кол ни-ни! Тем более он все равно бессмертный...

Марфуша (*с ревом*). Он уже шесть жен загу-би-и-ил!

Царь (*оптимистично*). Ну вот видишь, семь – число счастливое! А почему ты знаешь, что он их загубил? Может, он шибко до ласк охочий, а жены все изнеженные попадались, не сдюжили? А ты у нас девка видная, в теле, сразу ему приглянулась, авось через годик-другой и Кощееночка деду на радость принесешь...

Марфуша (*недоверчиво шмыгая носом*). Да-а, по нему не скажешь, что охочий – глиста бледная, костлявая, даже борода толком не растет!

Царь (*задумчиво*). Может, он в детстве болел много?

Марфуша (*снова заливаясь слезами*). Тятенька, я его боюсь! У него лицо страшное!

Царь (*преувеличенно бодро*). Как говорится, с лица воды не пить! А бороду нынче брить ничуть не зазорно, даже модно. Так что, Марфуша, вот тебе мое отеческое благословение, а заодно и царский указ: чтобы завтра к обеду причесалась-нарядилась-нарумянилась, будем тебя замуж выдавать. И не реви, кому говорят!

Марфуша (*назло, что есть мочи*). Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Царь, заткнув уши, выскочил из горницы, я едва успела за дверью схорониться.

Только батюшка подальше отошел, – я в опочивальню прошмыгнула. Н-да... сестрица моя и так, честно говоря, красотой не блещет – рябая, простоватая, нос картошкой, уши лопухами, – а зареванная и вовсе почище пугала огородного будет. И что в ней Кощей нашел? А уж в теле так в теле, двумя руками не охватишь, разве что за шею...

– Будет тебе реветь, – говорю, – хочешь богатыря в законные мужья?

У Марфуши разом слезы высохли.

– Что? – не веря своим ушам, переспросила сестричка. – Это как?

– А так. – План у меня был очень простой. – Я не хочу выходить за Илью Муромца, а ты – за Кощея. Давай обменяемся женихами!

– А вдруг они не согласятся? – не поверила Марфуша. Ох и глупа же моя сестрица! Под стать Ивану-царевичу,

– Да мы их и спрашивать не станем, – терпеливо объяснила я. – Под покрывами венчальными подлога не заметят, а там поздно будет, развезут по теремам как миленькие.

Сестру долго уговаривать не надо! В детстве, помню, убежим с ней вместе в лес, найдем каких ни есть ягод, Марфуше только скажи – съедобные, так она, не задумавшись, до того ими укушается, что волхв потом только за голову хватается, царскому дитяти желудок прочищая.

На том и порешили.

Ночью, как челядь спать легла, сбежались мы с Марфушей в одну комнату, и давай хозяйничать при лучинах! Сделали из двух подвенечных платьев полтора да половинку – от Марфушиного нижние юбки отпоролы, к моему подшили, чтобы пышнее казалось. Стала я в том платье толще Марфуши, а Марфуша в урезанном со мной сравнялась. Верх решили не трогать – все одно его под покрывами не видать, а ростом мы равные. Обменялись бусами, веночками. Едва до петухов успели. Помогли друг другу обрядиться, платья сзади застегнуть, покрывы ровно приладить, чтобы чернавки поправлять не надумали, да и разошлись по опочивальням – Марфуша в мою, я в Марфушину.

Только солнце ясное луч в окошко кинуло, набежали мамки-няньки, сестренки-подружки, давай причитать, как исстари заведено. А мы все молчим да отмахиваемся, близко к себе не подпускаем, дабы обман наш не раскрылся. Хорошо, никто не обижается, не настаивает. Все понимают: невесты и без того в волнении великом, не спалось им, горемычным, всю ночь одевались-прихорашивались, чтобы в срок к венцу поспеть.

Пока собирались, слух прошел: женихи приехали, ждут в тронной зале. Подружки заторопили – выходить пора! Так во мне все и перевернулось-захолонуло. Я, Василиса Прекрасная, да за Кощея Бессмертного замуж выхожу! Ужас-то какой! Потом вспомнила Илюшину бороду – враз polegало. У Кощея хоть мучиться недолго буду.

Свели меня вниз по лестнице, к зале тронной. В покрове щелка махонькая, прямо перед собой вижу, а ноги где-то там внизу остались, на каждой ступеньке спотыкаются, няньки-мамки охают, под ручки крепко держат.

Распахнулись двери створчатые, ступила я за порог несмело.

А гостей в терем набилось, – зала только что по швам не трещит. Съехались отовсюду дальние родственники, сбежались ближние, батюшка заграничных послов пригласил, чтобы на приемах сэкономить, не проставляться отдельно. Все подружки мои да Марфушины тут как тут, челядь любопытная работу побросала, даже ключница, бабка столетняя, приковыляла на невест посмотреть. А чего там смотреть? Красный покров до пояса, ниже юбки сборчатые до самой земли, а за ними хвостом крысиным шлейф по полу волочится, пыль подметает.

Заиграли дудошники да гусяры, затянул венчальную двухдюжинный хор, кто-то меня в спину толкнул, и пошла я одна-одинешенька по дорожке ковровой, предо мной раскатанной. Гляжу – из двери напротив Марфуша выходит, ступает мелко. Дорожки в один угол сходятся, и стоит в том углу волхв с посохом вербным, омелой украшенным, книгу в руках держит ветхую, по коей еще мою прапрабабку венчали. По обе руки волхва женихи наши стоят. Муромец кафтан красный с золотом напялил, кочетом выступает, в баньке ради такого случая попарился: щечки разругались, кудри, встопорцились, борода венником распушилась. А Кощей все в том же плаще, Только рубаху сменил, позевывает украдкой.

Что там волхв говорил, я толком и не слушала. На Кощееву руку правую дивилась: покривленная она какая-то, иссохшая, и пальцы вроде с трудом гнутся. Кощей все ими в воздухе перебирал, разминал.

Тут шум в зале поутих, все почему-то на меня уставились. Батюшка вперед подался, Кощей глянул удивленно. Никак пропустила что?

Волхв терпеливо повторил:

– ...согласна ли ты, Марфа Еремеевна...

– Ыгы, – невнятно пробурчала я, подражая Марфушиному басу, и скоренько ткнула большой палец в подставленное Кощеем кольцо – на безымянном сестрин перстенок браслетом повиснет. Батюшка выдохнул облегченно, на спинку трона откинулся.

– ...согласна ли ты, Василиса Еремеевна?..

– Да!!! – как можно тоньше пискнула Марфуша, кокетливо протягивая Муромцу мизинец,

– ...во имя солнца и луны, неба и земли объявляю вас мужьями и женами! — торжественно заключил волхв, со стуком опуская посох.

Гости заулыбались, зашушукались, царь пустил слезу. Мы с Марфушей повернулись к новоиспеченным мужьям и одновременно откинули с лиц покровы.

Что тут началось! Все бегают, всем весело. Батюшка скипетр уронил,

волхв так на пол и сел, гости кто охает, кто хихикает, Муромец ревет белугой, от Марфуши отмахивается, а та все норовит законного супруга в губы лобызнуть. Кощей глаза вытаращил, застыл, чисто ерш во льду, с лица своего бледного спал, только губами чуть шевелит. Воевода Кощеев смотрел-смотрел, да как захохочет! Так пополам и перегнулся, по коленям себя бьет, приговаривает:

– Вот те раз! Ну и дела! Хорошо, не ключницу подсунули!

Кощей – на батюшку:

– Ты что же это, царь, шутки со мной шутить удумал?! Забирай свою пигалицу вертлявую, отдавай мою нареченную!

Волхв(сокрушенно). Увы, венчальный обряд свершен по всем правилам, и расторгнуть ваш брак может только смерть одного из супругов... Вам, молодой, это, по всей видимости, не грозит...

Царь(распалаясь на глазах). Не смей оскорблять мою любимую дочь, ты, зять худосочный! Стража!!!

Стража не торопилась на место свадебных действий, пугливо жалась за дверь, поглядывая на разъяренного Кощея.

Воевода(покашливая-отсмеиваясь). А какая тебе, Кощей, разница? Бери эту, и пошли отсюда. В другой раз ту возьмешь...

Тут мне сразу стало как-то не до смеха. А Кощей протянул руку, не глядя схватил меня повыше локтя и поволок за собой прочь из тронной залы. Покров слетел с моей головы и остался на полу ярким алым пятном.

Началась моя недолгая замужняя жизнь...

II

Прямо за порогом терема батюшкиного стоит возок свадебный, шестерней запряженный. Пока венчание шло, подружки его лентами изукрасили, мальчишки дворовые кошку дохлую к задку на веревке привесили – на счастье. Около возка дружинники Кощиевы при конях оседланных караул несут. Увидали меня – рты разинули, молодого поздравлять не решаются. Кощей и сам не рад, как дело обернулось, поскорее усадил меня на возок – и ходу. Воевода правит, Кощей рядом сидит. Разговаривают вполголоса, на меня даже не глядят. Дружинники по бокам скачут, чтобы я, чего доброго, по дороге не спрыгнула. Не дождутся! Сам женился, теперь сам пуцай и мается!

Долго ли, коротко ли ехали, глядь, – стоит в чистом поле терем Кощеев, двухрядным частоколом обнесенный. Свистнул Кощей, распахнулись ворота железные, влетела шестерня во просторный двор, и

ворота вслед затворились. Вышла на крыльцо старуха древняя, каравай румяный на полотенце вынесла – молодых привечать.

Разглядела меня – каравай хлоп в грязь! Как накинется старуха на Кощея – да полотенцем его по спине, по шее!

– Ты кого привез, черт шебутной, куда глаза твои окаянные глядели?! На такую красу руку поднял, чтоб она у тебя вконец отсохла!

Воевода на вырубку Кощею спешит, полотенце изловил и к себе тянет:

– Ты, Прасковья Лукинишна, погоди казнить, сперва накорми-напой, в баньке попарь, спать уложи, опосля и бранись, – у нас и без того день тяжелый выдался.

У бабки и на воеводу брани достало.

– Ишь, заступничек выискался, знаю я тебя – сам небось и подучил! Ой, девонька, а ты ж такая молоденькая, тебе бы еще жить-поживать, ить загубили злыдни лютые...

– Она сама кого хошь загубит... – ворчит Кощей, норовя мимо бабки в терем прошмыгнуть. – Поговори ты с ней, Черномор Горыныч, сил моих больше нет...

И воеводе что-то в руку вложил, серебром блеснуло.

Старуха тут же полотенце выпустила, заохала жалостливо:

– Костюшенька, да ты не приболел, случаем? Не ровен час, ветром по дороге продуло? Пойди приляг, касатик, а я тебе кисельку малинового наварю, с медком летошним покушаешь...

Не успела я опомниться – остались мы на крыльце вдвоем с воеводой, старуха вредная еще и дверь перед нами захлопнула, побежала Костюшеньку своего ненаглядного кисельком отпаивать. Куда я попала?! Мужу на меня глядеть тошно, челяди дела нет, до смерти четыре недели осталось...

А воеводе все веселье.

– Ты, Василиса, на стряпуху нашу с обидой не гляди, она бабка сварливая, да отходчивая. Сейчас чернавку същем, она тебя в опочивальню проводит, вещи занесет. Не печалься, все уладится.

Кликнул воевода, прибежала девка рябая, работящая, поклонилась низенько, назвалась Матреной. Вещей-то у меня кот наплакал, только то, что гости перед венчанием в возок положить успели, чтобы в залу с собой не тащить: вазы всенепременно, четыре штуки, клетка золотая – намек чей-то глупый, сапожки, на Марфушу шитые, – две ноги в голенище уместятся, каблучки не подковками – подковками лошадиными подбитые, бусы корундовые в шкатулочке, да из сверточка малого кружева выглядывают.

Пошла я за чернавкой, и воевода следом. Богатую мне опочивальню

Кощей выделил, просторную да светлую, кровать под пологом кружевным семью перинами укрыта, на них семь подушек горкой уложено, полстены зеркалом в раме картинной занято, а под ним – столик с притираниями и духами заморскими в пузырьках хрустальных. Пока чернавка вещи носила, воевода, наказ Кощеев выполняя, такой разговор повел:

– А теперь, Василиса Еремеевна, слушай меня внимательно да на косу, в отсутствие уса, мотай. По терему и во дворе ходи свободно, делай что душеньке твоей угодно, челядью командуй смело, гостей принимай, в чем нужда возникнет – наряд там али перстенок какой, – у Кощея попроси, он не откажет, но сама за ворота – ни ногой, и цепочку эту носи не снимая, иначе – смерть. Поняла?

Протянул воевода мне цепочку – звенья серебряные, подвеска изумрудная, в виде черепа обточенная, изнутри огоньком живым подмигивает.

– Поняла, – говорю, – а вы с Кощеем по очереди за воротами с топором караулить будете?

И что я такого смешного оказала? Воеводу пополам согнуло.

– Нет, Прасковью Лукинишну приставим! – наконец отвечает. – Выбрось-ка ты из головы эти глупости, делай, как велено, и никакой беды не приключится.

Застегнула я на шее цепочку, а прежде кольцо обручальное на нее привесила, – все равно с пальца сваливается. Подумаешь, могу даже из терема не выходить, если только за тем дело стало, да вот гложет меня сомнение великое в словах воеводининых...

* * *

Что творится между мужем и женой под покровом первой брачной ночи, я не раз слыхивала. Замужние сестры баяли. Накануне свадьбы нянюшка, правда, пыталась мне что-то втолковать касательно тычинок и пестиков, но сама запуталась и, махнув рукой, под конец сказала: «В жисть не поверю, чтобы молодые сами не разобрались!»

Вот и разбираюсь. В гордом одиночестве, на прибранной кровати. Светец едва тлеет, скоро угаснет. Чернавки особой ко мне не приставили, сменить лучину некому. Я сидела на краешке кровати в роскошной кружевной сорочке – свадебный подарок посла некой заграничной державы, с которым батюшка благополучно допиллся до бессрочных

кредитов, – потирала друг о дружку зябнувшие пятки и злилась все больше. Мой законный супруг почему-то запаздывал с отдачей первого супружеского долга. Сначала я со страхом прислушивалась к тишине за дверями – пущай только заявится, уж я ему покажу кузькину мать, чтоб вообще дорогу к моей опочивальне забыл! – потом ожидание начало раздражать. Он там бродит невесть где, а я его ждать должна, очей не смыкая? И спать вроде как-то неприлично, первая брачная ночь все-таки...

Ближе к полуночи я смекнула, что Кощей решил ограничиться взаимозачетом. Мне тут же расхотелось спать. С какой это стати меня, царскую дочь, прекраснейшую из царевен Лукоморья, с первого же дня обделяют прелестями супружеской жизни?! Прелести, конечно, сомнительные, тем паче опосля батюшкиных домыслов касательно моих померших предшественниц, но до чего же обидно!

Я решительно спрыгнула с кровати. Не так велик Кощеев терем, чтобы не сыскала я его опочивальни. Да и луна в окошки слюдяные светит, подсобляет. Ткнулась в одну дверь – гостевая, прибрана чистенько; в другую – воевода на кровати спит, храпит с подвыванием, воров, видать, отпугивает; в третьей оружие по стенам развешано, на полу шкура волчья пасть раззявила. В четвертой комнате сам Кощей сыскался – не иначе сон дурной ему видится: зубами поскрипывает, ворочается во сне, на самый краешек постели переметнулся. Ну погоди ж ты у меня, супруг богоданный!

Да как сдерну с него одеяло, как вспрыгну на кровать – только доски затрещали!

– Вставай, – говорю, – пробил час расплаты!

Кощей подорвался спросонья, да так на пол кубарем и покатился! Хотел вскочить, глаза толком не продравши – о низ кровати головой ударился, только гул пошел. Выбрался наконец, на меня глядит осовело:

– Ты что, Василиса, очумела? Чего тебе посередь ночи от меня надобно?

– А того, – отвечаю, – и надобно, за чем справные мужья сами приходят, а не под одеялами в исподнем хоронятся! Отдавай сей же час долг положенный, пока на него двойные проценты набежать не успели!

– Вот еще, – начинает злиться Кощей, шишку на затылке потирая, – я тебя в третий раз вижу, а расписок долговых и вовсе не упомяну! Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову со своим липовым долгом, мне до него дела нет!

И руку ко мне тянет – с кровати сдернуть. Я его – подушкой:

– А неча было жениться, коль чреслами слаб!

Не стерпел Кощей такого поношения, осерчал вконец:

– Да при виде такой ведьмы и каменный мост провиснет! Ишь, вынь да положи ей супружеский долг, а у самой-то, поди, давно закрома нараспашку: заходи, кто хочет, бери, что надо!

Задохнулась я от обиды незаслуженной:

– Тебе до моих закровов дела нет, не про тебя они опечатаны! Попробовал бы только отомкнуть – враз без ключа остался! Ничего мне от тебя не надобно – ни долгов, ни кредитов, – поглядеть только хотела, как ты отбрехиваться будешь!

– Нагляделась? – спрашивает Кощей.

– Нагляделась!

– Тогда вон отсюда!!!

Рукой в воздухе мелькнул, опочивальня словно туманом речным подернулась, а как развеялось наваждение – стою я в коридоре, и перед самым носом – дверь запертая.

Бухнула я в нее от души ножкой белой:

– Ну погоди, Кощей, я тебе припомню, как законную супругу из опочивальни выставлять, договорить не давши! А ну открывай сей же час, пока я весь терем не переполошила, то-то челядь потешится, что хозяин от молодой жены за семью запорами схоронился!

Распахнул Кощей дверь, встал на пороге, чтобы я сызнава в опочивальню не прошмыгнула. Выше меня на целую голову оказался.

– Ты мне не супруга, а подменыш обманной, век бы тебя не видать! Что ж ты на мою голову навязалась, коль и я тебе не люб? Шла бы в терем к Муромцу, у него, поди, ключ богатырский, амбарный!

– Чтобы ты Марфушу, сестрицу мою любимую, со свету сжил, как прочих жен? Не бывать тому! – И дверь на себя тяну, больше из упрямства – ничего мне в опочивальне Кошеевой не надобно.

– Никого я не сживал! – сердится Кощей, дверь изнутри подпирая. – Из-за глупости своей сгинули, и по тебе видать – недолго протянешь!

Потягали мы дверь, Кощей переборол и вдругорядь защелкнул.

Стою я в коридоре – смех разбирает. Вот те и первая брачная ночь! Упарились оба, чуть кровать не сломали, а толку? Раньше я его боялась, теперь, кажись, друг дружку. Хотела было еще в дверь постучать – раздумала. Чего доброго, и впрямь челядь набежит, засмеет обоих.

Вернулась я в свою опочивальню, на кровать повалилась да так поверх перины и уснула – уморилась за день.

* * *

Утром Матрена в дверь постучала, разбудила:

– Вставай, хозяйка, уже третьи кочета песней солнышко порадовали, твой муж с воеводой давно за столом сидят, трапезничают! Выйдешь к столу аль велишь в опочивальню кушанье которое подать?

– Выйду, принеси только ковшик водицы студеной – глаза ополоснуть!

Матрена скоренько обернулась, помогла мне одеться, волосы расчесать. Чешет да все ахает:

– Красотища-то какая, чисто шелк золотой, так сквозь гребень и течет!

Заплела я косу, лентой перевила, в сундуке сарафан зеленый на меня сыскался. В трапезную лебедушкой величавой заплыла – хозяйка я али не хозяйка?! Кощей с воеводой за столом накрытым сидят, вокруг Прасковья Лукинишна суетится, потчует. Заметили меня – так и обомлели, впервые толком разглядев. Стряпуха руками всплеснула, Кощей косится недоверчиво, воевода и вовсе куском хлеба подавился, кашляет, глаз с меня не сводит.

А я и сама знаю, что хороша: коса ниже пояса, губки алые, очи зеленые, брови черные, стан тонкий, сзади – заглядишься, спереди – залюбуешься. Воевода с места подорвался, стул передо мной выдвинул:

– Откушай с нами, Василиса Еремеевна, укрась стол...

– Я, – отвечаю, – не петрушка с укропом – стол вам украшать.

Взяла и назло другой стул выдвинула, присела. Вот так всегда – только красу мою молодцы и видят, по ней и почет. А я, между прочим, еще и Премудрая – наш волхв только диву давался, как скоро я счетной и грамотной науке выучилась! Небось Марфуше бы стула не выдвинул...

Кощею же, видать, ни до ума, ни до красоты моей дела нет. Словно позабыл обо мне, с воеводой беседует, сидит за столом по-домашнему, у рубахи белой ворот нараспашку, рукава по локоть закатаны. Разглядела я наконец, что рука правая у Кощей поломана была, срослась неровно, оттого и слушается плохо. Кабы не седина да глаза колючие, никто б ему больше тридцати годков не дал, бессмертному.

Прасковья Лукинишна так вокруг Кощей и увивается, лакомый кусок подсунуть норовит:

– Костюша, испей молочка! А вот рябчик печеный с брусницей, отведай! Попробуй расстегайчиков с осетриной! Что ж ты пирожок с капусткой не ешь, касатик?

Непонятно мне сие: от батюшки моего волхв велит кушанья подальше ставить и медами хмельными вне очереди не обносить, потому как у царя мера в еде-питье такова: есть, сколь влезет, и пить, покуда закусь не всплывет, опосля чего всенепременно требует гусли, бренчит на них без

ладу, горько плачет и заставляет бояр да послов ему подпевать. Наутро самолично обходит темницу и отмыкает тех бояр, что давеча пели нескладно, перед послами очень извиняется, особенно ежели которых за неуважение к пьяному царю на дыбе вздернуть успели.

Кощей же на кушанья глядит равнодушно, от каждого отщипнет да оставит, я и то больше съела. Зато воевода за троих уписывает, его и потчевать не надобно – руки загребушие через весь стол тянет.

– Съезжу-ка я, Кощей, в дружину, учения какие устрою, проверю, чем они там без меня занимались – на полатях лежали аль мечи держали.

– Поезжай, – отвечает Кощей, – заодно зашли в степь кого из парней пошустрее на коне легконогом, пускай поедит вокруг орды басурманской, повыспрашивает в селениях окрестных, не обижают ли их басурмане.

– А где ваша дружина? – не утерпела я. – Покамест слыхом не слыхать, видом не видать!

Кощею разговаривать со мной не в охотку, на воеводу глянул, тот мне отвечает:

– У дружины стан свой посреди поля широкого, чтобы не мешать никому, и самих чтобы от дела ратного не отвлекали. Увидишь еще, успеется...

Тут стряпуха в разговор встряла:

– А что это Костюша дверь в опочивальню запирать начал, а? Я ему на зорьке оладушек пшеничных, молочка парного в постель принесла, а он изнутри затворился и на стук не отзывается, пока я голос не подала!

– Захлопнулась дверь... случайно... – неохотно проворчал Кощей, на меня взгляд косой кинул – не проговорюсь ли? Я сор из избы выносить не горазда, смолчала. – Нашел я в книге старинной заклиние одно полезное, да чернила от времени повыщвели, половину слов не разобрать, додумывать надобно. Прасковья Лукинишна, ежели меня кто спрашивать будет, – я в покое колдовском сыщусь, да без нужды, гляди, не тревожь.

– Ты, Костюша, поаккуратнее там, – просит стряпуха, – а то прошлым разом весь терем дрянью какой-то просмердел, челядь распугал и сам до зелени нанюхался, еле откачали...

– Что ты выдумываешь, Прасковья Лукинишна? – сердится Кощей. – Ну посмердело чуток и выветрилось...

– Выветрилось, как же! – бубнит неугомонная старуха. – От колдовства твоего один убыток – давеча щи варила, крышку с горшка сняла, а оттуда как ползет всяка пакость, гады ползучие да прыгучие, ужо я их половником бить умаялась, тьфу-тьфу, вспомнить противно!

Кощей в ответ огрызается:

– А ты реактивы у меня не таскай и щей ими не соли, сто раз говорил!
– Каки-таки ративы, что я, соли не спознаю? Взяла чуток, а ты уж крик поднял, чисто режут тебя...

– Хорошо еще, что сама тех щей прежде не отведала! – махнул рукой Кощей, да с тем и ушел, старуху не переспоривши.

Поглядела я в оконце: ладный денек выдался, теплый да солнечный. Дай, думаю, выйду двор разведу – много ли мне воли отведено?

* * *

Нет у Кощей во дворе ни частокола с черепами вместо горшков, ни поленницы из костей, из погребов крики не доносятся и воронье над телами молодцев порубленных не кружит. Тишь да гладь, летняя сонная благодать. Из-под ног куры разбегаются, Прасковья Лукинишна им зерна ячменного насыпала, черный кобель возле погребов на солнце греется, зарычал на меня лениво. У амбара огородик махонький притулился, плетнем обнесенный – поверху белье развешано, на ветру полощется. Котеныш белый, пушистый, сам с собой в догонялки играет, за хвостом по кругу бегаёт. Увидел меня – мяукнул потешно, глазенки озорные так и светятся. Я за ним. А котенышу поиграть охота – в руки не дается, дразнится, отбежит да встанет, отскочит да к земле припадет. До самых ворот довел, а они нараспашку – Матрена корову в поле погнала, за собой закрыть не удосужилась. Один шаг за порог ступить осталось. Тут мне ровно на ухо кто шепнул: «Не ходи за ворота!» Отдернула я руку, выпрямилась. Зашипел котеныш злобно, уши прижал, не успела я сморгнуть, – его и след простыл. Не по себе мне стало, ровно кто пером мокрым вдоль хребта провел. Отступила я от ворот, пошла дальше двор смотреть. В конюшню забрела: поперек дверей на охапке сена конюх спит крепко, храпит громко, семь коней лощеных, один другого краше, траву луговую жуют, водой ключевой запивают, а в самом дальнем нечищенном углу стоит перед пустым корытом конь-огонь, семью стальными цепями прикованный. Повесил, горемычный, голову, грива золотая до самой земли свесилась. Жалко мне его стало, подошла я поближе, по шее крутой погладила:

– Ах ты, лошадка бедная...

Молвил тут конь мрачно голосом человеческим, от корыта взгляд недовольный отводя:

– Лошадки на деревне навоз возят. А я – конь богатырский, не видно, что ль? Глаза протри, жалельщица белобрысая...

Я так и села:

– Ты что, говорящий?!

– Нет, разговаривающий! – огрызнулся конь еще ехидней. – Говорить и скворец выучится, ежели долбить ему одно и то же по сто раз на дню! А ты кто такая?

– Жена Кощеева, Василиса Прекрасная!

– Что-то не похожа... – недоверчиво проворчал конь. – То есть на жену. А ну покажи палец!

Я показала.

– Другой, бестолочь! Этот палец только разбойники дружинникам показывают! – обиделся конь. – С кольцом обручальным!

Я выпростала из-под сорочки цепочку с кольцом и черепом.

– Вон оно как... – уважительно протянул конь. – Хозяйка, значит, моя новая... Извиняй тогда, ежели нагрубил... А то ходят тут всякие, потом у Кощея плетки пропадают. Прошел, вишь ты, слух, что ежели на берегу реки плеткой Кошеевой три раза налево махнуть – мост вырастет, направо – пропадет. Думают, тут им прям в конюшне раритеты колдовские бесценные по стенам развешат, еще и подпишут, что к какому месту прикладывать!

Я усмехнулась:

– Тебя-то как звать-величать, конь богатырский?

– Сполох, – гордо фыркнул жеребец, тряхнув гривой. – Можно просто Паша.

– А скажи мне, Паша, – попросила я, – зачем Кощей своих жен со свету сживает?

Жеребец заржал – засмеялся по-лошадиному.

– Кто? Кощей?! Окстись, царевна! Меньше всего Кощея бойся, – у него ты в великом почете до самой смерти ходить будешь!

– Тогда... челядь Кошеева? – предположила я.

– Пылинки с тебя сдувать будет! – заверил конь. – Только без Кощея за ворота не ходи, хозяйка, и цепочку ни в коем разе не снимай. В черепе-обереге сила Кошеева заключена, она тебя никому в обиду не даст, испепелит злодея на месте.

– Отчего же сей оберег других жен не защитил? – не поверила я. – Или Кощей прежде не давал его никому?

– Всем давал, да все его ослушались, – злоеще заржал конь. – А за воротами оберег всякую силу теряет, ежели Кощея рядом нет...

– Тоже мне чернокнижник – толкового оберега измыслить не может, –

проворчала я, отправляя череп за ворот. – Тебя-то он за что на цепях держит, голодом морит?

– Да он, скотина, с утра третье корыто овса отборного выжрал, а ежели его семью цепями не приковать, удерет и всех кобылиц в округе перепортит! – встрял в разговор проснувшийся конюх. – Баба Яга до сих пор с Кощеем не здороваётся, – по весне народились в ее племенном табуне жеребята говорящие, да такие охальники, что ни один конюх больше трех дней у бабки на службе не выдерживает, расчет берет...

– А сам-то? – огрызнулся конь. – Думаешь, не знаю, за что тебя давеча на деревне злобны молодцы оглоблей приласкали? Вот нажалуюсь хозяину, что ты по ночам по бабам бегаешь, вместо того чтобы за конями ходить!

Конюху крыть нечем, разве что словами неблагозвучными, повесил он буйну голову и пошел за вилами – стойло вычищать. При нем коня дальше расспрашивать несподручно, что, если у воеводы остальное выведать?

* * *

Воевода в дружину уехать не успел, все сидит в трапезной за столом прибранным, карту перед собой расстелил, оловянных пехотинцев да конников расставил и что-то им втолковывает, видать, дух боевой подымает.

Присела я рядышком, глазки потупила, косу теремлю застенчиво:

– Ой, Черномор Горыныч, до чего ж ты удалой воевода! Враги, поди, от твоей дружины так вспять и бегут, щиты-копья бросают, только подбирай...

Смутился воевода, игрушки со стола смел, карту трубкой скатал.

– Да так, – покашливает скромненько, – бегут помаленьку...

Ага, вижу, проняло! Давай ковать, пока горячо:

– А вы, поди, с Кощеем впереди всей дружины скачете, врага бьете, как траву косите?!

Молодцев хлебом не корми – выслушай только, какие они сильные, смелые, умные, да сделай вид, что поверила, – все твои будут! Воевода усы разгладил, и пошло-поехало: «Мой меч, его голова с плеч!.. Не столько бью, сколько конем топчу!.. Раз махну – улица, назад отмахну – переулочек, и скоро все войско побил-повоевал!» Кощей с дружиной словно и вовсе не при деле – так, на подхвате, щиты-копья подбирать.

Смешно мне это слушать, под столом за коленку себя щипаю, однако ж

для виду поддакиваю и охаю исправно. Подобрел воевода, уже и Василисушкой меня кличет, и смотрит ласково – все, что ни скажу, сделает, что ни спрошу, скажет, и чаровать не надо.

– Что-то я, Черномор Горыныч, никак в толк не возьму – пошто Кощей жен берет, да понепригляднее сыскать норовит, коль ему до жизни супружеской вовсе дела нет?

А воевода и рад стараться:

– У Кощей договор с басурманами, что не будут они войной ходить на Лукоморье, а купцов наших поклялись отпускать с прибытком невозбранно, за что и мы их трогать не станем. Все бы хорошо, да у басурман заведено, что у добра молодца всенепременно жена должна быть, а лучше несколько, иначе они его и слушать не захотят, а тем паче уговор блюсти: соврут и глазом не сморгнут. И вот ведь какая незадача – повадился кто-то жен Кощеевых изводить, выманит из терема и зарубит аль стрелой проткнет.

Не поверила я:

– Неужто вся челядь Кощеева за одной женой уследить не может?!

–То-то и оно, что не может, ровно глаза ей кто отводит. Кому-то, видать, наш мир с басурманами поперек горла встал. Есть у нас подозрение, что виной всему старший сын главного басурманина: сынок-то воеводой у него состоял, а как договор заключили – войско басурманское по домам разбрелось, командовать некем стало, вот он на нас зуб и заимел. Окромя же политики, жена Кощею без надобности, он опосля полона на женщин и вовсе не смотрит, потому и подбирает пострашнее, чтобы не жалко было.

Всплеснула я руками:

– Кто же это самого Кощей полонить сумел?

Тут спохватился воевода, что наговорил лишнего, из-за стола поднимается:

– Извини, Василиса Еремеевна, надо мне в дружину съездить, а то как бы молодцы мои без меня вовсе не обленились, меч-копье держать не разучились.

С тем и удрал. Выпросила я у Прасковьи Лукинишны коробку ниток шелковых да кусок полотна беленого, задумала вышить на нем все царство Лукоморское, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицами в небе, и зверями в горах, и рыбами в морях, а кругом луна и солнце ходят. Не мастерица я вышивать, да учиться никогда не поздно, тем более делать-то все равно нечего.

К вечеру с солнцем управилась: ежели не приглядываться, то похоже. А что нитки кое-где торчат, так их за лучи выдать можно. Будет батюшке

полотенце праздничное... или банное... на худой конец нос утирать сгодится.

Отложила я покамест труд свой великий, спустилась в светлицу ноги поразмять – а там Кощей сидит, думу думает перед доской берендейской клетчатой. Недолго сидит, только три костяшки передвинуть и успел. У меня так руки и зачесались ему подсобить. Подошла поближе, встала рядышком, смотрю на доску, как кот на сало, – Кощей же меня будто и не замечает. Руку к черному коню в раздумье ведет, а я возьми да опереди – мечника черного вперед двинула. Зависла над доской рука протянутая. Поднял Кощей на меня глаза свои бесцветные, зрачками горящими глядит-буравит. У меня душа в пятки ушла: ну, думаю, сейчас поставит костяшку на прежнее место, а меня прочь прогонит, ан нет: взгляд на доску перевел, белого коня вперед двинул. Вздохнула я с облегчением, напротив села. Берендейской-то клетке я сызмальства обучена, уж больно любил ее наш волхв, мог часами сам с собой воевать, да только с живым противником куда интересней – вот и Кощею надоело переливать из пустого в порожнее.

Выиграла я раз. Другой. Призадумался Кощей не на шутку – сначала-то он, как я видела, не больно себя утруждал, веры мне не давая. На третий раз одолел-таки. Только в четвертый раз фигуры расставили – Прасковья вечерять позвала.

– И что вы в тех костяшках нашли? – ворчит стряпуха. – Сидят-сидят над ними, как проклятые, лучше бы пошли в сад погуляли, на свежий воздух, глядишь – и румянец на щечках возьметсЯ, а, Костюша?

Кощей вяло отмахнулся. Старуха все не понимаетсЯ:

– Ишь, сыскал супротивничка себе под стать! Другие добрые молодцы день-деньской пьют да гуляют, а этот все мозги сушит... Ты ему, Василисушка, не потакай, а то он тебя, чего доброго, еще лягух по болотам для опытов своих ловить заставит...

Лягухами-то меня как раз не испугаешь – помнитсЯ, в детстве наловила под мостом полную кадушку, в баню тишком прокралась да в бадью с холодной водой и подпустила! Батюшка, сердешный, напарилсЯ-нахлесталсЯ, в бадью охолонуться прыгнул, а там лягухи кишмя кишат! То-то крику было! А я ведь не со зла, потешить его хотела...

Вспомнила я, стряпуху спрашиваю:

– А что это за котеныш белый по двору давеча ходил, наш ли?

– Нет, – отвечает Прасковья Лукинишна, – наш Васька рыжий и облезлый, третий год с печи не слазит, совсем, паразит, обленился, только сметану ему подавай. Забежал, верно, чей-то.

Выбросила я котеныша из головы, повечеряла и спать пошла.

С Кощеем так ни единым словом и не перемолвилась.

* * *

Не заладилась у меня с утра вышивка – пальцы исколола, а вместо терема батюшкиного сарай какой-то вышел, сверху купол навроде клистира перевернутого. Пришлось спарывать, а то как-то нехорошо получилось, с намеком... Вот бы, думаю, Кощея в светлицу залучить – костяшки подвигать.

А он, как на грех, запропастился куда-то – весь терем облазила, не нашла. То ли уехал, то ли схоронился где – несколько покоев запертыми оказались. Я уж в конюшню идти надумала, с конем поболтать, отворила дверь последнюю, да так на месте и застыла, замороженная. Эдакое богатство мне и во сне не снилось! Вдоль стен полки, а на них книг-то, книг! И черные, и белые, и красные в переплетах сафьяновых. У батюшки моего всего три книги и было – рукопись «Житие мое», им же на досуге и писанная, «Изготовление самогонов и настоек в домашних условиях» и какая-то третья, батюшка ее по ночам читать изволит, а мне не дает – мол, не доросла еще. Хорошо, у волхва библиотека в двенадцать раз поболее, он меня к чтению и привадил. Кошеевых же книг читать – не перечитать, добрая тыща рядком на полках выстроилась!

Вытащила я одну наугад, развернула, а там все письма без картиночек, в подробностях прописано, как волшбу разную творить, страницы же закладочками часто-часто переложены, видать, не одну ночь Кощей над ними просидел, премудрости колдовской обучаясь.

Вспомнила лихо – чернокнижник тут как тут.

– Что ты там высматриваешь, будто читать умеешь?

Я книжку захлопнула, отвечаю с вызовом:

– Думал, один ты в Лукоморье грамоте обучен?

Кощей прищурился, на книгу кивает:

– Неужто и на деле применить сумеешь?

Уел так уел. С волшебством-то у меня как раз промашка вышла. Бился-бился надо мной волхв, а поделать ничего не сумел, отступился, рукой махнул: «Ты, Василисушка, у нас прямо антиталант какой-то, к тебе ни одна волшба не липнет. Может, оно и к лучшему – сама не зачаруешь, ан и тебя не сглазят».

Наш волхв тоже колдовать не мастак, рядом с Кошеем – зяблик

супротив сокола, однако ж человека зачаровать сумеет. Всего-то в глаза на миг глянет, слово волшебное молвит, и готово: что волхв накажет, то зачарованный и сделает. Редко наш волхв чарует, только по нужде великой, государственной, да обида волхва берет, что его малые чары надо мной власти не имеют. Раз посадил меня перед собой, велел в глаза ему глядеть, не смаргивая. Глядел-глядел, пока я со скуки не уснула, ан так и не заворожилась.

Отобрал у меня Кощей книгу, на место вдвинул:

– Не про тебя эта книга писана, поди лучше рукодельем займись, вышей там чего али спряди, коль скука замучила.

Вспомнила я интерес свой давешний, спрашиваю:

– А нет ли у тебя книжки, где бы про мельницы водяные сказывалось во всех подробностях – как колесо наружное жернова в движение приводит?

Посмотрел на меня Кощей недоверчиво, подвоха какого ожидает:

– Книжки нет, да я и без нее знаю... Если расскажу, обещаешь без меня по полкам не лазить, книг колдовских не трогать?

Делать нечего, пообещала. Взмахнул чернокнижник рукой – прямо из воздуха меленка малая соткалась: висит над полом, колесом вертит, чисто муха крыльями. Не утерпела я, ткнула в нее пальцем Кощею на потеху, – палец насквозь прошел, не коснувшись.

– Ну, слушай, Василиса, внимательно – два раза повторять не буду.

В меленке сей же час стенки исчезли, все устройство видать. Кощей по нему перстом указательным водит да так складно и понятно объясняет – заслушаешься! Вот тут колесико резное, шестерней прозывается, там другое и третье, все друг друга толкают, жернова вертят. У меня глаза загорелись, щечки покраснелись, то и дело перебиваю, выпрашиваю – почему непременно так быть должно? А ежели эдак? Кощей сам увлекся, заодно рассказал, как гусли-самогуды играют, сапоги-скороходы бегают и отчего ступа летает, а Баба Яга без нее падает...

Долго ль, коротко ль – воевода в библиотеку заглянул:

– Куда ты, Кощей, запропал? Второй час во дворе жду не дождусь, сговорились же после завтрака силушку молодецкую на мечех попытать!

Отодвинулись мы друг от друга скоренько, чтобы Черномор не подумал чего. Кощей колдовство свое развеял, меня вперед пропустил и дверь замкнул – не засовом, словом чародейским, а каким – я не расслышала.

* * *

Скучно мне одной в тереме сидеть. У бабушки-то челядь постоянно лбами в коридорах сталкивалась, санные девки по первому клику прибегали – сказками да играми царских детищ потешать, здесь же окромя Матрены с Прасковьей Лукинишной только две девки-чернавки, мальчонка на побегушках да старик-прислужник числятся. Конюх на конюшне и ночует, в терем даже не заходит.

Глянула я в окно, – во дворе Кощей с воеводой на тупых мечех бьются, всю домашнюю птицу лязгом пораспугали. У Черномора Горыныча меч так рыбкой и плещется, Кощей же едва отмахиваться поспекает. Воевода, видать, насмешничает – то рукой свободной в затылке поскребет, то зевнет напоказ.

Озлился Кощей, перекинул меч в левую руку и давай воеводу теснить! Прижал к самому забору, воевода меч опустил, что-то втолковывает, Кощей головой кивает. Вернулись на середину двора, снова мечами зазвенели.

Спустилась я на кухню, а там Прасковья Лукинишна вареники затеяла лепить: раскатала тесто тоненько, кубком перевернутым кружочки малые пропечатывает. А вареники-то с вишнями, ягодой моей любимой, ну как тут уйти? Подсела я на краешек лавки, поближе к миске:

– Дозволь, бабушка, тебе подсобить!

Растаяла стряпуха:

– Спасибо, деточка, я и сама управлюсь, не пачкай рученок белых...

А рученьки не такие уж и белые: деточка их тут же в миску с ягодой запустила, соком измазалась. Смекнула Прасковья Лукинишна, что, ежели меня работой не занять, вареники и вовсе без начинки останутся.

– Лепи, Василисушка, вареники да сахарку не забудь по кусочку положить.

Сахарку мне и по два не жалко – я до сластей охотница великая, а уж от вареников с вишней меня за косу не оттащишь.

В четыре руки любое дело спорится, за разговором же время и вовсе незаметно летит.

– Никак я, бабушка, в толк не возьму: зачем полдня у печи стоять, если Кощей в ладоши плеснет, – вареники сами на стол прилетят, да еще и в сметанке по дороге искупаются?

– Да ну его к лешему, колдовство это ваше новомодное! – негодуяще машет рукой стряпуха. – Почем я знаю, где те вареники летали? А тут все свое, домашнее, с пылу-жару, для здоровья джуже полезительное... Пущай

себе Костюша с басурманами колдует, а на кухню, пока я жива, нет ему дороги!

Только бабка отвернулась – я за солонку и вместо сахара ложку соли в вареник всыпала, защипала скоренько. Вот, думаю, потеха будет – в батюшкином тереме мы с сестрицами нарочно стряпух просили один вареник присолить, гадали, которой повезет. Удачливая, значит!

Прасковья Лукинишна ворчит непрерывно; я уж разглядела, что старуха она предобрая, ан не может без этого.

— ...воевода этот беспутный, – нет бы ему в чистом поле с дружиной стоять! – все в тереме околачивается, роздыху Костюше не дает: то на охоту его тянет, то вон на мечях изводит...

Я, как могу, старушку утешаю:

– Что ему в поле делать, ежели врага и в помине нет, а явится – до дружины скакать полчаса.

– Как Марья Моревна Костюшу полонила, небось не поспел доскакать! – перечит старуха, кубком по тесту стучит сердито – будто тараканов бьет. – Три месяца эта лиходейка Костюшу в темнице на двенадцати цепях держала, жаждой-голодом морила, измывалась всячески, руку поломала... Силу колдовскую она из него тянула, да вместе с ней здоровье-то и повытянула, с тех пор он и доходяш-ший такой, ничего есть не хочет – бегай за ним с утра до вечера с ложкой, как за дитем малым, чтобы с голоду не помер!

– Да разве он может помереть? – дивлюсь я. – Он же бессмертный!

– Бессмертный, как же! Земля слухами полнится... – посмеивается Прасковья Лукинишна, тесто разминая. – Везучий да живучий не в меру, другой бы на его месте и недели в темнице не выдюжил, а с Костюши как с гуся вода, поседел только в неполных двадцать семь годков. Вот и пошло – бессмертный да бессмертный. Месяца в постели не вылежал, снова ему в тереме не сидится: с басурманами связался, жен понатаскал, одна другой страшнее да вздорнее, иной раз ждешь не дождешься, пока ее черти приберут...

Спохватилась я, что один и тот же вареник в третий раз защипываю, он у меня уже на блин смахивать стал – до того заслушалась:

– А как он из полона убежал?

– Моровны дружок сердешный выпустил по незнанию, поднес напиток, а ключевая вода чародеям силы возвращает. Люди бают, она дружка в сердцах-то на куски изрубил, в бочку засмолила и в море бросила... Костюша же в терем чуть живой заявился, у порога свалился, тут только воевода переполох поднял, давай дружину скликать, чародеев

знакомых на подмогу звать. Пошли войной на терем Моровны, а там уж пусто – уползла змеища, теперь ищи-свищи ее... Сходи-ка ты, Василисушка, за водой, колодезь-от во дворе у ворот, поставим воду греться на вареники.

Взяла я коромысло резное, ведерки нацепила, спустилась к колодцу. Раз ворот провернула, другой, слышу – окликает меня кто-то. Гляжу – стоит за воротами старуха убогая, клюкой суковатой подпирается. До чего отвратная бабка: платье ветхое, волос грязный, лицо сморщенное да злобное. Просит жалобно:

– Красна девица, сделай милость, поднеси напиток...

А сама во двор не заходит, у ворот держится. Кощей с воеводой как раз за амбар завернули, отсюда не видать. Да у меня своя голова на плечах имеется.

– Милости просим, бабушка, я как раз ведерко достала – заходи да пей!

– Что ты, милая! – кричит старуха. – Я ить немощная совсем, едва на ногах держусь, где уж мне до колодца дойти...

«Что ж ты,—думаю, – карга старая, по самому солнцепеку шляешься, дома тебе не сидится? Провалиться тебе, окаянной...»

Вслух же говорю ласково, с улыбочкой:

– Так посиди, бабушка, отдохни, я мужа сейчас кликну, он тебе и напиток принесет, и... – хотела добавить – провалиться поможет, да удержалась, – ...милостыньку подаст.

– Да не надо, деточка, я уже отдохнула, – заторопилась подозрительная старуха. – И пить мне что-то расхотелось. Как говорится, спасибо этому дому, пойду к другому!

Да не пошла – побежала, юбки драные подхвативши! У меня так ведро из рук и выпало, подол обрызгало. Кликнуть, что ли, Кощей? Все равно не догонит – уже и не видать ее, немощной!

И снова меня пером по хребту – вдругорядь смерти избежала. Сказать Кощей аль нет? Посмеется еще – котеныша да побирушки испугалась... Наполнила я ведерки и понесла Прасковье Лукинишне, ничего никому не сказавши.

* * *

Вареники на славу удались – сладкие да сочные, так во рту и тают.

Пока миску на стол несла, три штуки проглотила – не заметила. Кощей с воеводой как раз к столу подоспели, оба упарились, дышат тяжело, промеж собой беседуют.

– Ты, Кощей, поменьше руку-то береги, иначе она у тебя никогда в прежнюю силу не войдет.

– Да знаю я, знаю, – оправдывается Кощей, – да уж больно обидно тебе уступить!

– Раз уступишь, вдругорядь осилишь! – поучает воевода. – Ишь, Прасковья Лукинишна раздобрилась – цельную миску вареников налепила, да с вишней! Давненько я их не пробовал, вот ужо натешусь...

Кощей на вареники тоже глядит с одобрением. Зря Прасковья Лукинишна над ним трясется, небось поголодал бы денек – и потчевать не пришлось бы!

Пока Матрена вареники по тарелкам раскладывала, маслом-сметаной поливала, я у Кощея исподволь выведываю:

– А верно ли, что твой оберег меня от любого врага защитит сумеет?

– Верно, – будто нехотя отвечает чернокнижник, – и не только от врага – от любого, кто руку на тебя поднимет, даже шуточно...

– А что, ежели он меня не трогает, а так стоит разговаривает?

Кощей, не будь дурак, тут же насторожился:

– А кто с тобой разговаривал?

Чего, думаю, его полошить? Прочих жен не уберег, и мне только на себя уповать надобно.

– Никто, это я так, для примеру.

Призадумался чернокнижник:

– Да, кажись, тут у меня промашка вышла... Скрытой угрозы оберег не приметит, не упредит...

– Хватит вам языки чесать, ешьте вот! – ворчит Прасковья Лукинишна. – Вареники стынут!

Прожевал Кощей вареник, как-то пригорюнился:

– Дивные же, Прасковья Лукинишна, у тебя нынче вареники...

А старуха и рада меня похвалить:

– Это, – говорит, – Василисушка для тебя расстаралась!

Кощей еще больше погрустнел, ложку отложил:

– Да я и без того знал, что она ко мне любви великой не питает.

Я как захохочу с набитым ртом – вишня брызгами! Вот уж точно – везучий так везучий!

Воевода со стряпухой диву даются: что это с хозяйкой приключилось?

– Да так, – говорю, – вспомнилось веселое...

* * *

Уже и Кощей в свои покои прошел, дверь затворил, а я все заснуть не могу: вареников сладких обкушалась, теперь на соленья тянет – мочи нет. Грибочка бы мне соленого, капустки квашеной, огурчиков... Матрену звать зазорно – придет сонная, посмеется втихомолку над царевниной причудой, еще сплетню досужую про нас с Кощеем пустит. Затеплю-ка лучину да сама сбегаю, быстрее выйдет.

Спустилась я в погреба, отыскала закуток с соленьями. Стоят в том закутке две кадки высокие – одна под гнетом, самой не сдвинуть, вторая початая, рассолу в ней до середки, а огурцов что-то не видать, только ботва укропная поверху плавает. Пошарила я в рассоле, руку до плеча измочила, сыскала-таки один огурец, да какой! Всем огурцам царь, кабачкам дядька, на троих едоков дели смело, еще и четвертому останется. Ну да выбирать не из чего – не съем, так хоть покусая всласть.

Поднимаюсь я неспешно по лесенке, огурец кушаю, вдруг слышу – кричат вверху, вроде на помощь зовут. Что за притча? А тут и Кощеев голос сквозь шум пробился: «Где Василиса?! Сыскать ее немедленно!» Взлетела я по лестнице, ног под собой не чуя, гляжу – столпились все перед моей опочивальней, а из двери распахнутой так пламя и пышет, языки длинные кажет, да вот что-то никто его гасить не торопится, за песком не бежит, водой не плещет – глазеют только. Пригляделась и я – что за диво? Горит опочивальня, да не сгорает: пляшет пламя по столу деревянному, одеялу пуховому – даже зачернить не может! А посередь кровати сидит столбиком, принюхивается, зверюшка малая, с мою ладошку, ни дать ни взять крыса домовая. Шерсть у ней – как золото расплавленное, так жар от него волнами и расходится, холодным пламенем растекается.

– А что это вы, – спрашиваю, – тут делаете?

Прасковья Лукинишна как меня услышала-увидала, так руками и всплеснула, слезами залилась:

– Василисушка, а мы уж не чаяли тебя живой увидеть, думали, ты с перепугу за ворота выбежала!

И давай меня обнимать-целовать, я едва руку с огурцом в сторону отставить успела.

Прочая челядь тоже носами хлюпает-подвывает, воевода пот с лица утирает, а Кощеев взгляд шальной мне еще по свадьбе знаком. Мне аж неловко стало: стоит перед ними девка босоногая, простоволосая, в белой ночной сорочке, в руке – огурец громадный, надкусанный, и рассолом от

той девки разит нестерпимо.

И было бы чего бояться – крысы мелкой, огня обманного!

– Накось, – говорю, – поддержи!

Всучила Кощей огурец обгрызенный, а сама за клетку золотую, подарок свадебный, – и к жар-крысе. Накрыла ее клеткой, дно задвинула. Комната сей же час пылать перестала, ровным светом озарилась.

Кощей так с огурцом и стоит, передоверить никому не решается, да вдруг как напустится на меня:

– Ты где посреди ночи шляешься, перепугала всех мало не до смерти?!

Я в долгу не осталась:

– Помрешь ты без меня, как же! Вдругорядь к батюшке посватаешься, он те новую жену подберет – всем басурманам на устрашение!

А Кощей мне в ответ:

– Правда твоя, скорей бы уж я овдовел, никак дождаться не могу! Подсобить чуток, что ли?

Я в отместку как хлопну у мужа перед носом дверью опочивальни – пущай теперь он об нее пятки отбивает! Кощей перед челядинцами позориться не стал, ушел к себе без слова единого, а там и остальные разошлись, женоубийства не дождавшись.

* * *

Утром Кощей с воеводой за столом о ночном переполохе судят-рядят.

– Я специально глянул – ставни изнутри заперты, а нор-щелей в опочивальне отродясь не бывало! – говорит Кощей, от щуки заливной, Прасковьей Лукинишной поднесенной, привычно отмахиваясь.

Интересно, думаю, что он с огурцом моим сделал? Выкинул, поди.

– Выходит, кто-то в клетке ее принес да в комнату и подпустил! – горячится воевода, кулаки сжимая. – Вот напасть, уже и в тереме покою нет!

– Как будто он был когда-то... – качает головой Кощей. – Пес не лаял, ворота не скрипели, а злодей в опочивальню прошел невозбранно... Не там мы ищем, Черномор... – И на бабку эдак пристально, недобро глядит.

Перепугалась бедная стряпуха:

– Окстись, Костюшенька, что ты такое удумал?! Куда ж мне, в мои-то годы, за царевнами с сабелькой наголо бегать?!

Кощей лоб нахмуренный расправил, улыбнулся, на левой щеке ямочка

задорная заиграла.

– Да это я, Прасковья Лукинишна, смотрю, что ты примерилась мне цельную курицу на тарелку положить. Поставь на место блюдо, захочу – сам возьму.

– Захочешь ты, как же! – ворчит стряпуха и норовит-таки Кощею курицу подложить. – Прежде рак на горе свистнет! Какая там курица – цыпленок махонький, и пяти фунтов не потянет...

– Не до еды мне сейчас, – говорит Кощей, улыбку пряча, – ночь не заладилась, и день наперекосяк начинается. Прискакал из степи гонец, принес весть черную: хитрые басурмане, как и обещались, наших купцов не трогают, а иноземных давеча подчистую вырезали и товары их себе забрали. А товары-то – шелка заморские, раньше их кораблями возили, но уж больно долго и дорого оказалось: за морем телушка – полушка, да рубль – перевоз. Только-только по степи торговый путь наладили, ан басурмане возьми да ордой своей тот путь перекрой – ни пройти, ни проехать. Дань просят непомерную, а кто упирается – все забирают и самого рубят до смерти. Надо ехать, разбираться.

– Дружину созвать или отряд малый? – спрашивает воевода.

Кощей головой качает:

– Никого не надо, и сам дома посиди – вызнай, коли сможешь, как злодей в терем проник, нет ли где подкопа за оградой. На дружину снаряженную басурмане только озлятся, отряд же супротив орды, буде что, все равно не выстоит. Один поеду. Вот только Василису с собой прихвачу – пускай хан видит, что я кольцо не ради виду на палец вздел.

А я на Кощея с ночи злая, никак в толк не возьму, за что он на меня ополчился – огурца пожалел, что ли?

– Ты же, – говорю, – давеча вдоветь надумал, а теперь жена сызнова понадобилась, басурманина главного задабривать? Не поеду, не заставишь!

– Тебя заставлять – себе дороже, – отвечает Кощей, из-за стола вставая. – Потом сраму не оберусь, коль при басурманах и мне шиш сложишь. Сиди дома, воля твоя.

Дался ему этот шиш!

Ушел Кощей, стряпуха на меня ворчит:

– Пошто Костюшу обидела? Не брал он прежде жен к басурманам, а за тебя, видать, беспокоится, как бы не случилось чего, пока он в отъезде.

– Или похвастаться решил, какая у него жена молодая да красивая! – упираюсь я, а самой лестно, да и на басурман живых поглядеть хочется.

Распахнула я окошко, смотрю – Кощей уже на коня вскочил, поводья подбирает. Не успею спуститься, один уедет! Перегнулась я через

подоконник, крикнула вдогонку:

– Стой, погоди, я передумала! При басурманах, так и быть, ничего складывать не буду!

Услыхал Кощей, вытянул Пашу плеткой вдоль зада лощеного, осерчал конь-огонь, скакнул до самого оконца, я только пискнуть и успела, как супруг меня, чисто морковку из гряды, из терема выдернул и к себе на колени пристроил.

Конь бежит – земля дрожит, из камней искры высекает, реки с маху перелетает, хвостом следы замечает, ворчит недовольно сквозь узду железную:

– Вше-то шебе, хожаин, жуки жажпушкаты, я пы и так допрыгнул...

Кощей перед конем извиняться не спешит, посмеивается:

– Тебе, Пашка, хворостину не покажи – с места не стронешься.

Всхрапнул конь обиженно да как припустит напоказ – у меня коса колом назад встала!

Кощей коня осаживает, плеткой охаживает:

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок, куда тебя черти несут, не ровен час, сызнава споткнешься, потом оправдываться будешь!

– Ну ты и жлопамятный, хожаин! – ржет конь, на трусцу переходя. – У меня, может, дар веш-ший – шпотыкатша, когда дома што неладно! Вшпомни, как я шпоткнуь, так в тереме труп и шышшут!

– Будет врать-то, Пашка, ты через раз спотыкаешься! По тебе судить – у меня окромя жен разом вся челядь с дружиной перемерла!

– Ну, не вшегда шрабатьвает, а тад—веш-ший! – не сдается конь.

Засмеялась я, перебранку эту слушая, тут Кощей мне и говорит:

– Я тебя, Василиса, об одном попрошу – в тереме измывайся надо мной, как хочешь: вареники соли, супружеским долгом попрекай, при челяди бранись, ночами спать не давай, но у басурман, будь добра, веди себя тише воды ниже травы. А то решат басурмане: если Кощей с одной женой управиться не может, то и нам он не указ.

Сказал – как из ушата водой студеной окатил. И не думала я над ним измываться!

– Один только вареник и присолила, знать не знала, кому он достанется! И жар-крысу в терем не приносила! А браниться ты первым начал!

– ...и перечить тоже дома будешь, – добавляет Кощей невозмутимо.

– Ах так? Могу и вовсе рта не раскрывать!

– Ох и возрадовался бы я, да что-то не верится, – посмеивается муж.

Я только глазами на него сверкнула – мол, плохо же ты меня знаешь!

Пашка туда же:

– Пошпойм, хожаин? И шашу не выдегжит!

– Ты скачи давай, кляча ледащая! Как бы это мне еще с тебя эдакий обет взять, а?!

* * *

То не туча черная на землю тень бросила – стоит во степи орда басурманская, куда ни глянь – все шатры бессчетные, табуны коней неоглядные, басурман полчища несметные. Увидали нас – да как завоюют, заскачут, сабельками кривыми затрясут! Я к Кощею прижалась, а он поясняет тихонечко:

– Басурмане почет нам выказывают, хуже, кабы молчали...

Дивлюсь я на басурман: затылки бритые, глаза раскосые, усы ниже бороденок жидких свисают. На всех платье долгополое, полосатое, как батюшкин халат банный, шапки высокие, мехом отороченные, по виду – мяукал тот мех когда-то.

Встал конь как вкопанный, двадцати сажений до самого богатого шатра не доехали. Спешился Кощей, меня ссадил. Выходит из шатра главный басурманин, хан по-ихнему, шапка на нем белая, красной лисой опушенная, червлёные сапоги жемчугом расшиты, чекмень соболем подбит. По-лукоморски с запинкой изъясняется:

– Ай-ай, какой важный гость наш орда пожаловал! Здравствуй тысяча лет, великий шаман Кощей!

Басурмане перед ханом так на землю и повалились, лицами в нее уткнулись, глаз поднять не осмеливаются.

– И тебе многие лета, хан басурманский, – неспешно отвечает Кощей, колен не преклоняя, взгляда гордого не отводя. Гляжу я на него – поневоле люблюсь: экий у меня муж статный да отважный, перед самым ханом шапки не ломит. Таким мужем и перед подружками похвалиться не зазорно, это тебе не Муромец – за тем знай следи, чтобы перед гостями не зевнул али промеж ног не почесался. – Дело у меня к тебе великое, разговор нешуточный.

А хан и сам прекрасно знает, чего Кощею от него надобно, но виду не кажет:

– Ай-ай, дорога долгий, солнце жаркий, какой такой дела на усталый голова? Заходи в шатер, дорогой гость будешь! Будем кумыс пить, жареный

мясо есть, мой жена песни слушать, потом дело говорить. Заходи и персика своего с собой веди! Ай-ай, какой женщин! Кобылица степной, кошка дикий, кумыс пенный! У кого ограбил? Скажи по секрету, да?

Смутился Кощей, я хихикаю, глазки скромно потупивши, хан же все не понимает:

– Продай, а? Десять кобылица даю белый, десять рыжий, десять черный и мой старый первый жена в придача!

Кощей на «старый жена» мельком глянул – едва на ногах удержался.

– Извини, хан басурманский, у нас в Лукоморье женами меняться не принято – примета плохая.

Поверил хан, языком огорченно зацокал:

– Ай-ай, слово гость закон, сердце хозяин печаль! Заходи шатер, будем печаль кумыс топить!

Кощею топить нечего, да отказываться неудобно. Пошли мы за ханом в шатер. Пашка вслед шипит змеей подколодной:

– Только шмотрите, будут мяшом угошшать – не кушайше, у башурман этих нишего швятого нет...

В шатре у хана ни столов, ни стульев, только подушки по всему полу разбросаны да на коврике плетеном цельное блюдо мяса печеного дымится, виду дивного – не свиное и не коровье, отродясь такого не пробовала. Хан на подушку сел, ноги хитро заплел, в ладони трижды плеснул. Засуетились жены ханские, одна мужа каким-то веником обмахивает, вторая чашу подает, третья из горшка фарфорового с ручкой ту чашу кумысом наполняет. Кощею не привыкать, сел напротив хана и ноги по-басурмански сложил, а я все никак – то одна нога выпрямится, то другая завернется. Только заплела как следует – чую, на спину валюсь! Едва-едва удержалась, как буду вставать – не знаю, ноги накрепко перепутались.

Повели Кощей с ханом беседу пустячную – как кобылицы жеребятся, верблюдицы доятся, солнце светит да ветер дует. Я кумыс понюхала украдкой – а он с брагой какой-то, сивухой разит. Примечаю я, – Кощей чашу всякий раз подставляет, а как хан отвернется, за плечо выплескивает. Да вот беда – забыл он, видать, слова Пашины, взял кусок мяса и кумыс заедает, чтобы сильно не пьянеть. Мне же вместо кумыса сластей заморских цельное блюдо поднесли и чаю в блюде высокое налили – трава вареная, на вкус как веник запаренный. С халвой да шербетом пить можно.

Наелись-напились, хан Кощею и говорит:

– Скажи свой красавица, пускай выйдет – серьезный разговор не для женский ум!

Ханским женам и говорить не надобно: как мыши из шатра прыснули.

Кощей меня пальцем поманил, на ухо шепчет:

– Не отходи далече... До Пашки и обратно...

Как будто я без него не помню! Распутала я ноги затекшие, поклонилась мужу поясно с издевочкой, вышла вон, а стража ханская полог наглухо задернула и с сабельками при входе встала: мол, хан посольство иноземное принимает, судьбы государственные вершит – посторонние не допускаются.

Пашка недалече стоит, мрачный как туча, вокруг басурмане со своими лошаденками худосочными столпились, словно ждут чего-то. Завидели меня – похватали своих кляч, и врассыпную! Посмотрела я им вслед удивленно, Пашку от узды освободила.

– Наконеш-то! – с явным облегчением вздохнул конь, сплевывая железо. – Нет, ну ты их видела? Ноги кривые, волосатые, губы отвислые, глаза раскосые, а про хвосты и вовсе говорить нечего – мочала мочалой!

– Где ты там хвосты под халатами разглядел?!

– Под какими халатами! – сердится конь. – Ты кобылиц басурманских видела? Да по ним живодерня плачет! Ихнему поголовью ни один богатырский конь не поможет, тем более задарма и супротив воли этого самого коня! Пущай не надеются, так низко я в жисть не паду!

Не до кобылиц мне.

– Будет тебе, Пашка, браниться, лучше присоветуй, что делать? Там Кощей с басурманином какое-то мясо ест да нахваливает!

– Что?! Ах он душегубец! И знает же, кого басурмане давеча свежевали! Ну я ему это попомню...

Мне чуть дурно не стало.

– Паш, неужели басурмане купца зарубленного... с подливкой?!

– Хуже! – буркнул жеребец. – Коня!!!

Я его чуть на месте не придушила:

– И ты меня из-за конины в такой страх вогнал?! Я уж думала, басурмане отравы какой в мясо подсыпали!

Где там его задушишь! Шея в два обхвата, как у бугая. Умаялась только. Пашка головой трясет покорно, со стороны смешно глядеть, да вдруг как топнет копытом! Гляжу – окружили басурмане шатер ханский, луки с плеч снимают, каленые стрелы на жилы перевитые кладут. Подходит ко мне их старшой, подбородок задравши, – я его на пядь выше буду. Протянул руку, за косу меня подергал – настоящая ли.

– Харош Кащеев жена Василис!

Я наказ Кощеев помню – отвечаю ему приветливо:

– Чего тебе надобно, морда басурманская?

А тот языком цокает довольноно:

– Ай-ай, такой жена и ханский сын иметь не стыдно, пойдешь в мой большой шатер, будешь седьмой любимый жена! Изюм-финик каждый день кушать, мой белый жеребец копыта мыть!

– Спасибо за высокое доверие, – отвечаю, – да только мне второй муж без надобности, я первого не знаю, как избыть.

Обрадовался ханыч:

– Ай-ай, первый муж скоро совсем нет! Как выйти он из шатер, мой стража его стрелой стрелять, голова на копье воткнет, Василис подарит!

Тут уж мне не до смеху стало – вижу, не шутит косоглазый.

– Э нет, так я не согласная! Какой ни есть муж, а все лучше тебя! Пошто ты его загубить хочешь, коль сам хан с ним замирился?!

Ханыч зубы мелкие скалит, обнять меня норовит:

– Хан старый стал, свой тень боится, степной бурундук поклоны бьет. Половина орда его слушать, половина меня! Убьем Кощей, только спасибо нам скажет, пойдет Лукоморье воевать, купец грабить!

Хоть и учил меня волхв мудреной науке дипломатии, когда врага спервоначала лаской сдаться уговаривают, а уж потом ногами бьют, да где ж тут утерпеть, коль басурманин поганый на мое родное Лукоморье замахнулся и к самому святому лапу тянет – персям моим девичьим?!

– Рановато вы разбрехались, псы смердящие, мой муж от вас мокрого места не оставит, а я подсоблю с превеликой радостью!

Да как дам ему ногой пониже пояса! Взвыл басурманин тоненько, всякий интерес ко мне потерял. Стража на выручку кинулась, занесла сабельки вострые, да тут из черепа изумрудного как плеснет зеленым пламенем – так басурман в стороны и разметало! Полетел над ордой крик великий, басурмане со страху луки-стрелы пороняли, выскочили из шатра Кощей с ханом басурманским, глядь – ханыч с воем по земле катается, из-под халата узорчатого рыжий хвост видать, а стража ханская все скулит да твякает, по слову моему шавками дворовыми перекинувшись!

Слышу, за моей спиной басурмане шепчутся: «Ай-ай, если у Кощей жена такой шаман могучий, сам он точно мокрый места от орда не оставит, нипочем его не одолеть, лучше шелками откупиться!»

Пал хан в ноги Кощею:

– Пощади, великий шаман Кощей, сын мой глупый, вели женщин свой грозный назад собака колдовать – уйдет орда с «шелковый» путь, богатый купец трогать не будет!

Смилоствился Кощей, рукой эдак небрежно мне знак сделал – мол, выполняй, жена, высочайшее мужнино повеление, а сам глазами

упрашивает: не подведи, Василиса, подыграй!

Отвесила я мужу грозному поклон земной, платочек из кармана вытащила, трижды налево махнула, Кощей чуть заметно бровью повел, и готово: басурмане, счастью своему не веря, так на четвереньках в стороны и разбежались.

– Ну гляди, хан басурманский, я с тебя слово взял, нарушишь – пеняй на себя!

Вскочил Кощей на коня, меня сзади посадил, плеткой свистнул – только нас и видели!

* * *

Отъехали мы далече, Кощей коня попридержал, ко мне обернулся:

– Да неужто, Василиса, тебя и на минуту без пригляду оставить нельзя?! Ты пошто ханыча ударила, стражу подуськала? Оберег али меня проверяла?

Разобиделась я не на шутку, но виду не подала, отвечаю голоском елейным:

– О твоём шеломе, господин мой, заботилась!

Выждала минуточку, пока муж голову ломал без толку, да как рявкну:

– Чтоб не пришлось тебе в нем дырки под рога долбить! Пока вы там с ханом чай гоняли, меня чуть седьмой женой в запасной гарем не определили! А знаешь ли ты, супруг дражайший, что ханыч у хана за спиной заговор против тебя готовил, половину войска ордынского к себе переманил? Устоишь ли ты, шаман великий, без своей дружины супротив половины ханской орды?

Опустил Кощей голову, молчит виновато. Соскочила я с коня мужу назло и пошла пешочком к терему. А у самой ноги дрожат, слезы на глазах выступили – поздновато я смекнула, что, кабы не случай да сила Кощеева, доить мне сейчас кобылиц в шатре басурманском.

Не прошло и пяти минут – нагоняет Паша, к шагу моему подладился, трусит рядышком.

– Садись, – говорит Кощей, – пешком и за неделю не дойдешь. Пашка вровень с ветром скачет.

Утерла я слезы рукавом, носом шмыгнула. Подсадил меня Кощей на коня, едем, молчим, друг на друга обижаемся, виниться же совестно. Без моей смекалки и его силы пропали бы мы оба, да и Лукоморье заодно.

Вдруг снимает Кощей с мизинца перстенок, печатка золотая тонкой работы, мне дает:

– Накось, примерь, а то где это видано – обручальное кольцо на шее носить.

– Хоть бы спасибо сказал, – говорю, – а то побрякушку суешь, как холопке какой.

Зацепила я чем-то Кощея, вижу, – потемнел глазами, кольцо в кулаке зажал.

– Побрякушку эту еще бабка моя носила, матери передала, а от нее мне досталась. Какое еще спасибо тебе надобно?

Паша гривой потряхивает, посмеивается:

– Ты, хожаин, на колени перед ней вштань, головой о камень поштушись, мошет, шмилоштивится...

– Ладно, – говорю, – давай свое кольцо. Я сегодня добрая.

Впору пришлось, как на меня ковали.

III

Обжилась я у Кощея за месяц, пообвыкла – до чего хорошо замужем! Дома одной из тридцати была, а тут одна-единственная, хозяйка полноправная – ни тебе сестриных наветов, ни батюшкиных запретов. С Кощеем, кажись, поладила, – первым не заговаривает, но и от беседы не уклоняется, в клетку сыграть не брезгует, Пашу вместе выезжаем, даже на охоту как-то взял, вопрея громадного затравили. А уж стряпуха не нарадуется – я девица молодая, здоровая, прожорливая: то яблочко мне, то пирожок печеный; глядишь, и Кощей, на меня глядя, чего скушает. Опочивальню, правда, на ночь исправно запирает и Василисушкой ни разу не назвал, все «царевна» да «Василиса». Обидно мне это, а отчего – и сама не знаю. Иной раз и хотелось бы его словом ласковым приветить, да как глянет на меня Кощей пристально – так тем словом и поперхнусь.

Сижу я как-то днем у окна, коса ниже подоконника свесилась, читаю книжку про страны заморские, у мужа выпрошенную, яблочко наливное грызу. Жар-крыс на ставень открытый вскарабкался, на солнце греется – разлегся поверх гребня, лапки по обе стороны свесил, только усы пышные подрагивают. Ночи он в клетке коротает, мне заместо светца служит, поутру выпущу – удирать не спешит, уж больно ему орехи да семечки по вкусу пришлись, знай подсыпай в блюдце. Я его Егорушкой прозвала. Челядь вся по жару кто на речку убежала, кто в покоях схоронилась, никого не видать. Отворились ворота щелочкой, – заглядывает во двор старичок, кося

сажень в плечах, нос накладной, борода конопляная.

Пригляделась я внимательно – батюшки светлы, да то Иван-царевич каликой переходим прикинулся, на одном плече котомка, на другом – веноч погребальный, еловый с ромашками! Стал под окном и давай кликать:

– Василиса! Я тебя от Кощея спасать пришел! Выходи из терема, к батюшке отвезу!

А мне выходить совсем не хочется – того гляди и впрямь отвезет!

– Шпашибо на добром шлове, – отвечаю, яблоко толком не прожевавши, – да только я Кощея боюсь, у него конь шибче ветра, догонит и убьет обоих!

Призадумался Иван, маковку чешет – вижу, расхотелось ему меня спасать.

– Спустись хоть за гостинчиком батюшкиным, там и письмецо лежит! – И котомку приподымает.

– Неужто с батюшкой беда какая приключилась, что ты с венком? – беспокоюсь я.

— Все хорошо, Василисушка! – машет рукой Иван-царевич. – Веноч царь-батюшка вместе с котомкой передал, наказал «разбираться по ситуации»! – Да как заорет во всю глотку: – Вызнай, где смерть Кощеева спрятана, а я после подойду!

Распахнулось окно нижнее, Кощей выглянул, ругается:

– Василиса, да спустись ты к этому дураку оглашенному, или пуцай он к тебе подымется, а то я с вашим тайным заговором никак заклятие дочесть не могу!

Бросил царевич котомку, бросил веноч – и деру!

Переглянулись мы с Кощеем, да так со смеху и покатались.

Ну и пусть у меня муж не царевич, зато и не дурак!

* * *

Давненько на меня никто не покушался, опосля басурман притих враг неведомый – может, и впрямь ханыч воду мутил, а как увидел, что Кощей жену-ведьму по себе сыскал, так и отступился? Муж в то не верит, воевода ему поддакивает, а Прасковья Лукинишна на всякий случай соглашается – от греха подальше. Вот и сижу я в тереме безвылазно али за Кощеем хожу как привязанная. Не сказать чтобы плохо – с мужем моим не соскучишься: и пошутить может, и рассказать серьезное, интересное, а то наколдует чего

для дела либо мне на потеху, знай смотри да дивись. Никаких подруженек с ним не надобно. Однако ж хотелось бы и на ярмарку выбраться, и к батюшке в терем съездить, на сестриц поглядеть да сведать: как-то там Марфуша с Илюшей поживают?

Спустилась я в покой колдовской, а там Кощей опять какое-то зелье в котле развел, руками над ним водит, разглядывает пристально. Я уж знаю, что в том котле страны дальние и ближние отражаются, ежели Кощей над ним наклонится и поколдует малость. Мне, бесталанной, котел ничего не кажется, – как-то попробовала взглядеться, а оттуда рука костлявая высунулась, пальцем когтистым погрозила и снова занырнула. Можно еще яблочко по тарелочке покатавать, оно любому показывает, да тут привычка нужна, у меня рука быстро устает, а яблочко так и норовит с тарелочки свалиться.

Окромя меня, Кощей в тот покой никого не пускает, Прасковье Лукинишне даже порога переступить не дает, – та все норовит пыль с черепов стереть, мышей сушеных на помойку снести, из ковшика с зельем приворотным хлебнуть. Я же сижу на стуле тихонечко, ничего без спросу не трогаю, все скляночки с порошками выучила, могу подать по надобности, вот Кощей меня и не гонит.

Заметил меня муж, от котла оторвался. Доволен чем-то, аж светится:

– Разгадал я, Василиса, давешнее заклятье, осталось только опробовать!

– Ой, – говорю, – только на мне не надо... Ты меня в прошлый раз как подбил сапоги-сороходы примерить – до сих пор отдышаться не могу, еще хорошо, что двери и окна вперед запереть сподобился, а то так бы и бегала невесть где...

Посмеялся Кощей моему испугу:

– Не бойся, тут дело иное, да и промашки быть не должно. Пойдем-кось в горницу гостей принимать – скликал я на совет главных чародеев Лукоморских, расскажу им свою задумку, авось что и выйдет...

Хотела я его расспросить поподробнее, да только из покоя вышли – грянул гром, распалась крыша, раскрылся потолок, влетел в терем сокол сизокрылый, ударился об пол и сделался добрый молодец. Шатается молодец как с перепою, изъясняется хулительно, а посреди лба высокого синяк растет-вызревает.

– Кощей, так тебя растак, у тебя же раньше здесь ковер шамаханский лежал!

Кощей только посмеивается:

– И тебе здравствуй, Финист Ясный Сокол! Подслеповат ты стал, ковра

от мрамора узорчатого не отличишь.

Пробормотал что-то Финист, пальцами пощелкал – шишка на убыль пошла. Уже и сам смеется – улыбка задорная, мальчишечья, кудри пепельные на плечи спадают.

– Я не один, за мной Ворон Воронович летит!

Ворон на ковер шамаханский не полагался – опустил остороженько на пол, каркнул приветственно и обернулся серьезным, статным мужчиной в годах, волос черный сединой на висках взялся.

– Утро доброе, Кощей да Финист! Серый Вольг еще не появлялся?

Накаркал Ворон, – распахнулись двери дубовые, против солнца и не видать, кто в них стоит – волк али человек с глазами горящими, зелеными.

– Поздорову всем собравшимся, – низким голосом проговорил-прорычал запоздавший чародей, перешагивая порог. Ухмылка как есть волчья, и волос не поймешь какой – издали серый, а присмотреться – одна волосинка рыжая, одна черная, одна белая. – Ох и хороша же у тебя жена, Кощей, не в пример прочим. А то, помню, третья твоя супруга мне еще долго по ночам снилась: будто оседлала она меня, чисто коня ледащего, и сколько я по горам-долам ее ни носил, все скинуть не мог, пока сам с кровати не свалился.

Хохочут чародеи, Кощей волей-неволей улыбается:

– Перекусить с дороги не хотите ли? Али сразу к делу перейдем?

– Мы, – отвечает Финист, – перед дорогой перекушанные, иным голодом томимы: растравил ты в нас любопытство великое, давай похваляйся, что по сусекам своим библиотечным наскреб.

Кощею и самому не терпится.

– Идемте тогда за мной, а ты, Василиса, скажи Прасковье Лукинишне, что обед отменяется, пушай сразу к ужину накрывает!

Заперлись чародеи в покое и беседуют вполголоса, только слышать, как Финист иной раз воскликнет с изумлением; «Вот те раз!.. Вот уж не подумал бы!.. Эдак все складно выходит!»

И не подслушать толком – воевода, дабы челядь в соблазн не вводить, пристроился в светлице у окна шелом свой парадный от ржи оттирать. Пока Прасковья Лукинишна углядела да крик подняла, – он всю занавесь успел рыжим да черным испакостить.

Спросила я у воеводы про чародеев – не знает ли, что они там за совет держат, по какой нужде собрались? Черномор только плачами пожал:

– Да они часто собираются, у всех по очереди, опытом колдовским обмениваются. В прошлый раз Кощей к Финисту ездил, вернулся пьяный сверх меры, утром ничего вспомнить не мог, только воду пил кадушками.

Потом люди верные донесли, что кто-то на реке Смородине шесть мостов кряду поставил, к избушке Бабы Яги ноги курьи приделал, мечом-кладенцом вековой лес положил, коня среброгривого у царя Берендея спер и путника проезжего козленочком обернул. Мосты да ноги убрали, козла расколдовали, а коня так и не нашли, пришлось деньгами в складчину отдавать. Решили больше у Финиста не собираться, уж больно он потчевать горазд...

– А кто из чародеев самый могучий?

Воевода, чуть Прасковья Лукинишна отлучилась, на шелом поплевал – и цоп за занавесь – все одно стирать.

– Всех сильнее Кощей, ему любое чародейство подвластно. Ворон, Финист и Вольг по силе примерно равные, да у каждого сила своя: Ворон больше со временем да премудростью книжной дело имеет, Финисту ветер да огонь покорны, Вольг тьмой ночной да зверями лесными ведает.

У меня вопросы ровно горох сушеный из мешка худого посыпались:

– А Марья Моревна? В чем ее сила? Как она Кощея полонить сподобилась, ежели он ни одному чародею Лукоморскому не уступит?

Покосился на меня воевода:

– И откуда ты что прознала, Василиса Премудрая?

Мне от воеводы таиться нужды нет, крутить да ворожеей прикидываться не стала:

– Прасковья Лукинишна рассказала.

– Вот уж, где язык не в меру ретивый... – качает головой Черномор Горыныч. – Ну да ладно, все равно рано или поздно выведала бы, не от стряпухи, так от кого другого. Кощей про то вспоминать не любит и нам заказал при тебе говорить, но коль уж прознала, доскажу: хитростью да обманом Марья Моревна Кощея пленила, в гости зазвала, а там сонным зельем и подпоила. В честном бою она против него не выстоит, да с нее станется в спину ударить. Чародейкой ее назвать язык не поворачивается – ведьма треклятая, силу из смерти черпает. Прочих чародеев поодиночке шутя раздавит, с двумя намается, троих же обойдет стороной.

– Что ж они всем скопом ее не изловят и к ответу не призовут? – подивилась я.

– Посидела бы сама так-то в темнице, в оковах железных...

– То-то и оно, что укрылась где-то Марья Моревна, сбежала от гнева чародейского, с той поры ни слуху о ней, ни духу. Подозрительно сие зело, чародеи давно голову ломают, как бы это ее, злодейку, сыскать да изловить, пока не удумала чего. Цепочки серебряные у них на шеях видела? То знаки братства чародейского. Ежели кто из собратьев в беде великой окажется, на

цепочке кровь проступит. Они уж давно дружбу промеж собой водят, ан цепочки только в прошлом году вздели, после того как Кощей в темницу угодил, – мало ли еще какая беда приключится.

Вижу я, что из воеводы ничего больше не вытянешь – сам толком не знает, зачем Кощей чародеев вызвал.

Припомнила я, что есть у меня письмецо заветное, батюшкино, велела Матрене котомку со двора принести. Она и веноч заодно прихватила, в углу поставила. Ничего себе веноч, веселенький такой. В котомке пирожки да пряники домашние, – небось нянюшка собирала, знала, чем меня порадовать. Я Матрену пряником угостила, сама же за письмецо скорей схватилась. Батюшка самолично писал, по почерку корявому видать:

«Здравствуй, дочь моя любимая Василисушка! Жива ли ты (перечеркнуто)... Как тебе там живется-поживается? Мы тебя иногда вспоминаем (перечеркнуто)... Думаем о тебе денно и ночью, скорбим безмерно. Ежели чего напоследок (перечеркнуто)... Ежели чего душеньке захочется, отпиши мне, не стесняйся, я пришлю. А у нас тут все хорошо, залу тронную почти починили, а то Илья Муромец ее вдребезги разн... (перечеркнуто)... беспорядок в ней навел небольшой. Как уволок тебя упырь прокля... (перечеркнуто)... Как ушли вы с мужем, Муромец совсем рехну... (перечеркнуто)... Осерчал малость, схватил лавку и давай гвоздить направо-нале... (перечеркнуто)... и показал силушку молодецкую, чем вознал послов в страх велик... (перечеркнуто)... внушил послам безмерное уважение к нашей державе, породившей столь могучего богатыря. Марфуша на него не нарадуется, вот уж молодец так молодец, не то что твой доходя... (перечеркнуто)... Мужу привет передавай.

Сим остаюсь

Царь (перечеркнуто)... твой батюшка (перечеркнуто)... царь-батюшка».

И печать канцелярская в углу приложена. Ну, батюшка, ну, уважил-потешил, слов нет!

***

Затянулся совет чародейский. Солнце землю краешком погладило, а они все не выходят, за стол накрытый не садятся. Стряпуха не утерпела, постучалась:

– Костюшенька, я тебе супчика куриного принесла, отведай, касатик!

Дела делами, а желудок-то пошто голодом морить, он у тебя и так слабый...

Из-за двери как захохочут на три голоса, а Кощей как выскочит, как гаркнет с досады:

– Ты что это, карга старая, меня перед коллегами срамишь?! Я тебя сейчас самую курицей оберну и в щак съем!

– Принести тебе щей, Костюшенька? – засуетилась бабка. – Сейчас сбегаю разогрею...

Кощей дверью хлопнул – у Прасковьи Лукинишны миска на подносе так и подскочила, плеснула супчиком.

А запах-то от кушаний в щелку проскользнуть успел, перебил чародеям настроение рабочее, из покоя выманил.

Расстаралась стряпуха – стол от яств так и ломится, в центре лебедь печеный яблочко в клюве держит, в бутылки обомшелой вино столетнее, янтарное, играет.

У Финиста слюнки потекли.

– Люблю я к Кощею в гости ходить! В кои-то веки попотчуюсь всласть, а то мою скатерть-самобранку моль побила, и как раз то место, где при развороте водка являться должна, вот горе-то!

Ворон бровь седеющую поднял, на меня с хитринкой глянул:

– Что водка, вот ежели мне Василиса из своих рук чарку уксуса поднесет, слаще меда покажется!

Вольг его локтем подталкивает:

– Ты на чужих жен поменьше засматривайся, старый пень, а то как бы в Кощеевой руке мед уксусом не обернулся!

«Да, – думаю, – с такими шутниками без привычки за стол садиться боязно, – так-от подтрунивая, засмущают до смерти». Притулилась тихонечко рядом с мужем – он, знаю, в обиду не даст.

Чародеи вино столетнее по чашам разлили, за хозяина да хозяйку подняли, как обычай того велит.

Финист чашу осушил – пуще прежнего развеселился, мужу моему подмигивает:

– А знаешь ли ты, Кощей, что опосля седьмой свадьбы, да еще на Василисе-красе, прошел в народе слух, будто сила твоя – в яйцах?!

Я пирожок жевала – поперхнулась. Прасковья Лукинишна меня по спине хлопает, Финиста бранит:

– Да как у тебя, окаянного, язык повернулся – таку непотребщину при дитятке безвинном ляпнуть! Не слушай его, Василисушка, он охальник известный, при нем и покойник в гробу покраснеет да сам крышкой

накроется!

Вольг да Ворон хохочут безудержно, Кощей сквозь смех друга журит:

– Ты, Финист, всегда найдешь чем нас потешить, за столом тем паче...

– Я-то тут при чем? – оправдывается Финист, а у самого глаза хитрющие! – Народ придумал, с народа и спрашивай! Наш народ на выдумки горазд, вон давеча купец заморский на привозе шапкой-невидимкой торговал, такую цену непомерную заломил, что простой люд три дня приценивался и отходил, покуда нужный богатеи не сыскался, поп тутошний. Купил шапку, надел – и напрямик в женскую баню! А она там от пара возьми да отсырей – известное дело, механизм тонкий, забарахлила... От-то визгу было!

Прасковья Лукинишна ему скорей ребрышек бараньих на тарелку кладет:

– Накось, погрызи, коль свой язык без костей!

Откушали чародеи, потолковали о пустячном, по три чарки вина выпили и давай куда-то собираться. А на дворе уж ночь глухая, звезды зажглись, месяц рожки выпростал.

– Ну, Василиса, пожелай своему мужу удачи, да и нам заодно, – говорит Ворон, первым из-за стола вставая. – Она нам сегодня дюже понадобится, – придумал Кощей, как Марью Моровну сыскать, только для того цельную ночь всем вместе колдовать надобно, а наутро первый луч солнечный нам ее логово последнее и укажет.

Прасковья Лукинишна тут же запричитала:

– Куда ты, Костюша, пойдешь на ночь глядя, там уже роса взялась, не ровен час, ноги замочишь!

– Небось не сахарный, не растают ноги-то, – сквозь зубы цедит Кощей. – Ты лучше за Василисой приглядывай, займи ее чем на кухне, чтобы при тебе была. А тебя, Черномор, пуще того прошу – не спи ночь, покарауль у дверей недреманно. Чует мое сердце – прознал душегубец, что этой ночью вся колдовская сила при мне будет, попробует самолично в терем взойти.

Черномор нахмурился, кулаком стиснутым себя в грудь широкую ударил – только звон от кольчуги пошел.

– Муха не пролетит!

Кощею от того не легче.

– Ты, на мух отвлекаясь, бирюка не пропусти! Не тебе, Вольг, в обиду сказано...

– Да какие там обиды! – усмехается чародей. – Моя слава вперед меня

бежит, да и за коня среброгривого, берендейского, по-хорошему мне бы одному надо было ответ держать...

Ой, чую, что-то тут неладно!

– Погоди, неужто от колдовства вашего в обереге сила иссякнет?

Повинился муж:

– Не иссякнет, а отозвал я ее временно, до первых петухов; кто его знает, как там у нас дело обернется, – каждая крупница сгодится.

Гляжу, и впрямь череп светиться перестал, камень как камень.

– Да может, его и нет давно, того врага, – пробует Кощей меня утешить, а у самого такой вид, словно перед гробом венки несет, – за месяц ни разу не объявился.

– Ага, – говорю, – помер своей смертью, не дождался, сердешный, когда же его наконец изловят да вразумят! Что ж ты тогда воеводе спать заказал, меня на кухню гонишь, вареники свои любимые на поругание отдаешь?

Кощей отговаривается нескладно:

– То на всякий случай, для общего спокойствия...

Вот уж утешил! Бросила я в сердцах:

– Как бы ваше спокойствие моим упокойствием не обернулось!

Сошлись мы с Кощеем нос к носу: я на цыпочки встала, он голову опустил, подбоченились оба, руки в боки, чисто петухи бойцовые, – сцена семейная, челяди да гостям на потеху.

– Что ж, удачи тебе, муженек, – не Марью Моровну, так хоть жену схоронишь: мелочь, а приятно!

– Ты, женушка, сама кого угодно с этого света сживешь и на том покою не дашь!

– Тебе-от покой дороже жены!

– Потому как жена непомерно дешева!

– Промежду прочим, три пуда золотом!

– Отпиши батюшке, – я вдвое приплачу, ежели он тебя назад заберет!

– Ой-ой-ой, смотри не поистраться, на восьмую жену казны не хватит!

Тут Кощей как заорет дурным голосом:

– Хорошо, будь по-твоему! Никуда я не пойду, останусь тебя стеречь, пуцай Марья Моровна и дальше по селам детей крадет, кровушку из них цедит на потребу чародейскую, черный мор на царства-государства напускает, ежели что не по ней!

Сел на пол и давай сапоги стаскивать.

Стыдно мне стало, – в самом деле, кто меня в тереме-то тронет, при челяди, под охраной воеводиной? Ставни-двери запереть изнутри, и пуцай

там себе враг неведомый вокруг частокола рыщет несолоно хлебавши.

– Ладно, иди колдуй, перебыюсь как-нибудь...

А Кощей так просто охолонуть не может, сапог не бросает:

– Нет уж, будь по-твоему, останусь в тереме, псом у ног твоих лягу, лишь бы ты, счастье мое, за жизнь свою драгоценную не тревожилась!

Кабы другим тоном сказал – иного признания и не надобно, а так – курам на смех, мне на усовещивание. Чародеи с ноги на ногу переминаются, на меня глядят с укоризною, – только-только выходить изготовились, а тут такая оказия: жена мужа на великий подвиг отпустить не желает, одна оставаться боится. И Кощею уже обратного хода нет, словом себя связал, что делать?!

Уж и не знаю, что на меня нашло – присела рядом с мужем да возьми и поцелуй его легонько в щеку, с той стороны, где ямочка на улыбку отзывается.

– Иди, – говорю, – удачи тебе!

Кощей так сапог и выронил. А я сама перепугалась – ойкнула, румянец в щеки кинулся, подорвалась с колен и бегом вверх по лестенке, лишь бы не видеть, как муж на меня смотрит.

И Финист языкатый вслед, со смешком:

– Вот уж точно, милые бранятся – только тешатся!

Ворон на него цыкнул, а Вольг еще и затрещину отвесил – для пущей важности. Я же за угол завернула и стою, отдышаться никак не могу, сама себе дивлюсь – эх меня угораздило! Прощай теперь прогулки совместные, покой чародейский, басни дивные: муж-от меня и так едва терпел, теперь, поди, и вовсе видеть не захочет...

А внизу, слышать, Кощей сапоги заново натянул, с воеводой да Прасковьей Лукинишной простился. Пашка у крыльца копытом бьет, Вольга учуяв.

– Эх, Кощей, и завидую же я тебе! – в шутку сетует неугомонный Финист. – Кабы меня такая жена любила-миловала, я бы жизнь за то отдал, не задумавшись.

А Кощей в ответ возьми да и молви тихим горьким голосом:

– Я тоже. Только седой да криворукий ей без надобности...

И все – хлопнула дверь, ушли чародеи.

А я так и стою столб столбом, руку к сердцу прижала. Да что же это он такое говорит?! За весь медовый месяц ни разу не приголубил, а теперь – без надобности! Куда ж он сам смотрел?! Ну я-то, понятное дело, себе даже думать о любви заказала – муж-от мне не чета, чародей великий, всякого в жизни перевидал, за ратным делом да колдовством ему не до женщин, а ну

как засмеет? Неужто и ему краса моя неписаная уста замкнула, негодящим себя посчитал?

Покликала меня Прасковья Лукинишна на кухню, кисельком вишневым поманила, да я усталюю отговорила и у себя в покое заперлась.

Не могу спать, мечусь по опочивальне – и сладко мне, и страшно. Придет – что я ему скажу?! «Ой ты гой еси, друг любезный, бери меня за руки белые, лобзай в уста сахарные, будем жить-поживать и добра наживать»? Такое только в сказках проходит! Да он на меня как на умалишенную глянет, не то что в опочивальне – за воротами терема замкнется!

Егорушка из клетки глядит сочувственно, усами шевелит. Изловчился как-то мое вышивание, едва законченное, в клетку затащить, лежит барином на всем Лукоморье вместе с птицами, рыбами да солнцем мохнатым, в тереме батюшкином дырку для обзору прогрызть успел. Пусть его, не тем голова занята...

А если не придет? А вдруг они там с Моровой не на жизнь, а на смерть схватились? Коль проведала чародейка, что жизни ей до рассвета осталось. Да первой удар и нанесла? Может, я уже час как вдова, впору веночек батюшкин черной лентой перевивать – «От безутешной вдовы Василисы и ее родственников»? Ой, страсти-то какие! Хоть бы пришел скорей, черт с ней, с любовью, лишь бы все там у них обошлось...

Забывшись я наконец сном тревожным, часу не прошло – будят. Я как почувяла что неладное, мигом с постели сорвалась, запор откинула. Стоит на пороге воевода во всеоружии, лица на нем нет, глаза неживые.

– Вставай, Василиса, беда великая приключилась! Идет на нас орда басурманская, слова не сдержавши! Тут уж не до чародейства, Кощей в дружину поскакал, а меня за тобой отправил, велел привезти к нему сей же час!

Я расспрашивать долго не стала, только сапожки натянула – и за воеводой. Пробежали мы через двор, Черномор засов отодвинул, выскочила я за ворота, а они за спиной как хлопнут! Осталась я одна-одинешенька в чистом поле, ни Кощея, ни дружины, ни орды, хоть бы собака какая голос подала – тишина как на погосте, едва-едва светать зачало! Только и услышала, как воевода ворота запер и к терему неспешно пошел, во весь рот зевая. Закралось тут в меня подозрение великое, кричу ему вослед:

– Эй, Черномор Горыныч, да ты никак со мной шутки шутить вздумал?! Отвори ворота, змей!

Слышится мне в ответ голос женский, медовый:

– Не кричи, Василисушка, только горло зазря натрудишь.

Зачарованный он, не слышит тебя, а после ничего и не вспомнит.

Обернулась я скоренько – стоит у меня за спиной женщина незнакомая, в облачении богатырском, пуд железа вместе с мечом на себя нацепила, не меньше. Прямо сказать, с ее статью мужика только в темнице и удержишь: волос стриженный, нос длинный, зубы кривые, нижняя губа короткая, верхняя оттопыренная, на ней ус редкий, черный. Кольчуга как на доске плоской висит. Спрашивает меня:

– Ну что, Василиса Премудрая, Прекраснейшая из царевен Лукоморских, жена Кощеева, знаешь, кто перед тобой?

– Раньше я только гадала, прекраснейшая али нет, – отвечаю, – а как на тебя посмотрела, точно уверилась! Ты, видать, Баба Яга?

Скривилась богатырка, точно уксуса хлебнула:

– И кто тебя только Премудрой прозвал! Марья Моревна я, чародейка могучая!

– Ой, – говорю, – извини, обозналась! А Баба Яга тебе точно не родственница?

– Ты мне зубы не заговаривай, – злится чародейка, – лучше от забора отойди, чтобы пятна на нем мокрого не оставить! Прочих жен я чужими руками изничтожила, оружием человеческим, чтобы подозрение на меня не пало. А нынче уж все едино, – как узнает Кощей, что я цельный год под видом купчихи вдовой неподалеку от его терема жила, мигом догадается, кто его жен порешил. Да поздно будет – к первому лучу солнца меня и след простынет.

Представила я пятно с косой на заборе – перетрусилась, да виду не подала:

– И за что же нам, женам Кощеевым, такая немилость? Никак чародейке могучей мир с басурманами костью в горле встал?

Смеется Марья Моревна:

– Мне до басурман дела нет, как заполучу я силу Кощееву, они ко мне сами на коленях приползут! Узнала я из книги колдовской, как ту силу на себя перетянуть, надобно только, чтобы он сам отдать ее мне захотел. Уж как я его, в гости залучивши, ни уговаривала – и плетью, и железом каленым, – так хозяйку и не уважил... Вдругорядь-то уж я не сплошаю, придумаю чего поубедительнее!

Я и бровью не повела:

– Таких хозяев хлебосольных и в ответ попотчевать не грех, да рук марать не хочется; уходи-ка ты отсюда подобру-поздорову, пока мой муж не вернулся, он уж тебе сполна за ласку оплатит!

– Ишь ты, наглая какая! – дивится Марья Моревна. – Да я тебя,

Василиса Преглупая, на одну ладонь положу, другой прихлопну – мокренько станет!

– Смотри, – говорю, – как бы у самой штаны не отсырели, Марья Мордовна!

Марья Моровна зубами скрежещет, кулаки сжимает – впору камню водой истечь.

– Ну все, разозлила ты меня, Василиса, теперь...

А мне уж все едино, помирать – так с бранью.

– Как будто ты раньше шибко добрая была!

– Не перебивай, – орет богатырка тонким голосом, – когда с тобой враг разговаривать изволит, может, он что важное напоследок сказать хочет! Кабы я прежде знала, что Кощей таку стерву в жены взял, погодила бы тебя губить, ты бы Кощея скорее меня уморила!

Дай, думаю, и впрямь послушаю, заодно и время потяну, а там, глядишь, и муж подоспеет.

– Не губи ты меня, чародейка могучая, смени гнев на милость! Неужто ты, Кощею досадить надумавши, вдовить его повадилась? Тем Кощея не проймешь – ему от жен одна морока, слезинки не уронит, еще и спасибо тебе скажет, избавительнице!

– Вдругорядь не угадала! – шипит ведьма сквозь зубы стиснутые. – Кабы я Кощею только досадить хотела, уж сыскала бы, чем его пронять! Давно я за его силой охочусь, да все без толку, ровно везение Кощеево меня под руку толкает, очи застит. Открыла я тогда книгу свою колдовскую, спросила, как везение в нем истребить, да и вычитала, что не смогу одолеть Кощея прежде его жены... Что ты смеешься, бестолковая?

– Да вот подумала: ежели в книгу твою описка вкралась, ведь вся работа насмарку! Экая незадача!

– Что ты в чародействе понимаешь, девка скудоумная! – рычит Марья Моровна, ногой притопывая. – В моей книге не страницы – кожа человеческая, по ним не чернилами – кровью писано, и кровь та ровно в живом теле под кожей переливается, на каждый вопрос свой ответ слагает, кривды не кажет!

Приуныла я для виду:

– Куда уж мне до тебя, волос длинный, да ум короткий... Никак в толк не возьму, эх ловко ты с воеводой управилась, я-от думала – чары только глаза в глаза передаются?

Лестно Марье Моровне такое слышать, сделала милость, разъяснила:

– Мне на него глядеть нужды нет. Как пошел воевода с дружиной да чародеями меня воевать, за друга-хозяина мстить, Кощей им есть-пить в

моем тереме заказал строго-настрого, а воевода не утерпел – вишенку с ветки над крылечком сорвал да вместе с косточкой и проглотил. С той поры под власть мою попал, исправно службу несет, о планах Кощеевых докладывает, царевен за ворота выводит... Поутру только диву дается, отчего кинжал булатный затупился, меч в рже-руде измазался?!

Пожалела я воеводу, вины ему не отмерила – где ж тут против вишни устоять? Скорей бы уже кочета клич кинули, солнышко разбудили, не век же мне ведьму разговором занимать!

Марья Моревна тоже не лыком шита – смекнула, куда я клоню:

– Зря ты, Василиса, на восход посматриваешь, к солнышку примериваешься – ему еще полчаса за краем света отмерено, подмоги тебе ждать неоткуда, Кощей ни сном ни духом не...

Осеклась чародейка, под ноги себе глядит, глазам не верит, – дрожит земля мелко, в коленках отдается. У меня от сердца отлегло, легко-легко стало – Пашкину поступь ни с чем не спутаешь, козлом скачет. Траву ветром качнуть не успело – конь златогривый вперед него домчал.

Осадил Кощей Пашку, на землю спрыгнул:

– Как чуял, что тут без меня не обойдется! Вот мы и свиделись, ведьма!

Отшатнулась Марья Моревна, ровно привидение увидела:

– Кой черт тебя принес, Кощей? Мы тут с Василисой о своем, о женском толковали, тебя не звали!

– Ага, – говорю, – судили-рядили: по забору меня размазать али по ветру пустить!

Сама же на мужа гляжу радостно – и на шею броситься охота, и отвлечь боюсь.

– Вижу, вовремя я на ваш девичник поспел, дело мало не законченное на друзей оставил, – пообещал им, что мигом обернусь, да, кажись, задержаться придется... – говорит Кощей в раздумье недобром.

– Твоя правда! – щелкает ведьма зубами кривыми. – На сей раз единым годом не отделаешься; загостишься надолго!

Вздрогнул Кощей едва приметно, слова ответные подрастерял, зато я не сплошала:

– погоди, Марья Моревна, не хвались, прежде за дело примись! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь, не подстреливши ясно сокола – рано перья щипать, не узнавши добра молодца – нечего срамить его! Пришел он не сказки тебе рассказывать и не твои слушать, пришел насмерть биться, от тебя, проклятой, добрых людей избавить!

Чародеи на меня в один голос:

– Да помолчи ты хоть одну минуточку, Василиса!!!

Прикусила я язык обиженно. Слышать стало, как в тереме воевода недреманный храпит.

А чародеи биться – силой мериться не торопятся: и Моровна, как ни хвалилась, Кощею не рада, и Кощей ее хватать стережется. Стоят друг против друга, выжидают чего-то. И я между ними, как кость посередь псарни.

Тут Пашка эдак мрачно-мрачно:

– Ты бы, хозяйка, лучше отошла в стороночку, не заминала...

А Моровна:

– Стой, где стоишь, ежели жизнь дорога!

Как-то уж больно неуютно мне стало... оглянулась на мужа, а он чисто лук натянутый – весь напрягся, а с места не двинется.

– Ежели ты, змея подкодная, мою жену хоть перстом тронешь, от тебя единый перст и останется! Василиса, сей же час иди в терем!

Смекнула чародейка, что муж за меня пуще себя радуется, зашибить ненароком боится, у ней же я заместо щита надежного. Заулыбалась, постылая:

– А зачем мне ее трогать? Глазом стрельну – пойдут клочки по закоулочкам... Так что лучше не зли меня, Василисушка, стой смиреннько...

– Так мне стоять аль идти? – спрашиваю с досадой. – Зябко тут, дозвоьте хоть за платком сбегать, – я живо обернусь, без меня не начинайте!

Оскалилась недобро Марья Моровна:

– Зазябла, говоришь? Так я тебя уважу, согрею!

Опустила руку, комок земли сухой ей прямо в ладонь скакнул. Подкинула ведьма комок, примерилась, на Кощея хитро поглядывает, да как метнет тот комок мне в лоб – только пылью в воздухе прыснуло. И уж не земляца – летит на меня мгла черная, а в ней черепа зубьями скрежещут, нетопыри крыльями трепещут – сама смерть глаз мертвый кажет.

Ан Кощей сноровистей оказался, упредил: истаяла я дымком сизым, зайкой серой к земле припала, ушами без привычки застригла.

Пролетела мгла мимо, да Кощея и окутала, даже руки для заклятия вскинуть не успел, снопом подкошенным на сыру землю повалился.

А Марье Моровне того только и надобно, не про меня она силой колдовской разбрасывалась, в Кощея и метила – как знала, лиходейка, что он на мою защиту встанет, о себе не подумавши. Не убить – пленить хотела, дух на время отшибить, чтобы рукой-ногой шевельнуть не мог.

Обрадовалась – мочи нет на нее смотреть, только что в ладоши не плещет, треклятая.

Кощей едва-едва на локотке приподнялся, хрипит чуть слышно:

– Беги, Василиса...

А куда бежать-то? Родного мужа лютой ведьме на растерзание бросить? Не на таковскую напали!

Цопнула меня ведьма за уши, подняла и ну хохотать по-злодейски, раскатисто:

– Вот ты мне и попалась, зайка белохвостая! Да ты за спину не поглядывай, твой Кощей тебя не защитит, а коль попытается – умрет на месте, последнюю силу истратив. Ладно-то как вышло: и с тобой покончу, и Кощея полоню, а там и до прочих чародеев черед дойдет – Ворона живьем оциплю, шкуру Вольгову постелю в опочивальне, а из Финиста набыю чучело и в горнице для красы поставлю!

Пашка подсказывает:

– Ты еще косу у Василисы отрежь да в волосья воткни, а то своих недобор!

Обернулась чародейка к коню, не в меру болтливому. Пашка уши прижал, попятился испуганно, да куда там: Марья Моревна дунула, плюнула, и готово – вместо коня идол каменный в поле высится.

Ведьма идола по носу легонько щелкнула – он и развалился на мелкие кусочки. Охнула я беззвучно, лапки поджала, а Марья Моревна пуще прежнего веселится:

– Нешто в сметане тебя, Василиса, утушить? Давненько я зайчатинкой не лакомилась, да и воротник меховой на платье поизносился. А впрочем, поживи еще чуток, сослужи мне службу последнюю!

И как бросит меня оземь, да с вывертом – трижды небо в глазах мелькнуло, пока к земле хребтом не приложилась. Гляжу – коса сызнава при мне, руки-ноги на месте, только уши дюже ноют. Достает ведьма из рукава кольчужного цепь каленую, гремучую:

– Иди, Василиса, скуй эту падаль по рукам и ногам, а то мне мараться несподручно!

И давай меня глазами чаровать. То вытаращит, то на нос сведет. А с меня как с гуся вода: сызмальства такие чары не липнут. Хотела я ее на смех выставить, да вовремя одумалась: округлила глаза невидяще, как воевода зачарованный, подошла близенько, будто цепь подобрать, да как двину без упреждения в Марьин ясный глаз кулачком с печаткой дареной:

– Вот тебе, злодейка, за Кощея и жен его погубленных!

Не удержалась Марья на ногах, повалилась на землю, я сверху

вскочила, и давай друг дружку царапать-щипать, за волосы драть, да с визгом, с руганью похабной, ну точь-в-точь чернавки, из-за молодца пригожего сцепившиеся! Марья мне в глаз плюнуть исхитрилась, а я ее за нос укусила. Грех было не укусить – длинный он у нее, противный, так на зуб и просится.

Наконец вспомнила Марья, что она богатырка все-таки, а не баба склочная, отшвырнула меня, как котенка, поднялась, отсутствие груди от земли налипшей отряхивает. Глаз синевой затек, на носу зубы мои веночком пропечатались.

– Ну, Василиса, я тебе это припомню! Сей же час предала бы тебя смерти лютой, да не время – нам с тобой еще Кощея уговаривать предстоит, авось при тебе скупиться не станет...

Мне-от так просто не подняться – пробили землю корни цепкие да крепкие, оплели меня намертво, перстом не шевельнуть. Скосила глаз на Моровну: ведьма цепь подобрала и к Кощею с опаской подступает, чисто ворона к лисе издохшей. Ногой потыкала, – нет, не шевелится, лицом в землю уткнулся, левая рука под грудь завернулась. Покрутилась ведьма вокруг – толку не будет, надо переворачивать, руку добывать. Только нагнулась – чародей как развернется, хватить ее за шиворот! Перепугалась ведьма до смерти, хоть и разумеет, что не удержать ее Кощею, – самому бы удержаться.

– Дурак! – шипит Марья Моровна, пальцы разомкнуть пытаюсь. – Тебе сил только-только на жизнь осталось, смотри не поистраться!

– А мне, – говорит Кощей чуть слышно, – терять нечего, дай-кось тебя с собой прихвачу, на том свете вместе ответ держать будем!

И вторую руку ей на лоб наложил – меж пальцев алым высветилось.

Вскричала тут Марья Моровна страшным голосом, да и рассыпалась нетопырями визгливыми. Те так в стороны и прыснули, наутек кинулись, а не тут-то было, – проклянулось ясно солнышко, край неба вызолотило, лучом землю приласкало, нетопырей пожгло, в серый прах обратило. Сей же час спали с меня путы колдовские, под землю от солнца попрятались, а по первому лучу, как по нитке путеводной, летят ворон да сокол, за ними понизу серый волк рыщет, на выручку брату названому торопятся, а с цепочек серебряных так кровь на землю и каплет...

Только нет мне дела до Моровны, нет дела до чародеев, даже про Пашку рассыпанного вмиг позабыла. Лежит мой Кощей на траве-мураве, не шевелится, только кровь изо рта по щеке ручейком темным струится.

Пала я перед ним на колени, охватила обеими руками, словно от смерти, в изголовье стоящей, заслонить надумала.

Приоткрыл Кощей глаза, глянул на меня в последний раз, шепнул беззвучно:

– Василисушка...

Поздно мне лаской ответить захотелось, закрылись глаза любимые. Прибежали тут чародеи, оттолкнули меня, Кощей бездыханного на руки подхватили да в терем спешно понесли, а я на траве сидеть осталась, горе свое безмерное в голос выплакивать.

Не хуже, чем у Марфуши, получалось...

* * *

Да что ему станется, бессмертному?

– Ты, – говорю, – муж любимый, меня так больше не пугай. Не ровен час, поседею пуще тебя.

Смеется Кощей:

– Ты мне и седая любя будешь...

Ну что с него возьмешь, окромя супружеского долга?

Тут Прасковья Лукинишна нас из опочивальни выстукивает:

– Подымайтесь, деточки, скоро уж гости съезжаться начнут, привечать надобно!

А ведь и правда, как это мы запомнили – праздник у нас сегодня великий, пир за упокой души Марьи Моровны, чтоб ей на том свете икалось! Приглашения еще месяц назад разосланы, чтобы все поспели доехать, Прасковья Лукинишна с третьего дня от печи не отходит, разносолы выдумывает. Егорушку два раза за хвост из кринки со сметаной вытаскивала, Ваське-лентяю под нос совала в назидание. Кот жар-крыса облизнет лениво, да так с ним в обнимку и засыпает.

Спускаемся мы с Кощеем по лестнице, спор давешний продолжаем – сколько времени минуло, а так на правого-виноватого и не рассчитались.

– Это кто ж кого больше напугал, – сама-то с ведьмой врукопашную схватилась, едва нос не отгрызла!

– Я тебя обороняла, а ты меня на смех выставляешь!

– Ишь ты, а я-то, грешным делом, думал, что это я тебя оборонял, а ты под ногами путалась...

– Кабы дома остался, оборонил бы, а так едва сам не помер!

– Кабы я дома остался, Моровна из своего логова не вылезла бы! Я-то втайне на нее и думал, не знал только, зачем ей жены мои сдались, решил

ловушку устроить – с заклятьем Финист и один бы управился, солнце по его части, нашли бы ведьму в любом случае. Я уж давно проведал, что стены терема ушами обзавелись, да не знал чьими. Не след было Марье Моровне на слова воеводины полагаться; сказал Ворон при нем, что мы логово ее сыскать надумали, а не ее саму, она и поверила. Нет бы спрятаться – решила: коль из дома обжитого уйду, они меня и не сыщут. А за оберег ты на меня зря серчала, – не вычерпал я его, а переделал, над твоими словами о скрытом враге призадумавшись, как ты за ворота вышла, он меня и оповестил. Хоть и стращал я челядь перед уходом, Марья Моровна в терем ни за что бы не пошла, он от нее и без оберега заговорен накрепко. А иного злодея воевода бы через порог не пустил – оберег тем паче не надобен.

* * *

...Больше всех воевода убивался. Как узнал он, кто жен Кощеевых за ворота сманивал и жизни лишал, так колени у него и подкосились, на пол рухнул, за голову схватившись – все разом вспомнил.

– Ох и натворил я бед великих! Да как же мне теперь по земле ходить, людям в глаза смотреть?! Вот тебе, Кощей, мой меч, заруби меня, распроклятого!

Взял Кощей меч и за спину спрятал, потому как видит – друг его в таком состоянии, что не отбери – сам себя порешит.

– Полно тебе, Черномор, убиваться, не твоя в том вина, забудь, как сон дурной! Черт с ними, с женами, зато теперь у меня Василисушка моя есть...

Заулыбались мы друг другу, а воевода свое гнет:

– Не утешай, меня, Кощей, кругом я виноват: и в саду Марьи Моровны тебя послушался, и Василису на верную погибель из терема вывел, и ты из-за меня едва жизни не лишился, кому я теперь нужен – прежней веры мне все равно не будет... Лучше запри меня в темнице на веки вечные и самое имя мое забудь...

Пришлось Кощею напомнить, что темниц к терему не прилагается, разве что погреба.

Тут стряпуха забеспокоилась:

– Не пускай его, Костюша, в погреба, ить там же на притолоках колбасы да окорока копченые поразвешаны, к зиме припасены, – все как

есть изгрызет, окаянный!

Нам смех, а воевода все не унимается – надумал в скит уйти: бороды не брить, ногтей не стричь, корой дубовой питаться, рубище носить. Плеть колдовскую у Кощея отнять попытался – мол, для бичевания ежеутреннего во искупление деяний злодейских.

Сжалился Кощей, придумал, чем воеводу безутешного занять.

– Иди, – говорит, – склей мне Пашку во искупление. А я водицы живой да мертвой у Бабы Яги попрошу; только бы не проговориться для чего, а то не даст, карга злопамятная!

Три недели воевода камни собирал да клеил, составил-таки коня за вычетом хвоста и гривы – видать, волос конский песком мелким рассыпался. Пашка потом целый месяц на конюшне сидел безвылазно, от кобылиц знакомых таился, воеводу бракоделом обзывал, пока заново не оброс...

* * *

– Воевода твой, – говорю, – такое же горе луковое, как и ты сам! И пошто я с вами связалась, непутевыми...

Надоело Кощею со мной спорить, подхватил нежданно на руки, да так по лестнице и сомчал под смех веселый.

* * *

Не погуляли мы толком на пиру нашем свадебном, зато уж этот удался на славу! Послетались-посбегались чародеи, посъезжались царевичи-королевичи заморские – хоть и отказала я им в свое время, против угощения дармового не устояли, ни один делами да нездоровьем не отговорился. Батюшка опять-таки послов чужеземных приволок – пущай знают, каков у царя Лукоморского зять, заодно и на пропитании ихнем казна сэкономит. Прибыли сестрицы все до единой, кто с мужьями, кто с подружками. Марфуше замужество впрок пошло – еще больше раздобрела, раздумянилась, все на Муромца покрикивает: подай то, подай это, вина не пей, руками не ешь, пальцы жирные о соседа не вытирай. А уж друзей-знакомых да родственников дальних, впервые виданных, набежало – не счесть, пришлось столы из терема выносить, в чистом поле ставить.

Последней Баба Яга заявила, сперва все ворчала да хмурилась, помелом на чародеев замахивалась, коня да ноги избяные припоминала, а как Кощей ее на почетное место усадил, в первую очередь медом обнес – подобрела, «сахарным» обозвала, клубок какой-то самокатный подарила. Кощей на радостях ее в обе щеки расцеловать сподобился – давно, видать, точил зуб на сию диковину.

Пир-от мы во избавление от Марьи Моровны закатили, ан гости к середине застолья изрядно медов нахлебались и давай «горько!» кричать. Пришлось сластить, а они, окаянные, еще вслух считают!

Вечер небо золотом выкрасил, тучи багрянцем заткал – дружине прискучило в поле стоять, а за ней и орда подтянулась, устроили перед теремом бой шуточный, бока друг другу намяли да тут же добрым пирком и отметили. Батюшке моему кто-то гусли-самогуды подсунул, гости в пляс пошли, даже Баба Яга костяная нога вокруг Муромца козой заскакала, под локоток его подхвативши.

До утра веселье не затихало, а с утра – продолжилось.

Тут и сказочке конец, а кто читал – молодец.

КОМУ В НАВЬЕМ ЦАРСТВЕ ЖИТЬ ХОРОШО

Вешним утром, ранним солнышком выехал я из терема батюшкиного; матушка сонная проводить вышла, котомку в дорогу дальнюю собрала, платочком на прощание помахала. Налево махнула – озеро в чистом поле стало, направо – лебеди по нем поплыли, еще раз налево – вороны полетели, каркают отвратно, направо – из сырой земли какой-то богатырь расти начал, шелом с купол теремной. Спешился я поскорее, отнял у матушки платочек чародейский, пока, чего доброго, рек огненных либо лесов дремучих не намахала, давай поле в порядок приводить.

– Извини, Семушка... – зевает матушка, на ветру утреннем ежась, – снова я платочками с батюшкой твоим попуталась...

– Ничего, матушка, ерунда, – пыхчу я, а с самого пот градом: упрямый богатырь попался, так и норовит землю разломать и на волю выбраться, глазом налитым недобро ведет. – Вороной больше, вороной меньше... а платочек я и сам взять собирался, да забыл... чтоб тебя, окаянного!

Запихал я богатыря под землю, пот утер. Руки в озере ополоснул, оно и истаяло, травой взялось, лебеди же былинками обернулись. Вороны так и разлетелись, не собрать.

– Бывай, матушка, не поминай лихом!

– Возвращайся поскорей, дитятко!

Хорошая у меня матушка – ни тебе слез, ни причитаний, ни уговоров-отговоров: благословила наскоро, в щеку походя лобызнула и в терем досыпать вернулась. Понимает, что доброго молодца навеки под крылышком не удержишь, пуцай с малолетства к подвигам привыкает.

Сел я на доброго коня, сивого жеребчика, поводьями потряхнул – и только поминай как звали!

* * *

Эх, знать бы еще, где те подвиги искать! Полдня без толку в седле протрясся, хоть бы упырь какой навстречу выскочил. Уже и конь еле ноги переставляет, на всадника мрачно косится, да и у меня от зада отсиженного одни воспоминания остались. Чую, так он на седле и останется...

Впереди река показалась, а за ней город какой-то, маковки церковные на солнце горят. Ну, думаю, перееду реку – сяду да покушаю, на траве-

мураве сосну малость. Тут и дорога как раз в мост уперлась. Не шибко прочный, деревянный, да коня со всадником выдержит, не переломится.

Только я на мост – конь подо мной споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади черный пес оцетинился. Свистнул я плеткой для порядка:

– Моста не видели, бестолочи? А ну марш вперед!

Конь хоть бы вид сделал, что испугался. Только хвостом махнул:

– Как же, раскомандовался! Вот слазь и иди вперед пеш, не чуешь – мост трещит да гнется, под ногами ровно живой шевелится?!

– И сидит под тем мостом кто-то незнакомый, – рычит Волчок, носом черным поводя, – пошто затаился, не сказывается, а? Тать, поди!

И Вранко вслед за ними:

– Сто лет живу, моста этого не помню! Не к добру!!! Кар-р-р! Кар-р-р!

Послушался я, слез. И впрямь – вовсе негодящий мост, каждый шаг волной отдается, вперед бежит. Доски новые, да положены вкривь и вкось, не к тому месту руки мастеровитые приставлены были. Берега у речки крутые, не видать, кто там под мостом схоронился. Остановился я посередь моста, призадумался:

– Сбегай, Волчок, разведай, что там да как!

– Вот еще, – трусовато щерится пес, – я и отсюда брехнуть могу... Гав!!!

Тут мост как зашатается, опоры понадломились, доски поразъехали, взвыли мы на пять голосов – вместе с татем неведомым – да в реку!

А воды-то в реке всего ничего, псу по шею, коню по колено, я же с головы до ног измочился – плашмя упал, думал, тону, ан нет – побарахтался и сел. Ощупал себя – вроде цел, не отбилось ничего нужного. Вокруг доски плавают, течение к ним примеривается, вниз по реке утягивает. Над нами ворон кружит, сверху доносится:

– Я же говорил! Мудрых птиц слушать надобно!

– Сам же и накаркал! – брешет пес, отряхиваясь.

Откинул я волосы с лица, огляделся – больше нас стало. Подымается из пучины речной неглубокой молодец незнакомый, конопатый, упитанности немалой, в кольчуге поржавленной, с булавой шипастой наперевес, молвит неуверенно:

– Ну, чудо-юдо поганое, теперь держись – пришел я твоей крепости испробовать, дай-кось попытаю, что опосля удара богатырского выдюжит – моя булава али твоя голова?!

– Ты что, – говорю я злобно, воду сплевывая, – ошалел?! Какое я тебе чудо-юдо, да еще поганое? Я тебе сейчас твою булаву о твою же хребтину

пообломаю, чтобы знал впредь, как честным людям мосты подпиливать!

Пригорюнился молодец, снял шелом, почесал кудри рыжие. Смачно вышло, со скрипом.

– Извиняй, добрый человек, обознался... Сказывали мне бабки знающие, что, ежели через воду текущую в месте безлюдном мост перекинуть, в полночь всенепременно чудо-юдо на него пожалует, тут-то его и хватать надобно, пока тепленькое!

У меня так глаза на лоб и полезли.

– То ли я от падения умом тронулся, то ли полдень сейчас самый что ни есть жаркий да светлый!

– Ночью-то оно того... боязно... – мнется молодец.

– А мост зачем подпилил, дурень эдакий?

– Дык... чтоб врасплох застать... а то вдруг оно на меня кинется?

– Еще бы ему не кинуться... – цежу я сквозь зубы, подымаясь да пиявку из-за ворота выкидывая. – И кто ж тебя, такого удалого да смекалистого, на белый свет породить сподобился?

– Семен я... – басит молодец. – Ильи Муромца сын...

Позабыл я всю свою обиду:

– Так ты же брат мой двоюродный да тезка в придачу: я Семен – Кощеев сын, наши матери друг другу сводными сестрами приходятся!

Возрадовался Семен Муромец, сгреб меня в охапку – только кости затрещали.

– Слышал я про тебя, братец, жаль, прежде свидеться не довелось! Куда путь-дорогу держишь?

Отдышался я маленько после объятий богатырских:

– Ищу я цветочек аленькой, а иду куда глаза глядят – не знаю я, где тот цветочек искать, может, по пути что сведаю. А ты зачем на чудо-юдо засаду строишь?

– Прославиться решил, – вздыхает тезка. – Чтоб как батюшка! А то все «Муромцев сынок» да «Илюшин отпрыск», аж во рту кисло. Мне батюшкина слава без надобности, своей бы разжиться!

– Вот те и разжился! – с берега лает пес. – Кощеева сына мостом пришиб, не всякий так-то сумеет! Суму, суму лови, хозяин, уплывает!

Уставился Муромец на Волчка, уши мизинцами прочищает:

– Вот те раз, а ведь всего-то одну чарку для храбрости и выпил!

Не до разъяснений мне – сума-то и впрямь уплыла да потопла, а в ней одежда запасная, еды на три дня и книжка чародейская.

Тут ворон ко мне на плечо присел, когтями в наплечник кожаный впился:

– Тридцати верст не проехал, все припасы сгубил! Не к добру!!! Кар-р-р, кар-р-р!

Отмахнулся я от вещей птицы, пошел к берегу, сапогами хлюпая. Ничего, едой да одежей всегда разжиться можно, а книжку я и так назубок знаю, на всякий случай брал.

– Не печалься, Сема... – утешает меня Муромец, коня своего богатырского, бурого да лохматого, от куста отвязывая. – Я виноват, мне и ответ держать – поехали на торжище в славный город Колдобень, кольчугу мою купцам сбудем, на квас пропьем, на калачи проедим! Город-от за горушечкой, рукой подать.

Покосился я на него с усмешкою:

– Ну и безлюдное же место ты для моста выбрал, братец...

– А какая ему, чуду-юду, разница? – хорохорится Муромец. – Зато мне польза великая: головы срубленные тащить недалеко, а в случае чего за стенами белокаменными отсидеться можно...

Оглядел Сивка кольчугу богатырскую, всхрапнул жалостливо:

– Ну, ежели кузнецу на лом всучить сумеете, может, по черствой баранке на брата и разживетесь...

– Вот и ладненько, – говорю, – а ежели на квас не хватит – коня моего на мыловарню продадим.

Прикусил Сивка удила, оставил шутки строить.

* * *

Заехали мы в город, сыскали кабак почище, спросили питья хмельного да закуси. Отговорил я Муромца кольчугу продавать – не сумой единой жив путник, сподобился перед дорогой пару монет в пояс зашить. Выпили мы за знакомство, разговорились. Хороший, кажись, Сема парень; чуток простоватый, зато души добрейшей и слову своему верен.

– Ты, Кощеич, не серчай на меня за мост да суму, вот совершу подвиг, разживусь деньжищами и покрою твой убыток.

– Какой подвиг-то, Сема? Полчища басурманские давно копыя сложили, торговлей живут, чудо-юдо последнее твой батюшка прикончил, цари и те промеж собой замирились.

Вздыхнул Муромец горько, до дна чарку осушил.

Подступила тут к нам голь кабацкая – мужичонка ледащий, в одежонке худой. Мнется у лавки, облизывается:

– Ох ты гой еси, богатыри могучие, народные заступнички, а не лепо ли вам человека от лютой смерти похмельной избавить, поднести хоть на доньшке?

Посмеялись мы, налили голи кабацкой чарку зелена вина да зелен же огурец в придачу пожаловали. Все равно уже кем-то надкушенный.

Опохмелилась голь кабацкая, повеселела:

– Вот спасибо, добры молодцы, не дали пропасть! Дам я вам за то совет мудреный: не связывайтесь с девками, от них все беды.

Мне ли девок бояться – на какую гляну, та и растает, да ни одна еще по сердцу не пришлась. Батюшка все посмеивался: «Тебе, Сема, по матушке прозываться надобно – Прекрасный: и волос ее золоченый, и очи зелены кошачьи, только что стать молодецкая».

– Проку с того совета! Вот кабы подсказал, где цветочек аленькой сыскать, я бы тебе цельный ковш поднес.

Призадумался мужичонка, головой качает:

– Слыхом не слыхивал я про такое чудо, а значит, нет его вовсе на белом свете. Кабы был, уж непременно в кабаке сказывали бы! Заезжали к нам и купцы берендейские, и служивые кусманские, и торговцы ордынские, про края свои баяли, цветочка же не поминали. Вот только с пустошных земель, лесов нехоженных, дорог неезженных, где солнышко садится, отродясь никто не приходил. Подавались в те дурные места иные богатыри, славы ратной да подвигов великих искать; сыскали, видать, на свою головушку – ни один не вернулся.

Вижу, у Муромца глаза загорелись.

– Может, и мне счастья попытать?

– Невелико, – говорю, – счастье – голову в дурное место свезти да там ее и сложить. Добры молодцы подвигов не ищут, те их сами находят. Вот кабы с умом в пустошные земли наведаться, на рожон зазря не лезть, авось и сыскали бы чего.

Молвит Муромец в шутку:

– Хошь, Сема, тем умом быть? А я тебя обороню, ежели чудище какое на кудри твои буйные покусится.

Кудрей у меня отродясь не бывало, приплел Сема для красного словца, а вот самого ровно барашка стричь можно.

– У меня за плечом тоже не прут ивовый, а меч-кладенец родовой, и махать им я сызмальства обучен. Может, и впрямь за цветочком в земли неведомые податься, дорог исхоженных напрасно не топтать?

Пожали мы друг другу руки:

– Будь же ты мне не просто братом-родичем, а другом-побратимом

верным, коему в бою смертном без опаски спиной доверяются!

Голь кабацкая между нами влезает:

– А ковш обещанный?!

– С цветочком вернемся – проставим!

Пригорюнился мужичонка:

– Вернетесь вы, как же... с цветочками аленькими – по два на могилку!

Ну да нам голь трусливую слушать не с руки. Закупили припасов в путь-дорогу дальнюю, выпросили, как из города ловчей выехать, да и повернули коней вслед за солнышком.

Начались вскорости земли пустошные, травой сорной поросшие. Селились тут раньше люди, да повывелись – пустые срубы где-нигде стоят, провалами оконными щерятся. Сказывал кабатчик, будто волкодлаки на пустоши водятся, из лесов нехоженных к жилью за поживой тянутся, по ночам у стен городских воют, да к нам они не вышли, остереглись. Волчок к лошади жметя, как что треснет в кустах – на седло ко мне вспрыгнуть норовит, зубами со страху щелкает.

– Да уймись ты, песий сын! Чуешь кого али дурью маешься?

– Чують не чую, да ты ж сам говорил – на рожон не лезть!

– Так оттого ко мне на голову лезть надобно?!

– Ты, хозяин, пользы своей не понимаешь! Ежели волкодлак на тебя из засады бросится, я его на подлете встречу!

Доехали мы до развилки, глядь – лежит на ней валун, с боков обтесанный, а на верховине каменной молодец чернявый сидит, семечки лузгает, шелухой поплеывает. На волкодлака вроде не похож, в ухе серьга серебряная, взгляд хитрый с прищуром. Конь буланный вокруг камня траву щиплет, поводья по земле тянет. Волчок осмелел, облаял издали.

– Гой еси, добры молодцы! А я уж замаялся вас ждать, все семечки подьел, хоть ты обратно поворачивай!

Переглянулись мы с братом непонимающе:

– Мы-то и впрямь добры молодцы, да только что-то не припомним, чтобы с тобой о встрече уговаривались.

Расправил парень плечи, так с груди шелуха приставшая и посыпалась:

– Я Семен Соловей, по батюшке Васильевичем кличут, из царства Лукоморского, стольного города Лукошкина.

– Эге, – говорю, – это не тот ли Соловей, что к моей матушке сватался, да проворовался некстати?

– А мой батюшка ему за покражу короны царевой чуть голову не

снес? – подхватывает Муромец. – Слыхал я, что он потом разбойником заделался; бывало, притаится в кустах у дороги, возка купеческого дождется да как засвищет! Лошади понесут, возок с добром по кочкам разметут, а он потом собирает...

– Ага, – всхрапывает Сивка, – он еще как-то глухой ночью моего батюшку со двора свести пытался, да оплошал: батюшка как двинул копытом – конокрад по грудь в сыру землю ушел, едва откопали!

– Ты, хозяин, кошель-то проверь... на всякий случай... – лает пес.

Тут молодец как возрыдает слезами горючими:

– Вот так всегда, как помяну батюшку, немедля татем да конокрадом нарекут! Мол, яблочко от яблони... Хоть ты сиротой без роду-племени назовись, чтобы люди меня не сторонились!

Устыдились мы с Муромцем:

– Прости ты нас, злыхых, и впрямь негоже отца сыну в упрек ставить. А ты сам каков человек будешь, мастеровой аль торговый?

– Да вор я, вор, – безнадежно отмахнулся Васильевич, – сызмальства мастерству воровскому обучен, а нынче уж поздно иное ремесло постигать. Вот кабы мне такую работу, где только воровать и надобно, уж я бы не оплошал, честным трудом жил!

– Не слыхал я о такой работе... – говорит Муромец в раздумье. – Разве что купцом али казначеем, да и там, ежели попадешься, места живого не оставят. А в чужедальних землях искать не пробовал?

– Второй год ищу... – вздыхает Семен Соловей. – И меня уже по трем царствам-государствам ищут... Не с голоду же мне было помирать, горемычному...

– А что ж тебе от нас надобно, Васильевич? Зачем поджидал-то?

– Да вот, – стучит Соловей по камню, – приметил на свою беду. Так бы ехал и ехал, горя не зная, ан глядь – на валуне придорожном надпись выбита. Прочитайте-кось, сами поймете.

Мнется Муромец:

– Ты бы, Сема, вслух почитал, что ли... А то мне отсюда не видать, уж больно буковки махонькие...

Усмехнулся я понимающе, уважил неграмотного:

– «Направо поедешь – себя спасать, коня потерять, налево поедешь – коня спасать, себя потерять, прямо поедешь – женату быть, назад поедешь – трусом слыть». Нет, назад точно не поедем.

Волчок камень со вниманием обнюхал, лапу над ним задрал:

– И прилежный же писец выискался – цельный год, поди, долбил без усталости! Навряд ли шутки ради... Ну да я быстрее управился!

Сема Соловей сверху на пса косится, спускаться не спешит:

– Вот и я думаю: не для красоты он здесь положен – добрым людям на упреждение. Битый час сижу, выбрать не могу – и так плохо, и эдак нехорошо. Решил двух путников дожждаться, жребий бросить да разделить дорожки по справедливости.

Сема Муромец ладонь ко лбу приложил, в даль взгляделся – ни по одной дороге встречного не видать!

– Нам жребий бросать не с руки, вместе приехали, вместе и выбирать будем. Тебе, Сема, какая больше глянулась? Вернее, какие две – меньше?

– Давай, – говорю, – Сема, мы тебя женим! Эвон ты у нас какой молодец справный, поутру щетину нож вострый едва берет. Сыщем невесту тебе под стать...

– Бородатую, что ли? – хмыкает Муромец. – Нет уж, спасибо, видал я, что женитьба с добрыми молодцами делает – ни медовухи тебе выпить, ни к девкам на село завернуть. Прямая дорожка, поди, дальше с левой сходится! Давай лучше я у тебя в дружках похожу.

– Ну, ежели сыщешь девицу краше моей матушки, так уж и быть – женюсь.

Муромец только хохотнул, тетку свою, Василису Прекрасную, вспоминая.

– Направо тоже как-то не тянет, – размышляю я вслух. – Коня жалко, как-никак, друг верный, да и матушка огорчится. Все-таки прямо нам, Сема...

– А может, налево? – говорит Муромец с надеждою. – Авось пронесет!

Поглядел я налево – дорожка ровная, не колдобистая, впереди лес зеленый видать. Кто его знает, что каменотес неведомый сказать хотел? Себя потерять – заблудиться, что ли? Эх, где наша не пропадала, не пропадем и в лесу! Глядишь, и Семе на подвиг наскребем.

Взмолился тут Семен Соловей:

– Если вы и впрямь налево ехать вздумали, возьмите меня с собой – все равно мне, беспутному, свет не мил, а там, глядишь, и пригожусь!

Придержали мы с Муромцем коней:

– Ты хоть с оружием управляться умеешь?

Сдвинул Соловей брови, подбросил на ладони четыре ножа булатных – и откуда только выхватил! – и давай в дуб за нашими спинами метать. Так около ушей и засвистело! Обернулись мы – а ножи по самую рукоять в дерево ушли, дуло беличье с четырех сторон закогтили.

Мы так рты и пораскрывали, только ворон крыльями трепетнул одобрительно:

– Ловок! Не к добру!!! Кар-р-р! Кар-р-р!

Приняли мы Васильевича в свою дружину малую, побратались с ним и дальше поехали.

* * *

Потянулся вдоль дороги лес нехоженный, бор вековой. Прямо сказать, ходить-то по нему особо и нечего – ни ягодников, ни орешника, одни мухоморы с поганками по кочкам хороводы отплясывают. Сумрачно в лесу, а как солнышко вниз покатилося, и вовсе неуютно стало. Пора бы и местечко для ночлега присматривать, пока кони впотьмах спотыкаться не начали.

На наше счастье, заметил Соловей избушку в стороне от дороги. Мы с Муромцем так бы мимо и проехали – неказистая избенка, приземистая, стены мхом поросли, крышу дожди вычернили, за деревьями на нет теряется. Из трубы дымок курится, слышать, как ухват о горшок чугунный лязгает, заслонка печная дребезжит и голос старческий, надтреснутый, коту вороватому выговаривает. Потом икота слышно стало – видать, от одних слов не раскаялся, пришлось веником помогать.

Завернули мы коней к избе, постучались в ставень распахнутый. Выглядывает в окошко старуха сморщенная в платке цветастом. Носом крючковатым потянула и сморщилась:

– Глянь-кось, доселева человечьего духа слыхом было не слышать, видом не видать, а нынче сам на порог пожаловал!

Утер я рукавом лоб взопревший:

– Дух как дух, знамо дело – с дороги, а ты, бабушка, привет нас ласково, накорми-напои, в баньке попарь, он и уйдет!

– Вот ишшо, баньку им топить, дрова переводить! Небось из ручья напьетесь, мухомором зажуετε! Коль сюда добрались, пушай вас и дальше черти несут, зареклась я незнакомым молодцам дверь отпирать. Развелось вас тут, богатырей проезжих, честной Бабе Яге из дому выглянуть боязно – то в печь живьем засунуть норовят, то ступу угонят, давеча гуся-лебедя недосчиталась, только голова открученная да след богатырский на грядке с репой сыскались. Вон отсюда, проходимцы, пока метлу саометную на вас не спустила!

– Не горюй, бабушка, мы твоему горю подсобим – больше ни один лиходей в избу не войдет! Засучили мы рукава, на ладони поплевали:

– А ну-ка, избушка, стань к нам задом, к лесу передом!

Ухватили избу за углы и давай раскручивать! У Семы Муромца силушки немерено, я приколдовываю малость; Соловей тоже пыхтит, старается. Повернули избу, дверью к дереву ближайшему приставили. Окошки в избенке махонькие, нипочем Бабе Яге не выбраться. Высунула она нос крючковатый в щелочку, давай нас совестить:

– Экая молодежь нынче нервная пошла, слова им поперек не скажи! До чего здоровенные бугаи вымахали, а туда же – всяк пенсионерку заслуженную обидеть норовит! Да я в ваши годы...

– Ты, бабушка, в наши годы пакости почище этой строила!

Припомнила Баба Яга молодость свою развеселую, подобрела голосом:

– Что вам от меня надобно, окаянные? Дела пытаете аль так по лесу шляетесь?

– Дела, бабушка! Пусти переночевать, а мы тебе за то дров наколем и воды на неделю нанесем!

– Поправляйте избу, дуралеи, тогда и говорить будем!

Раскрутили мы бабку с ветерком, взяли у нее топор да пилу двуручную, пошли ночлег отрабатывать. Дотемна целую поленницу сложили.

Раздобрилась Баба Яга, курицу печеную на стол выставила, каравай хлеба нарезала, зелена вина в чарки плеснула. Сама ладошкой щеку подперла, любитесь, как мы кушанье уплетаем.

– Эх, деточки, и куда вас на ночь глядя несет, неужто не боязно?

– А ты Расскажи нам, бабушка, куда – авось убоимся!

– Вот те раз, – дивится Баба Яга, – трех верст до царства подземного, навьего, не доехали, а все ни сном ни духом! Вот уж где головушки бесшабашные... Сказывала мне сестрица моя меньшая, Баба Яга Лукоморская, что от Коцея Бессмертного с дружками-чародеями добрым людям никакого покоя нет, всюду ему нос сунуть надобно... вижу, и сынок ему под стать, на тот свет прежде батюшки поспешает. Заворачивайте коней, пока не поздно, туда-от час езды, а обратно прежде смерти не поспеть: к навьям дорожка в одну сторону, оттого неезженной и кличут – не гляди, что натоптана.

Сбледнул чуток Муромец:

– К упокойникам, что ль?

– Да нет, навьим царство только из-за подземности своей прозывается, а народ там самый что ни есть обыкновенный. Правит им лютый царь Вахрамей Кудеярович, держит при себе дружину разбойную – по ночам на

землю выбирают, поживу ищут. Все селенья ближние разорили, разграбили, храбрых защитничков порубили, дома пожгли, людишек в полон угнали, в этой стороне только я одна и осталась. Никто еще от Вахрамея вырваться не сумел, птиц и тех на подлете стреляет.

Переглянулись мы с побратимами. Оно, конечно, честь богатырская, но и впрямь боязно стало. Кабы знать еще, что не напрасно сгинем...

– А растут ли в навьем царстве цветочки аленькие, о семи лепестках?

У Бабы Яги глаза на лоб полезли.

– До цветочков ли, когда волки да вороны по полям бранным падаль подъедать не успевают! Кто его знает, слыхала я, что есть у Вахрамея сад, а в том саду всех цветов земных и подземных по дюжине, птиц да зверей по паре; ежели в вахрамеевском саду цветочка аленького не сыщется, значит, его и вовсе на свете нет.

Пропали у нас сомнения последние – трудна дорога, да верна, а добрым молодцам только того и надобно.

– А нельзя ли как-нибудь тот цветок у Вахрамея выпросить аль выкупить?

Пригорюнилась старуха:

– Ох, детоньки, не дело вы затеяли! Уж больно лют Вахрамей, может и на месте зарубить, слова сказать не давши. Да есть и у него слабинка – шибко до красных девок охоч. Жен у Вахрамея цельных три терема, и все никак не уймется: какую добром возьмет, какую силой принудит – никто ему не указ. Скрадите где-нибудь девицу-красавицу да поклонитесь ею навьему царю, авось смилостивится.

– А ты, Яга Ягишна, не сгодишься? У нас и мешок припасен...

Развеселилась карга, пальцем костлявым погрозила:

– Все бы вам, молодцам, шутки шутить, нет бы к старухе прислушаться – поди, больше вас, вместе взятых, на белом свете прожила, плохого не посоветую.

Доели мы курицу, бабка кости в миску сложила, мне сует.

– Накось, выгляни во двор да высыпь у крылечка, может, песики бродячие прибегут.

Вышел я на крыльцо, посвистел условно. Чего, думаю, на бродяжек добро переводить, свой пустобрех с утра не кормленный, как бы еще один гусь головы не сложил – водится за Волчком такой грешок. Не видать что-то пса, только звуки дивные сверху доносятся – не то стон прерывистый, не то скулеж хриплый. Соступил я с крыльца, голову задрал – сидит мой пес на крыше, трубу лапами обвил, осиновым листом вместе с ней колотится, а за углом три волкодлака рядом сидят и на Волчка облизываются. Увидали

меня с миской, хвостами завиляли, навстречу пошли. Я миску выронил да скорей в избу. Позади только захрупало.

– Ну как, дитяtko, прибежали мои песики?

– Прибежали, бабушка...

– Не обидел ты их?

– Таких обидишь!

– То-то же! Ежели ишшо кто на гусей моих покусится – вслед подуськаю, мало не покажется!

Постелила нам бабка на полу, сама на печь спать полезла. Посреди ночи будит меня Соловей, за плечо трясет:

– С-с-сема! – А у самого зубы так и лязгают. – Я-а-а ... во двор... по надобности... а там... о-о-о!

Перевернулся я на другой бок, бурчу сонно:

– Ничего не попишешь, волкодлаков бояться – до утра терпеть...

– Сема, ты чего подумал? Окстись, какие волкодлаки?! Не верю я в них, то сказки бабкины! Я коней проведать вышел, а на них какие-то девки простоволосые в лунном свете голышом катаются, только смех по лесу идет!

– Пить надо меньше...

– Сема, да вставай же! Заморят коней чертовы бабы!

Выскочили мы из избы – точно, гоняет кто-то коней по лесу, топот то ближе, то далече слышать. Захрустели ветки, вылетает на поляну Сивка – весь в мыле, глаза стеклянные, и сидит на нем без седла, без поводьев, девка бесстыжая. Волосы по ветру развеваются, под полной луной зеленым серебром мерцают.

– Стой, окаянная!

Выскалила девка зубы, рассмеялась, коня пятками пришпорила. Прижал Сивка уши, прямо на нас помчался. Едва пригнуться успели, – взвился конь поверх голов, подковами сверкнул, жаром пыхнул и дальше полетел.

– Зачаровали коня, заразы!

– Кто, Кощеич?!

– Кикиморы клятые!

За Сивкой два других коня по поляне промчались, сызнова в лес канули. Тешатся кикиморы, морят коней – не уловишь.

Сцепил я зубы, сел на завалинке, вытянул костяной гребень из кармана, давай волосы охорашивать. Чешу не спешу, кикимор будто не замечаю.

Осадили девки коней, загляделись:

– Не продашь ли гребешок, добрый молодец? Богатырю о своей красе думать негоже, а нам, девицам, как раз положено!

– Продать не продам, а спешите – так подарю.

Пошушукались кикиморы, посмеялись. Спрыгнула старшая с моего Сивки:

– Повезло нам, девоньки, на гнилой товар пришел слепой купец! Коней выкупает, а красных девок не замечает!

– Какие вы девки – пеньки лесные сучковатые, только ночью шкодить и можете, коней да молодцев морить!

– Гляди-кось, знающий выискался! А то пошел бы с нами, потешился; иные молодцы пешими своих коней догоняли, на нас заглядевшись!

Протянул я кикиморе гребень:

– Нет уж, благодарствую, что-то не в охотку.

Скакнула наглая девка ко мне на руки, обвила за шею, устами по устам скользнула:

– Не передумал, добрый молодец?

– Днем подходи, столкнемся.

Засмеялась девка, выпустила:

– Эх, проторговался, купчина негодящий! В сусеках шаром покати, так он на мышей пеняет! – Выхватила гребень и убежала, а с ней и подруженьки невесть куда с конских спин сгнули.

Стоят кони, не шевелятся, головы повесили. Пригляделись мы с Соловьем – спят наши скакуны, так без просыпу кикимор и катали! Утром, поди, и не упомнят ничего.

Поздно Соловей спохватился:

– Зря, Кощеич, ты их отпустил... ежели самому невмочь, мы бы с Семой подсобили...

Ничего я не ответил, пошел в избу досыпать. Пущай что хочет думает.

* * *

Поутру седлаем коней – один Муромец бодрый да веселый. Мы с Соловьем во всю глотку зеваем, Волчок взъерошенный на солнце греется, распластался, как неживой, кони напиться никакие могут, Сивка на ломоту в костях жалуется. Баба Яга на крылечке пригорюнилась – как в последний путь провожает, даже платочек черный повязала.

– Ты, бабка, на нас тоску не нагоняй, лучше дай совет какой дельный

на дорожку.

– Вот вам мой совет: не едьте туда!

Везет нам нынче на советы. Ну да чужим умом все равно жить не будешь, пора бы и свой на деле испытать.

Едем – не торопимся, кони на ходу подремывают, хвостами оводней докучливых отмахивают. Негоже на тот свет спешить – прежде хорошенько обдумать надобно, как после на этот вернуться.

Окликнул я Соловья, кивнул в сторону – лежит у дороги коряга пустотелая, мхом подернутая, а в корнях растопыренных гребень костяной запутан накрепко. Побледнел Сема, сглотнул на сухое горло – купец-то на поверку зрячим оказался, гнилья и задаром не всучишь.

Муромец наших переглядов тайных не разумеет, иным обеспокоен:

– Что делать-то будем, Кощеич?

– Вы же слышали, что Баба Яга присоветовала... тем и займемся.

Мнутся друзья-побратимы:

– Ты уж прости, Сема, мы девиц красть не обучены... поперек чести-совести не пойдем...

– Дурачины вы, – говорю, – простофили! Кто ж вас настоящих девиц красть просит? Изловите мне лягушку болотную, я ее живо царевной-красой оберну, ею царю Вахрамею и поклонимся!

Обрадовались Семы, побежали лягушек ловить. Принесли полные карманы – и царевен, и царевичей, на любой вкус. Выбрал я одну лягушечку посмирней да неприглядней, бросил оземь – встала предо мной девица черновласая, в сарафанчике желто-зеленом шелковом, а по нем шитье изумрудное, разводами.

Обошел Муромец вокруг девицы, в затылке поскреб. Хороша, ничего не скажешь, а что лицом зелена малость, так то на немощь желудочную списать можно. Все, как положено – и коса на месте, и кокошник бисерный, а глазами зелеными так и ведет, так и чарует. Нипочем не устоять Вахрамею против такой красы!

Только Сема нацелился перси на мягкость попытать, девица его хлоп по щеке!

Потер молодец щеку, выдохнул уважительно:

– Как настоящая... А говорить она умеет?

Подбоченилась царевна-лягушка:

– Ква, ква-ква!

– Пуцдай лучше молчит! – постановили мы сообща.

Усадили лягушку на коня к Муромцу и дальше поехали. Говорю я побратимам с опаскою:

– Лишь бы царь ее до свадьбы в уста целовать не надумал, а то сызнова лягушкой обернется!

– Мы уж проследим!

Не видать что-то царства навъего. Все лес да лес, восьмая верста навскидку пошла. Только хотели коней подхлестнуть, глядь – кончилась дорога неезженная. Остановились мы, глаза протерли – не появилась, будто отрезал ее кто посередь полянки.

Может, подшутила Баба Яга, отвагу нашу испытывала?

Кивнул я на череп в траве придорожной, шелом пробитый, следы конские во множестве:

– С размахом бабка гуляет...

Соловей догадки строит:

– А может, навье царство только с темнотой появляется? По ночам и дружина разбойная выходит, видать, света боится.

– Или страху побольше нагнать хочет, – сказал я и тронул легонько Сивкины бока коленями. Пошел конь вперед с опаскою, на череп косится.

– Ох не к добру это, хозяин...

– Ты еще покаркай, волчья сыть!

Конь возьми да и скажи сдуру:

– Кар-р-р, ежели человеческих слов не разумеешь!

Раздалась тут земля, аки трясина болотная, я и понять ничего не успел – падаем куда-то, да быстро так, ровно в яму ловчую! Недолго падали, сажени две. Конь по щетки в землю ушел, я задом о седло приложился. Гляжу – стоим мы на горушке невысокой, дорога вниз сбегает, в поля уходит, по небу тучки гуляют, а солнца нет как нет, отовсюду свет ровный идет. Задрал я голову – прямо надо мною то ли омут, то ли свод, из мрака сотканный, и летят оттуда два коня и собака, вопят согласно. Упали – замолчали, озираются. Ворон эдак деловито на крыльях распахнутых спустился, ко мне на плечо присел:

– Ну что, и дальше тебе конь каркать будет или мне дозволишь?

– А надобно?

– Надобно, надобно! Вон под горочкой дружинники вахрамеевские на ноги резвые повскакивали – не к добру!!! Кар-р-р, кар-р-р!

Увидали нас дружинники, сабли выхватили, на холм карабкаются, задушевных бесед вести не желают. Нас трое, их пятеро, все как на подбор: дюжие, лихие, к мечу привычные, истинно – разбойники. Загодя радуются, как поживу бранную промеж себя делить будут, конями да девицей перед Вахрамеем выслуживаться. Только я примерился петухами голосистыми их обернуть, чую – что-то не то. Как гляну на дружинников, сразу сила

чародейская меня оставляет, заклятия в голове путаются. То ли заговоренные они, то ли оберег какой вздели. Хорошо, царевна лягушкой не перекинулась – видать, самим чарам оберег не помеха, во мне дело. Хоть ты на версту отбегай да издали колдуй.

Быть бы тут сече кровавой, да нашелся я, навстречу дружинникам руки распахиваю, кричу с радостью:

– Ребятюшки! Так вы и есть караул обещанный, что к терему царскому нас с почетом проводить должен? Ай да Вахрамей Кудеярович, ну уважил, у самого порога встречает!

Растерялись дружинники, сабли опустили, позволили каждого по очереди обнять, троекратно облобызать. Старшой рукавом украдкой утерся, говорит хмуро:

– Встретить-то нам велели, да кого —растолковать позабыли. Ты кто таков будешь, придур... приезжий человек?

Разыграл я обиду праведную:

– Как кто?! Будущий родственник Вахрамеев, вот сестрицу ему в жены везу!

– А это что за лбы? – спрашивает дружинник, на побратимов моих кивая. – Подружки невестины?

– Родичи, на пир свадебный выбрались.

Поворчали дружинника, посоветовались. Кто нас знает, может, и впрямь с царем уговорились-породнились, зарубишь – хлопот не оберешься, пуцай Вахрамей сам решает, казнить аль миловать.

Отрядил старшой двоих нам в охрану:

– Смотрите за ними в оба, не за родственничков, так за пленничков награду огребем!

Ничем навье царство от Лукоморья не отличается – и дубы те же, и вороны туда-сюда по небу летают, в огородах лебеда с репой воюет. Долго ль, коротко ль – прискакали мы к терему царскому. Побежали дружинники с докладом, возвращаются злые – царь велел нас пустить, а им по дюжине плетей всыпать, дабы впредь неповадно было перед всякими проходимцами уши развешивать. Отобрали у нас оружие, при входе сложили.

– Ежели выйдете, заберете, а нет – так оно вам и вовсе не понадобится.

В палатах царских от стражи не продохнуть, не то что мечом размахнуться. Царь на троне сидит развалясь, из чарки зелено вино попивает:

– Это еще что за теребень подзаборная? Поди, дочь мою скрасть удумали? Не советую... Во-первых, поймаю и казни лютой предам, а во-вторых, овчинка выделки не стоит. Ну, кто у вас тут старшой, кто ответ

перед моим грозным величеством держать будет?

Выступил я вперед, поклонился царю поясно:

– Исполать тебе, Вахрамей Кудеярович, властелин царства навъего! Мы не теребень подзаборная, а внуки царя Лукоморского Еремея Кирбитьевича – я Семен Бессмертный, по леву руку от меня Семен Муромец, по правую – Семен Соловей, побратим наш. Про дочку твою я слыхом не слыхивал, а явился к тебе в шурины проситься, привез вот сестрицу на выданье – Лягушей, тьфу... э-э-э... Любушей кличут!

«Любуша» похихикивает, плечиками поводит, косу теребит, в царя глазками стреляет. Вахрамей прокашлялся, чарку отставил, грудь выпятил, перед лягушкой молодца изображает, не гляди, что в батюшки ей годится. Лысоват навий царь, бороденка жиденьякая; незавидный, прямо сказать, женишок, хоть телом и крепок.

Муромец парень простой, рубанул сплеча:

– Дал бы ты нам за нее, по-родственному, цветочек аленькой!

– Сестрица – это хорошо, – говорит царь мечтательно, на лягушку поглядывая. – Через три дня свадебку и сладим. А вам, братцы, за цветочек еще отработать надобно... по-родственному. Три службы мне справите – отпущу с цветочком, нет – будет у Любуши на трех братцев меньше. Много я про твоего батюшку слыхивал, Семен Кощеевич! Говорят, на земле он колдун самый что ни есть могучий. И тебя небось премудростям всяческим обучил?

«Эге, – думаю, – тебе только скажи, что мы с батюшкой, почитай, ровня, – такую службу задашь, что никакой силы чародейской не достанет».

– Куда уж мне, бесталанному, я весь в маменьку пошел.

– Вижу, что в маменьку, – хмыкает заметно повеселевший царь, – на земле, поди, отбою от девок не было? Ну-ну, не красней, дело молодое, душе и телу приятственное зело... А касательно чародейства мне все едино, я и моя стража перстеньки хризолитовые носим, со ста шагов чары отвращающие, супротив меня не больно-то наколдуешься. Но ежели соврал – коньми разорву, по полю размечу... мне в навьем царстве колдунов не надобно, и без того порядку должного нет.

Взбарабанил царь перстами по подлокотнику:

– Ну, чтобы долго голову не ломать, давайте по старинке – идите в лес дремучий, изловите там быка-тура лютого, вспашите на нем поле заповедное, век не паханное, зерном засеите, урожай соберите и пирогов напеките, а сроку вам даю один день да ночь в придачу жалую – мне не к спеху.

У побратимов моих глаза на лоб полезли, я их унимаю потихоньку, за

руки пощипываю:

– То, друзья, не служба, а службишка, еще до ночи управимся...

Царю же говорю в полный голос:

– Добро, Вахрамей Кудеярович, медлить не будем, завтра же к службе приступим, чтобы до свадьбы управиться, с душой спокойной на ней погулять. Дозволь только в тереме твоём отдохнуть с дороги, ну и перекусить там чего-нибудь не помешало бы...

– Дозволю, – говорит царь милостиво, – запомните мою доброту, потому как навряд ли еще когда увидите. Эй, слуги, слышали? Эти дурни – гости мои дорогие, ни в чем им отказу не давать, пуцай потешатся напоследок.

Только из залы выходить – как налетит на меня вихрь разъяренный, не поймешь, то ли девка, то ли парень – лицо молодое, безусое, волос под лоб стриженный, окрасу мышастого. Да кулачишком хлипким меня по груди:

– Ах ты, чудище бессердечное, без стыда, без совести, родную сестру на цветок никчемный променял да еще ухмыляется!

Пригляделся – девка, лет шестнадцати, в сарафане ситцевом полинялом. Худая да бледная, заморыш подземный. Перехватил я ее за руку, вдругорядь занесенную, стиснул крепко:

– Ты кто такая?

– Не твое дело! – шипит девка от боли, змеей извивается, а пощады не просит. – Врагиня твоя смертная, вот кто! Не будет тебе впредь удачи, не выйти живым из царства навъего!

Запустила зубы мне в руку, вырвалась и убежала. До крови, мерзавка, цапнула. Вокруг стражники да челядинцы похохатывают, наперебой разъясняют:

– То дочка Вахрамеева была, Алена-искусница. Она с отцом не в ладах – ковры летучие ткать мастерица, царь ее за то умение при себе держит, женихов на пищальный выстрел не подпускает. Сам-то царь месяца без свадьбы прожить не может, а дочь обделил, вот она и озлилась.

– А что это она с волосьями своими учудила?

– Царь велел обрезать, чтобы, чего доброго, не приглянулась кому. И платьишко худое оттого носит.

– Это ее, что ли, нам красть не советовали? Неужто прежде охотники находились?!

– Находились, и не единожды!

– Глаза им, видать, застило...

* * *

Выспались мы мягко, поели сладко, встали на зорьке и напрямиком к ключнику цареву:

– Дай ты нам, мил-человек, соху на пять пудов, ярмо железное, плетъ сыромятную, мешок пшеницы посевной!

Подивился ключник, что сыскались дурни на царское земледелие, да виду не подал. Вынес мешок, у двери поставил.

– А за сохой да ярмом сами идите, мне не снести.

Пока ярмо в соломе сыскали, соху ржавую наладили, вернулись – Алена на мешке сидит:

– Эх, заморите животинку, ну да чего от вас ожидать – сестру и ту не пожалели.

Выдернул Муромец из-под нее мешок без почтения:

– Ежели помочь надумала – всегда пожалуйста, припряжем быку в помощь, а нет – геть отсюда!

Проводила нас Алена взглядом недобрым, так спину и буравит – чуть въяве не задымилась.

А поле-то – глазом не окинуть, раз обойти и то уморишься. Трава выше пояса, кореньями сплелась, едва соху всадить. Вдалеке лес дремучий виднеется.

– Что делать-то будем, Кощеич?

– Быка искать надобно. Ты, Муромец, держи булаву на изготовку – оглушишь скотину, я ярмо насажу, а Соловей припряжет.

Встали мы на краю леса – чащоба непроглядная, ежевичником заплетенная. Сунулся было Муромец тропу торить — весь исцарапался и клещей за шиворот нахватал.

– Проще лес вырубить, чем с розыском маяться! – говорит.

– А мы Волчка, – говорю, – пошлем, он быка вычует и на нас погонит.

Пес за дело братья не спешит, на лес косится с опаскою:

– Ага, а вдруг он от меня не побежит?

– Не от тебя – так за тобой, нам все едино!

В шесть рук пса за опушку пихаем, он же ни в какую, всеми лапами уперся, голосит благим матом:

– Лю-у-у-ди!!! Спаси-и-и-ите! Убива-а-а-ают!

Услыхал бык-тур возню на опушке, увидел в просвет Соловьеву рубаху красную, выскочил из лесу – и к нему, кусты так просекой и распались. Сам бурый да косматый, загривка рукой не достать, рога

вострые что копыя долгомерные. Сема глаза вытаращил, и деру! Бык за ним, на нас и не глянул, а зря – Муромец его походя за хвост цопнул и скорей на руку намотал.

Оставил бык Соловья, пошел по полю скакать, задом кидать. Давай Муромец ногами упираться, по колени в землю ушел, заместо сохи борозду разваливает, а остановить зверя дикого силушки недостает.

Сема Муромец орет, бык-тур ревет, Волчок вслед с лаем летит, носятся по полю туда-сюда – никудашные пахари, да старательные; часу не прошло – все поле испоганили, вкривь да вкось на четверть сажени перепахали, на второй круг зашли. Смастерил Сема Соловей из веревки петлю висельную (видал, поди, не раз), к другому концу мешок с зерном привязал, а в мешке дыр навертел. Только бык с нами поравнялся – Сема петлю раскрутил и ему на рога закинул.

Бык-тур скачет, Сема пашет, мешок сеет, мы с Соловьем в тенечке лежим, на них любуемся – красота! Пошло зерно в рост по слову моему чародейскому, аж земля затрещала; давай виться да плестись, усы пускать. Батюшки светы, мешок-то не пшеницей – горохом насыпан, не иначе Алена расстаралась! Поднялся горох в рост человеческий, заплел все поле – не подступиться ни с косой, ни с серпиком. Встал бык-тур в горохах как вкопанный, увяз накрепко. Сема Муромец хвост выпустил, на спину к быку вскарабкался, руками машет – вызволяйте, мол!

Свистнул я в два пальца – со всех сторон воробьи слетелись, давай горох из стручков выклевывать и в мешки подставленные сносить! Только завязывать успевай. Часу не прошло – сто мешков рядом выстроились. Бык-тур, чуть путы спали, в лес удрал без оглядки, зарекся молодец бодать.

Снесли мы горох в амбары царские, Сема Соловей полмешка – в пекарню, приплатил за срочность. К утру напекли царю пирогов с горохом, поднесли на завтрак.

Не к чему Вахрамею придраться – вот он, пирог-то, пышный да румяный. Похвалил нас царь без особой радости, спрашивает с подозрением:

– Вспахать да испечь дело нехитрое, а вот с чего бы это горох так быстро вырос? Винись, Кощеич, небось колданул по малости?

– Что ты, Вахрамей Кудеярович, куда мне, бесталанному! Поле-то заповедное, век не паханное, за такой срок немудрено живящей силы набраться: не земля – опара!

– Ну ладно, – молвит царь, к пирогу примериваясь, – сослужили вы мне службу, сослужите и другую: есть у меня пасека на тыщу ульев, в

каждом улье по рою, в каждом рое трижды по десять тыщ пчел. И с недавних пор повадилась которая пчела заместо меду деготь в соты таскать; простым глазом не видать, а как наварят медовухи – хоть ты колеса тележные ею подмазывай, до того дегтем разит. Чтобы к завтрашнему утру изловили мне пакостницу да наказали примерно, дабы другим неповадно было!

С тем нас Вахрамей из залы и выпроводил, даже пирогом не угостил, Да и мы не лыком шиты – загодя по краюшке на брата припрятали, идем и жуем, думу думаем.

Алена навстречу, интересуется ехидно:

– Что, добры молодцы, невеселы, буйны головы повесили?

– Тебя, – в один голос отвечаем, – увидали!

Разобиделась Алена:

– Ничего, потерпите... чай, в последний раз видимся! Завтра батюшка вас худой хворостиной из царства навъего несолоно хлебавши прогонит!

– Ты за нас не кручинься, царевна, похлевать мы завсегда горазды, а соль у нас своя!

Только разошлись, я из кармана горсть гороха каленого достал, через плечо метнул:

– Накось, выкушай пшенички самородной!

Оступилась Алена на горохе, сидит на полу и бранится всячески. От девки сроду таких слов не слыхивал, да и молодцу есть чему подучиться.

* * *

Наказали мы челяди баньку протопить, прихватили одежду чистую да бочонок кваску на хрене, пошли пот трудовой смывать. Славно попарились, все косточки прогрели, девять веников березовых друг о дружку истрепали. Сидим телешом на лавках, от жара помаленьку отходим, квасок попиваем.

– Ну что, Семы, какие думы полезные будут? – спрашиваю.

Хлебнул Муромец из жбана, жмурится сладко:

– Надобно к каждому улью по ярыге приставить и пчелам учет вести – пущай у летка отчитывается, чего и сколько принесла.

– А ты, Васильевич, что скажешь?

– Хлопотное это дело – с каждой пчелой возиться, давайте лучше посередь пасеки костер разведем, деготь-от горюч, пчела над огнем

пролетит да от жара и вспыхнет.

Постучал я себя по лбу – гулко вышло.

– Умом вы, Семы, тронулись – где же это видано, чтобы пчелы вместо меда деготь носили?! Деготь кто-то уже в медовуху подмешивает, опосля варки, вот его в меде никто и не чует. В погребках царевых нашу пчелку искать надобно! Приметил я, как утром туда бочки свежие по доскам скатывали. На медоварне навряд ли кто средь бела дня шкодить отважится, а вот темной ночью покараулить не помещает.

На том и порешили. Выходим в предбанник одеваться, а одежды-то и нету! Ни грязной, ни чистой, только портянка Муромца под лавкой завалилась, и та несвежая. Неужто тать прибрал?!

Приоткрыл я дверь щелочкой, на белый свет глянул... чтоб ты провалилась, Алена Вахрамеевна! Вся одежда по дубу вековому развешана, на ветру полощется. Самая маковка кольчугой Муромцевой увенчана, идет от нее стук-звон унылый, птицы не долетая вспять поворачивают. Сапоги и те шнурами связала, через ветку перекинула.

Услыхали побратимы весть скорбную, прогневались зело. Кричат:

– А ну подать сюда эту мерзавку! Были мы добры молодцы, а теперь злые! Веник на прутья разберем, в соленой воде вымочим – то-то она у нас попляшет!

Мне бы хоть порты подать, чтобы до покоев без сраму дойти. И колдовать, как на грех, заказано – царь из окошка увидит, не сносить нам голов. Глядь-поглядь – Вранко на плетне сидит, перья перебирает. Свистнул я в два пальца:

– Выручай хозяина, дармоед, коль татя проглядел!

Каркнул ворон виновато, снялся с плетня. Ждем-пождем – приносит Вранко мои штаны:

– Держи, хозяин, дальше я тебе не помощник – одежда ваша к веткам гвоздями накрепко приколочена, весь клюв сбил, пока эти отодрал.

Забранились мы пуще прежнего, да делать нечего – мои штаны, мне и лезть. Подступился я к дубу с опаской, на ладони для храбрости поплевал. Пару раз вниз соскальзывал, пока не приноровился. Кое-как пару сажений одолел, чую – что-то не то: прежде я за дуб держался, теперь он меня держит. Руку отлепил, понюхал – смола сосновая! Кругом ствол промазан, ежели дальше лезть – останусь на дубу на веки вечные.

Только до сумы Соловьевой дотянуться и сумел.

Приношу суму в баню, злой как черт:

– Ну, Васильевич, твой черед штаны мерить – посбивай-кось ножами ветки, Вахрамеиха проклятая меня чуть намертво к дубу не приклеила, хоть

ты заново мойся!

А воды в кадке на доньшке, да и баня выстудиться успела. Не больно-то смолу ототрешь, только пуще размазывается. Воротился Соловей с добычей – вся одежда перепорчена: где рукава мокрые узлами завязаны, где смолой выпачкана, где Сема чуток промахнулся.

Вернулись в палаты злые-презлые, честим Алену во все корки – то-то ей, поди, икается! Отдохнули маленько, перекусили – и в погреба. На сей раз ключника известить не удосужились, со своим умельцем пришли: Сема Соловей отмычками позвенел, замки разнял, а царевна-лягушка их за нами снова замкнула и к себе ушла. Попрятались мы за бочками и давай караулить. Сему Муромца под бока то и дело пихаем, чтобы не спал, храпом татей не отваживал.

Только пошло время за полночь – скрипнула дверь окованная, спускается кто-то в погреба, да с лучиною. Давай бочки открывать и в каждую по ложке дегтя лить. Вольет и размешает, чтобы неприметно было.

Подпустили мы татя поближе, выскочили из-за бочек да сетью и накрыли. Вскрикнул тать тонким бабьим голосом, забился в путах. Тьфу ты, опять Алена, в платье мужском! Я виду не кажу, говорю громко:

– Экая, братцы, здоровущая пчела нам попалась! Неси, Сема, топор да бей ее промеж глаз, иначе не удержим!

Видит Алена – худо дело, Муромец и впрямь куда-то побежал, – взмолилась что есть мочи:

– Не губите меня, добры молодцы, это же я, Алена-искусница, дочка Вахрамеева! Подшутить над батюшкой хотела, чтобы ему жизнь медом не казалась!

Сема Соловей в затылке притворно чешет:

– Надо же как занятно жужжит! Прямо как дочка царева, у той тоже жало вместо языка!

– Что ты, Сема, откуда тут Вахрамеихе взяться? Она, поди, все у бани околачивается, молодцев караулит. А и гадкая же девка, немудрено, что царь ее замуж не отдает – боится, как бы не вернули с позором!

– Ну, ежели это и впрямь царевна, убыток небольшой. Все одно добром с ней не договоришься, дай-кось топор испробуем!

Тут и Муромец подоспел, сыскал где-то кувалду двухпудовую, несет-поигрывает:

– Разойдись, народ, на две стороны!

Посторонились мы, сеть выпустили. Алена, не будь дура, так в сети к выходу и метнулась, оступаясь да всхлипывая. Полетел ей вслед хохот молодецкий, аж стены задрожали.

Догадалась Алена, что шутку над ней подстроили, отплатили за дуб сторицей. Обернулась на пороге, из сети выпрастывается:

– Да вы... да батюшка вас... звери лютые!

Сорвалась в плач, слезы по лицу размазала, швырнула в нас сетью скомканной и убежала.

Ну что с девкой непутевой поделаешь? Царю говорить негоже – хоть и грозитя Алена «батюшкой», а не видали мы, чтобы она с Вахрамеем речи вела, даже не подходит близко. Плачет, вишь ты... Испугалась, поди, что влетит ей от царя за медовуху дегтярную.

Насобирали мы дохлых пчел, в деготь обмакнули, наутро понесли Вахрамею предъявлять. Царь на упокойниц косится недоверчиво:

– А чем докажете, что по вине воздали?

– Пущай мед по ульям соберут, медовухи наварят – сам убедишься.

Позвал царь на проверку бортников да медоваров – точно, исчез дух дегтярный.

– Ну, добры молодцы, вот вам третья служба – последняя, да не из последних! Завелись у нас в тереме гости докучливые – Фома, Кузьма да Ерема, никак выжить их не можем; третий год пируют-гуляют, казну мою без толку переводят, домой не торопятся, а взащей гнать заказано: то сынки беспутные владыки царства соседнего, как бы не осерчал да войной на меня не пошел! Вот и намекните им, да поискусней: пора, мол, и честь знать. Чтобы к завтраму и духу ихнего в палатах белокаменных не было! Но ежели узнаю, что почету должного царевичам не оказали, – на кол посажу, не гляну, что родственники!

Подивились мы, да смолчали. Что ж там за гости, ежели самого Вахрамея третий год объедают-опивают невозбранно?! Мой дедушка царь, уж на что хлебосолен, и тот опосля второго месяца свету белого не взвидел, тец загостившихся на дух выносить не мог. Велел тараканов им в меды подсыпать, кушанья пересаливать, мышей по зале пускать, а шебутного боярина Фрола Фомича Кутило-Завалдайского подговорил лицо вычернить, клыки нацепить, ночью по лестнице к окошкам тещиным взобраться и в ставень постучать. Уехали тещи как миленькие, недели не продержались!

Нам же в один вечер управиться надобно, тут мышами не обойдешься. Соловей мыслишку подкидывает:

– Вахрамеихи на них нет, небось сами сбежали бы без оглядки!

Алена и впрямь с утра на глаза не кажется – то ли от гнева царского хоронится, то ли еще чего нам во вред замышляет. Сговорились мы с побратимами, как дело вести, пошли в трапезную.

А там пир идет горой, челядь как раз блюда переменяла.

Присмотрелись мы к гостям – мороз по коже продрал! Платье на них дорогое, царское, золотом расшитое, а рыла как есть свинячьи, из-под кунных шапок рога козьи выглядывают, вместо подковок сапожных копыта мохнатые по полу стучат. Вот так сосед у Вахрамея, немудрено его убояться! Ну да нам при чертях мерзнуть негоже, да и пить с ними не впервой – опосля десятой чарки так по стенам и скачут.

Присели напротив:

– Гой еси, гости дорогие, мы три Семена, шурины вахрамеевские, будем вас сегодня потчевать!

Обрадовались черти:

– Вот хорошо, а то нам уж прискучило втроем пировать... и имена у вас для застолья самые что ни есть удобные, даже во хмелю не спутаешь. Ну-кошь, Сема, разливай!

И пошло у нас веселье, просидели за столом до глубокой ночи, за всех подряд выпили, даже Вахрамея помянули – правда, «навьем-собакой», песенки жалостных сколько-то спели, поплакались друг другу на горькую судьбинушку и всеобщее неуважение, а под конец затеял я свару с побратимами:

– Ты, Соловей, роду низкого, негоже мне с тобой с одного блюда есть!

– Низок, да славен, а ты из грязи да в князи!

Муромец вином из чарки в нас плеснул:

– Оба вы хороши, крику на рупь, толку на грош!

Слово за слово, переругались вусмерть.

– Не желаем за одним столом сидеть, поделить его надобно, пуцай каждый в своем углу пирует!

Обмакнул Муромец свиную кость в сметану, размалевал скатерку. Поделили стол, давай яства делить. Из рук блюда рвем, кушанья на гостей летят, с ног до головы черти перемазались. Трусоваты на поверку оказались, драки не унимают, под столы от греха попрятались.

– Давайте уж заодно, – говорю, – и сотрапезников наших, гостей дорогих, разделим!

Согласились Семены и на такой дележ, выбрали себе по царевичу, давай каждый своего потчевать. А на столе не так уж много осталось – что пораскидали, что поделили. Самым запасливым Муромец оказался – и осетр у него аршинный, и поросенок печеный. Я же маху дал – хлеб да капуста квашеная, перед Кузьмой неудобно.

– Рад бы я, гостюшка, тебя попотчевать, да нечем – все братец загребуший к рукам прибрал. Возьми у него ломоть осетрины, небось не обеднеет.

Потянулся жадный черт за даровым угощением, а Муромец тресь его ложкой по лбу:

– Не трожь чужого!

Осерчал я не на шутку, подорвался с места:

– Ты для моего гостя рыбки пожалел, пуцай же твой ею подавится!

Схватил осетра за хвост, да тем осетром Муромцева гостя по голове. Рыло осетровое от удара вбок отлетело, Ереме в глаз угодило. Разобиделся Соловей, зачерпнул икры полной жменей, да Кузьме в рыло:

– Сема моего дружка закадычного осетром пожаловал, накось его прихлебателю икорки на закусь!

– Моего гостя бить?! – ревет Муромец, булаву выхватывая. – Всех порешу, нам с Фомой больше достанется!

Я за кладенец, Соловей за ножи:

– Не печальтесь, Кузьма да Ерема, мы за вас живо отомстим, остыть не успеете!

Перепугались черти, из-за стола повыскакивали:

– Вы уж тут без нас разбирайтесь, мы и без того загостились, дома, поди, жены с детками малыми ждут не дождутся!

– Куда ж вы, гостюшки?! А как же почет, святой долг хозяйский, чтобы вы обиды на нас не держали?!

И давай чертей за хвосты ловить, за стол насильно сажать. Своего под руки, чужого кулаком по темечку, Муромец Кузьме моему ухитрился черствый бублик на рыло поверх икры закрутить.

Визжат черти, упираются:

– Хватит с нас почета, ввек вашу доброту не забудем, только отпустите восвояси!

Переглянулись мы, отвесили чертям по затрещине на посошок:

– Не забывайте нас, захаживайте!

– Уж лучше вы к нам!

С тем и сгнули.

Мы тоже засиживаться не стали, едва до покоев добрали – сон сморил. По пути еще песенку развеселую спеть умудрились, весь терем перебудили, даже коты под окнами на радостях заорали – думали, невеста у них в тереме завелась.

* * *

Утром просыпаюсь – голова с похмелья трещит, друзья над кадкой с водой студеной плещутся, отфыркиваются:

– Давай-козь Кощеича прямо в постели окатим, одним махом протрезвим, еще спасибо нам скажет!

– Да уж скажу – мало не покажется!

Поплескался я в воде, рассолу хлебнул —ожил. Пошли мы к Вахрамею обещанного требовать.

– Охти мне тошнехонько, – вздыхает царь, – от сердца отрываю! Кабы не родственники, тремя службишками пустячными не умилоствовали бы.

Кликнул садовника:

– Вот тебе, Еремейша, помощники, за аленьким цветочком приехали. Выдай им по лопате с рукавицами холщовыми, и проводи в сад, пущай любой копают!

Да как расхохочется – у нас мороз по коже. Что дочь, что батюшка – с обоими ухо остро держать надобно, не угадаешь, какой подвох задумали.

Вышли из царских покоев – Вранко с хрипотцой зловещей:

– Честные люди так не смеются! Не к добру!!! Кар-р-р, кар-р-р!

Смахнул я его с плеча:

– Хоть бы раз к добру прокаркал!

Ворон крыльями трепетнул, на другое плечо перебрался:

– К добру я молчу, а Вахрамею верить не советую. Не к добру он расщедрился, ох не к доб...

Придержал я его за клюв, не дал окончить.

Сад у Вахрамея на загляденье – деревья раскидистые, а тени не дают, под ними цветы диковинные горюшками круглыми рассажены, птицы в клетках золотых поют-заливаются, звери хищные на цепях рыкают.

Да только садовник все не останавливается, мимо ведет. Вывел на самый край сада, а там пустырь, куда землю ненужную, песок да глину свозят.

– Ну, выбирайте, добры молодцы, да смотрите не прогадайте!

Глянули мы налево, глянули направо – батюшки светы! Весь чисто пустырь цветочками аленькими зарос, кусты шипастые человеку выше пояса, листьев почитай и нету, одни колючки, а в центре куста семь лепесточков навроде ромашкиных.

Муромец меня в бок толкает:

– Слышь, Сема, может, ну его к лешему, этот цветочек? Давай лучше семян наберем!

– До осени ждать прикажешь? Завтра уже свадьба царская, как бы не осерчал Вахрамей, к лягушкиным устам приложившись! Терпи, Сема,

выкопаем, в тулуп завернем, да и повезем помаленьку!

– Неужто и впрямь за такую малость осерчает?

Выбрали мы цветочек с краешку, поменьше да пошипастей. Даже через рукавицы, гадость эдакая, колетса пребольно. Обкапываем, Сема Соловей ворчит:

– Надо было нам в садовники наняться, царь еще и за прополку приплатил бы!

– Кто ж знал?

Сема Муромец рукавицу снял, зубами колючку обломившуюся из ладони тянет.

– А это точно он? Еще привезешь батюшке репей подземный, он тебя по лавке разложит да тем репьем пониже спины вразумит!

Не знает он моего батюшку, посмеется Кощей в худшем случае.

– Точно, Сема, я его в книжке утопшей видел, только там не прописано, что цветочек на кусте растет... Хочешь – проверь: оторви один лепесток да желание загадай, ровнехонько через семь лет сбудется.

– А толку мне с того желания через семь лет? Вот разве что богатства великого пожелать, славы там...

– Эк ты, брат, размечтался! Что, цветочек за тебя торговать али булавой махать будет? Загадай вон себе порты новые, эти как раз за семь лет поизносятся, только размер не забудь указать.

Махнул Муромец рукой, не стал лепестка щипать:

– И стоило, Сема, ради этого бурьяна в такую даль тащиться? Неужто ты, Кощеев сын, сам себе портов не наколдуешь?

– Наколдовать-то наколдую, да мой батюшка разные диковинки собирает, вот я и обещался добыть.

А коренья-то у цветочка не простые – у иного дуба столетнего покорооче будут, лопата их не берет, а ежели который вытащить удастся, он полежит-полежит и снова в землю ныряет. Приметили мы эту хитрость, давай корни откопанные хватать да узлами завязывать.

Повязали цветочек накрепко, в тулуп завернули. Легок, да объемист.

– Ну, Семы, добыл я, что хотел, – пора ноги делать, пока обман наш не раскрылся. Соловей меня поддерживает:

– Прощаться, поди, не стоит, сделаем вид, что спать пошли, а сами коней тишком выведем и прочь поскачем.

– Надо бы копыта загодя тряпками обмотать, чтобы по двору не стучали.

– А со стражей под сводом что делать будем?

– Ничего, соврем, что Вахрамей за перстнем обручальным послал —

мол, невеста дома в укладке забыла, а другой вздевать не желает.

– Вот бы поглядеть, как он лягушку целовать будет!

– Прибьет, поди, того, кто первым «горько!» крикнул...

Муромец слушал-слушал да как взовется:

– Не могу я Любушу царю на поругание оставить, любя она мне!

Никуда без нее не поеду!

Я так и сел:

– Да ты что, Сема, позабыл, как она лягушкой мокрой по кочкам скакала?! Доедем до болота, я те двадцать таких наколдую!

Муромец свое гнет:

– Пущай лягушка, зато получше иных девок будет – и красой взяла, и покладиста, слова поперек не молвит, разве что квакнет когда – чем не жена для добра молодца?

Соловей на побратима глаза вытарачил:

– Окстись, Сема! Она же у тебя опосля первой брачной ночи в болото ускачет, икру метать!

– Пущай, лишь бы Вахрамею не досталась! Прибьет он ее со зла, а я всю жизнь горевать да каяться буду!

Как ни уговаривали – не переговорили. Или с Любушей, или без Муромца, и весь сказ. Обругали мы побратима всячески, да не бросили:

– Черт с тобой, обождем до ночи, выкрадем лягушку и все вместе ускачем.

Повеселел Муромец, руки нам жмет:

– Ох, други мои верные, что бы я без вас делал?!

– Сидел бы дома да горя не знал!

Стали мы загодя к побегу готовиться. Задали коням овса напоследок, полные торбы насыпали. Копыта проверили – нет ли подковам износу, крепко ль держатся. Тулуп с цветком в углу под соломой схоронили, Волчка караулить приставили.

Потемнело в конюшне на миг единый, дверь скрипнула. Алена, как же без нее!

– Небось думаете – спасибо вам за пчел скажу?!

Я и в ус не дую, знай коня скребницей оглаживаю:

– Что ты, Алена, и в мыслях не было – прежде от кобылы доброго слова дождешься, чем от тебя!

– Немудрено – кобыл-то вы холите, а девок морите. Из-за таких, как вы, и матушка моя в могилу сошла!

– Холит он, как же, – вещает Сивка сквозь торбу глухо, утробно, – плеткой ласкает, шпорами голубит...

Треснул я его скребницей промеж ушей:

– Ты чего на хозяина поклеп возводишь, сивый мерин?!

Коню хоть бы хны – башка пустая, и не такое выдержит.

– От мерина слышу! Ты чеши давай, не отвлекайся...

Алена бедная ушам своим не верит, от Сивки пятится:

– Не может того быть, это ты за коня говоришь, надо мной насмехаешься!

Волчок на соломе дремал, а тут голову поднял, пасть в усмешке языкатой распахнул:

– Что ты, царевна, он и за себя-то толком сказать не может, я за всех троих отдуваюсь!

Вылетела Алена из конюшни, как кошка ошпаренная!

– Чур нас от Вахрамеихи! – говорит Соловей. – Авось больше не свидимся...

* * *

Не проведывают навье царство ни солнце красное, ни луна ясная – все деньки серые, все ночки темные, цельный терем скради – и то не сразу приметят. Прокрались мы к покоям невестиным, залегли в засаде – я за сундуком, Семы с двух сторон за углами коридорными. Вахрамей Любушины покои на ночь замком амбарным опечатывает, а она по нашему велению вдобавок изнутри запирается. Царь ключ при поясе носит, в самих же покоях запор хлипкий, с одною удара выбить можно. Стражи что-то не видать, так и захотелось вороном каркнуть: «Не к добру!» Лежим, выжидаем... Вот те напасть, дождались! Вахрамей, чтоб ему пусто было, своей царской персоной к двери заветной пожаловать изволил. Подошел, согнулся, в щелочку глянул. Долго глядел, у меня аж левая нога затекла. Наконец постучать отважился:

– Любуша, душа моя, спишь ли ты?

Лягушка и не говорит, и не молчит – хихикнула эдак неразборчиво.

– Выдь ко мне, краса-девица! – приплясывает перед дверью Вахрамей. – У меня в покоях вино сладкое, пряники печатные, сахарные...

Лягушка девичество свое блюдет и к царю не выходит. Потоптался царь у двери, рукой махнул и пошел, да не в свои покои, а по коридорчику. Семе Соловью впотьмах чуть руку не отдал.

Только мы без него пообвыкли, изготовились лягушку выручать –

снова нелегкая царя несет, да с цветочком! Поглядел в щелочку, постучался:
– Любуша, ну выдь на минуточку! Я те подарочек принес, хидею заморскую, раз в тыщу лет цветет, всего-то одну ноченьку, и то ежели луна на ущерб!

Цветочку лучше бы вовсе не цвести, уж больно дух от него тяжелый – сирень пополам с трупом лежалым. Сема Муромец нос обеими руками зажал, чих богатырский унимает.

Царь и сам долго не вытерпел, унес хидею свою редкостную – поди, в выгребную яму выбрасывать. Сема Соловей – к двери; за отмычки и браться не стал – изловчился у царя, мимо проходящего, ключ со связки при поясе отцепить!

Любуша сама дверь распахнула, да так на шее у Муромцу и повисла – видать, и ей добрый молодец по сердцу пришелся. Затворились мы изнутри, стали вполголоса судить-рядить, что дальше делать. Сема Соловей в щелочку поглядывает, дабы царь врасплох не застал. Кто его, сластолюбца, знает, он так всю ночь проходить может. Хотели было на кровати чучело из подушек смастерить – раздумали. Раз Любуша царю не ответит, другой, он возьмет да и войдет в опочивальню. Единого дня обождать не может, жених!

Решился я:

– Вы, братья, хватайте Любушу и бегите, а я вместо нее останусь. Выгадаю чуток времени, отвлеку Вахрамея и за вами двинусь. Вы только Сивку моего заседлайте и цветочек к луке приладить не забудьте, мало ли какая спешка выйдет...

Уставились на меня Соловей с Муромцем, как на юродивого:

– Ты чего, Сема, мухоморов объелся? В тебе ж девичьего только волосья до плеч, а плечи самые что ни есть молодецкие, размашистые! А голос, поди, еще в пеленках сломался!

– Ничего, мне с Вахрамеем не миловаться, а через дверь и так сойдет.

Нацепил я Любушин кокошник, лег, к двери спиной повернулся и одеяло по макушку натянул:

– Ну как?

Поглядел Соловей, приценился:

– А знаешь, Сема, что-то есть... Можно, я рядом прилягу?

– Я те прилягу – больше не встанешь!

– Ты таким басыщем Вахрамею ответь – то-то он подивится!

Внял я совету дельному, наколдовал себе голосок тоненький-тоненький. Опробовать не решился, Соловей и без того смехом давится, норовит поверх одеяла приласкать, я отбрыкиваюсь молча.

Наконец уняли его, вытолкали из покоя. Прикрыли побратимы за собой дверь, огляделись, Соловей проказливый шепчет в щелочку с присвистом, Вахрамею подражая:

– Любуша, светик, яви женишку хучь ножку помечтать!

Показал я ему молча палец оттопыренный, позади окошка светлого хорошо видать. Унялся Сема, да ненадолго:

– Любуша-а-а!

Только я хотел побратиму словец крепких отсыпать, чтобы дурака не валял, – раскашлялся тот мелко, по-старчески, тапочками шаркнул.

Я чуть с кровати не свалился – Вахрамей, будь ты неладен! Натянул я одеяло повыше, испуганным прикинулся:

– Чего тебе, Вахрамеюшка, от бедной девицы надобно?

Царь так за дверью и выхаживает, так и притопывает:

– Экий у тебя, Любуша, славный голосок прорезался, век бы слушал! Спой мне, уважь жениха!

Делать нечего, пришлось петь. Царь аж всплакнул под конец – то ли песня по вкусу пришлась, то ли голосок писклявый слезу почище лука вышиб.

– Отомкни, невестушка! У тебя перстенок, у меня стерженек, давай-кошь примерим да потешимся!

– Что ты, Вахрамеюшка, я девица честная, негоже до свадьбы каравай починать!

– Ну хучь пощипать с краешка!

– Где ж ты на свадьбах пощипанные караваи видал?!

– Видал и краюхи изгрызенные!

– Нет, не могу, уходи...

– Отвори, озолочу!

– Нет, и не проси!

Спровадил наконец Вахрамея. Хорошо, не догадался царь замок разомкнутый пощупать, – был бы мне и стерженек, и перстенок, и каравай в придачу!

Выбрался я в коридор, припал к земле, ползу неслышно, да тут – бах! – дверью открывшейся меня по уху. Не сильно, ан больно. Поднял голову – Алена в рубахе ночной стоит, ножкой притопывает злорадно, в руке колокольчик-побуд, таким разок трянешь – весь терем звоном отзовется, мертвого на ноги подымет.

– Ага, попался, тать ночной! Дай-кошь я охрану кликну, пущай у тебя за пазухой пощупает – не заваялось ли злата-серебра из казны батюшкиной!

Я палец к губам прижал:

– Тс-с-с, царевна, нет у меня ничего ни в карманах, ни за пазухой! Хошь – обыщи сама, только шума не подымай!

– А что это, – спрашивает Алена подозрительно, – у тебя с голосом?

Откашлялся я, вернул себе бас прежний:

– Застудил малость, вот и истончился чуток...

Вижу, не сердится Алена, больше потешается да любопытствует:

– Обыскивать тебя, вот еще! Кокошник-то пошто напялил? Али к батюшке моему свататься полз?

Нет у меня ни времени, ни желания для царевны сказку придумывать, взял да и выложил как на духу:

– Любушу мы свою у Вахрамея выкрали, братья с ней вперед ушли, а я отход прикрываю! Ты, ежели ничего против не имеешь, дверь-то закрой, ползти не мешай!

Алена мигом насмеяться перестала, дверь закрыла, а сама с коридора не уходит. Стоит надо мной с колокольчиком, как над тараканом – и давить брезгует, и отпустить не может.

– Что ж ты, купец жуликоватый, спервоначалу сестрицами торгуешь, а потом крадешь их посередь ночи? Бедная Любуша, при таких-то братцах заботливых немудрено позеленеть!

Я кокошник сползающий поправляю, огрызаюсь:

– Да какая она нам сестрица! Лягушку болотную девкой обернули да и привели на выданье, а Семку Муромца угораздило глаз на нее положить, вот теперь и маемся! Ежели на то пошло, батюшка твой тоже жулик изрядный: цветочки аленькие бурьяном изо всех щелей прут навроде нашего осота, а взамен и невесту ему подавай, и полцарства перепаша, и пчел по ночам паси!

– А батюшке врал, колдовству не разумеешь! – с упреком молвит царевна, да вдруг как падет передо мною на колени, в лицо заглядывает, а у самой глаза жалобные да беспокойные. – Сема, забери меня отсюда! Что хошь дам, отплачу сторицей, только выведи на белый свет!

Вот уж не было печали, девку взбалмошную вороны накричали! На свет ей, вишь ты, захотелось. А ясный месяц в кокошник не желает ли?

Я ползу, как дурень, она следом на четвереньках семенит.

– Ну Сема, ну пожалуйста! Какая тебе разница, двух девиц красть али одну?

– По мне, – отвечаю, – я бы вовсе никого не крал, квакали бы царю Вахрамею на пару!

Алена ножкой в сердцах притопнула:

– Я не кваква... ква... ква!!!

А сама руками показывает – верни, мол, как было, а не то колокольчиком тряхну!

Делать нечего, расколдовал.

Алена глазищами своими хлопает, вот-вот слезу пустит:

– Ежели не скрадешь, уморит меня Вахрамей, как матушку мою уморил. Не своей волей она за него пошла, царевы люди среди ночи умыкнули да в царство навье уволокли. Всего-то пять годков она под землей промучилась, оставила меня горькой сиротинушкой...

– Ты, сиротинушка, на слезу меня не бери – не на того напала. Уж больно ты шустра для умирающей: чай, не в темнице сидишь, кабы захотела, давно сбежала. Знаю я, чего тебе надобно: добра молодца под венец затащить, чтобы из батюшкиной воли выйти.

Всплеснула Алена руками, едва побуд за язычок придержать успела:

– Нашел ты, Сема, кого слушать – челядь вахрамеевскую! Она же за тобой по слову цареву наперегонки в погоню пустится, а нагнавши, без жалости на копья подымет. Царство навье само заместо темницы будет, из него никому хода нет. Семь раз я убежать пыталась, трижды в одиночку да четырежды молодцы подсобляли, завидные до ковров летучих, что я на воле выткать сулилась. Их-то Вахрамей в шутку «женихами» и прозывал, а за ним и челядь подхватывала. Всякий раз нас ловили, беглецов жизни лишали, а меня плетью вразумляли мало не до смерти. Кабы ты мне сразу открылся, что Любуша не девка вовсе, я бы тебе сама цветочек вынесла и бежать надоумила – добром Вахрамей вас все равно не отпустит.

– Поди, и ковер бы посулила?

Улыбнулась Алена жалко, как собачонка приبلудная, что всем людям проходим с надеждою в глаза заглядывает:

– Хочешь, Сема, ковер?

– На кой он мне сдался? И без того в тереме без опаски ступить нельзя – как бы заместо простых сапог в скороходы ноги не сунуть, не перед всяким зеркалом побреешься – иное допытываться начинает, отчего синяк под глазом и перегаром изо рта разит, а то матушка носки из клубка завалывшегося связала, так они сами куда-то в болото ускакали. Да и знаю я тебя – нарочно выткешь половик какой, потом гоняйся за ним с сачком!

Повесила Алена голову, вздохнула тяжело, за ручку дверную берется:

– Вижу, Сема, ополчился ты против меня не на шутку... Ну да сама виновата, накинулась на вас, толком не разобравшись. Иди, коль так, я шума поднимать не буду.

– Куда?! – окликаю ее шепотом. – Одень что поприличнее и во двор

выходи, я у конюшни обожду!

Эх, зря мы голь кабацкую не послушались!

Подскочила Алена от радости, обниматься кинулась:

– Спаситель ты мой!

Колокольчик-то и выпал.

Пошел по терему стук-звон великий, словно в маковку золоченую ударили, я вскочить едва успел – изо всех коридоров стража хлынула, в кольцо нас взяла, секирами выщерилась.

Вахрамей вперед протискивается, кричит радостно;

– Я как чуял, что этим закончится! Все вы спервоначалу тихие да ласковые, а чуть отвернись, – дочь любимую выкрасть норовят. И на кой вам те ковры сдались? Они ж только в навьем царстве и летают! Ну, Сема, я тебя упреждал, теперь пеняй на себя...

Не успел я даже руку за кладенцом протянуть, только свист над ухом услышал да кокошник бисерный под секирой хрупнул.

Тут мне и конец пришел.

* * *

Очнулся я во тьме кромешной, голова от боли раскалывается, видимо, секирой не до конца развалена была, рукой вокруг себя пощупал – пол каменный да солома гнилая. Темница! Вот угораздило... Ну Аленушка, растяпа криворукая, спасибо тебе преогромное!

А она тут как тут – ревет-убивается под боком, в темноте не разглядеть, да голос ни с кем не спутаешь:

– На кого ж ты меня покинул, сокол ясный...

Приподнялся я на локте, голову потрогал – на темени руда коркой липучей запеклась, к ране не пробиться. Хорошо хоть напололам голову не раскроили – кокошник спас.

– Не знаю я, кто там тебя покинул, но вот за то, что на меня, – не спущу!

Алена как взревет пуще прежнего:

– Семушка! Живой!!!

И давай меня обнимать-целовать, слезами солеными поливать – кипятком на ране жгут. Я от нее отпихиваюсь что есть мочи:

– Уйди, оглашенная! Без тебя тошно, а с тобой вдвойне! Ты-то тут как очутилась?

– Сказала, что ты мой жених взаправдашний... без ковров... пуцай и мне тогда голову рубят... батюшка нас вместе и заточил... а то на месте прибить хотел...

– Что?!

Повалился я на солому без сил, руки раскинул. Все, думаю, конец мне приходит. Лучше бы я на месте помер, чем такие речи на смертном одре слушать!

– Семушка...

– Изыди, Вахрамеиха!

Помирать, однако, передумал, – отпустило, даже встать сумел. Кувшин щербатый с водой едва не опрокинул. Стену ощупал, докуда достал – цепь короткая за ногу держит. Зачарованная цепь, чую, как силу из меня тянет, колдовать не дает. В глухой колодезь нас бросили, ни окон, ни дверей, заместо потолка то ли щит положен, то ли решетка частая, и та, видать, в подземелье ведет — чернота за ней непроглядная.

– Эх, Сему Соловья бы сюда!

Только промолвил – летят мои побратимы! Едва к стене прижаться успел – слева Муромец повалился, справа Соловей.

– Эк вы ко мне на выручку спешили, ножи-булавы порастеряли!

– Дружине Вахрамеевой одолжили, – ворчит Муромец, кольчугу порванную оправляя. – На полпути догнали, навьи проклятые...

– А лягушка?

– Поцеловать успел... ускакала... ждате обещались... А эту поганку бледную каким боком сюда занесло?!

Сверху голос Вахрамеевский доносится, эхом подвывает:

– Ты мою дочь поносить не моги, а то велю вару вскипятить и вам на головы плеснуть, вот ужо заскачете! Ишь чего удумали – царя с лягушкой повенчать, а под шумок Аленку мою выкрасть!

– Небось не плеснешь, побережешь царевну!

– Ничего, ей только на пользу – посговорчивей будет! Девка неблагодарная, отца родного без ножа зарезала, променяла на молодца смазливового, еще и руки на себя наложить грозилась, ежели колья площадные вами украшу. Вот пуцай с вами денек-другой посидит, уразумеет, за кого заступалась; можете проучить ее малость, только чтоб не до смерти, а то с живых шкуру спущу!

Насупился Муромец:

– Мы девок боем обучать не привычные, пальцем ее не тронем, а вот ты спустился бы к нам на кулачках помериться, глядишь, сам бы чего уразумел...

– Спустился бы, – отвечает Вахрамей, – да недосуг – ждут меня дела неотложные, государственные. Попозже загляну, проведаю – каетесь аль нет.

– И долго нам тут сидеть? – спрашивается Соловей, голову задравши.

– Вам – веки вечные, а Алене – покуда прощения не попросит. Ну а ежели вовсе не попросит, уж не обессудьте – придется вас голодом уморить. Вон, Кощеича можете первым съесть – все равно не жилец.

У Семы Соловья еще на шутку сил достало.

– А ежели мы прощения попросим – отпустишь?

Расхохотался Вахрамей, ничего не ответил. Ушел, поди.

Царевна носом хлюпает, Муромец ее ободряет;

– Не плачь, Алена, Кощеич сейчас что-нибудь придумает – верно, Сема?

А у меня перед глазами все кругом идет, пятна какие-то мелькают, туман клочьями.

– Может, – говорю, – с разбегу выскочить попробуем?

Переглянулись побратимы, вздохнули согласно:

– Толку не будет, надо Сему в порядок приводить...

Поди им возрази, ежели Муромец сзади под локотки сгреб, удерживает, а Соловей с Аленой к головушке моей болезной с двух сторон подступились. Всю воду из кувшина извели, только мне напиток и оставили, Алена рубаху на себе до пупа обкорнала, перевязала мне голову, да так ладно, что только нос снаружи и остался. Еще и посмеивается, девка вредная:

– Будешь, Сема, врагов в заблуждение вводить – где у тебя перед, а где зад.

Вырвался я от них, тряпки на лоб сдвинул, глаза чуть к темноте попривыкли – ничего не скажешь, хороша Алена в полрубаше, штанцах кружевных заморских.

– Ну как, Сема, полегчало?

Куда там полегчало! Разве что кровь остановилась, а болеть еще пуще стало.

– Васильевич, ты отмычки не растерял?

Ухмыльнулся Соловей, позвенел железками:

– Я скорее руки-ноги растеряю; вот они, кормильцы!

– Глянь-кось мои оковы, в них колдовство губится, ничего поделат не могу.

Сема скважину отмычками пробует, сетует для порядку:

– Ох и мудреный же замок, ну да ничего, на худой конецотрежем тебе

ногу и высвободим!

– Ты чужими ногами не шибко-то разбрасывайся, она мне еще сгодится!

Алене тоже нос сунуть надобно.

– Неужто тебе, Сема, ради общего спасения ноги жалко?

Не придумали еще замка супротив татя умелого! Позвенел Соловей цепью снятой:

– Эх, жаль, не заваялось в уголке скелета какого, я бы шутки ради его заковал! Помнится, заточили нас с батюшкой в берендейскую темницу, так мы перед утеком все скелеты в позы непотребные по двое сложили... поди, долго еще стражникам снилось...

– Вахрамей темницей редко пользуется, – поясняет Алена. – Мастеровых людей, что невзначай в царство навье забредут, на поселения здешние отправляет, для казны работать велит, красных девок себе берет, крепких молодцев службой денежной приваживает, в дружину свою ставит, а ежели откажется который неповинным людям головы рубить, бесчинства именем Вахрамеевым творить, того на кол али в петлю. И кормить полонного не надо, и народу потеха.

Присвистнул Соловей:

– Так нам, выходит, повезло еще?

Поверил я, что Семин батюшка на жизнь свистом зарабатывал – в одно ухо свист влетел, насквозь голову пробуравил, из другого без помех вышел.

– Невелико везение, а ты, Сема, бросай свистеть – последнее просвищешь. Расскажи лучше, как вас поймали-то? Неужто у Вахрамея кони лучше наших?

– Кабы кони! Вместо коней у них ковры летучие, пока конь версту проскачет, они десять пролетят!

– А велико ль войско ковровое?

Вздыхнула Алена повинно:

– Боевых без малого три дюжины наберется. Каждый двух человек подымает. Больше было, да моль на складе завелась, недоглядели...

– Да ты и впрямь искусница! – посмеиваются Семены. Я же дальше расспросы веду:

– Вахрамей говорил, что на белом свете ковры силу теряют. Поизмываться хотел аль правду баял?

Мнется Алена, глаза отводит. Ковры-то она выткать сулилась, а о такой малости помянуть не удосуживалась.

– Ну?

– Правду...

Думала, бранить ее буду, я же только обрадовался:

– Значит, ежели из навьего царства выбраться сумеем, уже не догонят!

– Нам бы из темницы для почина утечь! – говорит Соловей нетерпеливо.

Поморщился я, рукой о стену оперся. Худо мне, голова кругом идет, в глазах то и дело темнеет, да виду не подаю:

– Сейчас, Сема, я тебя сычом оберну, ты навверх взлетишь и разведаеть, что да как. Ежели все тихо – свистнешь... Нет, лучше ухни тихонько, я обратно расколдую. Ты тогда решетку отомкнешь и лесенку нам спустишь.

Вздыхнул Соловей, да перечить не стал. Взял отмычки в зубы, изготовился.

И без оков тяжело в темнице навьей колдовать, на одно малое чародейство больше сил извел, чем десять заковыристых на воле стребуют. Исчез Сема, на полу что-то махонькое закопошилось. Пригляделись Муромец с Аленой:

– Сема, ты чего, это же мыш летучий!

– Так я же вам и говорил – зайцем оберну... Вот только никак в толк взять не могу – отчего их двое?

Засуетились побратим с царевной:

– Семушка, ты лежи пока, отдохни, с мыслями соберись...

Трепетнул мыш крыльями, взвился по кругу, протиснулся сквозь решетку. Долго его не слышать было, мы уж думали, что царь стражу у колодца оставил, изловили беглеца. Наконец пискнул условно, по решетке коготками заскреб – мол, все тихо, расколдовывай, Кощеич!

Эх, одна голова – хорошо, а две полголовы – хоть выбрось, до того после нового чародейства разболелись. Потемнело у меня в глазах, всякий интерес к побегу пропал – какая разница, где помирать, лишь бы в покое оставили.

Куда там в покое! Замычало сверху жалобно, копытом переступило. Алена мою голову к себе на колени перетянула, по волосам гладит:

– Ну Сема, ну постарайся... ты же можешь... давай еще разочек!

Накатилась на меня тьма с новой силой, землей могильной грудь сдавило, едва вдохнуть сумел, и то когда Алена, перепугавшись, что есть мочи тряхнула.

Слышим, выругали крепко меня и мою матушку вместе с бабкой покойной, зазвенел Соловей отмычками, поднял решетку:

– Не сыскал я лесенки, вот вам веревка с узлами. Да потише там, стража при выходе караул несет!

Тормошат меня друзья:

– Сема, вставай, выбираться надобно, пока тревогу не подняли!

– Куда вставать-то? Я и так стою, это вы по стенке ходите...

– Лезь, искусница, – говорит Муромец, – а я Сему прихвачу.

Алене повторять не надо, белкой юркой вверх по узлам шмыгнула. Поди, на дуб с той же сноровкой карабкалась. Муромец меня через плечо перекинул и вслед полез.

Наверху Соловей нас поджидает, веревку к столбу пыточному привязал и руками для верности придерживает. Все поглядывает, как бы рогами развесистыми в решетке поднятой не запутаться.

– Я вот думаю, – говорит, – ежели Сему вдругорядь по голове садануть – он в прежний ум войдет или вконец околеет?

Повел я на него оком мутным – отвалились рога вместе с волосами, только чуб казацкий в середине остался. Видит Соловей, что с меня взятки гладки – не в себе человек, лучше не трогать, а то как бы вовсе голову не снял.

Поставил меня Муромец на ноги, к стенке прислонил. Ничего, терпимо, не падаю. Вдоль коридора застенки пустые тянутся, где решетки, где дверь глухая. Соловей для интересу одну отпер – обрадовался. Лежит там на полу куча оружия, добыча военная, а сверху мой кладенец в ножнах. Пошарили Семы тихонечко – сыскали булаву и суму воровскую с ножами. Теперь и прорываться можно.

При выходе два стражника караул несут, позевывают бдительно. Увидали нас – попятились. Впереди Муромец несет, булавой потрясает, за ним Соловей – чуб и щетина трехдневная, позади Алена едва одетая, на нее я опираюсь, вся одежда в крови засохшей. Не успели стражники разбежаться, изловил Муромец их за ворота и друг к дружке лбами приложил. Оттащил к яме, сбросил – будет кому ответ держать, ежели Вахрамей припожалует.

На дворе уж светать начинает, птицы голоса пробуют. Коротка вешняя ночь, да беглецам любой мало будет. Где бегом, где ползком – добрались до конюшни. Конюху Муромец только булаву пудовую показал – тот так без чувств и повалился. В углу солома заворошилась, Волчок вылезит, отряхивается:

– Что-то припозднились вы, я уж сам хотел бежать-выручать!

– Набегаешься еще, герой!

Оседлали друзья коней, из конюшни вывели. На меня же страшилище двухголовое мчится, шестью ногами перебирает, тремя хвостами машет. Не забоялся я, взял кладенец на изготовку, спрашиваю:

– А ты кто таков будешь, зверь невиданный, чудище неслыханное? Куда коня моего богатырского подевал?

Отвечает мне зверь невиданный, чудище неслыханное:

– Ты что, хозяин, окосел аль белены объелся?! Я ж и есть конь твой богатырский! Садись скорей да поскачем вон из царства навъего!

Сверху доносится:

– Своих уже не узнает! Не к добру!!! Кончается, поди! Кар-р-р, кар-р-р!

Поднял я голову – все небо в воронах. Бр-р-р... Помотал головой – давай на коня садиться. Сивка мордой меня подпихивает, бранится:

– Хвост-то отпусти, он не для поводьев привешен! Вот уж горе мне с тобой, во хмелю и то задом наперед не садился, со стоячего не падал!

Алена помочь вызвалась, посадила и сама за спиной уселась, поводья взяла:

– Свезешь двоих, конь говорливый?

– Свезу, как не свезти – с четырьмя рысью иду, под десятью не падаю! Можешь еще Семин осот в тулупе позади пристроить, он легонький!

Вывели мы коней за ворота, подхлестнули для задора и помчали во весь лошадиный скок, конскую прыть.

Чуют кони беду, из кожи вон лезут, оглянуться не успели – места обжитые минули, прямая дорога к горе заветной протянулась. В чистом поле ветер разгулялся, траву клонит, вслед улюлюкает. Ворон над нами кружит, погоню высматривает. Куст рукавами машет разудало, я попеременно то влево, то вправо сползаю; хорошо, Алена начеку, не дает упасть.

Обдуло меня ветерком – вроде оклемался, сам поводья подобрал. Хотел Соловью чуб исправить, да тот отказался:

– Привык я к нему, да и голове посвободней. Ты мне лучше усы в пару отпусти.

Уважил.

Скосил Соловей глаз, вздохнул:

– Покамест сойдет, а на досуге заново попытайся...

Скоро царь спохватился, десяти верст проскакать не успели. Вранко весть дурную приносит – других не умеет: летят ковры с дружинниками, побольше дюжины, настигают, как конный пешего, скоро нас приметят.

Заголосила было Алена:

– Сема, лучше заруби меня на месте, я им живой не дамся!

Заткнул я ей рот, велел всем спешиться. Подивились побратимы, да послушались, хоть на голову мою с опаской и поглядывали.

Поднапрягся я, обернул коней деревьями, друзей пнями, пса с вороном – ежом да белкою, себя – змеюкой подколодной, красну девицу – красным мухомором. Налетели ковры, опустились – что за притча? Обрываются следы у леса, стоит трава не примята, земля не натоптана. Покрутились дружинники, в затылках поскребли, мухомор ногой наподдали да и улетели несолоно хлебавши.

Алена из крапивы сама выбраться не может, стоит боса на одной ноге:

– Ты, Сема, это нарочно!

– Да уж не нарочней колокольчика оброненного!

Все-таки пожалел ее, вынес на траву. Вскочили мы на коней, поскакали дальше.

Волчок язык высунул, едва за нами поспекает:

– Вахрамей не дурак, узнает про лес в неурочном месте и завернет дружину!

– Еще один вещун выискался!

Едва пять верст одолели, опять ворон знак подает: нагоняет нас дружина вахрамеевская, ковров вполовину прибавилось...

Обернул я коней озером, себя с побратимами – карасями златоперыми, собаку камнем, ворона малым зябликом, Алену – кустом ракистовым.

Примчалась погоня к озеру – нет дальше дороги. Порыскали-порыскали, притомились, справили у куста малую нужду и обратно полетели.

Зяблик им вслед:

– Наша взяла! Не к добру! Кар-р-р, кар-р-р!

Только Алена не рада – стоит, руки растопыривши, парни со смеху покатываются.

– Ну Сема!!!

– Вон ручеек в траве журчит, мы обождем...

– Ты нарочно!!!

– Окстись, царевна, кто ж мог такое подумать?!

Не поверила-таки Алена, вздыхает:

– Ох и злопамятный же ты, Сема... Ну хочешь, прощения у тебя попрошу?

– Ну попроси, попробуй, а мы послушаем, – подсмеиваюсь я. – А там сообща решим, казнить али миловать.

Фыркнула Алена обидчиво, отвернулась, руки на груди переплела. Потом все-таки одумалась:

– Ну Сема, ну прости... пожалуйста...

– Вот то-то же!

Только на коней садиться – лягушка выше травы скачет-поспешает, квакает истошно, чтобы заметили. Наклонился Муромец с коня, подхватил царевну прыгучую, к груди прижал, расцеловал на радостях – глядь, Любуша у него на коленях сидит, улыбается застенчиво.

У нас глаза на лоб полезли, Вранко крыльями хлопнул, чуть с плеча моего не свалился:

– Глянь-кось, что любовь с лягушками делает! Не к добру!!! Кар-р-р! Кар-р-р!

Чудеса чудесами, а мешкать не след. Погнали мы коней во весь дух, еще семь верст отмахать успели – заметил что-то ворон, над головами низенько пронесся, ветром обдал:

– Настигает нас воинство летучее, числом вдвое против прежнего, впереди сам Вахрамей летит, сабелькой машет! Кажись, недоволен чем-то... Не к добру!!! Кар-р-р, кар-р-р!

Побледнела Алена:

– Ох, Сема, против батюшки моего колдовать без толку, он давно смекнул, что у Кощея и сын не лыком шит, а царство свое до последней кочки знает. Лес пожжет, озеро потравит, всякого, кто на пути встретится, на куски порубит...

Мне так и так не до колдовства – отдохнуть от него надобно, сил поднабраться. Чары наводить – что камни воротить, каков бы ни был силач, а рано или поздно умается.

Подлетела дружина на выстрел, давай стрелами сыпать! Алена ойкает, к моей спине прижимается, из тулупа с цветочком три охвостья черных торчат. Соловьеву коню ухо навывлет пробил, хоть ты серьгу вдевай. Муромец стрелу из плеча вырвал, назад отправил:

– Нам чужого не надобно, лови обратно!

Изловил кто-то, камнем наземь рухнул.

Вспомнил я про платочек матушкин, по карманам похлопал – сыскал, не дюже чистый – и когда только успел приложиться?! Приотстал я, махнул позади себе платком – разыгрался ветер полночный, холодный да вьюжистый, ковры назад сносит. Со стражников так шапки и посыпались, Вахрамей едва корону придержать успел. Идут ковры против ветра не шибче коней, стали мы в отрыв уходить. Царь вслед кричит-надрывается:

– Сема, верни дочь! Верни добром, а то худом возьму! Пошто она тебе сдалась, язва эдакая, ни рожи ни кожи? Хошь, я тебе взамен десять девок на выбор дам?

– Нам Алена не девка, а подруга боевая, вот с бою и выдадим!

– Будет вам бой! – обещает царь, кулаком потрясая. Нырнуло летучее

воинство под ветер, у самой земли пошло, опять нагоняет.

Махнул я платком – откуда ни возьмись, поднялся лес дремучий: ни пешему пройти, ни конному проехать. Ковру тем паче не пролететь. Не успели все ковры вверх уйти, так на стволах и развесились. Красивые у Алены ковры выходят, яркие да цветастые, и без подъемной силы спросить будут.

Вахрамей первым летел, первым к березе и приложился. Висит на суку, ногами дрыгает, требует спасти свое величество сей же час. Пока царя снимали, корону в траве густой искали, мы еще пять верст проскакать успели.

Уменьшилось воинство, да не отступилось. Вахрамей, видим, на всякий случай в середину затесался, расхотел дружину возглавлять. Не помогло: махнул я платком в третий раз – сгустились тучи черные, отворились хляби небесные, дождь как из ведра хлынул. Намокли ковры, отяжелели, вниз пошли. Хочешь не хочешь, пришлось погоне привал делать. Дружинники ковры выкручивают, Вахрамей вокруг бегаёт, бранится-поторапливает.

Немного уже осталось – вдали черный свод без опор показался, выход из царства навъего. Спыхватился Соловей:

– А как же стража при выезде?

– Конями сметем!

Выскакиваем к горочке, а там не пяток дружинников пеших, а десять пятков конных! С ночного разбоя возвращаются, узлы с добром везут, у переднего поперек седла – девка визжащая, руками-ногами колотит. Увидали нас – луки вскинули. Девка на всякий случай потерю чувств изобразила.

Осадили мы коней, только земля из-под копыт брызнула.

– Глянь-кось, родственнички вахрамеевские! – говорит старшой с расстановочкой. – Куда это вы ни свет ни заря поспешаете?

Ляпнул я первое, что в голову пришло:

– Не спится что-то, решили в чистом поле с ветерком покататься.

– Будет вам ветерок, вон летит уже!

Тут и Вахрамей подоспел. Увидал, что бежать нам некуда, придержал ковер, с величием неспешным на землю опустился, прочее воинство в небе клином журавлиным выстроилось.

Соступил царь с ковра, повел речь грозную:

– Ну, потешились – и будет! Далеконько вы забрались, никому прежде и полпути одолеть не удавалось. Ты глянь, и лягушка с ними! А это что за казак зеленоусый? Соловей?! Не узнал – богатым будешь, ежели не

помрешь невзначай! Алена, дрянь эдакая, прыгай с коня и ползи к батюшке на поклон, а то зацепим ненароком: я не Сема, у меня дождик оперенный, градины зазубренные, клонут – кровью вымочат. Эй, холопы дружинные, в дочь мою не смейте целить, она мне живая нужна, касательно же целой и невредимой уж как получится!

Ничего Алена не ответила, только крепче ко мне прижалась.

Начал было царь руку подымать, лучники тетиву оттянули, – да передумал, решил поглумиться напоследок:

– Давай, Сема, мы с тобой потехи ради на мечях сойдемся, моя сабелька супротив твоего кладенца. Пока биться будем, дружина твоих друзей не тронет, а ежели, не ровен час, начнешь верх одерживать, уж не обессудь – из луков тебя пристрелят, для поддержания царского престижу. Ну а коль сгинешь в неравном бою, честь тебе и слава – тут и прикопаем, а я себе нового поединщика выберу.

Алена мне на ухо шепчет прерывисто:

– Сема, не соглашайся! Все равно он нас убьет, только муку продлишь!

Друзья-побратимы молчат согласно, царевой блажи потакать не советуют.

Спешился я неторопливо, меч из ножен вытянул. Травление золоченое от острия до черена переливами на свету заиграло.

– Кладенец-то отдай, – говорит Вахрамей. – Кладенцом я биться буду. Моя сабелька тоже хороша, не гляди, что ржавая и треснутая, с ней еще мой прадед в поле ходил – капусту по осени вырубать.

– Сема, – чуть не плачет Алена, – что ты делаешь? Он же тебя на кусочки посечет, из живого сердце вынет!

Бросил я Вахрамею кладенец:

– Подавись, собака!

Дрогнул мой меч в чужой руке, зазвенел недовольно. Половину силы растерял, да против сабельки Вахрамеевой и четверти много будет.

Сошлись мы, покружили друг против друга, примерились к супротивнику. Кабы нам обоим кладенцы али сабельки – с трудом, а уложил бы я Вахрамея. Царь к мечу привычен, да тороплив, это его и сгубило бы, ан кладенец сам себе поживу ищет, на мечника только вполвину полагается, в любом доспехе щелочку найдет, под встречный удар подставится, мимо отведет. Его же лезвием к лезвию не примешь, перерубит саблю вместе с поединщиком, только плашмя отбить и можно. О победе и помышлять нечего, продержаться бы подольше, жизнь друзьям продлить.

Стакнулись мечи, взговорили по-своему. Кладенец волком матерым,

сабелька шавкой дворовой. До чего обидно против своего меча биться, помимо воли думаешь: тут бы я ловчее замахнулся, а здесь поднял повыше!

Теснит меня царь, я знай отмахиваюсь, как палкой от оглобли. Гомонит дружина вахрамеевская, ставки делает, сколько продержусь. Соловей, гляжу, тоже мелочь какую-то отсчитывает. Тут Алену кто-то с седла потянул, закричала она, упираясь да царапаясь. Отвлекся я на крик, пропустил удар гибельный. Тут бы поединку и конец, да ослушался кладенец, не пошел против хозяина, вильнул в сторону. Распорол мне правый бок до ребер, под рубахой горячо да мокро стало. Попятился я вверх по горочке, свободной рукой порез зажимаю. Расступились конники, меня, а вслед и Вахрамея пропуская. Царь в раж вошел – кладенец так и свищет. Загнал меня на самую верховину, еще и измывается:

– Куда, Сема, торопишься? Без коня на две сажени все равно не прыгнешь, а колдовать я тебе не дам!

Кабы я сам знал куда! Время тяну, а там авось что случится.

Вдругорядь меня царь зацепил, плечи подрезал. Правая рука плетью обвисла, сабля разом пудовой стала, едва удержать. Поигрывает царь кладенцом, посмеивается:

– Сдаешься, Кощеич?

Показал я ему молча палец срединный.

Замахнулся Вахрамеем в последний раз...

Тут-то и пришел черед авосью случайному: раскрылся свод над горочкой, солнышко лучик показало, да сразу и отдернуло – провалился в навье царство мужичонка неказистый, штаны в заплатах, рубаха веревочкой подпоясана, в каждой руке по гусю-лебедю задушенному. Вахрамея по земле распластал, сам сверху сидит, озирается, рот раскрывши: место незнакомое, вокруг дружина конная да пешая, ковры летучие на ветру мелкой рябью перекатываются, я над ним с саблей стою, от слабости шатаюсь – башка кружевами розовыми перевязана, весь в кровянице, будто упырь какой.

Затряслись у мужика все поджилочки.

– Занесла же меня нелегкая не ко времени!

– Что ты, мил человек, в самый раз!

Наклонился я, выдернул у Вахрамея свой кладенец. Завозился царь, руками-ногами задрывал:

– Слазь с меня сей же час, недоумок сиволапый!

Посмотрел мужик под себя с удивлением, рукой пощупал:

– Никак, придавил кого? Не серчай, добрый человек, вот те гуся за урон! Ишшо тепленький...

Вахрамей гуся не берет, ругается пуще прежнего:

– Пошел вон, смерд! Как ты смел честный бой задом своим безродным прерывать?! На дыбе уморю!!!

Откатился мужик в сторону, гусей бросил и от греха подальше в траве высокой схоронился.

Вскочил царь на четвереньки, а дальше кладенец не пускает – меж лопаток Вахрамею уперся.

– Ну что, честный поединщик, велишь меня стрелять али дозволишь друзей на горку кликнуть?

Растерялась дружина, приспустила луки, ждет слова царева, а тот только зубьями скрежещет – уж больно добычу упускать не хочется. Переметнулся авось на Вахрамееву сторону – потемнело у меня в глазах на миг единый, пошатнулся я, руку с мечом отвел, а царь, не будь дурак, ухватил меня под колени да на себя дернул.

Упал я на спину, меч в сторону отлетел. Вахрамей на четвереньках – за ним. Схватил, размахнулся – да как взвояет, ногой правой задрыгает!

Волчок отродясь никого не кусал, сам перепугался до смерти – лапы от страха в стороны разъехали, глаза зажмурил, а зубов не разжимает. Висит у Вахрамея на ноге, как тряпка на прищепке. Занес царь кладенец, хотел пса верного пополам рассечь, да тут налетел на Вахрамея ворон, когтями дерет, крыльями по глазам хлещет:

– Чтоб тебя разорвало, злодея! Кар-р-р, кар-р-р!

Изловчился Вахрамей, достал ворона череном, крыло подбил. Заскакал Вранко по траве, Волчок, опомнившись, скорей в пасть его – и деру на трех лапах: потоптал-таки царь.

Смахнул Вахрамей перо с носа исцарапанного, стоит любуется – недостает у меня сил даже на локтях приподняться, лежим мы с гусями рядом, не трепыхаемся.

Подобрал царь гуся-лебедя за шею длинную:

– Хе-хе, молодец на обед, гусь на ужин! Ну, кто еще из Семиной дружины супротив меня, могучего, выйти отважится?

Тут откуда ни возьмись три волкодлака разом в царство навье ухнули, гусекраду вслед подуськанные. Как коты в полете извернулись, на лапы упали. Увидали Вахрамея с гусем в руке – долго спрашивать не стали, с трех сторон накиннулись и давай рвать, только перья белые в стороны полетели.

– Так его, братки! – лает Волчок, вокруг волкодлаков скачет, под лапами у них путается. – Собаке собачья смерть!

А за волкодлаками и сама Баба Яга в ступе поспешает, помелом

правит, пестом погоняет:

– Держитесь, ребятушки, подмога близко!

Дрогнула дружина вахрамеевская, прочь побежала – надумала себе полчища волкодлаков да старух летучих, супротив ковров воздушному бою обученных. На горе пыль да перья столбом стоят, волкодлаки ревут, Вахрамея делят, ничего толком не разобрать. Баба Яга бранится – в ступу меня усадить пытается, а я без кладенца уходить не хочу, едва дышу, а ползу в самую свару. Хорошо, признали меня «песики», не тронули. Вытащил я меч, чуть зайкой на всю оставшуюся жизнь не сделался – рука Вахрамеева на черене болтается, перстнем хризолитовым посверкивает. Подхватила меня Баба Яга под мышки, насильно через край ступы перекинула, Волчка за шкурку втянула, ворон сам вспорхнул. Махнула помелом, ступа свечой вверх пошла. А тут и друзья мои коней вскачь погнажи, на вершине плетьюми согласно огрели. Осерчали кони богатырские, взвились над царством навьим, выскочили на белый свет.

Что там дальше было – не помню, только ветки сначала над головой мелькали да солнце в глаза било, а потом и оно потухло...

* * *

Проснулся я уже за полдень, потянулся сладко:

– Ох и долго же я спал!

Алена, что рядышком на лавке с прялкой примостилась, так и взметнулась, веретено упустила:

– Ну наконец-то! А то мы уж не знали что и думать – третий день ровно мертвый лежишь, еле дышишь.

– Третий?! – подорвался я сесть – в плече так и защемило, в боку отозвалось. Алена мне подушку подтыкает:

– Да куда ты, Сема, спешишь – отлеживайся себе. Если подать чего надобно, мне говори.

Баба Яга от печи ворчит с одобрением:

– Ты глянь, оклемался! Не зря, видать, Алена с тобой дни-ночи высиживала, зельями отпаивала. Весь в отца, того тоже никакое лихо не берет. Накось, Аленка, покорми его кашкой манной, как раз подоспела.

Не дался я кормиться, сам миску с ложкой взял:

– Скажите прежде – все целы?

– Все, поцарапаны только чуток. Волчок тут два дня издыхающим

прикидывался, лапу ушибленную за перебитую выдавал, а как собачья свадьба по соседству разгулялась, мигом выздоровел. Всю ночь где-то пробегал – срослась, поди, лапа...

– А цветочек?

– Покамест под окошком прикопали, Баба Яга его с ромашкой скрестить пытается, чтобы лепестков волшебных больше было.

– Прививали бы уж сразу к яблоне – глядишь, по осени еще и компотов чудодейных наставите.

Заходят тут в избушку мои побратимы: у Муромца рука простреленная на перевязи, Соловей чуб лихо подвил.

– Ну, слышим, Сема шутки строит – никак, на поправку пошел?

Давай мне бока мять на радостях, чуть не задавили.

Вранко в окно впорхнул, на край лавки присел, пригорюнился для виду:

– Эх, не видать мне поживы...

И эдак задумчиво кашу из миски позабытой поклевывает. Шуганула его Баба Яга ухватом:

– Я те покаркаю, дармоед! Поживы ему, вишь ты! Курей всех приедем – тебя в горшок отправим!

Ворон боком-скоком уворачивается, крыльями помогает, вон из избы не идет:

– Экая старуха вредная, не дает напоследок на хозяина наглядеться...

Умаялась Баба Яга его выпроваживать, махнула рукой:

– Дружина под стать воеводе...

* * *

Загостились мы у Бабы Яги еще на недельку, сил поднабраться. Я-то уже завтра на коня сесть сулился, да друзья упросили погодить.

Похорошела Алена на белом свете, заневестились, под солнышком конопушки золотые на нос взялись. Мне нравится, а она день-деньской простоквашей их мажет, чаёт, сойдут. Все ходит с Бабой Ягой по лесу, травы какие-то собирает, коренья выкапывает, меня норовит к делу приставить – то мышей сушеных ей в ступке изотри, то за зельем следи, чтобы не выкипело.

Соловей повадился по ночам из избы пропадать, а поутру все кони в мыле, на ногах еле держатся. Спрашивали его – отнекивается: дескать, на

свежем воздухе спится лучше, а коням он не караульщик.

Муромец же от Любуши своей не отходит, глаз с нее не сводит, никак нарадоваться не может. Не ровен час, и сам поквакивать начнет...

Пролетела неделя как день единый, пора и в путь-дорогу. Напекла Баба Яга блинков, попотчевала напоследок. Стали думать, что с Аленкой делать. Нет у нее родичей на белом свете, совсем уж было решили в терем к Муромцевой тетке бездетной определить, да тут Баба Яга вмешалась:

– Не отдам я вам Аленку, пущай со мной остается, мне как раз помощница надобна – стара я уже стала, слаба глазами. Давеча в снадобье заместо жуков майских едва тараканов сушеных не истолкла, при застое мочи дюже пользительных. Хорошо, Аленка вовремя заметила, а то уморили бы Сему вконец.

Мне блин поперек горла стал.

– Вы что, жуками меня пользовали?!

– С медом гречишным, – уточняет Алена. – Я пробовала – вкусно, только горчит чуток. Полюбилось мне ремесло знахарское, ежели бабушка меня и впрямь в ученицы возьмет, пойду с превеликой охотой.

– Иди, – говорю, – с твоим талантом грех ведьмой не заделаться.

Хотела было Алена на шутку обидеться, да передумала, улыбнулась, сверточек малый мне протягивает:

– Вот тебе, Сема, рушничок самотканый. Не ахти что, с ковром не поравняешь, а все память... Ты пока не гляди, подальше отъедешь – тогда... Да не забывайте нас, наведывайтесь!

Распрощались мы сердечно с Аленой и Бабой Ягой, выехали из леса нехоженого, развернул я рушник – а там цветочек аленькой вышит, искусно так, со всеми колючками, даже вытираться боязно.

– Ну, чудушко конопатое, уважила...

Разглядывают побратимы рушник, поддразнивают:

– А заливал: «Краше ма-а-атушки...» Перед первым же воробушком хвост тетеревом распустил!

– Полно вам выдумывать, Алена мне как сестрица меньшая, непутевая!

Соловей только посмеивается:

– Знаем мы этих сестриц – одну вон уже пристроили, едва ноги унесли!

Отвел я глаза в сторону, да как захохочу! Лежит на опушке коряга пустотелая, в портках мужских, а портки-то приметные, в полоску зеленую... Соловей хватать-похватать себя за бедра, так краской и залился:

– Со спящего стянула, окаянная!

– Знаем мы этих спящих...

* * *

Въезжаем мы в славный город Колдобень, а нас там уже заждались: ребяшня вперед коней бежит, из окон цветы сыплются, в воздухе шапки летают. Боярин местный навстречу вышел, челом ударил, речь хвалебную сказал, хлеб-соль черствый на полотенце поднес, очень извинялся: они-де нас неделю назад ждали.

Попытались мы от каравая краюху отломить – не вышло. Взял Муромец хлеб-соль, полотенцем обернул и в суму положил, чтобы добрых людей не обижать: откушаем-де на досуге. Сказывал нам боярин – как Вахрамея волкодлаки разорвали, дружина его прочь разбежалась, некому стало гору охранять. Потянулся народ из царства навъего на белый свет, поведал про жизнь подневольную, лютого царя Вахрамея и спасителей своих, трех Семенов. Уже и былин с десятков успели сложить, по всем углам скоморохи хвалу нам поют. Переврали, конечно, изрядно: то волкодлаки у нас вместо коней под седлами ходили, то мы сами волкодлаками обернулись и Вахрамея разорвали, то Баба Яга его помелом пристукнула. Только в одном и сходятся – честь и слава добрым молодцам, богатырям Лукоморским! Муромец так и светится, кольчугу мелом до блеска начистил, руку простреленную на перевязи напоказ носит. Иногда, правда, забывается – одну руку по нужде вытянет, рубаху там надеть или потянуться, а потом вместо нее другую положит.

Разошлись мы в Колдобене – Соловей к вольной дружине казацкой пристал. Те, как узнали, что тать, только обрадовались:

– Добро! Нам такой удалец и надобен, будешь ночным дозором ходить, недругов для допроса красть!

Обрадовался Соловей несказанно – нашел-таки службу по душе!

Муромца с Любушей я до терема царского проводил. Испросили они благословения родительского, да тут же свадьбу и справили, меня дружкой посадили. Упился, каюсь, вусмерть, ну да мне по чину свадебному положено.

Тут и сказочке конец... хотя кто его знает?

Содержание

Ольга Громько Ведьмины байки

Цикл «Ведьмины байки»

ПИВОВОЙ

ХОЗЯИН

УМЫСЕЛ И ДОМЫСЕЛ

РОЙ

ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА

НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

НЕЛЕТОПИСНОЕ

Цикл «Сказка – ложь, узнайте правду!»

О БЕДНОМ КОЩЕЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

I

II

III

КОМУ В НАВЬЕМ ЦАРСТВЕ ЖИТЬ ХОРОШО